ПЕТР БАЛАКШИН

ФИНАЛ В КИТАЕ

возникновение, развитие и исчезновение
Белой Эмиграции на Дальнем Востоке

Том первый

Родство П. Балакшина с дальневосточной эмиграцией возникло в начале двадцатых годов, когда после падения Приморья он с волной белых эмигрантов попал в Шанхай. Затем связь с Дальним Востоком была прервана и возобновилась только четверть века спустя, когда П. Балакшин оказался в Японии в качестве военного историка при штабе генерала Д. Мак Артура в Токио и при штабе Военно-Воздушных Сил США в Нагойя. Тогда и была задумана им работа по истории дальневосточной эмиграции, начаты сбор и изучение материалов, установлена связь с рядом лиц, игравших роль в ее жизни и судьбе. Работа продолжалась в Вашингтоне, где оказалась возможность воспользоваться ценным материалом по Дальнему Востоку в Библиотеке Конгресса, и в Нью Йорке, в обширном Русском Отделе Нью-Йоркской Городской Библиотеки.

Собранный за несколько лет материал оказался настолько большим, что его нельзя было уложить в предполагаемый вначале один том. Поэтому «Финал в Китае» разделен на два тома и соответственно с этим на два периода: первый — с момента возникновения дальневосточной эмиграции по конец Тихоокеанской войны; второй — с начала послевоенного времени по время массового исхода белой эмиграции из Китая и переселения ее на Тубабао.

Этот период покрывает свыше четверти века и касается не только старшего поколения дальневосточной эмиграции, но и тех, кто родился и вырос в ней.

ПЕТР БАЛАКШИН

ФИНАЛ В КИТАЕ

возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке

Том Первый

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО СИРИУС
Сан Франциско — Париж — Нью Иорк

F I N A L E   I N   C H I N A

formation, development and disintegration of the White Russian Emigration in the Far East

by Peter Balakshin

OTHER BOOKS BY THE SAME AUTHOR:

THE TALE OF SAN FRANCISCO
SPRING OVER FILLMORE
RETURN TO THE FIRST LOVE
THE PLANNERS

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ПОВЕСТЬ О САН ФРАНЦИСКО
ВЕСНА НАД ФИЛМОРОМ
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕРВОЙ ЛЮБВИ
ПЛАНИРОВЩИКИ

Printed in Germany. Georg Butow, Muenchen 5, Kohlstrasse 3 b

ФИНАЛ В КИТАЕ

Более мудрые и ученые, чем я, различают в истории замысел, ритм, предопределенный план. От меня эти гармонии скрыты. Я вижу только одну случайность, следующую за другой, как волна следует за волной; только один важный факт, в отношении которого, в силу его единства, не может быть никакого обобщения; только одно верное правило для историка: в развитии человеческих судеб он должен признать игру случайного и непредвиденного.

Х. А. Л. Фишер

ФИНАЛ В КИТАЕ

Оглавление Первого Тома

НАКОВАЛЬНЯ И МОЛОТ

Вместо предисловия

О белой эмиграции на Дальнем Востоке приходится говорить в прошедшем времени. Отдельные группы русских людей, обездоленных и лишенных почти всяких надежд выбраться на волю из коммунистического Китая, мало имеют общего с некогда большой и цветущей российской дальневосточной эмиграцией.

К ее особенности следует отнести то, что она явилась первым и главнейшим этапом в образовании российской эмигрантской империи в свободных странах земного шара.

В начале своего образования российская дальневосточная эмиграция исчислялась в четверть миллиона человек. В двадцатых и тридцатых годах около половины ее состава перебралась в ряд стран, преимущественно в Соединенные Штаты, Канаду, Австралию и южно-американские республики. Остальные продолжали оставаться в Китае, где, деля участь и долю китайского народа, они прошли через ряд народных волнений и потрясений, гражданских и других войн, периоды оккупации, Тихоокеанскую войну, военный разгром Японии и ничем неоправданный развал националистического Китая.

Этой части эмиграции, оставшейся верной Дальнему Востоку, и посвящены последующие страницы.

Российская эмиграция в Китае была самой большой и вместе с тем самой беззащитной и обездоленной из всех иностранных групп. Все годы своего существования она находилась между таким же беззащитным и обездоленным китайским населением и обеспеченными всеми благами жизни, заботами и защитой иностранными группами.

Подобное «подвесное» положение не представляло особого неудобства, пока Китай продолжал оставаться в сравнительной независимости. Положение изменилось с выходом Японии на материк и осуществлением ею широко задуманных агрессивных замыслов, которым был придан характер благочестивого

установления «нового порядка». С тех пор белая эмиграция — вопреки желанию масс, но не отдельных ее вождей — стала играть неведомую и невидимую ею роль в сокровенных мыслях японских военных и политических деятелей в отношении Дальнего Востока.

Позже, когда определился не менее агрессивный характер советских расчетов на Китай — и в связи с этим, на российскую дальневосточную эмиграцию — «подвесное» состояние ее оказалось положением между наковальней и молотом.

Белая эмиграция в Китае была лишена возможности нормальной ассимиляции. Человек со светлым цветом кожи всегда остается чужим в Азии. Смешанные браки были чрезвычайно редки, но не потому, что русский человек был наделен комплексом превосходства одной расы или цвета. Дальневосточная эмиграция не могла расплавиться в массе китайского народа, она могла существовать только как часть иностранных колоний, не обязательно в условиях полуколониального быта, но при наличии признания за нею определенных прав и форм жизни. Она не нуждалась ни в каких привилегиях, которыми обычно страховали себя другие иностранные группы, ни в каких поблажках и заботах. Она ждала от Китая только предоставления ей возможности жить самой по себе, без постороннего внедрения в ее жизнь и подчинения ее чуждому для нее режиму.

Китай предоставил ей широкую возможность использовать свою энергию и предприимчивость. в результате чего дальневосточная эмиграция оказалась в более благоприятных материальных условиях, чем многие другие российские эмигрантские группы. Особенно завидного успеха она добилась в Шанхае, несмотря на то, что в этом международном торговом городе ей пришлось столкнуться с давно осевшими иностранными предпринимателями и выдержать тяжелую экономическую борьбу.

Совершенно другое оказалось в политическом отношении. Здесь по целому ряду причин — извинительных и неизвинительных — дальневосточная эмиграция не нашла в себе достаточно стойкости и выдержки. В частичное оправдание ее следует заметить, что она оказалась первой из тех немногих эмигрантских групп, которым суждено было подпасть под сокрушающий удар тоталитарного режима.

Эмигрантская масса всеми способами старалась предохранить себя от превратностей политического климата, какими был насыщен Дальний Восток, но этот профилактический процесс становился труднее с каждым годом. Эмигрантская масса оказалась под все-возраставшим давлением с трех сторон. Японские власти, оказавшиеся сперва в Маньчжурии, а затем во всем Китае, требовали от дальневосточной эмиграции безоговорочного служения Японии и принятия «нового порядка», под которым подразумевалось ее владычество во всей Азии. Повышенная заинтересованность японских военных и политических деятелей в дальневосточной эмиграции и настойчивое вовлечение ее в систему «нового порядка» неразрывно связывались с уверенностью, что Япония выйдет за Амур и Уссури в исконно российские владения.

Давление со стороны советских властей было другого характера. Им мерещились вооруженные до зубов белоповстанческие дивизии и корпуса, готовые ворваться в Приморье, Заамурье, Забайкалье и Монголию. В действительности никаких дивизий и корпусов не было, но эмигрантская масса в значительной своей части продолжала оставаться враждебной и непримиримой в отношении коммунистических правителей России. Агенты советской власти упорно внедрялись в эмиграцию, стараясь деморализовать ее, разложить, перетянуть на свою сторону неуравновешенные элементы.*)

Если можно объяснить и даже по своему оправдать давление японских и советских властей на дальневосточную эмиграцию, то этого никак нельзя сделать в отношении давления на нее со стороны отдельных эмигрантских политических деятелей. Для первых дальневосточная эмиграция представляла предмет определенных замыслов и расчетов. Грань между стремлениями и надеждами эмигрантской массы и тоталитарными формами советского и японского толка пролегала до-

*) Процесс внедрения и переманивания упростился позже, когда в союзе с нацистской Германией Советский Союз вышел на советский великодержавный путь. Тогда в фокусе интереса оказались не малоустойчивые элементы, а приверженцы крайне-правого толка. В успешном привлечении их на советскую сторону был применен простой прием: в витрине одного из харбинских магазинов была выставлена парадная форма советского генерала с лампасами и золотыми погонами. Этого оказалось достаточным для вывода, что «Советская Россия вышла на старый путь и теперь стала приемлемой».

статочно ясно, чтобы допустить какое либо смешение понятий. Эмигрантские же вожди и политические деятели, оказавшиеся на верху жизни, органически были связаны с эмиграцией, будучи частью ее, выходцами из той же среды. Почти как правило, особенно в период японской оккупации, они принадлежали к фашистским, нацистским и прояпонским группировкам и обычно были связаны с полицейскими, жандармскими и разведывательными органами. Будучи людьми тоталитарного мышления, они считали своей священной обязанностью оберегать чистоту политических воззрений своих опекаемых, причем нередко бывало так, что, меняя свои политические платформы с переменой одного тоталитарного режима на другой, они требовали и от своих опекаемых подобной политической эквилибристики.

С укреплением тоталитарного режима в оккупированных японскими войсками областях Китая на поверхность жизни дальневосточной эмиграции начали всплывать особенности, в значительной степени приравнявшие ее к жизни в Советском Союзе. Политическая нетерпимость, соглядатайство, стукачество, шпиономания приняли, как и в Советском Союзе, узаконенные формы. Параллельно с развитием этих особенностей, появились внутренние тюрьмы (при японских жандармских управлениях), застенки, подвалы, в которых стали бесследно исчезать люди. Над эмигрантской массой поднялись отдельные лица, ставленники японских властей, верные слуги тоталитарного режима. Эти лица оказались наделенными такой властью, о которой им и не снилось: в их руках сосредоточились все обычные средства принуждения, как распределение жизненных благ, паспортная система, прописка в полицейских участках, выдача разрешений на въезд и выезд. Они быстро усвоили советскую практику так называемого культа личности и соперничали друг перед другом в прислуживании, раболепстве и придворной лести. Их официальная речь по адресу власть имущих запестрела знакомыми советскому человеку выражениями: «как вы научили», «как вы указали», «в вашей инструктивной речи», «под вашим мудрым руководством» и так далее.

Этот трехсторонний нажим ставил дальневосточную эмиграцию в тяжелое положение. Оно стало еще более тяжелым и трагичным, после того, что пришлось принять на себя даль-

невосточной эмиграции по окончании Тихоокеанской войны со всеми ее потрясающими последствиями.

События тех трагических лет составят предмет повествования второго тома «Финал в Китае».

Благодарность выражается следующим лицам: Н. А. Мартынову (Бложи, Бельгия) за написанные им по просьбе автора воспоминания о маньчжурских и других событиях в Китае; И. П. Казнову (Брюссель) за воспоминания о тяньцзинских событиях и атамане Семенове; Н. Ф. Богунскому (Сан Франциско) за материал о различных фазах дальневосточной эмиграции и деятельности советских агентов в Китае; Ю. А. Черемшанскому (Токио и Вашингтон) за предоставленный им в распоряжение автора обширный архив, относящийся к событиям в Китае и дальневосточной эмиграции, различный материал о политических организациях, об атамане Семенове, газетные вырезки, книги и т. д.; В. И. К. (Хьесберг, Дания) за воспоминания о шанхайских событиях, написанных им по просьбе автора; о. Д. Шевченко (Вальд'ор, Канада) за повествования о различных фазах дальневосточной эмиграции; П. А. Савичу (Тоттенвиль, Нью Иорк) за сведения о Нечаевском движении; Матсубаро Масахиро (Токио) за сведения о судьбе дальневосточных эмигрантских деятелей, захваченных советскими властями; И. Т. Карнауху (Токио и Сан Франциско) за сведения о событиях в Маньчжурии и Китае.

Благодарность выражается также лицам, пожелавшим остаться безымянными, за оказанную ими помощь в подготовке манускрипта к печати, в составлении указателя имен и т. д.

Декабрь, 1958
Мюнхен

Смутное время Китая

Скрытые причины смуты открываются при обзоре событий Смутного времени в их последовательном развитии и внутренней связи.

Проф. В. Ключевский

I

МОСКОВСКАЯ ВОТЧИНА

Россия всегда чувствовала себя в Азии как дома, особенно в прилегающих к ней странах, как Корея и Китай, с которыми она граничит на протяжении двух с лишним тысяч миль.

Если отношение дореволюционного российского правительства к Китаю и не отличалось особой деликатностью, то отсутствие в нем колониальных замыслов ставило Россию в глазах китайского народа в более выигрышное положение, чем другие мировые державы.

Отошедшие в российское владение земли Заамурья и Приморья по Айгуньскому договору 1858 года принадлежали Китаю только по условной формуле: «отсюда досюда — мои владения». Это были девственные земли с непроходимой тайгой, с редким населением тунгусов, орочон, гольдов и других полуоседлых племен.

Близости русско-китайских взаимоотношений способствовала своеобразная тождественность этих двух народов, весьма вероятно установившаяся со времени монгольского нашествия на Русь. Отсутствие чувства расового и национального превосходства, терпимость, выносливость, привычка к лишениям и к отсутствию элементарных удобств, сочетание противоположных качеств, как сердечность и жестокость, простодушие и свойство «быть себе на уме» — все это ставило русского человека значительно ближе, чем кого-либо другого, к человеку Азии.

Смена власти в России осенью 1917 года вначале не изменила духа русско-китайских взаимоотношений. Новые правители России, еще не уверенные в своих силах, в то время не могли мечтать о доминирующем положении в Азии. Жестокая гражданская война, разруха, наступивший голод прико-

вывали все их внимание к борьбе за власть. Им во что бы то ни стало нужны были друзья, если даже и не надежные, то хотя бы нейтральные соседи.

Когда в надежде на таких друзей заместитель комиссара по Иностранным Делам Карахан предложил расторгнуть договор 1896 года о Полосе Отчуждения и Китайской Восточной железной дороге, пекинский протокол 1916 года и все соглашения о Китае, заключенные Россией и Японией между 1907 и 1917 годами, он открыл новую фазу во взаимоотношениях этих стран, основанную — с советской стороны — на двойной игре. Советская Россия готова была возвратить безвозмездно Китаю КВжд, горные и лесные концессии, золотые прииски и все остальное имущество, «захваченное царским правительством, правительством Керенского и бандитами Хорватом, Семеновым, Колчаком, бывшими русскими генералами, купцами и капиталистами».[1])

Щедрое предложение революционного правительства России в сущности было холостым выстрелом. Объявляя о возврате Китаю дороги и других русских владений, новые правители России ничего не теряли. КВжд была в руках союзных интервентов, передавших ее Китаю для эксплуатации. От Читы до Владивостока и от Владивостока до Хабаровска, кроме войск интервентов, находились еще сильные белоповстанческие отряды. Москва предлагала Китаю то, что фактически не принадлежало ей.

Не получив ответа, Карахан через год повторил советское предложение, но взамен отмены прежних обязательств и возвращения территорий и концессий, потребовал от китайского правительства выдачи белоповстанческих правительств и групп, находившихся в Китае и продолжавших сражаться с РСФСР. Относительно же КВжд, вместо безвозмездной отдачи, теперь предлагалось совместное управление, причем Дальневосточная Республика — временно созданный буферный придаток РСФСР — должна была войти на равных началах с Советской Россией и Китаем.[2])

Переговоры о признании РСФСР, начавшиеся с приездом в Китай первого советского посла Юрина в 1921 году, уперлись сразу в тупик, так как Москва продолжала настаивать на при-

---

[1]) Нота Москвы Китаю от 25 июля 1919 года.
[2]) Советская нота Китаю 27 сент. 1920 года.

знании своей заинтересованности в Маньчжурии и в КВжд и теперь открыто отказывалось от первой карахановской декларации. На место отозванного Юрина прибыл Пайкес, но продержался недолго, так как всплыли секретные переговоры Москвы об отчуждении Монголии от Китая.

Переговоры возобновились с прибытием из Токио Адольфа Иоффе, но и они не привели ни к чему вследствие категорического отказа Москвы от своих первых предложений Китаю. Тогда Москва изменила тактику и перенесла место переговоров из Пекина на юг, где росла популярность нового вождя Китая, главы националистическо-народной партии Гоминдана, Сун Ят-сена.

Отношение Москвы к Китаю стало двойственным, как только положение Советской России окрепло на Дальнем Востоке. Официально она поддерживала дружественные связи и заверяла Китай в незаинтересованности в его внутренних делах и готовности самой широкой помощи. Но за кулисами велась подрывная работа, руководимая для удобства Коминтерном, конечной целью которой была советизация Китая.

Весной 1920 года в Шанхай прибыл Г. Войтинский, глава восточного отдела Коминтерна, для организации китайской коммунистической партии. За ним прибыл другой ответственный сотрудник Коминтерна, голландец Г. Маринг, он же Снеевлиет, с заданием использовать в коминтерновских целях молодую партию Гоминдана. В переговорах с Сун Ят-сеном Маринг предложил содружество Гоминдана с российской коммунистической партией, подчеркнув, что с переходом на НЭП Советская Россия приближается к гоминдановской экономической программе. О коммунистической партии Китая Маринг еще не решался упоминать, настолько она была незначительна.

В конце 1922 года посол Иоффе прибыл в Шанхай и закончил переговоры с Сун Ят-сеном. В совместном коммюнике о результатах этих переговорах было заявлено, что «вследствие отсутствия необходимых условий ни коммунистическая власть, ни советская система не могут быть введены в Китае. Главной задачей Китая является достижение национального объединения и независимости». В заключение от лица советского правительства Иоффе заявил, что Советская Россия «не преследует целей империалистической политики во Внешней Монголии и не толкает ее на разрыв с Китаем».

Коминтерновские советники

1923-1927 годы были периодом господства советского влияния в Китае. Это был «советский период» китайской революции, почти осуществившаяся попытка превращения Китая в московскую вотчину.

Вместе с Иоффе в Китай прибыла большая группа коминтерновских сотрудников. Состав советской дипломатической миссии в Пекине перевалил за 200 человек. В Северном Китае Иоффе, а затем Карахан, с помощниками Рачининым-Левиным, Шварцсолоновым и другие, руководили работой по советизации Китая. На юге Китая, в Кантоне, большая коминтерновская и советская группа, во главе с Бородиным-Грузенбергом и Галеном-Блюхером, использовала национально-народную партию Гоминдана. Главная роль по проведению в жизнь заданий Коминтерна выпала на долю Бородина. Он должен был направить китайскую революцию по пути, разработанному в Москве.

Русский социалист «неизвестной окраски и прошлого»,[3]) Михаил Бородин иммигрировал в Америку после революции 1905 года, где под именем Грузенберга и Берга занимался различными делами. В 1918 году он вернулся в Россию, где сразу прослыл экспертом по иностранным делам. После успешного выполнения различных коминтерновских заданий в Турции, Германии и Мексике, он был выдвинут на пост главного советника при Сун Ят-сене.

Еще за год с лишним до прибытия Бородина в Кантон, китайские коммунисты, в том числе и молодой студент Мао Цзедун, руководимые Войтинским и Марингом, выразили желание создать общий фронт с Гоминданом. В манифесте китайской компартии по этому поводу было заявлено, что рабочие этого демократического общего фронта должны составить независимый класс и, развивая свою организацию и военные качества, создать вместе с крестьянской беднотой советскую форму правления и диктатуру пролетариата.

Сун Ят-сен нуждался в поддержке иностранных держав, но не нашел ее ни у Англии, ни у Франции, ни тем более у Японии. Для них он был слишком левый. Отношение к Китаю Соединенных Штатов, обычно благожелательное, не отличалось

[3]) Ruth Fischer, Stalin and German Communists, London, Oxford University Press 1948, p. 574.

особой заинтересованностью в партии Гоминдана и в ее политических замыслах. Кроме того, в Пекине существовало правительство, признанное почти всеми державами мира. Оставалась, таким образом, только Россия, сама проходившая через родовые муки созидания нового строя. Еще в 1923 году Сун Ят-сен послал в Москву Чан Кай-ши, ближайшего сотрудника и помощника, для изучения на месте политической и экономической системы новой России.

Поэтому Сун Ят-сен и пошел так охотно на предложение Бородина преобразовать Гоминдан по образцу российской партии большевиков со всеми присущими ей органами. Бородин переработал конституцию Гоминдана и придал ей дух и характер конституции ВКП(б). Следующим шагом Бородина в реорганизации Гоминдана было открытие его рядов для вступления в них отдельных китайских коммунистов «для укрепления мощи революционных элементов страны».

Для коминтерновских советников и инструкторов Красной Армии прежде всего важно было выяснить, насколько тесно они могли сотрудничать с китайскими политическими и военными деятелями. Были ли они настоящими революционерами или только оппортунистами? Можно ли было верить им, полагаться на них, тратить на них деньги, снабжать их оружием? В Ван Цзин-вее они нашли человека, готового на самое широкое сотрудничество, которое он только мог оказать. Пятнадцатью годами позже такое же сотрудничество он оказал японским оккупационным войскам и служил верой и правдой Японии до своей смерти. В генерале Фын Юй-сяне, наиболее влиятельной фигуре на северо-западе Китая, они встретили типичного представителя китайского оппортунизма, особи, оставляющей любой другой оппортунизм далеко позади. В Чан Кай-ши они наткнулись на человека исключительной решительности и цельности, ставящего Китай и ктайский народ превыше всего.

Разрешению этой важной загадки препятствовал ряд причин, как незнание языка, местных условий, особенностей китайского быта. И все же коминтерновские советники питали уверенность, что им удастся переделать китайских вождей на коммунистический лад, если будут верно учтены их особенности.

Коминтерновские советники и красноармейские инструктора находились при центральном отделе, как называлось совет-

ское посольство в Пекине со всеми его политическими, разведывательными и военными службами, и при четырех группах: кантонской, калганской, тяньцзинской и кайфенской. Самая большая была кантонская группа, бюджет которой составлял 300.000 амер. долл. в год. Центральный отдел и группы калганская (северо-запад Китая и армия ген. Фые Юй-сяна) и кайфенская (провинции Хупэй и Хонан) расходовали в месяц на свои операции от 10.000 до 15.000 амер. дол. Оперативный расход самой маленькой группы (тяньцзинской) составлял около 1.500 амер. дол. в месяц. В отличие от других групп, она не выполняла функций советников и инструкторов, а ведала разведкой и разложением русского отряда генерала Нечаева при шаньдунском губернаторе Чжан Цзу-чане.

Южный сектор

Кантонская советская группа была основана генералом Галеном-Блюхером, главным военным советником при высшем командовании гоминдановских вооруженных сил. Им была учреждена военная школа на острове Вампу вблизи Кантона, создан военный совет при гоминдановской армии и генеральный штаб. На пароходах из Владивостока регулярно прибывало оружие из захваченных в Приморье арсеналов белых армий. Отобранные офицеры Красной Армии заполнили в качестве советников и инструкторов ответственные посты во всех учреждениях Гоминдана и его вооруженных силах. Особое внимание обращалось на отделы разведки и контрразведки, пропаганды, политического обучения и специальной службы, выполнявшей секретные задания Коминтерна.

В 1925 году Блюхера заменили Синани, а затем комкор Кисанко. За этот период советская группа значительно проникла в политический и военный аппараты Гоминдана. В рапорте военному атташе Егорову, в Пекине, Кисанко докладывал, что

> нам удалось захватить хорошие места в различных отделах национально-революционной (гоминдановской, прим. редактора) армии. Но пока невозможно проникнуть глубже для захвата полного контроля из-за недостатка советников и почти полного отсутствия переводчиков[4]).

---

[4]) Документы о коммунизме, национализме и советских консультантах в Китае, 1918—1927. Edited by C. Martin Wilbur and Julie Lien-yioy How, Columbia University Press, N. Y. 1956. Документ № 16.

О своей работе в Военном Совете, где он был руководящим началом при председателе его, Ван Цзин-вее, Кисанко докладывал:

> Военный Совет является умом и сердцем национально-революционной армии. Несмотря на самостоятельную власть военных губернаторов и их обычное нежелание подчиняться, Совет был в состоянии в короткое время завоевать доверие и преданность национально-революционной армии... Мы делаем все возможное, чтобы вести нашу работу в Совете в верном направлении[5]).

Относительно деятельности советской группы Кисанко сообщал, что главное внимание уделялось политической подготовке боевых единиц. Проектировалось создание политического центра при военной академии и школе в Вампу. Генеральный штаб, во главе которого стоял комдив Рогачев, должен был стать административным органом гоминдановской партии. Большая работа шла на верхах и низах, направленная на сведение на-нет власти отдельных военных губернаторов. Кисанко настаивал на увеличении советской группы и упоминал, что этот проект уже был утвержден Ворониным, предшественником Егорова, была составлена смета и расходы отнесены за счет Москвы. В конце доклада Кисанко выражал недовольство, что шифр имелся у Бородина, служащие которого небрежно обращались с военными телеграммами.

Основательные опасения

Идеалист-революционер Сун Ят-сен искал в каждом китайском гражданине, в каждой китайской партии, ставивших родину и ее народ выше личных интересов, сотрудников и соратников для развития китайской революции. Вот почему вначале он так охотно откликнулся на предложение китайской коммунистической партии сотрудничать с Гоминданом. И вместе с тем у него были сомнения, не имело ли целью это сотрудничество подчинение Гоминдана коммунистическому руководству?

Еще во время переговоров с Иоффе, в секретном интервью с американским послом Шурманом, Сун Ят-сен запросил его о реакции Соединенных Штатов, Англии, Франции, Германии и Италии по поводу иностранной интервенции в Китае сроком

---

[5]) Там же.

на пять лет, с военной оккупацией губернских центров и контролем железных дорог, водных путей сообщения, портов, почты и телеграфа. По идее Сун Ят-сена эта опека должна была подготовить китайское население к всенародному избранию правительства и предохранить Китай от судьбы, постигшей Россию, т. е. от захвата его одной динамической и воинствующей партией. С подобным предложением Сун Ят-сен обращался к Версальской конференции. Но иностранные державы оставались холодными к его предложению. Только что закончилась, не дав никаких положительных результатов, интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке и повторять неудавшийся опыт ни у кого не было желания.

В 1924 году по инструкции из Москвы китайские коммунисты начали вступать в партию Гоминдан. За два года до этого коммунисты заявили о желании создать с Гоминданом «общий фронт» с тем, чтобы «в союзе с крестьянской беднотой основать диктатуру пролетариата».[6])

Теперь в меморандуме по поводу вступления коммунистов в Гоминдан представитель китайской компартии объяснил причины этого решения:

> Мы считаем, что соединение различных революционных групп в «общий фронт» не дало достаточной силы. Поэтому мы нашли необходимым примкнуть к Гоминдану и влиться в него с тем, чтобы в координированных шагах мы могли бы принять участие в нашей национальной революции под водительством Сун Ят-сена и под общей дисциплиной нашей партии.
>
> Мы примыкаем к этой партии потому, что у нас есть что дать ей и делу китайской национальной революции, и отнюдь не потому, что у нас есть какое то намерение использовать существующее положение для пропаганды коммунизма от имени Гоминдана.
>
> Мы примыкаем к этой партии как отдельные лица, а не как масса. Можно сказать, что мы принадлежим сразу двум партиям...
>
> Прежде чем примкнуть к ней, мы изучили теорию и ее применение на практике. Сун Ят-сен позволил нам сохранить наши отношения с китайским отделом Третьего Интернационала. Следовательно, наше присоединение к Гоминдану — дело открытое и честное, а не движение с заведомой целью. Наоборот, мы считаем, что присоединяясь к этой партии и являясь ее членами, мы должны проводить в жизнь

---

[6]) Манифест китайской компартии после второго национального съезда в августе 1922 г.

ее политическую программу и придерживаться ее конституции и устава. Мы подчиняемся дисциплинарным мерам наказания партии, если мы провинимся в чем либо[7]).

Но в конце меморандума было сделано следующее пояснение:

Я надеюсь, что, допустив нас присоединиться к партии, наши старшие товарищи не будут проявлять подозрительности в отношении нас или предпринимать мер предосторожности. Если они считают неправильным наше присоединение к их партии, то это всегда можно обсудить. Поскольку это может быть полезным для партии, соображения, приведшие нас к вступлению в нее, могут принудить нас и оставить ее. Подозрения и меры предосторожности будут только помехой на пути к дальнейшему развитию партии, поэтому желательно, чтобы это было признано теперь же, а всевозможные помехи устранены в самом начале реорганизации Гоминдана.

Сун Ят-сен пошел на создание «общего фронта» с коммунистами и на допущение их в состав гоминдановской партии исключительно на основании заверений Маринга и Иоффе, что в коммунистических кругах Китая и в задании Коминтерна совершенно нет стремления советизировать Китай. На практике же получилось совершенно иное.

С отъездом Сун Ят-сена в Пекин усилилась подрывная работа коммунистов в партии Гоминдана.

За год до этого Чан Кай-ши вернулся из поездки в Москву. В письме одному из видных членов Гоминдана он поделился своими впечатлениями и опасениями относительно действительной роли коммунистических вождей в развитии китайской революции:

...Об одном я хочу заявить совершенно прямо. Это вопрос о российской коммунистической партии. Следует точно провести линию между фактами и принципами. Нельзя поступаться фактами ради принципов. Мои наблюдения подсказывают мне, что коммунистической партии Советской России верить нельзя. Раньше я утверждал, что верить ей можно только на треть. Должен добавить, что и это весьма скромное заявление, так как из-за вашей чрезвычайной доверчивости в отношении русских коммунистов я не хотел вас смущать и тревожить...

---

[7]) Chiang Kai-shek, Soviet Russia in China, Farrar, Straus and Cudahy, New York, 1957, pp. 26—27.

...Российская коммунистическая партия в Китае преследует только одну цель: превратить китайскую компартию в избранный инструмент. Она не верит, что наша партия будет сотрудничать с компартией долгое время ради создания успеха для той и другой. Российская коммунистическая партия стремится превратить земли, заселенные маньчжурами, монголами, мусульманами и тибетцами, в советскую вотчину; зловещие замыслы таит она и в отношении самого Китая.

Нельзя достичь успеха, если полагаться только на помощь других. Было бы верхом наивности для нашего народа, если бы он, потеряв к себе всякое уважение, стал бы боготворить других и ожидать, что только благодаря им восторжествует для него самого добро и справедливость. Их так называемый интернационализм и мировая революция есть ничто иное, как цезаризм, облеченный в форму, которой легко обмануть весь мир[8]).

За этот год коминтерновские советники и китайские коммунисты — члены партии Гоминдана — достигли многого. В армейских частях появились коммунистические ячейки. Два видных коммуниста были проведены в состав гоминдановского правительства. Для разложения армейской массы Бородин открыл коммунистическим агентам двери солдатских и офицерских собраний. Одновременно с этим был пущен слух, что Чан Кай-ши примкнул к коммунистической организации.

Но на открытое вмешательство в политическую жизнь Гоминдана пока еще не решались ни коминтерновские советники, ни китайские коммунисты. Подходящий случай представился позже, когда в январе 1926 года, на втором национальном съезде Гоминдана, Чан Кай-ши предложил идею северного похода для объединения Китая.

За полгода до этого умер Сун Ят-сен и Чан Кай-ши стал главой Гоминдана в дополнение к посту главнокомандующего вооруженными гоминдановскими силами.

Проект Чан Кай-ши взволновал коминтерновских советников и советских военных руководителей. В нем одинаково были элементы соблазна и риска. Можно было раз и навсегда покончить с властью военных губернаторов, используя для этого гоминдановские войска, а параллельно развитию движения за единую власть в Китае можно было развить влияние коммунистической партии в Гоминдане и, последовательно, во всей стране. С другой стороны, успех кампании мог создать Чан

---

[8]) Чан Кай-ши, стр. 22—24.

Кай-ши такую популярность и сосредоточить в его руках такую власть, что у коминтерновских советников не окажется ничего, что можно было бы противопоставить ему. В коминтерновских советников все больше закрадывалось недоверие к честолюбивому гоминдановскому вождю.

Осторожный Бородин высказался, что он считает необходимым в первую очередь укрепить влияние Гоминдана и усовершенствовать национально-революционную армию. Но сразу же после заседания он в подробной шифрованной телеграмме известил Москву о возможных выгодах подобной операции. Заинтересовалась проектом Чан Кай-ши и Москва, так как она немедленно вызвала Бородина для совещания. По дороге в Москву Бородин в Калгане встретился с генералом Фын Юй-сяном, которого Карахан уже с год подготовливал к роли проводника советских замыслов на северо-западе Китая.

Генерал Кисанко вначале одобрил проект Чан Кай-ши, но затем вседствие углубившегося разногласия с последним, перешел на крайне критический тон и всюду, где только мог, особенно на совещаниях в Военной Академии и в Генеральном Штабе, только и говорил о том, что задуманная экспедиция обречена на явный провал. Появившиеся в Кантоне листовки, в которых Чан Кай-ши был выставлен в роли военного властелина, мечтающего о захвате всего Китая, были уже определенным актом в серии подрывных действий со стороны коминтерновских и военных советников.

Трения между Чан Кай-ши и его красноармейскими советниками углублялись. Чан жаловался: «Я отношусь к ним искренно, но они платят мне обманом. Работать с ними невозможно... они подозрительны и завистливы, и явно обманывают меня».[9])

В начале февраля 1926 года он подал заявление о выходе из состава Военного Совета и снятии с себя должности командующего обороной Кантона. На отказ Ван Цзин-вея, председателя Военного Совета, принять отставку, Чан Кай-ши ответил, что в таком случае Кисанко должен быть отослан в Москву, так как он ведет себя как диктатор и во всем перечит ему... «Действительная сила, направляющая революцию по верному пути, не должна попасть в другие руки. Даже в сотрудничестве с Третьим Интернационалом мы должны точно

---

[9]) Документы, Дневник Чан Кай-ши, стр. 215.

провести демаркационную линию. Ни при каких обстоятельствах мы не должны потерять свободу в принятии собственных решений.»[10]) Об этом разговоре Кисанко узнал от самого Ван Цзин-вея.

На совещании Военного Совета Чан Кай-ши предложил план реорганизации Генерального Штаба, чтобы снять с ключевых постов красноармейских советников, которые только считались советниками, на самом же деле были полновластными начальниками своих отделов. Одновременно он уволил командира одной из дивизий своей армии, которого Кисанко и Рогачев настраивали против Гоминдана. Конфликт между главой Гоминдана и коминтерновскими советниками наростал. Нужен был только случай, чтобы он перешел в в открытую ссору.

В середине марта, при неизвестных обстоятельствах (позже выяснилось, что это было сделано по поддельному приказу), гоминдановская канонерка «Чун-шан» отплыла из Кантона по Жемчужной реке до острова Вампу. Чан Кай-ши, будучи в то время в Кантоне, ничего не знал о движении канонерки до тех пор, пока она, забункированная запасом угля, достаточным для дальнего плавания, не вернулась в Кантон. Всю ночь она была под парами, в любую минуту готовая к отплытию.

За неделю до этого из Владивостока в Кантон прибыл Кубяк, глава ДАЛЬКРАЙКОМа, с несколькими отборными людьми из владивостокского отдела ГПУ. Официально группа Кубяка прибыла для производства инспекции советской группы в Кантоне.[11])

Чан Кай-ши стало ясно, что готовился заговор похитить его и на канонерке доставить во Владивосток. В ту же ночь были арестованы видные китайские коммунисты и среди них заместитель начальника Бюро морских сил, подделавший приказ о передвижении канонерки. В Кантоне было объявлено военное положение. Дома советских офицеров и коминтерновских советников были окружены отрядами из кантонского гарнизона.

Решительность Чан Кай-ши произвело на советскую группу впечатление «грома среди ясного неба». Докладывая военному

---

[10]) Чан Кай-ши, стр. 38.
[11]) Документы, примечания.

атташе в Пекине, комкор Степанов, военный советник при Чан Кай-ши, представил свою версию... «в ночь с 19 на 20 марта Морское Бюро получило телефонный вызов об отправке канонерки в Вампу, где советская группа должна была произвести осмотр ее... Наши советники, зная, что делалось внутри, отдали приказ о возвращении канонерки, куда она и прибыла около полуночи... Следствием выступления Чан Кай-ши против советской группы является то, что наша работа в национально-революционной армии обречена на длительное бездействие.»[12])

Встревоженный инцидентом, Кисанко послал «Ао-ли-чина»[13]) и Ивановского (из группы Кубяка), для переговоров с Чан Кай-ши. Знавший о подлинной стороне дела, Ван Цзинвей прикинулся больным, но на всякий случай «заклеймил Чан Кай-ши как контрреволюционера». Чан Кай-ши продолжал настаивать на отзыве советских офицеров, в особенности Кисанко, его помощника Рогачева, и группы Кубяка.

«Положение продолжает оставаться напряженным. Наша группа приняла план действия и решила сменить главу. Мы решили делегировать Соловьева (сотрудника советского консульства в Кантоне), для переговоров с Чан Кай-ши относительно этого случая, как и о всех других делах». Степанов сознавал, что советской группе был нанесен большой удар. «Все наши школы закрыты под предлогом отбытия курсантов на фронт. В действительности же никто не отправился туда... школы пришлось закрыть исключительно потому, что китайские офицеры умышленно избегают нашей помощи и службы.»[14])

На апрельском заседании советской группы в Кантоне с представителями Коминтерна и китайской компартии Степанов свалил все на Чан Кай-ши:

> Не опираясь на массы, он ищет поддержки и, надо заметить, знает, как использовать их в достижении своих честолюбивых планов. Ради этой цели он использует нас и китайских коммунистов постольку, поскольку это помогает и нужно ему... Национально-революционное движение нужно ему только для того, чтобы стать национальным героем.

---

[12]) Документы. № 23.

[13]) «Ао-ли-чин», вероятно Алешин, политический комиссар при военной школе Вампу и глава советской разведки в Кантоне.

[14]) Документы, там же.

Он не примыкает к тем, кто в общественном мнении Китая не достаточно популярен. Вот почему он колеблется между правыми и коммунистами, и что заставляет его заговорить о красной опасности, о которой так много говорят теперь в Китае[15]).

Коминтерновским и военным советникам пришлось признаться в своих ошибках, в слишком стремительной попытке централизации контроля над гоминдановской армией, и чрезмерной настойчивости окружить своими людьми гоминдановских вождей, в ошибочном методе агитации и пропаганды в армии.

Через два месяца Бородин вернулся в Кантон. Теперь в отношении к Чан Кай-ши у него появился примиренческий тон и он даже проявил готовность уступить в ряде вопросов, касающихся взаимоотношений коммунистов и Гоминдана. Он безоговорочно принял восемь пунктов, выработанных на майской пленарной сессии Гоминдана, среди которых были следующие: китайская компартия обязывает своих членов изменить отношение к Гоминдану и к трем народным принципам Сун Ят-сена; она обязуется представлять ЦК Гоминдана списки членов своей партии; назначение на ответственные посты в Гоминдане не должно касаться лиц с двойной партийной принадлежностью; коммунисты, вступившие в Гоминдан, не имеют право создавать отдельные организации или предпринимать самостоятельные действия без разрешения Гоминдана; китайская компартия и Третий Интернационал должны представлять на утверждение Гоминдана все инструкции и директивы, предназначенные для коммунистов, со-членов Гоминдана.

Северная экспедиция

Провал советских планов в связи с инцидентом 20 марта устранил последние препятствия с пути генералиссимуса Чан Кай-ши. Первого июля 1926 года Военный Совет националистического правительства издал приказ о мобилизации и начале северного похода «для создания независимой нации, основанной на Трех Народных Принципах, и для защиты интересов страны и народа».

Поход с самого начала был отмечен успехом. Крестьяне и

---

15) Mitarevsky, N., World-wide Soviet Plot, Tientsin Press, Tientsin, 1928, p. 23.

рабочие провинций Среднего Китая, разоренные военными губернаторами и междуусобными войнами, встречали гоминдановские войска как освободителей. Меньше чем в три месяца был захвачен ряд городов вплоть до Ханькоу. Китайским коммунистам в рядах Гоминдана волей-неволей пришлось способствовать успеху Чан Кай-ши. Но это было только вначале, пока не определились полностью масштаб и характер северной экспедиции.

Успеху националистических войск было посвящено немало часов на седьмом пленуме ЦК Коминтерна в Москве. События в Китае были приняты, как развитие третьего этапа мировой революции, во время которого «национально-освободительное движение должно вылиться в полную революционную фазу», т. е. в крестьянскую революцию, в восстание крестьянских масс против националистического правительства и в установление советского строя.

За два года численность китайской коммунистической партии выросла с одной тысячи до 60.000 человек, большая часть которых состояла из рабочих; остальные были студенты, крестьяне, мелкие ремесленники. Под руководством коминтерновских советников шла организация вооруженных отрядов из крестьянской бедноты и городской черни. Рабочие профсоюзы и крестьянские общества подпадали под коммунистический контроль. Одновременно шло систематическое разложение рядов Гоминдана. В помощь Бородину, которого Москва считала недостаточно агрессивным, был послан опытный коминтерновский сотрудник, индус М. Н. Рой.

В середине ноября гоминдановские войска взяли Нанчанг, столицу провинции Киангси, где было решено оставить на время правительственные органы, пока шло успокоение южных провинций. Месяц спустя Бородин, к этому времени успешно подготовивший почву для раскола гоминдановской партии, созвал в Ухань членов ЦК Гоминдана и представителей националистического правительства. На первом же заседании он провел решение создать «соединенную конференцию», которая должна была выразить «верховную власть партии». Это было проведено по инструкции Москвы с целью раскола Гоминдана.

После третьей пленарной сессии ЦК Гоминдана коммунисты со-члены партии осмелели еще больше. В нарушение постановления второй пленарной сессии, уханьская «центральная

власть» во главе с Бородиным и Роем назначала коммунистов на ответственные гоминдановские посты. Были также нарушены другие постановления, как, например, о предоставлении списков коммунистов — со-членов Гоминдана. В результате коминтерновских махинаций, гоминдановские органы, руководившие профсоюзным и крестьянским движением, оказались в руках коммунистов. У коммунистов появилось оружие. Начался красный террор. В городах коммунисты подняли чернь на бунты.

Главный удар коммунистических сил был направлен на политические отделы гоминдановской партии. Коммунисты, пробравшиеся на ответственные места в Гоминдане, вели открытый саботаж. Умышленно задерживались поезда с продовольствием, с боеприпасами; воинские части настраивались одна против другой, шло систематическое разложение дисциплинированной гоминдановской армии.

В феврале 1927 года отколовшееся от Гоминдана левое крыло создало сепаратное революционное правительство в Ухани. Позади этого была идея Сталина создать «демократическую диктатуру пролетариата, крестьян и эксплуатируемых классов», идея, вылившаяся после окончании Второй Мировой Войны в политический строй так называемых «народных демократий».

Успех северной экспедиции и популярность националистического правительства, не позволяли Коминтерну решиться на открытый разрыв. Уханьское правительство было слишком «коминтерновским»; поэтому, чтобы найти поддержку в китайском народе, было решено поставить во главе его какого-либо известного китайского вождя. Подходящим оказался Ван Цзин-вей, у которого с коминтерновскими и красноармейскими советниками еще в Кантоне установились прочные связи. Ван Цзин-вея, проводившего время в латинских кварталах Парижа, выписали и по дороге задержали на некоторое время в Москве. Прибыв в Шанхай, Ван Цзин-вей, уже совершенно уверенно заговорил о необходимости создания «демократической диктатуры унетенных классов для подавления контрреволюции».

В конце марта 1927 года националистические войска взяли Нанкин. Дисциплинированные гоминдановские войска до этого не допускали никаких эксцессов. При захвате же Нанкина некоторые разложенные коммунистическими агентами части,

в внезапной оргии бесчинств, напали на дома иностранных резидентов и богатых китайских жителей, совершая насилия и убийства. Это было сделано с целью выставить перед общественным мировым мнением в невыгодном свете гоминдановские войска. К этому времени в южных и некоторых центральных провинциях Китая уже появились советы, составленные из рабочих и крестьянской бедноты. Забирались земли богатых и средних крестьян, шла расправа революционного, коммунистического суда. Разложение гоминдановской армии должно было способствовать укреплению так называемой крестьянской революции.

Следующее провокационное выступление коминтерновские агенты готовили устроить в Шанхае. Воспользовавшись тем, что шанхайские рабочие объявили забастовку в знак поддержки гоминдановского движения, коммунистические агенты подбили их восстать против местных китайских властей. Они вооружили рабочих спешно выписанным из Кантона оружием и подняли их против иностранцев и местных властей, чтобы создать конфликт между иностранными державами и торгово-промышленными китайскими кругами с одной стороны, и националистическим правительством и партией Гоминдана с другой. Кроме того, шанхайские рабочие должны были создать рабочее правительство по образцу Уханя под властью коммунистических вождей.

Бородин прибыл в Шанхай, чтобы лично руководить развившимися событиями. Когда с гоминдановскими войсками в Шанхай прибыл Чан Кай-ши, он потребовал от рабочих сдачи оружия, чтобы предотвратить повторение нанкинских бесчинств. Но коминтерновские зачинщики восстания заставили рабочих скрыть оружие и ни в коем случае не выдавать его. Чан Кай-ши ответил тем, что при поддержке рабочих профсоюзов и торговой палаты, отдал приказ об аресте коммунистических главарей и коминтерновских агентов. Часть зачинщиков была расстреляна после военно-полевого суда. Бородин и его коминтерновские сотрудники поспешили скрыться и долгое время отсиживались на чердаке в доме русского коммерсанта В. Е. Уланова на Французской концессии.

Бесчинства в Нанкине, подготовка к восстанию рабочих в Шанхае, сведения из ряда провинций о готовящихся волнениях вскрыли размеры провокационно-подрывной деятельности коминтерновских агентов и их сообщников, китайских комму-

нистов. Были приняты меры для пресечения этой работы. За коммунистическими деятелями и их коминтерновскими вожаками было установлено строгое наблюдение. Был создан особый комитет по проведению чистки и освобождению Гоминдана от коммунистических элементов.

Сталин уже открыто ликовал по поводу успеха развития в Китае «третьей фазы мирового революционного движения» и в признательность прислал Чан Кай-ши свой портрет. На заседаниях Коминтерна он с Бухариным поздравляли друг друга с удачным развитием проводимой ими китайской политики. Сталин готовил ряд статей, а Бухарин спешно дописывал последние главы своей книги об успешном применении своей теории в развитии мировой революции.[16])

Тем временем население в Китае, недовольное уханьским правительством, и страдавшее от коммунистического террора, конфискации земель, невыносимых поборов, начало повсеместные восстания против коммунистов и их так называемой «аграрной революции».

В самом составе уханьского правительства произошел раскол между левыми элементами и коммунистами. Разногласие произошло и между коминтерновскими советниками: Бородин настаивал на движении на север и восток для расширения сферы влияния уханьского правительства. Рой настаивал на движении на юг и проведении крестьянской революции в южных провинциях. Расхождение сказалось даже в самом методе проведения крестьянских восстаний. Первый считал необходимым продолжение сотрудничества коммунистов с Гоминданом и ограничение эксцессов крестьянского движения. Второй считал необходимым обязательное поднятие крестьян на вооруженное восстание.

В июне Бородин получил от Сталина инструкцию провести конфискацию земли, удалить из армии ненадежных офицеров, вооружить 20.000 коммунистов, а из китайских рабочих и крестьян создать армию в 50.000 человек, и учредить суд при участии известных гоминдановцев над реакционными элементами.[17])

Бородин хотел скрыть сталинскую телеграмму от Ван Цзинвея, но Рой показал ее ему. Только тогда уханьское прави-

---

[16]) Руфь Фишер, стр. 575, 576.
[17]) Чан Кай-ши, стр. 50, 51.

тельство представило себе ясно размер коминтерновской деятельности по советизации Китая. Поднялись голоса, требовавшие немедленной отправки Бородина и Роя в Москву. Китайские коммунисты, в попытке спасти положение, спешно вынесли решение о сохранении содружества с Гоминданом. Для умиротворения было решено отослать Роя. Но этой жертвы оказалось мало, так как через несколько дней уханьское правительство решило расстаться по настоящему с коммунистами. Бородину ничего не осталось, как покончить с карьерой китайского советника. Он выехал в Москву через Калган, где снова виделся с Фын Юй-сяном.

Северо-западный сектор

В то время, как Бородин, Синани, Кисанко и другие оперировали при главном центре Гоминдана, а генерал Галин-Блюхер, после отзыва из Кантона в 1925 году, возглавлял советскую военную миссию в Ханькоу, группа советских офицеров под непосредственным руководством советского посольства в Пекине, развивала свою деятельность при штабе генерала Фын Юй-сяна на северо-западе Китая.

Вначале во главе этой группы стоял советский генерал, скрывшийся под китайским именем Джен Чана или Иен Чана, один из близких сотрудников председателя Реввоенсовета СССР Фрунзе, рапортовавший непосредственно ему. Первая советская группа в составе 29 военных советников-инструкторов, двух политических работников, одного врача и четырех переводчиков, прибыла в Пекин в апреле 1925 года.

Москва возлагала большие надежды на Фын Юй-сяна, как на единственного китайского военачальника, которого, по ее мнению можно было противопоставить Чан Кай-ши. Ему была оказана большая материальная помощь. Только на вооружение его армии за один год было израсходовано свыше шести миллионов рублей. [18]) Но, несмотря на все старания и расходы, советская группа не смогла достичь заметного успеха в работе с Фын Юй-сяном. Это можно объяснить двояко: или заслугами самого Фына, человека искусного в политике и интригах, или тем обстоятельством, что среди калганской группы не было человека, равного по талантам Бородину.

Вначале Джен Чан сделал попытку сблизиться с командо-

---

[18]) Документы, стр. 463.

вавшим второй народной армией, но тот вскоре умер. Тогда в Калгане начались переговоры с Фыном.

В рапорте Фрунзе Джен Чан докладывал:

> ...Товарищ Бородин, военный атташе Геккер, Тасин, Никитин и я посетили генерала Фын Юй-сяна. Переговоры вели Бородин и Геккер. Фын выразил согласие воспользоваться нашим предложением предоставить ему военных советников-инструкторов и оружие.
>
> ...Когда я обратился к тов. Геккеру за инструкциями перед отъездом к Фыну, я получил в ответ: «пока никаких». После встречи Карахана, Бородина и Геккера инструкции были даны только на словах. По мнению Карахана, армия Фына в основном должна быть поддержкой национально-революционного движения в Китае... и (в ответ на мой вопрос) вооружение ее должно быть полным и идти без перебоев, а Бородин добавил, что одновременно в армии должны быть посеяны семена разложения, чтобы держать ее в руках и не допустить никаких уклонений в будущем.
>
> ...Для меня особенно важно знать, является ли армия Фына главной силой в национально-революционном движении, готовая лить воду на нашу мельницу, или Фын наш союзник пока он враг Чжан Цзо-лина, орудия японского милитаризма и опора реакции, в каковом случае его армию нужно развить в мощную силу ради нашей цели, а когда эта цель будет достигнута, то «машину нужно будет сломать»[19]).

После ознакомления с положением на северо-западе Китая, его политическими настроениями и военным потенциалом, Джен Чан уже не искал инструкций, а сам представлял свои соображения в докладе «Николаеву» (Карахану):

> ...Фына можно рассматривать двояко: как признанного союзника-идеалиста и борца за национально-освободительное движение, или как обычного милитариста, временно заставленного силой событий и географическим положением работать в пользу СССР, как страны заинтересованной в ослаблении империалистов, в особенности Японии.
>
> В первом случае мы должны помочь развитию вооруженных сил Фына, действующего в интересах китайского и международного движения и ставящего Китай на положение союзника Советского Союза.
>
> Во втором случае мы должны развить армию только до такой степени, что он смог бы выполнить возложенную на

---

[19]) Митаревский, стр. 115—116.

него нами задачу и в то же время был бы лишен возможности вредить нашим интересам...

Я склонен считать, что второе положение наиболее верно в отношении к Фыну. Мы можем сотрудничать с ним только как с милитаристом, полезным в данное время для нас.

Это сотрудничество может быть достигнуто следующим образом:

а. перевооружением его армии нашим оружием, чтобы поставить его в зависимость от нас;

б. созданием большого депо в Урге и проведением шоссейной дороги между Верхнеудинском и Калганом;

в. сокращением плана подготовки армии Фына с тем, чтобы только подготовить кадры младших командиров и солдат для выполнения наших приказов, совершенно обойдя старший командный состав и оставив его на таком уровне неподготовленности, что он без нашей помощи не будет в состоянии управлять армией[20]).

Карахан был задет соображениями красноармейского советника относительно вещей, которые должны были быть в его ведении. В ответ он писал Джен Чану:

Несомненно в отношении к китайским вождям на лицо элемент неуверенности, заставляющий нас быть более осторожными с Фыном, чем с вождями Гоминдана. Что же касается вопроса относительно его зависимости от нашей поддержки, то вы должны согласиться с тем, что даже в настоящее время он уже полностью зависит от нас, поскольку у него нет, и не может быть, другого источника снабжения[21]).

Советник Джен Чан не долго продержался на своем посту. Он поссорился с бригадным командиром армии Фына из за распределения лошадей. Некоторую роль в этом деле мог сыграть А. Ф. Гущин, войсковой старшина Донского войска и бывший сподвижник атамана Краснова в белоповстанческих операциях на Дону. Гущин командовал конным отрядом при генерале Фыне и мог настроить своего начальника против комкора Чжен Чана. Генерал Фын лично вмешался в это дело и на том основании, что красноармейский советник при его армии не имел права вмешиваться в административные дела, поставив вопрос об его отзыве.[22])

После отзыва Чжен Чана на его место осенью 1925 года приехал другой красноармейский советник, комкор Примаков, скрывшийся под именем Генри А. Лин, он же Ялишанталин.

---

[20]) Митаревский, стр. 21—22.

[21]) Там же, стр. 20.

[22]) Документы, стр. 516.

Работа Примакова с армиями генерала Фына продвигалась медленно. Командующий одной из армией Фына, генерал Иовейчун, открыто заявил, что у него нет ничего общего с коммунистами, и что они его злейшие враги. Командующий Третьей армией был также против коммунистов и с большим трудом согласился на принятие только двух советских инструкторов. [23])

Для дальнейшей обработки Фын Юй-сяна, его повезли в Москву. В Урге тогда собрались Бородин, Гален-Блюхер, начальник штаба Монгольской армией Кангуелари, сотрудник ГПУ в Монголии Никифоров и другие.

Возвратившись через полгода в Китай, Фын нашел положение Чан Кай-ши настолько упрочившимся, что без особого настояния со стороны советских наставников примкнул к нему для полной поддержки северного похода. О перемене в настроении Фына отмечали осторожно его красноармейские советники. «После поездки в Москву Фын достиг большого прогресса в своих убеждениях; теперь он значительно склоняется влево... И все же, дефекты, вытекающие из его алчности, должны быть вытравлены».[24])

На заседании Военного Отдела советского посольства в Пекине в марте 1927 года было решено продвинуть, если не самого генерала, то его армию еще больше влево. Был разработан план реорганизации работы коммунистической партии в Народно-революционной Армии на основе подобной работы в Красной Армии: в младших отделениях должны быть созданы тайные ячейки; в корпусах, дивизиях, бригадах и полках, в которых находилось с десяток или больше коммунистов, должны быть созданы комъячейки, из которых должен был выйти новый командный состав.[25])

К этому времени советское влияние было распространено почти на весь Китай. В Маньчжурии еще оставался маршал Чжан Цзо-лин, тщательно опекаемый японским Генеральным Штабом, и все же, несмотря на эту опеку, стремившийся сыграть в объединении Китая не последнюю роль.

Враждебная настроенность маршала Чжан Цзо-лина к коминтерновским деятелям обрекла на провал начатые было пе-

---

[23]) Митаревский, стр. 156.
[24]) Там же, стр. 124.
[25]) Там же, стр. 125.

реговоры. Тогда было решено действовать другими способами, и только выискивался удобный случай, чтобы устранить с пути маньчжурского наместника.

Случай представился, когда между Чжан Цзо-лином и Го Сун-лином, другим, неменее честолюбивым генералом, вспыхнула вражда. Советское посольство обещало Го большую материальную помощь и поспешило насадить в его армию военных инструкторов и советников. Столкновение Го и Чжана означало возникновение открытой борьбы между Советским Союзом и Японией за обладание Маньчжурией.

Развитие советских интриг вначале разыгрывалось как по нотам. Захват Тяньцзина войсками Фын Юй-сяна, измена Го, еще недавнего сторонника маршала Чжан Цзо-лина, первоначальный успех — все это отлично совпадало с планами Коминтерна в отношении Северного Китая и Маньчжурии. Но положение изменилось в декабре 1926 года, после того, как Япония в целях поддержки старого маршала высадила в Тяньцзине экспедиционные войска.

Карахан спешно запросил о военной помощи генералу Го Сун-лину, но боясь осложнений на Дальнем Востоке и открытого конфликта с Японией, Москва ответила отказом. Го потерпел поражение, и войска Чжан Цзо-лина вступили в Тяньцзин.

Москва не оставила дела так: японским властям через Карахана было сообщено — с предъявлением сомнительных доказательств, что Чжан Цзо-лин ведет двойную игру и в поисках нового патрона ведет переговоры с представителями Америки. Японские власти выслушали, но продолжали поддерживать маньчжурского наместника еще два года. Со своей стороны, отвечая предательством на предательство, они передали старому маршалу предупреждение Карахана. Чжан Цзо-лин потребовал немедленного отозвания советского посла из Пекина.

У маньчжурского наместника имелось достаточно основания быть враждебным в отношении коминтерновских и советских деятелей, хозяйничавших в Китае и в его Маньчжурии. Еще в конце 1925 года, сотрудники Военного Отдела пекинского посольства, Сейфулин (он же Альберт Яковлевич Лапин) и Хенри А. Лин (он же комкор Примаков) вступили в переговоры с главарями хунхузских шаек о поднятии восстания в трех восточных провинциях. Хунхузам было обещано большое ко-

личество оружия, материальная помощь и убежище в случае неудачи.[26])

В мае 1926 года Донецкий, вице-консул в Мукдене (он же Сухоруков) договорился с хунхузскими главарями Сун Чанфа и Ван Те, у которых были шайки по полторы тысячи человек. За выступление против Чжан Цзо-лина Донецкий обещал им от имени Фын Юй-сяна должности командиров полков, а их главному начальнику, Ли Иань-шену, жившему в качестве богатого рантье в Гирине, должность командира бригады, с зачислением их вместе с отрядами в ряды регулярной Народно-революционной Армии.

Начало разрыва

За десять лет после октябрьской революции Советский Союз настолько окреп на Дальнем Востоке, что коминтерновские агенты совершенно свободно распоряжались в Китае в нарушение советско-китайского договора 1924 года. За последние годы центр коммунистической деятельности переместился из Кантона в Пекин. В ночь на 6 апреля 1927 года полиция маршала Чжан Цзо-лина, при содействии полицейской охраны посольских кварталов и с ведома послов США, Британии, Японии, Франции, Голландии, Испании и Португалии, устроила налет на советское посольство. Незадолго до этого помощник советского военного атташе попался при попытке проникнуть в британское посольство.

Китайская полиция знала, что в советском посольстве скрывались некоторые китайские коммунисты, замешанные в восстаниях против национального правительства и маршала Чжан Цзо-лина. Захваченные врасплох посольские служащие и коминтерновские агенты не успели сжечь секретные документы. Было захвачено 463 отдельных папок с делами, общим числом в три с лишним тысячи документов, раскрывших размер коммунистической работы в Москве.

Советское правительство немедленно выступило с самым громким протестом, назвав налет «неслыханным нарушением элементарных правил международного закона», а захваченные документы — ловкой подделкой чжанцзолиновской полиции. В ответ старый маршал опубликовал фотографии захваченных документов, показывавших в какой мере советское по-

---

[26]) Митаревский, стр. 103.

сольство и коминтерновские агенты были замешаны в работе по советизации Китая, роль в ней Фын Юй-сяна, и насколько свободно они пользовались средствами КВжд на ведение пропагандно-подрывной деятельности.

Окончательный разрыв

Успешному завершению коминтерновского замысла помешал ряд причин: преждевременно умер Сун Ят-сен, идеалист, не видевший всей беспринципности советской игры; ненадежность китайских политических деятелей, на которых коминтерновские советники делали ставки; решительность Чан Кай-ши в устранении с пути всех, кто мешал делу объединения Китая на основе трех принципов Сун Ят-сена; появление Японии, грозного соперника за обладание Маньчжурией, интересам которой на материке Азии вредило бы доминирующее положение Советского Союза.

Разрыв уханьского правительства с коммунизмом, последовавший три месяца после налета на советское посольство, произвел ошеломляющее впечатление на коминтерновских деятелей в Москве. Еще не так давно Сталин и Бухарин ликовали от успеха в Китае. Теперь, в силу разыгравшихся событий, пришлось вкорне изменить сталинские статьи, а книгу Бухарина вообще изъять из обращения. Резолюция, принятая июльским пленумом ЦКа, по вопросу о Китае, не обошлась без ссылок на козлов отпущения.

> Хотя китайская революция и понесла большое поражение, несмотря на правильную тактику Коминтерна, это, может быть объяснено прежде всего соотношением классовых сил внутри страны... С другой стороны, следует признать, что руководство китайской коммунистической партии, систематически отклонявшее директивы Коммунистического Интернационала, несет свою долю ответственности...
>
> Настоящий период китайской революции ознаменован жестоким поражением и, одновременно, крайней перегруппировкой сил, в которых блок рабочих, крестьян и городской бедноты организуется против правящих классов и империализма. В этом смысле революция переходит в высшую фазу своего развития, к фазе прямой борьбы за диктатуру рабочих и крестьян[27]).

Для спасения катастрофического положения Коминтерн

[27]) Руфь Фишер, стр. 578.

отправил в Китай своих агентов, Хайнца Ньюмана (он же А. Ньюберг), Герхарда Айслера, Джона Пеппера (он же Иосиф Поганый) и Бессо Ломинадзе. Ньюман и Ломинадзе провели ряд коммунистических восстаний в провинции Киангси, самое большое и кровавое из которых произошло в Нанчанге 31 июля 1927 года. Нанчангское восстание было поднято двумя коммунистическими вооруженными отрядами в полночь. Жители Нанчанга подверглись нападению со стороны вооруженных коммунистов, был разгромлен Центральный банк, разгромлены дома зажиточных людей. После восстания в Нанчанге коммунисты под руководством коминтерновских сотрудников провели восстания в целом ряде мест. Но они были обречены на провал, так как население не только не поддержало коммунистических зачинщиков, но и выступило против них.

Несмотря на провал в Нанчанге коминтерновские деятели по требованию Сталина приказали китайским коммунистам провести восстания в Кантоне и других городах. В помощь им были отправлены Ньюман, Айслер и Пеппер. Восстание 11-го декабря 1927 года разыгралось в Кантоне, где четыре года до этого так успешно начал свою коминтерновскую работу Бородин. В помощь Айслеру, Ньюману и Пепперу были приданы служащие из советского кантонского консульства и слушатели уханьской военно-политической академии и института по подготовке крестьянского движения. Восставшие организовали совет рабочих, крестьян и солдат. За три дня существования коммуны Ньюман, Айслер и Пеппер залили Кантон потоками крови. Но и эта отчаянная попытка вернуть коминтерновским владыкам потерянные позиции закончилась провалом. Дисциплинированные части гоминдановских войск с помощью членов кантонского союза машинистов подавили восстание.

Во время кантонского восстания среди коммунистических зачинщиков, арестованных властями, оказались советский вице-консул и его помощник. В захваченном советском консульстве и торговом представительстве были обнаружены секретные документы, раскрывшие советский шпионаж и подрывную работу. 14 декабря националистическое правительство закрыло советское посольство, все консульства, торгпредства и другие советские агентства, выслало из Китая советских служащих, коминтерновских советников и красноармейских инструкторов.

В интервью с представителями иностранной печати Чан Кай-ши заявил:

> В разрыве дипломатических сношений с Советской Россией мы только порываем с советским правительством... Никакой перемены в отношении китайского народа к русскому народу не произошло.
>
> Стоит только посмотреть на советские консульства в различных городах Китая. Фактически они являются отделами Третьего Интернационала и одновременно рассадниками китайских коммунистических интриг. Ради собственной безопасности, как и ради китайской революции и мира на Дальнем Востоке, Гоминдан предпринял это решительное действие[28]).

На другой день националистическое правительство прервало дипломатические отношения с Советским Союзом.

К концу 1927 года советское влияние в Китае сошло на-нет. Чан Кай-ши очистил Гоминдан от коминтерновских советников и коммунистических элементов. Уханьское правительство, последняя попытка Бородина руководить судьбой Китая, закончило свое существование. Коминтерновские и красноармейские советники принуждены были в спешном порядке покинуть Китай. По дороге в Москву Гален-Блюхер заехал в Шанхай повидаться с Чан Кай-ши. У Чан Кай-ши отношения с Блюхером были такие, каких он не имел ни с кем из коминтерновских и красноармейских советников. Он считал его выдающимся военным, человеком положительных по своим качествам, совсем не похожим на других советских представителей.

После истории с Кисанко, Чан Кай-ши запросил советское правительство о возвращении Блюхера на пост главы военной миссии в Кантоне. Во время раскола Нанкина с Уханем Блюхер был послан из Нанчанга в Ханькоу, где оставался до тех пор, пока уханьское правительство не решило расстаться с коммунистами. За время работы в Китае он не раз высказывал крайнее недовольство Бородиным, которого считал оппортунистом. При расставании с Чан Кай-ши в Шанхае Блюхер чувствовал себя подавленным. Чан Кай-ши сказал ему: «У нас еще будет возможность работать вместе, не стоит

---

[28]) Чан Кай-ши, стр. 55.

огорчаться». Блюхер ответил: «Надеюсь, что видимся не в последний раз».

Позже, когда дипломатические отношения между Китаем и Советским Союзом были восстановлены, Чан Кай-ши несколько раз обращался с просьбой к советскому правительству о предоставлении ему Блюхера в качестве военного советника. Но ответа не последовало. В 1939 году Сун Фу, председатель законодательного Юаня, прибыл в Москву, где по просьбе Чан Кай-ши обратился лично к Сталину относительно Блюхера. Только тогда Сталин ответил, что Блюхер был казнен за то, «что поддался обольщению японской шпионки»[29]).

В это время Москве было не до Китая. За полгода до этого Великобритания прервала дипломатические отношения с Советским Союзом после налета на советское торговое учреждение Аркос, оказавшимся гнездом советского шпионажа. Советский посол Воейков был убит в Варшаве за участие в убийстве царской семьи. В Париже член секретариата коммунистической партии был арестован за шпионаж в пользу Советского Союза. Жак Дорио и девять других французских коммунистов были арестованы за попытку поднять мятеж во французских колониях. Париж в ноте Москве сделал предостережение о недопустимости подрывной работы со стороны коммунистических агентов. Европа была охвачена антикоммунистическими настроениями.

В Москве Сталин, в борьбе с беспокойным для него ленинским наследием, подбирал опорачивающий оппозицию материал и готовил посадить на скамью подсудимых цвет российской коммунистической партии и высшего командования Красной Армии. На Дальнем Востоке поднимался грозный сосед в лице Японии, замышлявший, как и Советский Союз, на Маньчжурию и Китай, а на западе, из вертеровского идеализма Веймарской республики, прорастали семена нацизма.

Не признавая провала своей иностранной политики, Сталин нашел на кого свалить вину.

> Вожди китайской коммунистической партии с самого на чала, совершили ряд серьезнейших промахов, затормозивших боевую подготовку революционных организаций и показавших в последовавшем развитии ряд оппортунистических ошибок, которые в конце концов и привели к полити-

[29]) Чан Кай-ши, стр. 51—52.

ческому банкротству верхи китайской коммунистической партии... В этот решительный период китайской революции ЦИК китайской компартии не провел ни одной последовательной политической линии... Он допустил ряд шибок, последствия которых граничили с изменой[30]).

Виновников провала китайской авантюры Сталин видел не только в китайских коммунистах, действиями которых руководили его же собственные люди, посланные им из состава Коминтерна; он видел этих виновников в среде оппозиции и, главным образом, в Троцком и Зиновьеве. Кантонский провал Сталин также объяснял по своему:

Кантонское восстание, являющееся героической попыткой пролетариата организовать советскую власть в Китае и сыгравшее огромную роль для развития рабоче-крестьянской революции, все же скрыло целый ряд ошибок руководства...[31]).

До этого на июльском пленуме ЦИК (1927 год) Сталин провел резолюцию относительно оппозиции:

В последнее время в связи с особыми затруднениями в международном положении в СССР и с частичным поражением китайской революции, оппозиция сконцентрировала свои атаки на партию по линии нашей международной политики (в Китае и в Великобритании)...[32]).

Положение на партийных верхах было напряженным. В Ленинграде и Москве шли аресты и расстрелы людей, обвиненных в шпионаже в пользу иностранных держав. Оппозиции, хотя и ослабленная, продолжала нападать на Сталина, особенно после провала китайской кампании.

Политические страсти дошли до предела, когда китайская революция, руководимая Коминтерном и советскими агентами, начала шагать от победы к победе... Сталин... оставался глухим к предостережениям со всех сторон, что Чан Кай-ши подготавливал произвести военный переворот... Катастрофический эффект этих тактических действий не замедлил сказаться со всей драматичностью... Престиж Сталина резко пал. Оппозиция удвоила свое усердие[33]).

---

[30]) Шестой мировой конгресс Коминтерна в Москве, 1927 г.

[31]) Коммунистический Интернационал в документах, 1919—1932, Москва, стр. 767.

[32]) Руфь Фишер, стр. 583.

[33]) Barmin Alexander, One Who Survived, pp. 161—166.

Несколько позже оппозиция — вернее все то, что осталось от нее, дала объяснение событиям в Китае:

> В конце 1927 года сталинская фракция, напуганная последствиями своих ошибок, попыталась одним ударом исправить провалы нескольких лет. Таким образом была организована кантонская революция. Вожди продолжали работать на той предпосылке, что революция все еще была в развитии. На самом же деле революционная волна была уже смыта упадочным движением. Героизм передовых рабочих Кантона не мог приостановить катастрофы, вызванной авантюристическим духом их вождей. Кантонская революция была залита кровью. Вторая китайская революция была подавлена... В начале 1928 года, когда китайская революция дошла до наинизшей точки, девятая пленарная сессия ЦИК Коминтерна объявила курс вооруженного восстания в Китае. Результатом этого безумия было дальнейшее поражение рабочих, ликвидация лучших революционеров, распад партии и деморализация рабочих рядов[34]).

Как реагировали на советские интриги в Китае иностранные державы? Соединенные Штаты Америки считали, что заключенный по их настоянию в 1922 г. пакт Девяти Держав о невмешательстве во внутренние дела Китая вполне гарантировал независимость его. Наиболее заинтересованная в судьбе Китая Англия была встревожена советскими интригами и ростом коммунистического движения. Она была одной из первых держав мира, признавшей правительство Нанкина, и всячески оказывала ему поддержку. Япония зорко приглядывалась к разыгрывавшимся событиям в Китае пока заканчивала последние приготовления для своего собственного участия в них. Советская Россия отреклась от своего участия в делах Китая. На запрос британского правительства о роли Бородина в Китае, Литвинов ответил, что «Бородин неизвестен ни ему, ни комиссариату Иностранных Дел, и если он предпринимает что либо в Китае, то вне компетенции Советского Союза»[35]).

Первая попытка превратить Китай в московскую вотчину обошлась ценой жизни многим участникам китайских событий того времени. Первой жертвой стал Троцкий, глава оппо-

---

[34]) Троцкий, Л., Бюллетень Оппозиции, 1930, №№ 15—16, «К коммунистам Китая и всего света».

[35]) Британско-советские дипломатические документы, Лондон, 1925.

зиции. Перед ссылкой в Среднюю Азию Троцкий побывал на похоронах Адольфа Иоффе, покончившего самоубийством в знак протеста против сталинского истребления своих политических врагов. Первый посол в Китае, вице-комиссар Иностранных дел Лев Карахан, был расстрелян без суда в Лубянке в декабре 1937 года за отказ признаться на показном суде в несовершенных им преступлениях. Зиновьев, глава Коминтерна, Бухарин, со-автор Сталина в политике в Китае, были расстреляны после громких показных судов, первый за левый уклон, второй — за правый. Бела Кун (Альберт Кон), редактор «Коммунистического Интернационала в документах», был снят с поста и расстрелян. Иосиф Поганый-Пеппер, член Коминтерна и один из триумвирата кантонской коммуны, был расстрелян в Москве к 1936 году. Маршал Блюхер-Гален был убит чекистами вместе со своим адъютантом в Отеле Метрополь в Москве в 1938 году. Маршал Егоров, комкор Геккер, Сейфулин (он же Лапин), занимавшие пост военного атташе в Пекина, были расстреляны по делу Тухачевского. По этому же делу был расстрелян комкор Примаков (он же Хенри А. Лин). Генерал Фын Юй-сян погиб при загадочных обстоятельствах на советском пароходе в Черном море. Бородину-Грузенбергу посчастливилось избежать расстрела, но он был арестован во время одной из сталинских чисток по обвинению в уклоне и оппортунизме. Он умер в забвении в Москве в 1955 году.

В. Е. Уланов, богатый коммерсант Шанхая, секретный советский сотрудник еще с 1921 года, в доме которого во время шанхайского восстания скрывались Бородин и другие коминтерновские советники, был схвачен энкаведистами в 1945 году и вывезен в Советский Союз, где и погиб в концлагере. Десятки, если не сотни других советских деятелей, участвовавших в коминтерновской затеи в Китае, заплатили своими жизнями в Лубянке и других чекистских домах за сталинский провал в Китае.

II

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

15 декабря 1927 года националистическое правительство Китая прервало дипломатические отношения с Советским Союзом. Период открытого вмешательства Москвы во внутренние дела Китая сменился периодом подпольным. На передний план выступили оставшиеся в живых китайские коммунисты, китайские политиканы и генералы, падкие на золото. Китайская коммунистическая партия продолжала оставаться в слепом подчинении у своих московских хозяев, покорно испытывая на себе прихоти советской иностранной политики. Москва не раз бросала китайскую компартию на произвол судьбы, когда из-за выгоды делала ставку на националистическое правительство. Советские правители совершенно не стеснялись со своими собратьями, особенно после того, как потеряв среди китайских рабочих то небольшое влияние, которое появилось у них при Бородине-Грузенберге, китайская компартия вынуждена была оставить политическую арену и скрыться на продолжительное время в отдаленных районах страны.

1928 год был годом начала успеха для молодого Китая. В январе генералиссимус Чан Кай-ши принял верховное командование над войсками для завершения северного похода. Политическое положение было таково: в Северном Китае и, главным образом, в Маньчжурии маршал Чжан Цзо-лин попрежнему оставался полновластным правителем. Пекин, древняя столица Китая, был в его руках. На северо-западе Фын Юй-сян колебался в выборе ставки: Москва или Нанкин. Но успех определенно был на стороне последнего и расчетливый Фын подумывал о том, чтобы открыто перейти на сторону националистического правительства. Лояльность Фына

всегда была сомнительна; ему одинаково мало верили как коминтерновские советники, так и гоминдановские вожди. Решение же Чжан Цзо-лина прочно осесть в Пекине и принять звание «верховного правителя» определяло размер честолюбия маньчжурского наместника использовать всекитайскую политическую арену в своих личных целях.

Поддержанный войсками Фына и шаньсинского губернатора, Чан Кай-ши вытеснил Чжан Цзо-лина из Пекина, занял город и переименовал его в Пейпин.

Казалось, что объединение Китая было завершено. Гоминдановские вожди официально заявили о создании националистического правительства и о вступлении генералиссимуса Чан Кай-ши в должность президента Китайской республики. Правительства США, Великобритании и Франции формально признали его законным правительством Китая. Северо-восток Китая, еще недавно вотчина Чжан Цзо-лина, с его смертью перешел к его сыну Чжан Сюэ-ляну, который не замедлил признать националистическое правительство и подчиниться ему. Впервые с 1911 года Китай оказался под властью одного правительства.

Перед руководителями Гоминдана открылся широкий путь переустройства национальной жизни. Еще с 1919 года зародившееся в Пекинском университете течение «новая культура» охватило мощно всю страну. Молодой Китай жадно набросился на изучение западных идей с целью привития их на своей почве. Пробуждавшееся сознание народа видело настоящее положение вещей и требовало их коренного изменения. Но для фундаментального переустройства страны требовалось время, и Чан Кай-ши лелеял мысль о десяти покойных годах — срок, в течение которого он мог бы осуществить проведение в жизнь намеченных реформ.

Окрыленный господствовавшим тогда духом оптимизма, Чан Кай-ши на январском партийном съезде в Нанкине развил широкую программу мирного строительства, разоружение и роспуск армии по домам, ограничение политической опеки Гоминдана над китайским народом шестью годами и созыв в 1925 году национальной ассамблеи для выработки и принятия конституции Китайской республики.

Программа Чан Кай-ши предусматривала освобождение в ближайшие годы Китая от всех неравных договоров с иност-

ранными державами, прав экстерриториальности и других привилегий.

Сам же Китай продолжал жить так, как жил в течение тысячелетий. Сотни миллионов крестьянской массы и городской бедноты жили в условиях полуголодного существования, непомерно тяжелого труда, непрестанной борьбы со стихийными бедствиями. Закономерная череда засух и наводнений, эпидемии холеры, чумы, туберкулез и другие болезни уносили ежегодно десятки миллионов жизней, но быстро плодящееся население не показывало никаких потерь. Военные губернаторы попрежнему обременяли население своих провинций непосильными поборами и вели праздную, расточительную жизнь, окруженные штатами жен, конкубинок и придворной челядью. Не порывая с традиционным занятием открытых мятежей против центрального правительства, они содержали огромные частные армии. Китайский правительственный аппарат был насквозь проеден лихоимством, взяточничеством, самодурством и самоуправством. Завет Конфуция: «народ должен иметь достаточно питания; достаточную по размерам армию, и доверие к своим правителям», оставался незначущей истиной, так как в Китае не было достаточно питания, армии разбухали вне пределов законной необходимости, а доверия к правителям не было даже среди тех, кто неплохо кормился от них. Даже на фоне обычного в Азии социального неравенства, китайская реальность удручала трагическим разрывом между баснословным богатством единиц и гнетущей бедностью сотен миллионов.

Китаю, как и России, предстояло разрешить вековое зло несправедливости, лишения, нищеты. Трагически для него оказалось то, что, как и в России, к разрешению этих остро насущных проблем подошли коммунисты, и подошли не столько ради разрешения этих проблем, сколько ради навязывания своего режима.

Партия Гоминдана была основана на трех принципах: демократия, народное благополучие, национальность. Идеологически, они имели мало значения в Китае, где не было ни демократии, ни народного благополучия, ни национализма. Если верхи партии и были насыщены духом либерализма ее основателя Сун Ят-сена, то в партийных массах попрежнему правили косность и оппортунизм. Руководители Гоминдана не создавали в партии железной спайки, вроде той, которая в

коммунистической партии СССР была достигнута крутыми террористическими мерами.

Внутрипартийные разногласия и раздоры в стране тормозили переустройство страны и перевод ее на мирное положение. Беспокойный Фын Юй-сян выступил еще раз против националистического правительства, но был разбит. На следующий год он подбил других беспокойных военных губернаторов и вновь восстал против центральной власти. Жестокие бои разыгрались вдоль железных дорог Пекин—Ханькоу, Тяньцзин—Пукоу и Лянгхай. Выступление изменчивого генерала дало толчок к усилению внутрипартийного раскола, и оппозиция, пользуясь положением на фронте, подняла на пленарной сессии в Пейпине вопрос о создании сепаратного правительства во главе с Ван Цзин-веем, который уже раз возглавлял оппозиционное правительство в Ухане.

Несмотря на трудности, созданные на фронте и в правительстве, президенту Чан Кай-ши удалось справиться с восставшими генералами и оппозицией. При содействии молодого маршала Чжан Сюэ-ляна, были разбиты на голову мятежные генералы, а после триумфального возвращения Чан Кай-ши в Нанкине пало правительство Ван Цзин-вея.

В это время на севере готовились события, последствия которых оказались чреватыми не только для молодого Китая и Японии, но и для всего мира. Событиям этим предшествовала неудачная попытка Чжан Сюэ-ляна, сына маршала Чжан Цзо-лина, освободить КВжд от советского контроля, закончившаяся кратковременной войной осенью 1929 года. Важнейшим же последствием этих событий был выход Японии в Маньчжурию — первое звено в дальневосточной и азиатской цепи агрессивных захватов, инспирированных захватническими замыслами Муссолини, Гитлера и Сталина.

Чжан Сюэ-лян занял место своего отца, погибшего на пути из Пекина в Мукден в поезде, взорванном по приказу штаба Квантунской Армии. Тридцатилетний маршал не обладал теми качествами, которые дали возможность его отцу проделать сложный путь от простого хунхуза до всесильного властелина Маньчжурии. Он не был подготовлен к посту, который рано или поздно должен был унаследовать, и на котором должен был бы изощряться в интригах, лицемерии и двойной игре, как это делал его отец. Его юность протекала в Мукдене и Пекине, в праздной жизни беспечного кутилы.

Год он провел в военном училище в Японии, и по возвращении домой был назначен командующим одной из маньчжурских армий, что означало, главным образом, появление на парадах в опереточном одеянии маршала с голубой лентой через плечо, с орденами и звездами, в кивере с белым султаном. В юности он развил пристрастие к опиуму и морфию, но позже ему удалось излечиться.

Одним из первых шагов молодого маршала было присоединение к гоминдановскому правительству. Охваченный господствовавшим духом страны, он наметил широкий план развития Маньчжурии, особенно в области народного образования, но успел основать только Северо-восточный Университет и Военную Академию в Мукдене. Дальнейшему осуществлению его планов помешала японская авантюра в Маньчжурии.

Наследие Чжан Цзо-лина причинило бы много забот человеку более решительного характера. Маньчжурия была охвачена волной анти-японских настроений, особенно после столкновения японских и гоминдановских войск у Цинана. Советские интриги продолжали развиваться своим чередом, имея конечной целью создание Маньчжурской Советской Народной республики, на подобие Монгольской Народной республики, со вступлением ее в состав Советского Союза.

В мае 1929 года чины харбинской полиции произвели налет на советское консульство и захватили компрометирующие документы и другие вещественные доказательства, указывающие на размер советской подрывной деятельности.

По приказу молодого маршала были распущены советские рабочие союзы и арестовано свыше тысячи советских железнодорожных служащих, захвачены телеграф, службы советского Дальневосточного Торгового Флота и пароходы, плававшие по Амуру, Сунгари и Уссури на том основании, что соглашение между Китаем и Советским Союзом касалось только КВжд и не включало никакие другие советские службы.

Москва ответила арестом свыше тысячи китайских коммерсантов и предпринимателей, живших на территории Союза и отозвала своих консульских представителей из Маньчжурии. К требованию о немедленном освобождении советских граждан она прибавила требование о признании Китаем своей вины. В пространной ноте китайские власти изложили о провокационно-подрывных действиях коминтерновских агентов, о

попытке советизации Китая, самоуправстве советского управляющего КВжд и его помощника, не считавшихся со своими китайскими сотрудниками и нарушавших всячески договор о совместном управлении дороги. Китайское правительство предложило СССР сперва освободить китайских граждан, захваченных исключительно с целью репрессии, и за это обещало освободить арестованных советских граждан. Нота закончилась пожеланием, что «советское правительство по своему почину найдет возможным исправить незаконные действия, учиненные им в отношении Китая».

Советский Союз ответил вторжением в Маньчжурию одновременно со стороны Пограничной и станции Маньчжурия, но после предостережения Японии, что дальнейшее продвижение советских войск будет рассматриваться, как вторжение в сферу японского влияния, значительно ограничил свои военные действия. Молодой маршал догадывался, что это пердостережение могло означать. Его обращение за помощью к нанкинскому правительству не привело ни к чему. Нанкин был занят внутрипартийной враждой, борьбой с мятежными военными губернаторами и с компартией. Кроме того, трезвое сознание подсказывало его вождям, что в борьбе сильных и алчных соседей за Маньчжурию лучше пока смириться с ролью наблюдателя и ждать лучшего.

После шести месяцев военных действий, главным образом партизанского характера, молодому маршалу ничего не оставалось, как пойти на уступки и вернуть контроль над КВжд советским властям. Как обычно происходит с конференциями, в которых принимают участие советские деятели, созванная в Москве мирная конференция велась таким образом, чтобы не допустить принятия положительного решения. Представители Китая предложили выкупить КВжд, но Москва, однажды сама готова расстаться с дорогой по сходной цене, теперь нашла предложение невыгодным в силу желания сохранить свое влияние в Маньчжурии. Пятью годами позже она была рада получить от Японии одну восьмую часть стоимости КВжд, но в данное время положение вещей было иное. Конференция была умышленно затянута, чтобы не привести ни к какому соглашению: попрежнему в силе оставался хабаровский протокол 22 декабря 1929 года, по которому советские власти продолжали распоряжаться дорогой до тех пор, пока в Маньчжурии не появились новые хозяева.

Пробуждение китайских масс

Надежды нанкинского правительства на успешное проведение в жизнь своих задач не оправдались. Продолжал углубляться внутрипартийный раскол, вызванный Ван Цзин-вейем и другими вождями левой фракции Гоминдана. В мае 1931 года заговорщики перебрались в Кантон — в этот традиционный город китайского мятежа — и вновь потребовали удаления Чан Кай-ши из состава правительства. Занятый подавлением одного из многих коммунистических восстаний, Чан Кай-ши был принужден теперь воевать на двух фронтах. В довершение народного испытания, Китай постигло стихийное бедствие: небывалым разливом рек было затоплено 16 провинций среднего и северного Китая — житницы страны. Десятки миллионов людей были обречены на голод и смерть.

Между тем укрепление советского влияния в Маньчжурии последовавшее за легкой победой два года тому назад, поставило Японию в необходимость безотлагательного действия. 18 сентября 1931 года японские войска из состава Квантунской Армии неожиданно захватили Мукден. К концу месяца пали Лияонин и Гирин. За ними последовали другие города Маньчжурии в форсированном марше японских войск к Харбину и, дальше, к советской границе.

Главной заботой нанкинского правительства было умиротворение страстей, разыгрываемых политическими фракциями Гоминдана, и ликвидация внутренних беспорядков, вызванных восстаниями партизан-коммунистов. Пока японцы продолжали хозяйничать на севере, представители Нанкина и Кантона в переговорах в Шанхае старались навязать друг другу свои взгляды относительно способа установления в стране мира. В тщетной попытке примирить враждовавшие фракции партии Чан Кай-ши решил сойти с политической арены. Возглавивший нанкинское правительство Сун Фу, сын Сун Ят-сена, продержался только два месяца и был заменен Ван Цзин-веем. Чан Кай-ши был приглашен на пост председателя национального Военного Совета.

Японская агрессия на севере Китая вызвала самую резкую реакцию среди пробудившегося в национальном сознании китайского народа. Китайская пресса повела яростную антияпонскую кампанию и объявила бойкот японских товаров. Трех-миллионное население Шанхая дружно поддержало это движение и заставило закрыться японские магазины и лавки.

Китайские магазины и лавки отказывались продавать товары и съестные продукты японским жителям. То же самое произошло в других городах Китая, в которых находились японские жители и предприятия.

Анти-японское движение в Китае нанесло огромные убытки Японии. Ее экспорт в Китай, составлявший в 1913 году 24,5%, пал в середине тридцатых годов до 6%. Японская доля во внешней торговле Китая, составлявшая в 1925 году 31,7%, снизилась за десять лет до 15%[36]).

Хотя бойкот японских товаров и бил по японским интересам, все же экономические соображения занимали второстепенное место в замыслах Японии в отношении Северного Китая. Но этот бойкот дал возможность Японии придраться к случаю и временно перенести место действия на юг, где на подходах к Шанха юстояла 19 китайская полевая армия, придававшая анти-японской кампании реальную силу. Небольшой диверсионной операцией на юге японское командование рассчитывало отвлечь внимание мира от более важных событий, разыгрывавшихся форсированным темпом на севере Китая.

Выступление японских войск в Маньчжурии и Северном Китае вызвало и другую реакцию среди некоторой части китайского народа: оно дало сигнал китайской коммунистической партии начать массовые анти-правительственные выступления в провинциях Хупэй, Хонан и Анвэй.

Нанкинское правительство (переведенное из-за угрозы японского выступления из Нанкина в Лойон) оказалось в критическом положении. Кантонская фракция во главе с Сун-фу была бессильна предпринять что-либо и принуждена была просить генералиссимуса Чан Кай-ши вернуться из добровольного уединения и вновь взять бразды правления в свои руки.

Чан Кай-ши согласился с условием установить в стране абсолютный контроль правительства и покончить со всеми помехами, стоящими на пути борьбы против японской агрессии.

В дополнение к провокационным выступлениям коммунистических партизанских отрядов и внутрипартийных раздоров, тревожным для центрального правительства фактором оказа-

---

[36]) Нобутароо Кавасимо, Экономические предпосылки китайского инцидента, Восточное Обозрение III. 1941. стр. 23.

лось самостоятельное поведение 19 Армии. Чан Кай-ши хотел снять ее с места и изолировать. Пребывание 19 Армии под Шанхаем тревожило и властей международного сеттлемента и Французской концессии: не получая жалованья в течение долгого времени, армия воспользовалась кризисом вокруг Шанхая, чтобы принудить власти рассчитаться с нею.

Бои под Чапеем

В конце января 1932 года положение в Шанхае обострилось настолько, что международные добровольческие отряды выступили на передовые позиции охраны Международного сеттлемента и Французской концессии. Среди них находился Русский полк, одна из лучших единиц Шанхайского Волонтерского Корпуса. 19 Армия заняла северную станцию Шанхай—Нанкинской железной дороги и китайскую часть Шанхая — Чапей, где оказались лицом к лицу с японской колонией, жившей в районе Хонкью.

Для предотвращения беспорядков, Третий японский флот, стоявший против Шанхая на реке Вангпу, высадил десант морской пехоты. Дело казалось простым: занять станцию и вытеснить из Чапея части 19 Армии. Незадолго до этого, заручившись обещанием правительства и китайских торговых кругов выплатить полностью жалованье, 19 Армия покинула Шанхай, оставив небольшой арьергард. При известии о высадке японского десанта, она вернулась в Чапей и заняла передовые позиции. То, что казалось японскому командованию незначительной операцией предохранительного или карательного свойства, превратилось в настоящую войну, вызвавшую необходимость спешно послать из Японии пехотную дивизию с полевой артиллерией и воздушными силами, чтобы выбить 19 Армию из чапейских окопов. Токио было встревожено не на шутку: впервые китайские войска оказали японцам такое упорное сопротивление. Для оправдания перед мировым общественным мнением Токио старалось доказать, что это была не война, а небольшая операция, потребовавшая все же вмешательства довольно крупных вооруженных сил для защиты японских граждан и их интересов. Раздоры существуют между народами, а так как между Японией и Китаем не было ни разрыва дипломатических отношений, ни ссоры, то, следовательно, не было и войны.

После пяти недель героической защиты Чапея против превосходящих по численности и вооружению японских сил, 19 Армия была вынуждена отступить. Станция была отдана. Чапей, недавно еще густо населенная часть китайского города, лежал в развалинах и пожарище. Несмотря на вынужденное отступление, победа — по крайней мере моральная — оставалась на стороне Китая. Япония была рада закончить шанхайский инцидент, обошедшийся ей огромной ценой.

Оставалось невыясненным одно обстоятельство: почему Чан Кай-ши не предпринимал ничего для выручки 19 Армии? В его распоряжении были отличные части, как 87 и 88 дивизии, но они были на заслоне против коммунистических войск, поднявшихся против нанкинского правительства. Чан Кай-ши ставил главной задачей объединение и успокоение страны, но на пути к этой цели стояли коммунистические войска, пользовавшиеся любым затруднением нанкинского правительства. Чан Кай-ши также учитывал, что японские войска оперировали в Шанхае, в непосредственной близости Международного сеттлемента и Французской концессии, перед глазами западных держав, от которых не могли скрыть акта неприкрытой агрессии. Это было важно для Китая в расчете на поддержку — хотя бы моральную — западных держав. Другой взгляд на шанхайский инцидент был таков, что Чан Кай-ши считал, что 19 Армия вышла из его подчинения, была слишком сильной и самостоятельной, поэтому ее следовало обескровить на чапейских развалинах. Но этот взгляд скорее относится к его врагам. Вернее всего допустить, что Чан Кай-ши не считал шанхайский инцидент достаточно важным, чтобы начать из-за него войну с Японией. Кроме того, он надеялся, что агрессивные действия Японии в Китае вызовут вмешательство мирового общественного мнения и разбор в Лиге Наций, которая уже направила в Маньчжурию особую комиссию под председательством лорда Литтона.

Пока комиссия Лиги Наций расследовала положение вещей в Маньчжурии, в Женеве, в частной беседе с послом Китая Веллингтоном Ку комиссар Иностранных Дел Литвинов затронул вопрос о мерах пресечения японской агрессии в Китае, к которым он хотел привлечь Вашингтон и создать союз из США, СССР и Китая, с тем, чтобы в случае открытой войны Японии против одной из этих стран, две других должны были бы прийти ей на помощь. Литвинов преследовал

две цели: защиту советских интересов в Маньчжурии и сближение с США, которые еще не признавали правительство Советского Союза.

Переговоры не привели ни к чему. Президент Хувер заканчивал последний год на своем посту, зная, что у него не было никаких шансов на переизбрание. Америка остро переживала депрессию, последовавшую после краха нью-йоркской биржи; ей было не до Советского Союза и не до вытаскивания каштанов из огня ради сохранения советских интересов в Маньчжурии. Но результатом этих переговоров было то, что придавленное к стене нанкинское правительство решило пойти на восстановление дипломатических отношений с СССР. 12 декабря 1932 года, пять лет после разрыва, правительство Китая оповестило Москву о желании возобновить дружественные взаимоотношенгя.

Несмотря на все трудности, националистическое правительство продолжало упорно добиваться освобождения Китая от неравных договоров, наложенных на него иностранными державами после боксерского восстания. В 1929 году английская концессия в Чикианге была возвращена Китаю, а в следующем году — концессия в Амой. В том же году Бельгия отказалась от прав экстерриториальности и вернула Китаю концессию в Тяньцзине. Ряд других стран был готов отказаться от прав экстерриториальности и передать право суда над своими гражданами юрисдикции китайского правительства. Еще в 1929 году нанкинское правительство добилось от иностранных держав отказа от права установления тарифных ставок и передачи таковых всецело Китаю. Великобритания, Соединенные Штаты, Франция и Япония согласились на отказ от прав экстерриториальности с января 1930 года, но изза внутренних неблагоприятных условий в Китае, отложили фактическую передачу на два года.

Реформы в национальной жизни Китая продолжались. Гоминдан на третьем пленарном заседании вынес резолюцию о созыве в марте 1935 года национальной ассамблеи для выработки и принятия конституции Китая.

Но смутное время попрежнему царствовало в стране. В мае 1933 года генерал Фын Юй-сян снова поднял восстание, выйдя со своими войсками из Калгана, но через два месяца упорных боев был разбит наголову. В ноябре того же года 19 полевая

Армия основала в Фукьяне «народное правительство» и порвала с Нанкином, но и эта авантюра потерпела поражение. Коммунистические выступления шли своим чередом, внося смуту и причиняя вред мирному населению. Как ни враждовали фракции Гоминдана, они должны были признаться, что только совместное выступление могло покончить с этим злом. В последовавших боях коммунистические войска были вытеснены из провинции Киангси, из Кантона и других мест. Выбитые правительственными войсками из провинции Фукьян, китайские коммунисты, числом около 90 тысяч человек, начали длинный переход на свою новую квартиру. За главным отрядом потянулись другие коммунистические отряды, разбитые националистическими войсками. Они проделали путь в четыре с лишним тысячи миль, пока не осели в Яньане, в центре пограничных с Монголией районов Шэньси и Ганьсу. Здесь, в глухом углу, вблизи советской Монголии, китайская компартия рассчитывала на лучшую заботу со стороны Москвы и Коминтерна.

Таково было положение молодого националистического правительства в первую половину намеченного срока для проведения в жизнь важных государственных реформ. 1934 год завершился успешной борьбой с коммунистическими повстанцами. В следующем году правительство объявило «движение за новую жизнь», в котором проставило вехи будущего строя и порядка.

Сианский путч.

Вытесненный из Маньчжурии японскими войсками, маршал Чжан Сюэ-лян с остатками армии в 130 тысяч человек перебрался в провинцию Шэнси, где по поручению нанкинского правительства должен был вести борьбу с коммунистическими повстанцами. За последние годы многое произошло в его жизни. При взрыве поезда погиб его отец, его армия терпела одно поражение за другим в шестимесячной войне с советскими войсками. Его кратковременное владычество в Маньчжурии пресеклось под ударом японского оружия. Мукденский дворец был разграблен японскими солдатами в первые дни захвата Маньчжурии. С потерей богатого края с населением в 30 миллионов человек, прервался доход, дававший ему возможность содержать большой штат и армию. Он был одним

из первых военных губернаторов-правителей в Северном Китае, который примкнул к нанкинскому правительству. Его войска способствовали успеху северного похода. И теперь все, что молодой маршал получил в награду, был пост руководителя борьбы против коммунистических войск в небольшой провинции. Его армия была предоставлена самой себе, так как ни у маршала, ни у нанкинского правительства не было средств на ее содержание. Но это было еще не все. Маршал Чжан Сюэ-лян знал, что его должны были заменить другим генералом.

За небольшой срок пребывания в Шэнси его армия потеряла прежний дух. Дисциплина была подорвана. Среди солдат началось братание с коммунистическими войсками, грозившее переходом разложившихся частей на сторону коммунистов. У Чан Кай-ши не было другого выхода, как заменить Чжан Сюэ-ляна другим командующим, который мог бы привести войска в надлежащий вид и заставить их успешно бороться против коммунистических армий. Но так как молодой маршал представлял какую-то силу, было решено, что Чан Кай-ши лично отправится в Сиан, в ставку Чжан Сюэ-ляна, в сопровождении будущего командующего маньчжурскими войсками.

С небольшой группой штабных офицеров и охраны Чан Кай-ши прибыл на аэроплане в Сиан. Переговоры неожиданно приняли другое направление. Молодой маршал взял инициативу в свои руки и потребовал от Чан Кай-ши немедленного начала боевых действий против японских войск для освобождения северных провинций Китая. Чан Кай-ши указал, что это было бы равносильно самоубийству, так как китайские коммунисты, находясь в тылу националистических войск, поставили бы последних в безвыходное положение. Тогда Чжан Сюэ-лян предложил пойти на примирение с коммунистами и создать «объединенный фронт» для борьбы против Японии. Он предложил Чан Кай-ши принять на себя ответственность за содержание армии в 200 с лишним тысяч человек, включая, кроме своих войск, и коммунистические войска в количестве 90 тысяч. Но он не мог дать твердого обещания, что «объединенный фронт» признает авторитет командующего националистическими войсками.

Переговоры ни к чему не привели, но создали положение, грозившее чреватыми последствиями для всех заинтересован-

ных лиц. Ночью, когда Чан Кай-ши со своей личной охраной находился у себя, отряд Чжан Сюэ-ляна окружил его помещение. Началась стрельба; Чан Кай-ши удалось скрыться, но при прыжке через стену он вывихнул себе ногу, был обнаружен и арестован. Все прибывшие с ним лица так же были арестованы.

Пока население Сиана в разыгранных как по нотам демонстрациях и митингах требовало немедленного создания «объединенного фронта» для борьбы с Японией, остальной Китай, признававший авторитет гоминдановского правительства, отнесся с резким осуждением вероломного поступка Чжан Сюэ-ляна.

Тайная связь коммунистических вождей с сианским путчем вскрылась сразу, так как чуть ли не на следующий день в Сиан прибыли Чжоу Энь-лай, политический комиссар Первой Красной Армии и заместитель председателя коммунистического военного совета; Пао Ку, глава коммунистической секретной полиции и органа безопасности, и другие видные коммунисты.

Арест Чан Кай-ши взбудоражил не только Китай, но и нашел живейшие отклики в Японии и Советской России, подозревавших друг друга в инсценировке сианского путча. Японская пресса дружно заговорила о закулисных операциях советских властей в стремлении сорвать начатые Японией переговоры о прекращении военных действий в Китае, для чего и было спровоцировано похищение Чан Кай-ши. Советская пресса ответила обвинением японских властей в Китае и Ван Цзин-вея, с которым тогда велись переговоры относительно его будущей роли, разыгравших сианский путч, чтобы принудить гоминдановское правительство присоединиться к антикоммунистическому пакту Японии-Германии-Италии.

Чан Кай-ши пробыл в плену неделю. Для переговоров об его освобождении прибыли в Сиан его жена, ее брат, Т. В. Сун, директор Китайского банка и бывший министр финансов, и австралиец В. Х. Дональд, сыгравший немалую роль в мирном улаживании сианского инцидента. Несмотря на то, что переговоры велись втайне, ни для кого не оставалось секретом, что, в согласии с китайским обычаем, Сун заплатил большую сумму денег за выкуп своего шурина. Маршал Чжан Сюэлян принял на себя всю вину и добровольно последовал вместе с освобожденными в Нанкин для публичного принесения

повинной. Военный трибунал присудил Чжан Сюэ-ляна к десяти годам тюремного заключения, но по настоянию Чан Кай-ши оно было заменено условным наказанием. Последствия сианского путча не замедлили вскрыться в самом ближайшем времени.

Поразительная легкость, с какой Муссолини и Гитлер расширяли границы своих империй за счет слабых соседей, не могла не увлечь японскую военную партию, к этому времени прочно обосновавшуюся в правительственном седле. Смута, партизанское движение коммунистов обнажили Китай и разыграли аппетит агрессивного соседа. Категорическое заявление Чан Кай-ши об отказе вступить в переговоры с коммунистами по созданию «объединенного фронта» определило достаточно ясно его положение между агрессорами с востока и агрессорами с запада.

Вечером 9 июля 1937 года вблизи деревни Люкоучао разыгрался «инцидент у моста Марко Поло». В Северном Китае успешно подвизался небезызвестный Доихара, офицер японского Генерального Штаба, начальник в то время «специальной военной миссии» в Мукдене, один из самых рьяных деятелей периода японской агрессивной политики в Китае. Обвинив китайские войска в обстреле японских войск, Япония предъявила Нанкину невыполнимые требования. Не желая ухудшать критическое положение, Нанкин ответил о готовности придерживаться дружественных отношений со своими соседями при соблюдении ими минимума условий, перечисленных в своем ответе. Отказ Японии обсудить положение и порешить мирным образом инцидент вызвал в китайском народе единодушное проявление верности нанкинскому правительству, которого у него до этого еще не было. Но в стороне продолжали оставаться китайские коммунистические войска, ожидая, что последует дальше.

Япония высадила крупный десант в Северном Китае для подкрепления своей Квантунской Армии — еще один фатальный шаг, приведший ее не только к полному истощению, но и к небывалому в ее истории разгрому.

Седьмой съезд Коминтерна вынес решение снова популяризировать сотрудничество китайской компартии с Гоминданом и образовать «народный фронт». Декларация съезда призвала всех «объединиться, забыть вражду, независимо от сословий,

профессий, партий» и единым фронтом выступить против японской агрессии. Китайскому народу, как всякому другому народу с пробудившимся национальным сознанием, вряд ли были нужны особые приглашения подняться против иноземного вторжения — особенно приглашения, исходящие от организации, самой замешанной в агрессивных замыслах и заинтересованной в мировом владычестве.

Готовность китайской компартии пойти еще раз на сотрудничество с Гоминданом было очередным маневром Коминтерна. Ее первое сотрудничество с января 1924 по июль 1927 года закончилось скандально для нее и ее советских руководителей. Второй период продолжался немного больше года. Третьему периоду предназначено было начаться в 1940 году и закончиться трагически для Гоминдана.

В сентябре 1937 года китайская компартия выпустила декларацию под заглавием «Навстречу государственному кризису вместе с Гоминданом»:

1. Коммунистическая партия будет стремиться к осуществлению трех принципов Сун Ят-сена, отвечающих сегодняшним требованиям Китая.
2. Коммунистическая партия прекратит политику вооруженного восстания против гоминдановского режима, политику красной пропаганды и конфискации земель.
3. Коммунистическая партия распустит советскую форму правления и введет систему демократии в целях политического объединения страны.
4. Коммунистическая партия распустит Красную Армию и даст ей возможность влиться в националистические войска под верховным командованием Национального Военного Совета. Красная Армия, переобразованная таким образом, будет ожидать приказа выступить на фронт.

Пока Китай готовился к войне, советское правительство, обеспокоенное ростом японской агрессии на Дальнем Востоке, повторило свое предложение, сделанное еще пять лет тому назад Литвиновым, о создании анти-японского союза. Но само оно не хотело выступить открыто, не желая ухудшения своих отношений с Японией, а предложило нанкинскому правительству послать миссию для выяснения взгляда иностранных держав о совместном выступлении против агрессора. Советское правительство стремилось втянуть в этот союз США, но не решаясь сделать это само, предпочло предоставить Китаю инициативу переговоров. СССР обещал значительную

военную помощь и снабжение и самое твердое заверение в том, что китайская компартия будет в полном подчинении у центрального правительства.

Нанкинское правительство приняло предложение Москвы и послало Куна, министра финансов, для ознакомления иностранных держав с положением в Китае и необходимостью создания анти-японского союза. В объезде мировых столиц Кун, по пути в Москву, посетил Берлин, где в переговоре с нацистскими вождями понял, что Германия готовилась к войне с Советским Союзом. Китай приглашался поэтому не только прекратить сопротивление Японии, но и вступить в ряды антикоммунистического союза Германии, Италии и Японии. В Москве Кун нашел советских правителей значительно остывшими к своему собственному предложению. Вместо создания китайско-американско-советского союза они обсуждали создание другого военного союза, колеблясь только в выборе: заключить ли его с Англией и Францией против Германии, или с Германией, чтобы таким образом отвлечь ее от «похода на восток». Но они не желали обострять своих отношений и с Японией. Это был один из наиболее критических периодов в истории Советского Союза: чинилась дикая расправа с партийной оппозицией — фактической и вымышленной — и с верховным командованием Красной Армии, обошедшаяся стране в сотни тысяч зачастую совершенно неповинных людей. Возможность сближения с нацистской Германией ставило перед советскими вождями дальневосточную проблему под совершенно новым углом зрения. В соответствии с этим углом и было предписано китайской компартии прекратить партизанские действия против японских войск, и в то же время — путем заверения сотрудничества с центральным правительством — держать Китай в состоянии войны с Японией. Расчет был обескровить одинаково Японию и Китай.

Линия Политбюро выразилась в следующей формулировке Мао Цзе-дуна, вождя компартии:[37])

> Война между Китаем и Японией представляет прекрасную возможность для развития нашей партии. Наша политика

[37]) Чан Хао (Лин Ю-ин) «Стратегический путь китайской компартии», приведенный в The Strategy and Tactics of World Communism. Committee of Foreign Affairs, U. S. Government Printing Office, Washington 1949, p. 24.

должна сводиться к следующему: 70 процентов — саморазвитие, 20 процентов — компромисс и 10 процентов — война с японцами.

Далее Мао наметил три этапа в проведении этой политики:

> Первый этап — компромисс с Гоминданом с целью сохранения нашего существования. Второй этап — борьба с Гоминданом за равновесие сил ради сохранения наших сил. Третий этап — глубокое проникновение в центральный Китай для установления там баз, необходимых для начала контр-наступления против Гоминдана с целью отвоевания у него его передового положения.

В октябре 1937 года, месяц после декларации «Навстречу государственного кризиса с Гоминданом» и торжественного обещания сотрудничества, Политбюро китайской компартии вынесло резолюцию относительно своей политики в отношении центральной власти:

> Если война закончится победой, гоминдановская армия будет сведена до минимума в то время как Красная Армия возрастет значительно. Таким образом, победа приведет прямо к «победе октябрьской революции». Если война будет потеряна, Китай будет разделен на три части: Япония — в Маньчжурии и Северном Китае; Гоминдан — в юго-западном Китае и коммунистический Китай — на северо-западе.
>
> Если война будет потеряна совершенно, Гоминдан будет полностью ликвидирован, а компартия станет подпольной партией... В политике Китая вооруженные силы являются решающим фактором; поэтому мы должны во время войны делать все, чтобы развить нашу военную мощь плацдарма, на котором мы тогда возьмем в свои руки революционное руководство[38]).

Между тем японские войска влились из провинции Жехе в провинцию Чэхэ и Суйюн и остановились у Паотао, в четыреста милях на запад от Пекина. Здесь между японским командованием и советскими властями была обусловлена демаркационная линия зон японского и советского влияния. Двумя годами позже подобная демаркационная линия была установлена в Польше между нацистской Германией и Советским Союзом.

---

[38]) Там же.

Идеологическая вражда

Полгода после издания декларации о сотрудничестве с Гоминданом обнаружилась его обратная сторона. Весной 1938 года официальная печать центрального правительства (Гоминжибао) в Чунцине еще пока мягко коснулась лживости коммунистических обещаний:

> Мао Цзе-дун, вопреки своему заявлению о сотрудничестве и осуществлении принципов саньминизма (трех принципов Сун Ят-сена, прим. ред.), признает их научно-необоснованными, феодально-архаическими... На самом же деле компартия в целях большевизации Китая способствует повстанческому движению, несмотря на свои заверения о принятых ею мерах к его ликвидации... игнорирует принятое на себя обязательство ликвидировать районы своего влияния. Компартия в противовес чунцинской власти сформировала собственное краевое правительство, назначила своих чиновников, начала выпускать собственные денежные знаки и стала издавать декреты и законы..., хотя компартия и заявила, что преобразует коммунистическую армию и подчинит ее руководству военного комитета чунцинского правительства, но на самом же деле как новая 4 Армия, так и 18 Армия исполняют лишь приказы компартии, самовольно развертывают свои кадры и не только не выполняют приказов Чунцина об их перемещении, но и нападают на гоминдановские войска[39]).

Для пресечения предательской деятельности компартии гоминдановское правительство выработало соответствующие меры и инструктировало подчиненные органы как действовать: «войскам Первого Фронта вести с компартией активную борьбу, делая вид, что изыскиваются способы к устранению недоразумений», «учреждениям Гоминдана избегать оказывать давление на компартию самим, но как можно полнее использовать для этой цели народные массы», «подрывать организации компартии силами собственной организации», «усиливать активность специальной службы и формировать организации со специальной задачей включая их в состав компартии», «устанавливать строгий надзор над всей сетью организации компартии и существующей между ними связью», и т. д. По каким то соображениям чунцинское правительство еще не решалось открыто порвать с коммунистами.

---

[39]) Иосаку Накаясу, Гоминдан и компартия при новой мировой обстановке, Восточное Обозрение, кн. VII, 1941, стр. 24.

В мае 1938 года чунцинское правительство, обеспокоенное деятельностью компартии, потребовало закрытия коммунистических изданий. В августе оно потребовало от компартии роспуска ее народных организаций и закрытия официальной газеты Синьхуажибао.

Идеологический спор перешел в глухую вражду. Компартия продолжала вести подрывную деятельность. За год с лишним после обещания сотрудничать и признать центральную власть, как законную власть Китая, компартия сформировала свыше 600 так называемых народных организаций — партийных органов для советизации страны. Инструкция Коминтерна требовала от компартии еще большей деятельности:

> ...общая линия поведения компартии должна заключаться в агитации, имеющей своей задачей не открытую пропаганду коммунизма, а защиту гоминдановского правительства, объединения и укрепление его и, таким образом, насколько только возможно, развивать собственную организацию, популяризовать нашу коммунистическую программу и вводить народные массы в русло нашего руководства... Предполагается, что сопротивление, оказываемое Японии, должно продолжаться еще три года. В течение этого времени мы должны распространить нашу организацию на всю страну и сделать весь народ нашим единомышленником[40]).

Борьба компартии и правительства обострилась еще больше, когда в нее вступила организация Си-Си, террористический орган Гоминдана. За один только 1938 год между войсками правительства и компартии произошло пять случаев вооруженных столкновений. В следующий год их было еще больше.

Непримиримые противоречия правительственной партии и компартии должны были привести к ликвидации одной из них. Положение националистического правительства было усугублено войной с Японией, которая к этому времени захватила все важные города, порты, железные дороги Китая. Компартия не несла ответственности перед китайским народом, как несло ответственность центральное правительство, признанное в то время Советским Союзом и коммунистической партией Китая.

---

[40]) Канчини Хатано, Борьба между Гоминданом и компартией в Китае. В. О. книга 7, 1941, стр. 38.

Так закончились первые десять тревожных лет гоминдановского правления, один из наиболее трагических периодов китайского смутного времени, в условиях неравной борьбы с преобладающими силами и техническим совершенством японской военной машины, в условиях внутрипартийных раздоров, лицом к лицу с предательской деятельностью компартии, слова которой неизменно расходились с действием.

III

КРЫША О ВОСЬМИ УГЛАХ

Первая мировая война выдвинула Японию на арену мировых событий. Как одна из победительниц, она участвовала в Версальской мирной конференции и в создании Лиги Наций. Новые веяния охватили страну. Влияние западной мысли и либерализация начали сказываться в литературе и искусстве.

Новое течение отразилось и на иностранной политике Японии, руководители которой, как министр иностранных дел Сидехара, считали, что Япония выиграет больше путем развития торговли со своими соседями и другими странами, чем политикой агрессии. В октябре 1922 года Япония вывела свои экспедиционные войска из Приморья, а месяцем позже согласилась на возврат Китаю захваченных ею немецких территорий в заливе Киочао и порта Циндао.

Наряду с ростом западного течения в стране появилось противоположное по духу течение, нашедшее поддержку как в среде молодых офицеров, так и в среднем провинциальном классе. Развитие его шло по линии крайнего национализма и милитаризма, приверженцы которых считали либерализм проявлением слабости и порочности, вредными для японской расы.

В этих шовинистических кругах развивались узко-националистические секретные общества, из которых наиболее агрессивным и влиятельным было общество Черного Дракона (Общество Реки Амура), считавшее, что Япония должна выйти на азиатский материк и Амуром отметить свои северо-западные границы.

Неустойчивость японской жизни того периода, порожденная раздвоением в образе мышления, углубилась годами су-

ровых экономических испытаний. Разногласия двадцатых годов позже привели к торжеству шовинизма и крайнего национализма, к годам агрессии, высокого народного подъема и величайшей экспансии, приведшей динамическую японскую империю к небывалому в ее истории разгрому.

Крах нью-йоркской биржи 1929 года болезненно отразился на экономической жизни Японии. За два года до этого обанкротилось несколько крупных банков. Нью-йоркский крах нанес удар по другим банкам. Закрылись фабрики, заводы, катастрофически пали цены на сельско-хозяйственные продукты. Число безработных росло с каждым днем, росло и население страны, перевалившее за 60 миллионов, с годовым приростом в миллион с лишним душ. Введение заграницей высоких тарифных ставок на ввоз продуктов японского производства в США и другие страны нанес сокрушительный удар по японской иностранной торговле.

Единственным разрешением кризиса представлялся выход Японии на путь широкой колониальной экспансии, дабы не только обеспечить приток сырья и рынки сбыта для японской промышленности, но и наделить землей быстро растущее население. В таком разрешении жизненных проблем ультра-националистические круги видели и установление господства Японии в политической и экономической жизни Восточной Азии.

Конфликт либерализма и милитаризма наростал постепенно. В начале тридцатых годов в стране началось брожение, вызванное стремлением националистических групп отвлечь японский народ от либерализма и вернуть его к тому положению, которое они считали соответствующим заветам императора-преобразователя Мейджи. В мае 1932 года в Токио группой молодых офицеров был убит премьер Инукай. За два месяца до этого жертвами политических убийц стали бывший министр финансов Инойэ и глава банкирского дома Митсуи, Такума Дан.

Политические выступления молодых милитаристов стали принимать характер самовольного вмешательства в дела правительства. Крайне националистические группы считали, что они являются исполнителями воли высшего начала, которое должно привести страну к блестящему будущему. В феврале 1936 года группа младших офицеров токийского гарнизона подняла восстание, захватила военное министерство

и другие правительственные здания, и произвела ряд покушений на политических руководителей, убив премьера Сайто, министра финансов Такахаси и других.

Развитию ультра-национализма и милитаризма в Японии немало способствовали и причины внешнего характера. Появление в Европе тоталитарных правительств и подчинение всех сторон национальной жизни идее создания «великих империй» нашли живейший отклик в ультра-националистических кругах японского общества. Еще в 1925 году, единовременно с проведением закона о повсеместном голосовании для мужского населения, был проведен закон о «сохранении мира», т. е. об ограничении свободы слова и политической деятельности. Теперь, в разгар увлечения западным тоталитаризмом, закону о «сохранении мира» была придана реальная сила путем создания «контроля мысли» и передачи его особому отделу жандармерии.

Еще во время Мейджи был установлен порядок, по которому военным кругам давалась возможность контролировать политическую жизнь страны. Это достигалось простым отказом утвердить своих офицеров на посты военного и морского министров, что неизменно влекло за собой провал нежелательного состава кабинета.

На Версальской конференции Япония выдвинула принцип расового равенства, по которому все страны, члены Лиги Наций, должны пользоваться равными правами вне зависимости от расы и национальности. Принятое 11 голосами из 17, предложение не было утверждено из-за отсутствия абсолютного большинства. В японском народе появилось сомнение относительно искренности принципов Лиги Наций. Национальному чувству самолюбивого японского народа пришлось страдать еще не раз. В 1922 году Верховный Суд США вынес решение против предоставления японским иммигрантам права американского гражданства. Двумя годами позже Конгресс США провел закон о прекращении японской иммиграции. Вашингтонская конференция 1921—1922 годов ограничила морские силы Японии в Тихом океане. Япония считала, что Вашингтонская конференция заставила ее возвратить Китаю бывшие германские владения в Киочао и отказаться от особых прав и преимуществ в Шаньдуне. Япония также считала, что «договор девяти» о неприкосновенности территории

Китая и политики открытых дверей и равных возможностей был направлен исключительно против японских интересов. Премьер Танака еще в 1927 году заявил, что «ограничения, вытекающие из договора девяти держав, подписанного в Вашингтоне, до такой степени урезали наши специальные права и привилегии, что у нас совершенно связаны руки».

Эти ограничения — явные и кажущиеся — ущемляли национальное сознание японского народа и заставляли его искать своего собственного пути. Честолюбивая страна стремилась к руководящей роли среди своих отсталых соседей. Еще в 1927 году премьер Танака на «восточном совещании» в Токио заявил, что Япония должна смести все затруднения путем «крови и железа», если она действительно хочет занять положение в соответствии своих национальных чаяний.

> Для того, чтобы завоевать подлинные права в Маньчжурии и Монголии, мы должны использовать эту область как базу и проникнуть в остальной Китай под предлогом развития нашей торговли. Вооруженные уже обеспеченными правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Имея в своем распоряжениии ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. Но захват в свои руки контроля над Маньчжурией и Монголией является первым шагом, если раса Ямата желает занять достойное место в континентальной Европе[41]).

Тридцатые годы окончательно вытеснили западные гуманитарные течения из рамок национальной жизни Японии. Либеральные круги подверглись гонению. Милитаризм в руках фанатически настроенных молодых офицеров преодолел то незначительное сопротивление, которое он вначале встретил в парламентских, правительственных и промышленных кругах. Ряд политических убийств сломил сопротивление. Успехи Муссолини, строившего римскую империю в Северной Африке, не давали покоя японским ультра-националистам. Но особенно магическое впечатление произвели на них слова Гитлера, сказанные им в Мюнхене неделю спустя после военной оккупации рейнских земель: «Я иду своим путем с уверенностью сомнамбулиста, путем, посланным мне провидением».

---

[41]) Токийская конференция представителей правительства по вопросу о политике в Китае, 7 июля 1927 года.

Начало маньчжурских событий

Летом 1927 года, во время северного похода Чан Кай-ши, маньчжурский маршал Чжан Цзо-лин сосредоточил свои войска между Мукденом и Пекином. Японские военные власти, с которыми Чжан сотрудничал еще со времени Русско-Японской войны, были настолько заинтересованы его действиями, что премьер Танака отправил в Пекин личного представителя для выяснения лойяльности своего протеже. В последнее время японские круги были недовольны Чжан Цзо-лином. Ему ставилось в вину самовольное расширение власти и чрезмерная личная заинтересованность не только в делах, касающихся Маньчжурии, но и всего Китая; японским правительственным кругам не нравилась и его решительная кампания за отмену токийской декларации о т. н. «двадцати одном требовании» и нарушение прав японских граждан в Маньчжурии.

В настроениях маньчжурского наместника ничего не было необычного. Весь Китай был охвачен анти-японским движением, которое не замедлило проникнуть и в Маньчжурию.

Маршал Чжан Цзо-лин колебался: принять ли участие в деле объединения Китая, или более выгодным для него будет сохранить положение правителя независимой Маньчжурии. Симпатии сына его, Чжан Сюэ-ляна, склонялись определенно в сторону гоминдановского правительства Чан Кай-ши. Но в Пекин прибыл от премьера Танаки генерал Яманаши и повлиял на маньчжурского маршала принять нужное Японии решение. За это он получил новое японское вооружение и средства, затем произвел себя в генералиссимусы и принял титул верховного правителя, чтобы стоять на равной ноге с генералиссимусом Чан Кай-ши в решении судьбы Китая.

Налет, совершенный на советское посольство в Пекине его полицией, дал ему возможность заглянуть в закулисную игру коминтерновских агентов и чинов советского посольства в Китае. Но среди советских секретных бумаг нашлись добытые советской разведкой и такие бумаги, которые раскрыли его глаза на то, что Япония готовила для себя в его собственных владениях.

Премьер Танака, покровительствовавший Чжан Цзо-лину, считал, что за последним должно быть сохранено особое положение в Маньчжурии на том основании, что маньчжурский наместник был единственным лицом, могущим безболезненно

отделить Маньчжурию от Китая для создания в ней сферы неоспоримого японского влияния.

Поражение же маньчжурских войск выдвинуло для японских властей особую проблему. Перед началом северного похода Чан Кай-ши заверил японские военные власти, что он не введет свои войска в Шаньдун и в Северный Китай. Но увлекшись успехом, войска Чан Кай-ши перешли демаркационную линию и вошли в Цинан, что повлекло за собой частичное столкновение с японскими войсками. Тем временем разбитая маньчжурская армия бросилась в беспорядке к Шанхай-гуаню, куда была немедленно послана японская Квантунская Армия и специальная бригада из Кореи. Еще перед столкновением с войсками Чан Кай-ши, японские власти предостерегли Чжан Цзо-лина не начинать войны в Северном Китае или Маньчжурии и предупредили, что в подобном случае его войска будут разоружены. Но теперь, когда все это случилось, японским войскам в Мукдене был дан приказ воздержаться от столкновений с маньчжурскими войсками до получения особого императорского распоряжения. Правительство премьера Танака колебалось принять решительные шаги, не желая возбудить против себя мирового общественного мнения.

Тогда в кругах Квантунской Армии назрел план самостоятельного действия по обезвреженению маньчжурской армии путем ликвидации старого маршала. До японской разведки дошли дополнительные сведения, (предоставленные ей советской разведкой), что в Пекине Чжан Цзо-лин успел заручиться обещанием американской финансовой помощи и поддержки за предоставление особых привилегий американским интересам в Маньчжурии[42]).

Одним из лиц, подавших мысль о ликвидации Чжан Цзолина, был полковник генерального штаба Кавамото, который с ведома командующего Квантунской армией, генерала Мураока, и при участии полковника Доихара, взялся провести ее в жизнь. В Пекин был послан офицер разведки, чтобы узнать о дне и часе отправки в Мукден поезда маньчжурского правителя. Было решено устроить взрыв поезда в районе Хуанктуан, вблизи пересечения Пекин—Мукденской дороги

---

[42]) Международные отношения на Дальнем Востоке, 1870—1948, Академия Наук СССР, Институт Востоковедения, Москва, стр. 480.

японской Южно—Маньчжурской дорогой. Четвертого июня поезд Чжан Цзо-лина отбыл в Мукден. Взрыв произошел в шесть часов утра, уничтожив поезд, в котором погиб маршал и все пассажиры. Чтобы отвлечь подозрение, японские власти на месте расстреляли двух случайно захваченных чинов гоминдановской армии. Но подозрение определенно пало на японское командование в Северном Китае. Последствием убийства маршала Чжан Цзо-лина было падение кабинета Танака.

Обосновавшись на Квантунгском полуострове после Русско-Японской войны, Япония тщательно оберегала Маньчжурию от иностранного влияния и вторжения иностранного капитала, отделяя ее от остального Китая и подготовляя к тому положению, которое она займет в строившейся японской империи на континенте Азии.

За два месяца до мукденских событий 1931 года, завершившихся захватом Маньчжурии, японская печать сообщила об убийстве капитана Накамура во Внутренней Монголии. Вместе с капитаном были убиты другой офицер, унтер-офицер, русский белый эмигрант и монгол проводник. Что делала в Монголии группа Накамура, газеты не сообщали. Паспорта, выданные им китайскими властями в Мукдене, сообщали, что «Накамура и его сотрудники были заинтересованы в географическом и историческом изучении края». Расследование китайскими властями показало, что при капитане Накамура оказались большие средства. Относительно миссии Накамура китайские власти, не желая вызвать раздражение японских властей, сообщили, что она «была секретная и имела задачей движение вдоль границ Внешней Монголии и Советского Союза».

Япония чувствовала, что время начинало идти против нее. Объединение Китая под главенством Гоминдана шло быстрым темпом. Правители нового Китая вводили реформы, которые должны были стабилизировать экономическую и промышленную жизнь страны. В проекте была сеть новых железных дорог, связывающих Китай с Маньчжурией, что нанесло бы значительный ущерб японским интересам и подорвало бы монополию Южно-Маньчжурской железной дороги. Убийство капитана Накамура ускорило события.

Ночью 18 сентября 1931 года части Квантунской Армии внезапно захватили Мукден, арсенал и аэродром. Захвату Мукде-

на предшествовал обстрел китайскими войсками японского передового дозора. Обстрел произошел в 10 с половиной вечера, но уже на рассвете в Мукден был введен большой японский гарнизон. За неделю до этого в Мукден прибыли японские инженеры, техники и механики, якобы для постройки электрической станции. На утро 19 сентября они захватили ответственные посты в мукденском арсенале. Такая согласованность во времени могла означать только отлично проведенную подготовку. На следующий день японские войска продвинулись на север, заняв Чаньчунь и Куанченцзы. В короткий срок были заняты Гирин и ряд прилегающих городов. В середине ноября японские войска пересекли линию КВжд и вошли в Цицикар. Серьезное сопротивление японским войскам было оказано под городом Цзиньчжоу, в котором находилась ставка молодого маршала Чжан Сюн-ляна. После трех месяцев воздушных атак пал в первых числах января и Цзиньчжоу. Месяц спустя японские войска вошли в Харбин. За четыре с небольшим месяца японские войска захватили всю Маньчжурию.

Носившие до захвата Маньчжурии случайный характер, японские империалистические замыслы теперь приняли формальную закономерность. К расчленению Китая японская власть пошла путем установления особых сфер японского влияния; путем так называемых «самостоятельных правительств», объявлявших свою неподчиненность центральному правительству; и путем неприкрытого ничем военного захвата китайской территории.

Чтобы отвлечь внимание от разыгравшихся событий на севере, японские войска умышленно переместили арену действия в Шанхай, высадив там десант морской пехоты и втянув в военные операции китайскую 19-ю Армию. В Маньчжурии тем временем шел ускоренный процесс пересоздания власти на японский лад. Назначенные новой властью губернаторы маньчжурских провинций один за другим заявляли о разрыве с нанкинским правительством и с маршалом Чжан Сюэляном, считавшим себя еще главой Маньчжурии. Вместо запрещенных политических партий и группировок была введена одна обязательная для всех правительственная партия, известная под именем организации Се-Хэ-Хой (Кео-Ва-Кай), вначале именовавшаяся обществом молодых патриотов. 1 марта 1932 года северо-восточный административный комитет, со-

ставленный из японских ставленников маньчжур и двух монгольских князей, утвердил заранее разработанный порядок. В казенно-витиеватом стиле было объявлено:

> Совершенно невозможно ожидать от партии в каком либо смысле национального благополучия. Страна в настоящее время переполнена бандами коммунистов, ядовитое влияние которых въедается в плоть народа, в сердце национального правительства. И вот, созерцая эти достойные жалости картины, мы вынуждены оглянуться назад на дни династии Дай-Цинь и династии Яо-Шун и скорбеть, что время разделяет нас от тех дней золотого века нашей истории... мы объявляем ныне, что мы разрываем наши отношения с Китайской республикой и устанавливаем государство Маньчжуго[43]).

Через неделю последний император Китая, глава династии Дай-Цинов, Пу-и, вступил на пост пожизненного верховного правителя. Через два года, во время провозглашения империи Маньчжудиго, Пу-и был коронован на престол императора с правом «объявлять войну, заключать мир и международные договоры, даровать милости, амнистии, ведать властью военной, судебной, амдинистративной и законодательной». В действительности же высшая власть сосредотачивалась в руках командующего Квантунской Армией, который совмещал с воинской должностью должность посла Японии, и который правил новой азиатской империей через гражданских чинов и военных советников, приставленных к Пу-и и ко всем лицам, имевшим какую-либо номинальную власть.

В Маньчжуго, с начала его образования находилась 150- тысячная японская армия, увеличенной к началу великой войны в пять раз; 18-тысячный жандармский корпус и четыре тысячи особых агентов разведывательной службы. Число японских советников выражалось в десятках тысячах, так как во всех правительственных и общественных органах, как малы они бы ни были, позади марионеточных фигур, находились японские управляющие.

Закулисная роль Японии была шита белыми нитками. По требованию общественного мирового мнения Лига Наций выделила комиссию во главе с лордом Литтоном для изучения на месте маньчжурской фазы японской агрессии. Накануне

[43]) Артемий Лишин, Пути государственного и культурного развития Маньчжурии, Восточное Обозрение, книга 2, стр. 58.

прибытия комиссии в Харбин в мае 1932 года японские власти убрали всех, кто бы мог поведать о настоящем положении вещей. Были арестованы и отправлены в специальный лагерь в Суньбей русские, китайцы и маньчжуры, подозреваемые в желании предстать перед комиссией, и все политические заключенные, включая советских граждан. Японские власти отдали приказ войскам не появляться на улицах Харбина. Японская полиция и жандармерия были переодеты в форму полиции и армии Маньчжуго. За время двухнедельного пребывания в Харбине комиссия Литтона не знала, что попытки отдельных лиц снестись с нею были пресечены японской полицией, и что были расстреляны пять китайцев, трое русских и один кореец.[44])

В ответ на вынесенное Лигой Наций порицание Япония вышла из ее состава и еще решительнее принялась за проведение своих захватнических замыслов. В феврале 1933 года японские войска захватили провинцию Жехэ в Северном Китае и направились в сторону Пекина и Тяньцзина. Но здесь они решили остановиться, помня урок Шанхая и решительность некоторых китайских армий воевать. Перемирие в Таку установило демилитаризированную зону между Великой Стеной и предместьями Пекина и Тяньцзина, но оно нарушалось не раз.

Японские власти продолжали систематически проводить свои планы в Китае. Они оказывали давление на местных властей, заставляли их смещать с должности лиц, настроенных против японских властей и ставили вместо них своих людей. В 1935 году они создали марионеточное правительство в восточной части демилитаризированной зоны. На следующий год, под видом самовластного захвата нерегулярными маньчжурскими войсками, они установили в провинции Чехэ прояпонское правительство. Японские агенты в Монголии настраивали население против китайских властей. Воспользовавшись давно потерявшим значение параграфом боксерского соглашения о содержании иностранных войск в Китае, японские власти настолько увеличили свой гарнизон в районе Пекин-Тяньцзин, что он представил внушительную силу, готовую для любых операций.

---

[44]) Secret Agent of Japan, by Ameleto Vespa. Garden City Publishing, Co., 1941, p. 163.

Токио не отставало от военных властей, оперировавших в Китае. Министр иностранных дел Хирота выдвинул три условия для урегулирования японо-китайских отношений: кооперация в подавлении коммунизма (причем, это не шло дальше тех областей, на которых Япония имела виды); признание правительства Маньчжуго; и отказ Китая от «попытки настроить третью державу против Японии».

Японская промышленность еще в 1932 году приняла характер подготовки к войне и носила официальное название «джусенджи кейзай» или военной экономики. В самом правительстве значительно усилилось влияние военных групп. Увеличение Квантунской Армии и постройка железных дорог к советской границе подсказывали, что оперируя пока в Китае, японские власти не исключали возможности операций против Советской России.

> ... дальневосточная политика СССР уже выявилась с достаточной полнотой в установлении так называемого «протектората» над Внешней Монголией. Маньчжурские события произошли, в известной степени, из-за необходимости принять активные меры для противодействия этой угрозы[45]).

Тридцатые годы во всем мире были насыщены событиями, которым суждено было десятью годами позже привести их к трагической развязке. Два месяца после назначения Гитлера канцлером Германии, Райхстаг вручил ему диктаторские права. Одним из первых шагов Германии был выход из Лиги Наций, как до этого сделала Япония, а немного позже — Италия. За несколько коротких лет произошел ряд завоеваний или насильственных присоединений чужих земель. Германия, в нарушение условий перемирия и Версальского договора, вернула земли вдоль берегов Рейна, присоединила самовольно Австрию, захватила судетские земли и за ними — Чехословакию. Италия завоевала Абиссинию и другие северо-африканские земли. Япония захватила Маньчжурию, Внутреннюю Монголию и провинции Северного Китая. Отмечая эффект мюнхенского соглашения на аппетит агрессивных стран, Черчиль пророчески заявил:

---

[45]) Сейдоо Симмей, «Антикоммунистический характер нового порядка в Восточной Азии», В. О., кн. 4, стр. 21.

> Это только первый глоток, первая проба горькой чаши, которая будет предлагаться нам год за годом, если только мы, путем восстановления морального здоровья и воинского духа, не поднимемся вновь и не встанем на защиту свободы, как это делали в старое время.

В середине тридцатых годов националистическое правительство Китая успешно завершило ряд реформ для установления порядка и нормальной жизни в стране. Одной из таких была денежная реформа, но самой важной проблемой было объединение страны под одним правительством. Коммунизм внутри страны не представлял особой опасности. Оставалась только одна проблема — агрессивная политика Японии на Дальнем Востоке. Но практические руководители нового Китая считали, что даже временное примирение с потерей Маньчжурии и Внутренней Монголией вознаградится объединением страны.

Стремлению Японии воспрепятствовать объединению Китая опять способствовал инцидент. На этот раз он произошел 7 июля 1937 года у моста Марко Поло, в нескольких милях от Пекина. После умышленно затянутых переговоров, прерываемых местными стычками, стянутые японские войска внезапно заняли Пекин и Тяньцзин. В середине августа крупный десант высадился в Шанхае. Вначале китайские части почти вытеснили японскую морскую пехоту в реку, но свежие силы из Японии вышли в тыл китайской армии. В середине декабря был захвачен Нанкин и подвергнут разгрому, насилию и массовым убийствам, за которые десятью годами позже, по делу, принявшему зловещее название «Растление Нанкина», заплатили головами ряд лиц, занимавших высокие командные должности в экспедиционной японской армии.

Заняв к концу года почти все города в Северном Китае, японские войска весной двинулись на юг и на восток. Чтобы спасти Ханькоу, новую столицу, китайские власти взорвали плотину на реке Янцзы и затопили огромную территорию, по которой проходила сеть важных железных и шоссейных дорог.

Осенью 1938 года японские войска достигли наивысшего успеха. После бомбардировки пал Кантон. Несколькими днями позже был захвачен Ханькоу. В руках японских властей оказались все крупнейшие города, порты и дороги. Казалось, Китай был уже сломлен.

Японская печать восторженно ликовала по поводу успехов в Китае. В стране впервые заговорили о «новом порядке» в Восточной Азии и о роли в ней Японии, о «священной борьбе» за этот порядок, о создании единого блока стран под главенством Японии. В декларации в ноябре 1938 года премьер Коноэ заявил:

> Главнейшее стремление Японии заключается в водворении и укреплении нового справедливого порядка в Восточной Азии, основанного на организованном обоими народами противодействия Коминтерну, и на тесном сотрудничестве их в области экономики, политики и культуры.

Слишком увлекательны были примеры завоеваний в Европе, чтобы на волне ультра-националистического подъема Япония не последовала бы им! В Северной Африке Муссолини строил «величайшую римскую империю». Гитлер кровью и железом выковывал в Европе Третий Райх, который должен был бы стоять незыблемым тысячи лет. Япония в лихорадочном возбуждении принялась воздвигать над огромным пространством Восточной Азии «Хакко-Ичиу» — «Крышу о Восьми Углах» — японский вариант мирового господства.

В основу единого блока Восточной Азии ставилось обязательным пять положений: географическая близость; экономическое сотрудничество; устранение капиталов стран, не входящих в состав блока; отмена старых порядков; проведение в жизнь единого плана в отраслях внешней торговли, финансирования, капиталовложения и прочих видов хозяйственной деятельности. «Нет ничего удивительного, что при подобном положении дел, Японии, стране передовой и могущественной, предстоит выполнить ведущую роль в отношении других стран Восточной Азии»[46]).

Другой государственный деятель Японии еще точнее определяет характер «нового порядка»:

> Необходимо лишь одно: во всех случаях должно быть совершенно ясно установлено, что в Восточной Азии Япония и Китай являются хозяевами, а европейские государства — гостями. До Вашингтонского соглашения гости занимали место хозяев и наоборот, но с того времени прошло уже 14—15 лет, и положение на Дальнем Востоке резко изменилось.

---

[46]) Тэцудзи Када, «Теория единого блока в Восточной Азии», В. О., книга 1, стр. 35—41.

Теперь хозяевам и гостям нужно занять надлежащие места, и с точки зрения дипломатической это должно стать главным плодом китайского инцидента. Мы согласны: эта точка зрения противоречит духу договора девяти держав. Но мы не видим никаких оснований позволять и дальше связывать себя по рукам и по ногам договорами, заключенными двадцать лет тому назад[47]).

В Японии по количеству соли, идущей в засол белой редьки-дайкона (необходимой приправы к пресному рису), специалисты берутся судить, куда намерены двинуться японские вооруженные силы: крепче засол — на юг, слабее — на север. В этом отношении роль немца Ричарда Зорги, советского шпиона и закадычного друга Отта, германского посла в Токио, сводилась к простой задаче: выяснить количество соли. На самом же деле задача определить первоначальное движение японских вооруженных сил была трудна даже для самой Японии. Постоянно враждовавшие между собой армия и флот перемещались, как борцы на цирковой арене, в поисках выигрышной позиции. Армия настаивала на развитии операций на севере Дальнего Востока и с этой целью устраивала пробу советского и своего оружия: в 1938 году у озера Хассан, а в 1939 — под Номоханом. Еще в начале сороковых годов японский Генеральный Штаб разработал план «Кантогун токубецу энсю» («Особые маневры Квантунской армии»), по которому в июле 1941 г. намечалось нападение на Владивосток, Благовещенск, Ворошилов (Никольск-Уссурийск), Петропавловск-на-Камчатке, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск и Советскую Гавань.

Начало войны в Европе и первоначальные успехи Германии, захват таких западно-европейских колониальных стран, как Голландия и Франция, помогли Японии сделать выбор. Японская печать запестрела статьями о колониальных цепях восточно-азиатских народов, о грядущем освобождении их Японией, для чего именно и требовалась экспансия на юг, об империализме англо-американских держав. Южный бассейн Тихого океана, включающий Филиппины, Голландскую Ост-Индию, английские и австралийские владения, получил ласкающее слух японских предпринимателей название «Дом Сокровищ». Японские экономисты спешно подсчитывали на-

[47]) Саеоо, Наотаке, Будущее Японии и Китая, там же, стр. 11.

личие естественных богатств, нефти, олова, каучука. Пока шел крепкий засол дайкона и пока японский флот делал последние приготовления для похода на юг, японская печать усиливала кампанию, придавая событиям завуаалированное объяснение:

Единственным средством спасти Азию от подобной перспективы («империалистической эксплуатации» Европы и Америки в Азии, прим. ред.) является объединение азиатских народов и тесное их сотрудничество при поддержке организующей силы, не преследующей хищнических замыслов. Европейская война предоставляет Индии, Индокитаю и Голландской Ост-Индии небывалый еще случай освободиться от колониального угнетения и превратиться в свободные страны. Нужно лишь иметь здравое представление о недостаточности собственных сил и о неимении верных друзей за пределами Азии. Все эти страны должны понимать, что и Германия, воюющая с Англией, Францией и Голландией, также не может быть союзником, сочувствующим их освобождению от мипериалистического гнета.

Совершенно самостоятельную позицию занимает в Азии Япония, стремящаяся к освобождению азиатских народов от эксплуатации. Только в ее интересы не входит превращение Азии в колонии других государств и только ее политика направлена к установлению мира и всеобщего процветания в той чести света, где находятся японские владения[48]).

Сигнал был дан перейти от сомнительных успехов в Китае к легкой наживе в Южных морях. Ничто уже не могло остановить страну. Она была готова на все. Курс Японии совершенно определился в начале второй мировой войны:

Проблема установления политического и экономического порядка Восточной Азии считается первой и основной задачей Японии. Порядок этот должен быть и будет стабилизирован. Поэтому японское правительство и заняло позицию невмешательства в дела Европы. Однако, невмешательство еще не означает незаинтересованность. Поскольку Япония заинтересована в Китае, она не допустит в нем никаких выступлений третьих держав, могущих усугубить тяжесть положения, переживаемого Китаем. В случае, если бы необходимость принудила Японию приступить к действиям, она не остановится ни перед какими препятствиями, даже если ей пришлось бы принять участие в начавшейся мировой войне[49]).

---

[48]) Сузуки, Тоомин, Роль Японии в Азии, В. О., кн. 4, стр. 13.
[49]) Заявление тов. мин. ин. дел Савода от 5 сент. 1939 г.

Пагода из Скелетов.

Ничто не выражает так ярко настроение Японии в тот фатальный период, как письма известного японского поэта своему индусскому собрату. Написанные в разгар японо-китайского конфликта, в приподнятый период развития японской агрессии и подготовки к построению «Крыши о Восьми Углах» над всей Восточной Азией, эти письма, по своему совмещению несовместимого, представляют любопытнейший материал. Вот несколько выдержек из них[50]):

> Предложив лозунг «общая жизнь и общее процветание», мы искали дружеского ответа Китая. Нас отвергли. И теперь, начертав на своем знамени «Азия для Азии», с решимостью, достойной крестоносцев и с жертвенностью мучеников, японская армия идет на поля сражений. Не для каких-либо завоеваний, а для исправления заблуждений гоминдановского правительства, для улучшения жизни пауперизованной и угнетенной китайской массы, для просвещения темных сердец ее. И мы поклялись, что лозунг «священная война» не будет пустым звуком и что ни один шаг не омрачит его.
>
> Если Чан Кай-ши рассчитывает на длительную войну, пусть будет так. Мы готовы удовлетворить его желание, пусть война длится пять, десять, даже двадцать лет...
>
> ...Эта новая эра настанет тотчас же вслед за войной. Мы надеемся, что она принесет добрые плоды, мы думаем о взаимной пользе Японии и Китая. Япония хочет иметь рядом с собой сильного и истинно дружественного соседа; мы хотим от Китая лишь одного: чтобы он сотрудничал с нами в перестройке Азии на новых началах...
>
> Несомненно, японский (в оригинале следующее слово вычеркнуто, но может по смыслу означать только «милитаризм», прим. ред.) — существо страшное. Но нападая на Японию, ты упускаешь из виду, что Китай в руках Чан Кай-ши представляет милитаристическое государство значительно худшего свойства, чем Япония... Пусть милитаризм — преступление, но если подумать о жизни, из которой гуманизм вынет все кости и создаст из нее мягкотелое животное, то невольно скажешь: нет, гуманизм — еще большее преступление...
>
> ...Мои слова «создадим Азию для Азии» ты назвал «попыткой построить пагоду из скелетов»... Сейчас Япония вынуждена применять к Китаю радикальные методы лечения, но делает это она вовсе не из каких-либо завоевательных побуждений или с расчетом захватить в свои руки страну. Мы хотим сломить вставшее на ложный путь гоминданов-

---

50) Ногучи, Ионэдзироо. Письма к Рабиндранату Тагору, В. О. книга 3, стр. 54—82.

ское правительство и, передав землю в руки народа, рука об руку с этим возрожденным народом пойти к созданию нового мира в Восточной Азии.

...Но вот эта прекрасная Япония вдруг превратилась в «страну Тамерлана, запершегося в пагоде из скелетов»...

Как я уже неоднократно объяснял тебе в своих письмах, настоящая война является для Японии «священной войной» за сближение Японии с китайским народом. Она имеет целью указать этому народу более лучший жизненный путь, по которому мы вместе пойдем строить новый мир в Восточной Азии. Практически это сводится к тому, чтобы установить обмен китайского сырья на продукты нашей промышленности и таким образом создать из Китая «имущую страну.

Пророческим является ответ Тагора на письма японского поэта:

С величайшей скорбью я думаю о твоем народе; твое письмо пронзило глубокой болью все мое существо. Я знаю, что в один день разочарование твоего народа дойдет до предела и что трудом столетий он принужден будет расчищать руины своей цивилизации, приведенной к гибели его же собственными обезумевшими военными вождями...[51]).

«Узы общих интересов»

После первых успехов военные операции в Китае приняли затяжной характер. В руках японских властей была прибрежная полоса, все крупные города и порты, но Китай не был побежден. Население не скрывало своих неприязненных чувств к захватчикам и оказывало им упорное сопротивление. Японские гарнизоны были сосредоточены по городам и важным стратегическим пунктам, но все пространство между ними оставалось в руках отрядов правительственных войск и партизанов.

Японское правительство отдавало себе отчет в том, что Китай не пойдет добровольно на соглашение с Японией после всего того, что было сделано ею: нарушение суверенных прав, самовольное хозяйничанье, захват Маньчжурии и Монголии, интриги в северных провинциях и т. п. Еще в первых числах декабря 1937 года, шесть месяцев после инцидента у моста

[51]) Мони Мулик, Тагор — поэт и пророк Индии. Ниппон Таймс, Токио, май 8, 1954.

Марко Поло, Япония, при посредстве германского дипломатического представителя в Пекине, предложила начать переговоры с Чан Кай-ши о восстановлении мира на условиях отказа от сотрудничества с Коминтерном. Ссылка на это сотрудничество обычно являлась лишь предлогом для проведения японского хозяйничанья в Китае. Главными условиями в японском предложении были два пункта: установление в демилитаризированных зонах особого административного правления под японским контролем, и заключение экономического сотрудничества между Японией и Китаем. Последнее, если бы было принято Китаем, поставило бы его на положение простого поставщика сырья для японских фабрикантов.

В январе 1938 года японское правительство отказалось признавать националистическое правительство Китая и решило создать новое китайское правительство, готовое идти на поводу Японии.

В Чунцине, новой столице национального Китая, продолжалась борьба двух фракций Гоминдана — Чан Кай-ши и Ван Цзин-вея, охлаждение между которыми началось еще в раннем периоде роста партии. В середине декабря 1938 года Ван Цзин-вей порвал с Чан Кай-ши и спешно вылетел в Ханой, Индокитай. Оттуда в своем заявлении исполнительному комитету Гоминдана и Высшему Совету обороны, он подверг резкой критике действия руководителей правительства:

> Командование (гоминдановское) объяснило потери важнейших пунктов и районов занятием новых позиций или изменением стратегических планов. Ранее, во времена династии Мин и Цин, полководцы отдавали себе ясный отчет, что значит бой и что значит оборона. Теперь, повидимому, под боевой операцией понимается отступление, а под обороной — разграбление и поджоги. Районы, даже не подвергающиеся оккупации, ныне разоряются партизанскими частями, которые под видом военных действий совершают грабительства в грандиозном масштабе[52]).

Почти одновременно с этим была опубликована декларация премьера Коноэ.

> Япония, Маньчжуго и Китай настолько связаны общими интересами, что не могут не сознавать всей пользы установления необходимости совместного преодоления происков

[52]) Агапов Е. Рождение нового Китая, В. О. 1940. Кн. 3, стр. 36.

Коминтерна. Объединение трех указанных выше стран создаст новую ситуацию в Восточной Азии. Но реализация объединения возможна лишь при наличии целого ряда предпосылок[53]).

Затем следовал перечень их, как признание Маньчжуго, совместная борьба с Коминтерном, признание за Японией особых прав во Внутренней Монголии и права пребывания японских войск в некоторых районах Китая, экономическое сотрудничество, предоставление Японии исключительных прав на разработку природных богатств в Северном Китае и во Внутренней Монголии.

Чунцинское правительство на заявление Ван Цзин-вея ответило обвинением его в измене и приказом об аресте. Три месяца спустя агенты террористической организации Си-Си гоминдановской партии произвели покушение на жизнь Ван Цзин-вея, во время которого был убит его секретарь. Перебравшись в безопасный для него Токио, Ван Цзин-вей повел переговоры о создании нового правительства в Китае. В Пекине и в Шанхае уже существовали отдельные правительства, временно созданные японскими властями, которые, однако, считали выгодным для себя создание одного китайского правительства с популярным политическим деятелем во главе. Ван Цзин-вей к этому времени окончательно порвал с чунцинским правительством и заявил о своем возвращении «к заветам Сун Ят-сена в их подлинном смысле». В августе 1939 года на территории, оккупированной японскими войсками, был созван 6-й съезд Гоминдана, который должен был собраться еще за два года до этого. Представляя исключительно фракцию Ван Цзин-вея, съезд легко провел работу по реорганизации Гоминдана и исключению из него фракции Чан Кай-ши, «исполняющую работу служебного органа Коминтерна». Съезд отменил возглавление партии Чан Кай-ши, поручив руководящие функции председателю исполнительного комитета, на пост которого до этого был специально избран Ван Цин-вэй. Съезд постановил порвать отношения с чунцинским правительством и восстановить добрососедские отношения с Японией.

Этой же осенью, после того, как закончились переговоры с главами временных правительств Пекина и Шанхая, начались формальные переговоры с Японией. Все уже было решено

[53]) 22 декабря 1938 г.

заранее, оставалось только выработать детали и придать этим переговорам характер подлинных чаяний китайского народа. В конце марта следующего года, после краткого совещания центрального политического совета из представителей Гоминдана, двух временных правительств, объединенного правительства Монголии, национально-социальной партии и партии китайской молодежи, было сформировано «национальное» правительство со столицей в Нанкине. В основу его было положено десять принципов, из которых главные гласили следующее: присоединение к «вечному миру и новому порядку в Восточной Азии»; пребывание на страже против замыслов и тайной работы Коминтерна; созвание народного собрания для выработки и принятия конституции.

Японская печать отметила это событие соответствующим образом:

> В настоящее время Япония, Китай и Маньчжудиго, под влиянием выступления Ван Цзин-вея, декларации князя Коноэ и идеи Великой Азии Сун Ят-сена, собираются приступить к созданию нового порядка в Азии, побуждаемые чувством человеколюбия и добродетели. Весна Восточной Азии не за горами и слава ожидает ее народы. В то же время, благодаря пробуждению Восточной Азии и ее освобождению, уже слышится прощальный звон западному индивидуализму и материализму — их будут провожать похоронным маршем.
>
> Над Восточной Азией, где строится новый порядок, занимается заря. Ее провозвестником является решительное выступление Ван Цзин-вея, колоритная фигура которого находится теперь в центре всеобщего внимания[54]).

Политика промежуточной позиции

Приход Гитлера к власти в Германии вызвал в Европе развитие тактики Коминтерна, известной под названием «народного фронта», которая широко охватила ряд не-коммунистических стран, находившихся лицом к лицу с угрозой немецкого захвата. Эта эра продолжалась с июля 1935 по август 1940, когда Сталин заключил с Гитлером союз для раздела Европы.

Пакт Риббентропа—Молотова, «связавший священными узами и братской кровью Советский Союз с нацистской Германией», произвел неменьшую тревогу в странах оси и, главным образом, в Японии. До этого в основу «нового порядка в Азии» всегда закладывалась непримиримая позиция в от-

---

[54]) Масао Морита, Ван Цзин-вей и его идеи. В. О. Кн. III, стр. 92.

ношении коммунизма вообще и Коминтерна в частности. Япония всегда подчеркивала свою преданность антикоминтерновскому пакту оси Германии и Италии, и пыталась привлечь к нему Китай. Теперь же «братский» пакт коммунизма с нацизмом — безразлично, насколько искренний и прочный — заставил правительственные круги Японии подойти к необходимости пересмотра своей политики и отношения к коммунизму в свете неожиданных развитий в Европе. В Японии вдруг заговорили о том, что «борьба с Коминтерном не является основной целью нового порядка», что эта борьба носит «исключительно принципиальный характер». Как заявил один из японских авторитетных публицистов:

> После сближения Германии с СССР некоторые лица в Японии стали говорить, что необходимо следовать примеру Германии. Положительная сторона такого изменения политического курса усматривается ими в том, что, ограничив по примеру Германии антикоммунистическую активность, можно будет начать действовать в направлении Англии, США и Франции и прежде всего с этой стороны укрепить устои нового порядка в Восточной Азии.
>
> Направление реальной политики нашего правительства пока еще ясно не определилось; можно сказать, что в вопросе борьбы с Коминтерном оно придерживается пока промежуточной позиции между прежним курсом и сближением с СССР. Это доказывает, что вопрос борьбы с коммунизмом в Восточной Азии находится сейчас в очень деликатном положении в связи с изменением мировой ситуации...
>
> Хотя мы и решили сохранить курс борьбы с коммунизмом для установления нового порядка в Восточной Азии, но нет необходимости при этом целиком отрицать политику дипломатического сближения с СССР...
>
> Сближение между Японией и СССР не представляет ничего невозможного. Об этом говорит и Мао Дзе-дун. Однако, если СССР будет видеть слабость позиции Японии, то такая возможность маловероятна.
>
> В деле установления нового порядка в Восточной Азии антикоммунистический его характер является важнейшим фактором, и мы должны его всемерно укреплять; курс же на сближение с СССР является при совместных условиях желательной временной тактической мерой[55]).

---

[55]) Сэйдоо Симмэй, Антикоммунистический характер нового порядка в Восточной Азии, В. О. кн. IV, стр. 25—29.

Эмигрантская Империя

...превратности судьбы, не щадящие ни человека, ни его величайших достижений, и предающие общей могиле империи и города.

Эдвард Гиббон,
Упадок и развал Римской Империи.

I

ЧУЖИЕ СТУПЕНИ

Причины и следствия

Среди многих причин, приведших к развалу Белого Движения, главными были отсутствие четко выработанной политическо-экономической платформы Временного Правительства; разногласия среди белоповстанческих вождей, переходившие подчас в открытую вражду; пассивность населения, граничившая с фатальной самообреченностью; безразличие великих держав не только к судьбе России и ее народов, но и к судьбе всего остального мира.

При Омском правительстве адмирала Колчака находились военные и дипломатические миссии великих держав, но ни одна из них не удостоила его признанием. Исконно демократическое население Сибири, не знавшее ни помещиков, ни крепостных, население независимое и зажиточное, не оказало ему никакой поддержки. Мобилизация проходила в условиях враждебности и глухого сопротивления. За счет трагически таявшего фронта непомерно расли тыловые учреждения, дутые «бумажные» формирования, в которых, кроме громких названий (такой-то гусарский, уланский полк) и небольшого командного состава, ничего не было. Безответственные действия отдельных военачальников, принявших меры карательного характера за открытую борьбу против врагов Временного Правительства, углубляли и так ставшую уже непроходимой пропасть между правительством и населением[56]). Неудачи на фронте, «атаманщина» в глубоком тылу ускоряли процесс развала. К концу 1919 года было совершенно очевидно,

---

[56]) Приказ по войскам ген. Розанова расстреливать каждого десятого, если при захвате селения в нем находились красные партизаны, сжигать селение и расстреливать все взрослое население, если при входе в него было оказано вооруженное сопротивление. По приказу ген. Косьмина военнопленные, у кого не было нашейных крестов, расстреливались на месте. (Фотостаты приказа ген. Розанова и показания участников).

что падение Омского правительства — вопрос самого ближайшего времени.

В легковерных расчетах на союзную и другую иностранную помощь правительство адмирала Колчака строило надежды даже на чешские войска, сформированные из австро-германских военнопленных. Но чехи были заинтересованы исключительно в наиболее быстром и безопасном следовании через Сибирь и отбытии на родину со всем тем, что они успели захватить по пути, включая большое количество российского золота.

Интервенция союзных войск в Сибири была отчасти вызвана желанием сохранить огромные военные запасы, поставленные Соединенными Штатами Америки, и попутно сохранением порядка, с чем невольно была связана ориентация на Омское правительство. Франция больше всего была заинтересована в отправке на родину чешских эшелонов, что она и поставила условием прежде чем согласиться на участие в интервенции.

Разногласия среди глав иностранных экспедиционных войск начались с первых дней интервенции. Генерал Грэйвс, командовавший американским экспедиционным корпусом, строго придерживался принципа невмешательства в русские дела. В этом отношении он не только расходился с генералом Ноксом, английским командующим, настаивавшем на большей помощи адмиралу Колчаку вооружением и финансовой помощью, но и с Государственным Департаментом в Вашингтоне. Итальянское участие было почти незаметно. Заботы генерала Жанена не шли дальше помощи чешским эшелонам. Генерала Ойта интересовало проведение в жизнь планов Японии, не имевших ничего общего с миссией интервенции.

Позиция американского правительства не была ясной. Генерал Грэйвс не считался с мнением американского генерального консула во Владивостоке, Харриса, и американского посланника в Токио, Моррисона, представлявших в ставке адмирала Колчака Государственный Департамент. Прямолинейный, если не сказать одноколейный, армейский подход не позволял генералу Грэйвсу разобраться в сложном положении, в котором находилась Россия, включая Сибирь, не говоря уже о каком-либо даре провидения и политической прозорливости. Грэйвс не понимал, что шла жесточайшая братоубийственная война, ослеплявшая ненавистью и жестокостью ее

участников. Чудовищные акты жестокости, мести совершались одинаково белыми и красными, принося тем и другим — а еще больше мирному населению — нечеловеческие страдания. Взывать к морали в свете воскресной библейской школы в условиях подобного озверения было по меньшей мере наивно. К тому же Грэйвс взывал только к вождям Белого Движения, забывая о другой стороне Гражданской войны. Пристрастность генерала Грэйвса создала ошибочное впечатление, что американские власти не только сочувствовали красным, но и явно помогали им. Взаимное непонимание выразилось в ряде трагических инцидентов, от избиения отдельных американских солдат до обстрела семеновским бронепоездом американского эшелона, в котором было убито несколько американских солдат[57]).

К концу 1919 года стало очевидным для союзников, что дальнейшее пребывание иностранных экспедиционных корпусов в Сибири было бесполезно. Омское правительство было накануне падения и уже оставляло Омск. Фронт перестал существовать. Крупные силы красных партизан накапливались в глубоком тылу в районе Иркутска. Чехи спешно пробирались к Владивостоку последними двумя эшелонами, к которым примкнули иностранные миссии и часть Омского правительства. Обращение Омска о пропуске поезда с правительством впереди последнего чешского эшелона было отклонено генералом Жаненом. Командование Красной Армии билось в истерике, посылая телеграмму за телеграммой в Иркутский Революционный Военный Совет с настойчивым приказом не допустить вывоза российского золота, находившегося в переднем чешском эшелоне. 25 января 1920 года чешское командование выдало Иркутскому Реввоенсовету адмирала Колчака и его министра Пепеляева. Теперь золото могло безопасно следовать по пути во Владивосток.

За месяц до выдачи чехами адмирала Колчака, генерал Грэйвс докладывал Военному Департаменту в Вашингтоне:

> Меры безопасности требуют сосредоточения американских войск, что вызывает необходимость покинуть части нашего сектора охраны Сибирского пути. Мы быстро приближаем-

---

[57]) В 1939 г. в Лос Анжелес, Калифорния, Федеральный суд США оправдал Н. Ф. Богомольца, который 20 лет до этого командовал семеновским броневиком. Предание суду ген. Богомольца было основано на обвинении ген. Грэйвса.

ся к положению, в котором примыкаем к Калмыкову, Семенову и Розанову в их борьбе против тех русских, которые пытаются установить правительство, опирающееся на широкие слои населения... Эти люди — не большевики, как это понимается в Соединенных Штатах[58]).

Четверть века спустя история повторилась почти день в день, когда генерал Маршал, представитель президента Трумана в Чунцине, дал себя убедить, что китайские коммунисты «либералы и аграрные реформисты»[59]).

Для Японии интервенция в Сибири была одним из важнейших актов участия в международных делах. После легкой победы над Германией в 1916 — 1918 годах и отторжения ее азиатских и тихоокеанских владений, Япония преисполнилась сознанием, что ей предстоит выполнить особую миссию. Характер этой миссии был узко-национальный и преследовал честолюбивые и эгоистические цели таких государственных деятелей, как барон Гиичи Танака.

Для западных союзников сибирская интервенция была неприятным и докучливым придатком к концу первой мировой войны, для Японии же она явилась первой фазой грандиозного плана построения мощной империи в Азии. Дружелюбия к Омскому правительству, и, в частности, к адмиралу Колчаку, Япония не проявляла. Адмирал Колчак не шел ни на какие компромиссы относительно российских владений. Зато ставка на атамана Семенова сулила заманчивые выгоды.

Весной 1920 года в Западной Сибири не оставалось ни отрядов Белого Движения, ни экспедиционных иностранных войск. В Забайкалье еще находились части атамана Семенова и японские войска, которые по соглашению с новообразованным правительством Дальневосточной Республики должны были уйти оттуда, как и из района Хабаровска до осени 1920 года. С уходом японских войск из Забайкалья отряд атамана Семенова и волжско-камская армия генерала Каппеля принуждены были отойти в Маньчжурию и, затем, в Приморье. Ставка атамана Семенова была перенесена из Читы в поселок Гродеково, на восток от ст. Пограничной.

---

[58]) Graves, William S., America's Siberian Adventure, New York, 1941, p. 302.

[59]) Freda Utley, The China Story, Henry Regnery Co, Chicago, 1951, p. 11. В личном заявлении 7 янв. 1946 г. ген. Маршал сообщал, что «среди китайской коммунистической партии находятся либералы и радикалы...» White Book on China, p. 686.

За несколько дней до выдачи красным партизанам адмирала Колчака во Владивостоке произошел переворот. Накануне его генерал Розанов на особом собрании офицеров владивостокского гарнизона заявил, что «он будет до последней капли крови защищать город». Но в тот же вечер, в японской шинели с большим меховым воротником и в меховой шапке, в сопровождении своей семьи Розанов проследовал на японский миноносец.

Во Владивостоке создалось Земское правительство, явившееся своеобразным буфером между Японией и буферным правительством ДВР. Японские войска в Приморье оставались еще в Никольске-Уссурийском, Раздольном и Владивостоке. В руках красных партизан находилась вся остальная территория Приморья. Несмотря на данное союзниками обещание оставить территорию русского Дальнего Востока, Япония все еще колебалась, не сделать ли ей еще одну попытку задержаться в Приморье, тем более что социалистическое правительство Медведева начинало видеть угрозу одинаково слева и справа.

В мае 1921 года во Владивостоке произошел переворот и к власти пришли спичечные фабриканты братья Меркуловы. Одним из первых актов меркуловского правительства было вступление — не без давления со стороны японского командования — в переговоры с атаманом Семеновым, находившимся тогда в Порт Артуре. Семенов согласился примкнуть к новому правительству, но на условии продолжения вооруженных действий против коммунистической власти.

Через месяц после переворота на Дальнем Востоке части Временного Приамурского правительства повели успешную кампанию по очистке края от красных партизан. Но в этой кампании участвовали не семеновцы, а остатки каппелевских войск.

В ноябре ижевские части под командованием генералов Вержбитского, Сахарова, Молчанова, Пучкова и других начали поход на Хабаровск. После того, как пал Хабаровск, белые части вышли на Амурскую железную дорогу, но встретившись с крупным сосредоточением красных сил, окопались у Волочаевки. 5 февраля 1922 года, при 35-ти градусном морозе, в глубоком снегу, белые части повели наступление. Начались ожесточенные бои, продолжавшиеся десять дней. Преобладавшие численностью силы красных наконец прорвали

оборону и заняли Волочаевку. Победа красным досталась большой ценой, и Блюхер, командовавший частями Красной Армии, вынужден был сделать шестимесячную передышку, прежде чем решиться продолжить наступление на Владивосток.

В июне Народное Собрание было распущено и вместо него было приступлено к созыву Земского Собора. Правителем Приамурского правительства был избран собором генерал М. К. Дитерихс. Положение ухудшалось с каждым. Японские войска были накануне эвакуации. Объявленная мобилизация дала только 170 человек. Мистически настроенный правитель Земского Собора пытался поднять религиозный порыв во владивостокском населении и в остатках войск, но крестные ходы с иконами и хоругвиями меньше всего способствовали спасению отчаянного положения.

Последним боем Белого Движения суждено было разыграться у Спасска, куда Блюхер стягивал красноармейские части. 9 октября Спасск был отдан красным. Через неделю генерал Дитерихс отбыл в Японию. Братья Меркуловы успели уехать еще раньше. Через две недели японские войска оставили Владивосток.

25 октября 1922 года, с прибытием красных войск во Владивосток, Белое Движение на Дальнем Востоке перестало существовать.

Плацдарм надежды

С крушением Белого Движения Маньчжурия выдвинулась как плацдарм для создания новой возможности борьбы против советской власти в России. Полоса отчуждения, как назывался коридор вдоль Китайской Восточной железной дороги, была своеобразным государством в государстве, в котором существовали российские законы, суд, администрация, полиция, железнодорожная охрана, огромный штат русских служащих, начиная с управляющего дорогой, генерала Д. Л. Хорвата, и кончая последним стрелочником.

Начатая в 1898 году, постройка КВжд была закончена в 1903 году. Концессия с китайским правительством на право экстерриториальности Полосы отчуждения была заключена формально от имени Русско-Азиатского Банка для Общества КВжд, акционерного предприятия, пакет которого в одну тысячу акций находился в руках российского правительства.

Имущество КВжд в 1903 г. определялось стоимостью в 375 миллионов золотых рублей. Кроме дороги, общество владело 20 пароходами, пристанями и другим речным имуществом; ее тихо-океанская флотилия определялась стоимостью в 11 с половиной миллионов рублей. У КВжд был свой телеграф, угольные и лесные концессии, школы, больницы, библиотеки, железнодорожные собрания.

В 1917 году Временное правительство назначило генерала Хорвата комиссаром Полосы отчуждения. Хотя большевикам и удалось создать на дороге советы рабочих комитетов, но управление попрежнему находилось в руках Хорвата, опиравшегося на население, торгово-промышленные круги и консульский корпус. Весной 1918 года генерал Хорват участвовал на совещании, созванном в Пекине российским послом князем Кудашевым, на котором присутствовал и адмирал Колчак и представители союзников. Положение генерала Хорвата само по себе выдвигало его на пост главы движения за поддержку Временного правительства на Дальнем Востоке. На его обращение к союзникам за помощью откликнулась только Япония, но она предложила неприемлимые условия: уничтожение Владивостокской крепости и превращение города в свободный порт; исключительное право горных и лесных разработок в Сибири японским интересам; свободная навигация японских судов по Амуру, и т. п. Генерал Хорват прекратил переговоры с Японией и этим «приобрел репутацию человека, не идущего на сдачу российских прав и имущества иностранцам»[60]).

В годы Гражданской войны и союзнической интервенции в Сибири дорога находилась под совместным контролем Международного комитета, во главе которого стоял американец Джон И. Стивенс. КВжд находилась в тяжелом финансовом положении. Япония пыталась завладеть дорогой после падения Омского правительства, но не решилась испортить отношения с одним из союзников, т. к. Русско-Азиатский Банк считался французским учреждением; кроме того Стивенс, как глава комитета и управляющий дорогой, тщательно оберегал интересы ее.

После падения Омского правительства китайские власти по

---

[60]) White, John Albert, The Siberian Intervention, New York, Princeton University Press, 1950, p. 186.

собственному почину ввели в правление трех своих членов, распустили русскую железнодоржную охрану, закрыли русскую почту и подчинили полицию своей администрации. Полоса отчуждения была выделена в Особый Район Трех Восточных Провинций, главноначальствующему которого были даны широкие полномочия, вплоть до права назначать по своему выбору управляющего дороги. Первым управляющим КВжд при китайских властях был назначен инженер Б. В. Остроумов.

Встревоженный мир

Жизнь русских железнодорожников на КВжд до революции протекала в завидных условиях. Они получали хорошее жалование, казенные квартиры, отопление, всевозможные привилегии. Край был богат зверем, птицей, рыбой, хлебом; жизнь была дешевой и привольной, о какой большинство железнодорожников, перекочевавших в Полосу отчуждения из бедных центральных и украинских губерний, не могло и мечтать.

Казалось, ничего не могло встревожить этот благополучный мир. Великая война, грозная российская революция, наступивший в России голод, разыгрались далеко, чтобы всколыхнуть его безмятежное состояние. Он делился на две части: на Харбин и на «линию». Харбин был средоточием всего насущного, своеобразным казенным рогом изобилия: оттуда сыпались наградные, пособия, заботы благодушного начальства. В Харбине, в центре этого мира, находилось главное железнодорожное собрание, русская драма и опера, украинская драма, цирк, кинематографы, кафе-шантаны. Жизнь в нем кипела ключем, всего было вдоволь, на всех хватало с излишком.

На «линии» же был простор, широта. С востока к самым шпалам подходил царственный маньчжурский лес; с запада простирались необъятные монгольские степи. Все это было полно зверем, дичью, рыбой. На «линии» закупалось мясо не фунтами, а пудами или тушами. Погреба железнодорожников ломились от диких коз, фазанов, гусей, уток, всевозможных солений и печений. Гостеприимству, хлебосольству не было предела. Затяжные праздники, дни рождений, именин, свадьбы, крестины, похороны шли своим чередом в изобилии и пресыщении.

И вот эту вольготную, безмятежную жизнь грубо нарушили непрошенные гости, остатки разбитых белых армий, прибыв-

шие в Маньчжурию с запада и востока. С ними прибыли беженцы, их семьи. Кое-кто обладал имуществом, были даже дальновидные люди, которые заранее в казенных товарных вагонах перевезли свое хозяйство в спокойную Маньчжурию, но таких были единицы. Подавляющее же большинство, в особенно армейская масса, обладало только тем, что было на нем: истрепанное обмундирование, карман пустой, а если что и было в нем, то только «семеновские голубки» или облигации Временного правительства, что в общем было одно и то же. Для большинства впереди была полная неизвестность, но об этом мало кто думал; преобладала бодрая уверенность, что положение временное, что оно только на полгода, на год, после чего родина опять позовет всех. О том, что придется познать «тяжесть чужих ступеней и горький хлеб изгнания», никто тогда не думал. Поэтому собственное положение, несмотря на всю его трагичность, не заботило особенно: все, что нужно было, казалось, устроится временно и выждать более благоприятной погоды, попутного ветра, который доставит на родину, когда там изменится политическое положение. Но это «временное устройство» и составляло главную проблему. Большинство были в армии с начала Мировой войны и в течение последних пяти-шести лет единственным их занятием была война. Другого дела они не знали, а если и знали раньше, то за годы войны забыли о нем.

Появление этих людей всколыхнуло безмятежный мир железнодорожников-старожил, посягнуло на их более чем сытое существование и зародило тревогу, что и с ними самыми может произойти нечто подобное.

Эмигранты-беженцы встревожили и всколыхнули не только мир железнодорожников в Маньчжурии, они потрясли и весь Китай. Впервые китайский народ осознал, что бедность, лишение, беззащитность, бесправие, полуголодное существование не только удел кули. Он увидел, что это стало и уделом русского беженца. Впервые до сознания китайского народа дошло, что «белые люди», которых он до этого знал, как могущественных, богатых, утопавших в роскоши и неге в полудворцах и виллах Шанхая, Тяньцзина, Циндао, могут оказаться такими, как и русские беженцы.

Это сознание оставило на китайском народе неизгладимый след. Появление в Китае обездоленных русских эмигрантов

раз и навсегда покончило с мифом о могуществе и избранности белокожих людей.

Все, что произошло в Китае позже, имело прямое отношение к этому национальному прозрению.

В октябре 1922 года, после падения Приамурского правительства, последние остатки белых армий покинули Владивосток. Каппелевские корпуса генералов Бородина и Молчанова перешли китайскую границу у Хунчуна и сдали оружие китайским властям.

Другие остатки белых вооруженных сил и их семьи отплыли из Владивостока на 30 наспех собранных кораблях. Обычное трехдневное плавание превратилось в длительную одиссею, полную лишений и мытарств.

Интернированные китайскими властями корпуса были размещены по лагерям в Мукдене. Тысячи человек, мужчин, женщин и детей, должны были пройти через те же испытания, через которые за два года до них прошли военнослужащие, их семьи и беженцы, попавшие из Забайкалья в лагеря Цицикара.

На содержание беженцев китайское правительство отпускало средства, едва достаточные для полуголодного существования. Мизерные остатки казенных средств быстро изсякли. Оставалось надеяться только на себя. Не в лучшем положении оказались и одиночки, просочившиеся в Харбин и в другие города Маньчжурии. Очутившись на положении нежелательного элемента в глазах местных властей, они с трудом могли найти себе пристанище и работу. Но все же это было лучше жизни за проволокой лагеря, все же здесь было больше перспектив на будущее. За взятки можно было добиться от властей права на проживание в Особом Районе Восточных Провинций, как официально стала называться Полоса Отчуждений.

Образование многочисленной белой эмиграции на рубежах Советского Союза создавало невыгодную для советских правителей обстановку в глазах мирового общественного мнения. Белая эмиграция стала бельмом на глазу. Поэтому с самого начала ее образования советское правительство повело усиленную кампанию за возвращение эмигрантов на родину. Произошло это и в Китае, где власти сами старались освободить-

ся от пришлого и беспокойного элемента. Они не только не препятствовали частым наездам советских агентов-уговорщиков в лагеря беженцев, но и требовали от последних обязательного посещения собраний, на которых выступали коммунистические зазывалы. Но уговоры действовали слабо. Вести с родины не предвещали ничего доброго, террор советской власти продолжал свирепствовать в отношении даже тех, кто не имел ничего общего с Белым Движением. Русское население Дальнего Востока бесжалостно выкорчевывалось и распылялось по всем просторам Сибири и России.

После неудачи с заманиванием на родину, советское правительство перешло к требованию о выдаче им китайскими властями белых эмигрантов. Китайское правительство не решалось протестовать по поводу вмешательства советских властей во внутреннюю жизнь суверенного государства. О принципе же политического убежища оно не имела даже самого малого понятия.

Были выдачи советским властям отдельных белых эмигрантов, были массовые выдачи, как, например, случай когда из цицикарского лагеря была выделена группа в сто с лишним человек для отправки в Советский Союз. Обращение к китайским властям тогда еще незначительных эмигрантских организаций не имело никаких результатов. Генерал Рычков, начальник Западного отделения железнодорожной полиции, отказался предпринять что либо на том основании, что не имел никаких полномочий. Выручка пришла совершенно неожиданно от японских резидентов города Маньчжурии, на станции которого стоял состав с эмигрантами перед отправкой его на Забайкальскую дорогу. Не взирая на протесты китайской охраны, японцы открыли вагоны и выпустили заключенных эмигрантов.[61])

Бесправное положение эмигрантов совпало с деятельностью советских агентов в Китае при кантонском правительстве Сун Ят-сена. От исхода их деятельности зависела судьба русской эмиграции в Китае, тогда насчитывавшей четверть миллиона человек. Нет ничего поэтому удивительного в том, что в некоторых кругах эмиграции, привыкших за последние годы к дворцовым и недворцовым переворотам, зародилась мысль о

---

[61]) Н. А. Мартынов, из неопубликованных записок, находящихся в Русском Архиве при Русском Центре Сан Франциско.

захвате власти сперва в Харбине, а затем во всей Маньчжурии. Несмотря на всю безрассудность плана, он серьезно обсуждался, распределялись роли заговорщиков, захват зданий, складов оружия. В основе заговора лежал советский замысел по отчуждению Маньчжурии и превращению ее в советскую народную республику. Автором заговора был некто Берсенев, редактор журнала «Вестник Маньчжурии», органа Экономического Бюро КВжд, которому стало известно о переговорах А. Смирнова, секретаря Северо-Маньчжурского Коммунистического Комитета, с некоторыми лицами, близко стоявшими при маршале Чжан Цзо-лине.

Дальше обсуждения деталей переворота не пошло. Проблема быта, устройства жизни отодвигали на второй план «государственные замыслы», как увлекательны и заманчивы ни были бы их фантастические взлеты! Надежды на заметное улучшение эмигрантского быта были весьма слабы, поиски заработка приводили к тяжелой работе на лесных концессиях, к службе охранников, к поденщине за мизерное вознаграждение, едва дававшего возможность существования. Вопрос с правом на жительство продолжал оставаться острым еще долгое время, т. к. большинство не имело или никаких документов или же имело только временные документы. Скрывание от периодических облав полиции на беспаспортных, случайное скитанье по углам, хроническое безденежье и безработица еще долгое время продолжали оставаться характерными чертами жизни русских эмигрантов.

Русские старожилы Маньчжурии и, в особенности, Харбина недоброжелательно встретили беженцев. Десятки тысяч нуждающихся людей нарушили безмятежный быт железнодорожников и заставили призадуматься, что и их положение не так прочно, как могло им казаться. Вскоре маньчжурские старожилы убедились в этом воочию, когда раздор между Китаем, Советским Союзом и Японией из за КВжд выбил из под ног прочную основу их существования.

Пришельцы осели и как могли начали устраиваться на новых, вначале столь негостеприимных, местах. Но постепенно пришельцы и старожилы свыклись друг с другом. Последние нашли в первых то, чего им не хватало: людей более высокой культуры, характера, предприимчивости, выдержки. Пришельцы оказались чрезвычайно жизнеспособными, нужда — мать изобретательности и предприимчивости. На гребне эми-

грантской волны появились новые предприятия: рестораны во главе с «бывшими людьми», с институтом «интеллигентных кельнерш», артели кустарей, мастерские, комиссионные магазины, конторы по спросу и предложению; появились допотопные автомобили-такси, а у их стоянок — многочисленные погребки с горячей едой и дешевой харбинской водкой.

В проблемах быта для пришельцев почти незаметным прошли перемены на КВжд. Появление там новых хозяев, советских и китайских директоров, было только началом тех значительных перемен, которым суждено было произойти несколькими годами позже.

В этих чреватых последствиями условиях создавалась жизнь белой эмиграции на отрезе в четверть с лишним века, так резко отличавшаяся от жизни других очагов русского эмигрантского рассеяния на земном шаре.

В середине двадцатых годов население Харбина было около полумиллиона, из них русских жителей было около ста пятидесяти тысяч.[64]) Несмотря на переход многих железнодорожников в советское подданство, больше чем половина русского населения Харбина оставалась «белым».

В Харбине была богатая еврейская колония, во главе которой стоял популярный доктор И. А. Кауфман. Это была колония крупных предпринимателей, концессионеров, банкиров, владельцев мельниц, контор, складов. Зажиточной была польская колония, у которой было свое консульство, гимназия имени Сенкевича, большое польское собрание. Во главе польской колонии стоял Г. Г. Эмерс, в прошлом крупный землевладелец на Кавказе. Татарская колония была объединена в тюрко-татарскую общину, Среди некоторых кругов этой общины господствовало т. н. удельско-уральское течение, сводившееся к идее создания Татарской республики и отделения ее от России. Значительно меньше были колонии армянская, грузинская, эстонская и другие.

После первых трудных лет пришлое население Харбина ус-

---

[64]) Население Харбина в 1927 г. 485.000, из них маньчжур 395.000, японцев 27.000, корейцев 34.000. Офиц. данные, Дайрен, 1934 г. Советские данные: население Маньчжурии в 1932: 32 миллиона, советских граждан 150.000, эмигрантов 115.000, японцев 260.00 (не считая армии), американцев и европейцев 8.000. В Харбине 60.000 советских граждан, 45.000 эмигрантов. (Аварин, Независимая Маньчжурия, Москва, 1932).

пело приспособиться к новым условиям. Начав свой опыт в Харбине, а затем повторив его по другим городам Китая, вплоть до Шанхая, русская эмиграция проявила поразительную жизнеспособность и приспособляемость в борьбе за существование и выход на прочные экономические берега.

Харбин разросся еще больше, появилось много новых предприятий, часть временного, часть более длительного характера. Бойко заработали кабаре, кафе-шантаны, рестораны, ломбарды, особенно последние, в которых накапливалось в руках ростовщиков коллекции драгоценностей, золота, мехов, фамильного серебра.

Большинство новых предприятий было расчитано на обслуживание досуга мало обремененного делами Харбина. Состоятельных людей, иностранных и консульских служащих, агентов различных разведок было достаточно. Харбин становился важной ареной для политической игры и авантюр, и деньги на них легко лились из безотчетных источников.

Богатая знать собиралась в кафе-шантане Бомонд и в загородном ресторане Яр. Это были излюбленные места для прибывших в 1924 году советских агентов, секретарей советского консульства Пичугина, Кузнецова, Сошникова, совмещавших консульскую службу с работой в ОГПУ. В Бомонде и у Яра у них были свои кабинеты для встреч с нужными людьми. Управляющий Бомонда, беженец из Германии, говоривший хорошо по русски, был связан со всеми находившимися тогда в Харбине разведками, начиная от советской резидентуры, через японцев, англичан, американцев вплоть до третьего отдела Бюро по делам Российских Эмигрантов. Кафе-шантанные дивы, «интеллигентные кельнерши» и просто любительницы авантюр вербовались различными агентурными службами для работы по сбору информации и по распространению ложной информации, что было не менее важно. Все это велось в счет обещаний, будущих наград, вознаграждений, которые обычно никем не выполнялись. Нередко применялись форсированные способы привлечения к агентурной работе вплоть до шантажа и угроз.

На КВжд широко занимались контрабандой, провозом опиума, золота, различных драгоценностей. Опиум в Китай шел из Приморья, где корейцы засеивали маком огромные пространства, очищенные в Уссурийской тайге. В контрабанде опиума участвовали пограничные чиновники, железнодорожная

прислуга и полиция. Операциями по перевозке опиума ведали особые компании, возглавляемые дельцами, среди которых были корейцы, еврейские предприниматели и старожилы железнодорожники. Одними из самых крупных предпринимателей были кореец Пак и некто Вульфович. Опиум доставлялся со станции Пограничная в Харбин в паровозах, в вагонах с электрическими генераторами, в вагонах-ресторанах и в пассажирских, в которых за разборными стенками прятался контрабандный товар. Опиум доставлялся пачками по несколько фунтов, обернутых в свинцовую бумагу и в резиновую ткань, чтобы скрыть специфический запах. За доставку опиума платили от двух до пяти китайских долларов. Лица, ведавшие доставкой, заранее договаривались с чинами таможни и полиции, платя им вперед за пропуск «товара». Доставленный на место, опиум стоил во много раз больше своей первоначальной стоимости, принося таким образом обильные барыши всем участникам контрабанды.

Другим типом контрабанды были драгоценности, конфискованные советским правительством и направляемые через Маньчжурию на иностраные рынки. Провозом золота, драгоценностей, мехов, предметов искусства ведали люди, связанные с советскими агентами, обычно служившими паровозной и вагонной прислугой. Арендаторами вагонов-ресторанов, как и большинство буфетчиков на КВжд, были преимущественно кавказцы. Первые были обязаны иметь советские паспорта, так как они служили на сквозных поездах Китайской Восточной и Уссурийской дорогах; все они, зачастую против своего желания, были связаны с различными советскими организациями, включая ДАЛЬКРАЙКОМ, СМКК (Северо-Маньчжурский Коммунистический Комитет), ГПУ, НКВД и т. п.

Одним из наиболее активных и ответственных предпринимателей в контрабандных операциях был некто Микеладзе, тесно связанный с секретарем СМКК, А. Смирновым, и с заведующим гостиницы Гранд Отель, неким Лабузо. Гранд Отель принадлежал известному на Дальнем Востоке содержателю ломбардов И. В. Кулаеву, который сдал его советским властям на КВжд, устроившими в нем штаб информации и разведывательной службы. В. Н. Лабузо, бывший морской офицер, по должности управляющего Гранд Отелем был связан с советскими агентами и с Микеладзе.

Деятельностью Лабузо, занимавшегося не только сотрудничеством с Микеладзе и другими по провозу конфискованных российских драгоценностей, интересовались иностранные разведки. Лабузо видели несколько раз с капитаном Вильсоном, главой английской разведки, что дало основание одному из резидентов советской разведки, Павловскому или Фельдшеру, заподозрить его в двойной игре. Вскоре после этого Лабузо покончил с собой при загадочных обстоятельствах. Позже выяснилось, что он был ликвидирован советскими разведывательными органами. Вслед за Лабузо бесследно исчез после одной из очередных поездок во Владивосток и Микеладзе.

Советские власти нередко прибегали к услугам харбинских дельцов. Во время переговоров коминтерновских деятелей с генералом Фын Юй-сяном выяснилось, что последний одновременно договаривался и с маршалом Чжан Цзо-лином. Вопрос был только в цене, кто даст больше, при этом Фын требовал только серебро. Тогда (по инструкции полпреда Карахана) советские агенты в Харбине обратились к харбинским дельцам Утевскому, Бесеневичу, Берковичу и Аполонову. Золото нашлось у другого харбинского дельца, Шихмана; оно было куплено советским консульством и доставлено одним из группы Утевского генералу Фыну.

Китайское правосудие

По декрету 23 сентября 1920 года о прекращении признания дипломатических и консульских представителей России в Китае, русские граждане на территории Китая были приравнены к иностранцам, не имевшим прав экстерриториальности и поэтому подчиненных китайской юрисдикции. Все русские административные учреждения были закрыты и их дела переданы китайским учреждениям. Особенно коренным изменениям подверглись судебные учреждения. Особый Район Восточных Провинций был подчинен судебной палате, при которой были учреждены суды, окружной в Харбине, с отделениями в Ханьдоухедзы, Хайларе и городе Маньчжурии. При новых судах были назначены русские советники из занимавших раньше должности судей, прокуроров и присяжных поверенных. Они помогали в разборах дел, касавшихся русских граждан, но фактически не участвовали в судебных заседаниях. В уголовной защите и представительстве интересов в гражданских делах участвовали русские адвокаты. Судеб-

ная полиция, тюрьмы и арестные дома были подчинены прокурорскому надзору. Наказания были основные и дополнительные. К первым относились тюремные заключения от одного дня до двух месяцев и штраф, срочная каторга от двух месяцев до 15 лет, бессрочная каторга, и смертная казнь удушением.[62]) Дополнительными наказаниями были лишение прав и конфискация имущества. Право обжалования приговора принадлежало одинаково прокурору, защитнику, жене подсудимого или мужу подсудимой.[63])

Составленное еще в середине прошлого столетия, в конце царствования императора Сюнь-Туна, китайское уголовное право было переработано, дополнено и введено в силу в 1914 году. Привлечение русских юристов в качестве судебных консультантов показывало желание китайских властей сохранить для русского населения обычные для него формы судопроизводства. На практике же все было иначе. Китайские судьи обычно были невежественны и неподготовлены к судебному разбирательству, где дело шло дальше битья батогами не только подсудимого, но и свидетеля. В судах правили полуграмотные китайцы-драгоманы, они писали прошения, по своему изменяли показания подсудимых, свидетелей, истцов, защитников и подсказывали решения судьям. Взяточничество, обычное зло в Азии, играло значительную роль в судопроизводстве. Как правило, положение подсудимого было тяжелое, зачастую просто безвыходное, но далеко не лучше было положение и свидетелей, которые также могли томиться в тюрьме, до появления в суде. Русские присяжные поверенные, бравшие на себя защиту своих клиентов в китайских судах, проявляли исключительную решимость и смелость, чтобы добиться от судьи справедливого решения дела.

В одном из судебных дел, в разборе ссоры между двумя русскими, драгоман перевел «разбитое стекло» как «убитый Стекло». Суд ревностно взялся за дело об убийстве гражданина Стекло, повел тщательное следствие, направил сыскное отделение на поиски тела. Незадачливым русским, перенесшим свою тяжбу на рассмотр китайского суда, дело грозило тяжелыми последствиями, так как судья, прокурор, а, в осо-

[62]) В Харбине публично был предан казни через медленное удушение легендарный бандит Корнилов.

[63]) Особый Район Восточных Провинций, справочник, издание Экономического Бюро КВжд, Харбин, 1927.

бенности, виновник его, драгоман, запутались настолько, что уже не могли разобраться ни в чем. Русская женщина врач была привлечена к суду за то, что от дифтерита умер китайский ребенок. Она должна была явиться на суд с инструментами для осмотра горла, причем заинтересованный им китайский судья сам попробовал применить его на горле обвиняемой.

В одну из камер суда, в которой председательствовал судья такого устрашающего вида, словно он только что спустился с сопок из хунхузского стана, ввели пожилую русскую женщину, закованную в ножные и ручные кандалы. Она находилась уже несколько лет в тюрьме по обвинению в убийстве сожителя-китайца, но по ее делу все еще велось судебное следствие. Она была в ужасном виде, на грани сумасшествия. Увидя страшного судью, она закричала: «да убейте вы меня поскорее ради Бога!»

Школы, печать, организации

В Харбине существовало четыре высших учебных заведения. Политехнический институт, на прием в который допускались только советские и китайские граждане, был открыт с приходом советских властей.

Основанный группой эмигрантских и советских профессоров Юридический факультет был открыт одинаково для эмигрантов, советских и китайских граждан. Среди профессоров факультета были такие известные лица, как Н. В. Абросимов, Г. К. Гинс, В. В. Ломанский, Н. И. Миролюбов, Н. И. Никифоров, В. Н. Рязановский, Н. Ситницкий, В. И. Сурин, Г. Г. Тельберг, С. Н. Усов, Н. В. Устрялов, В. В. Энгельфельд.

Из других высших учебных заведений были Институт Ориентальных и Коммерческих Наук, и Педагогический Институт.

В Харбине выходили газеты: «Харбинское Время», «Заря», «Рупор», «Русское Слово», журналы «Рубеж», «Вестник Маньчжурии», фашистский орган «Наш Путь». Из просоветских газет выходила «Молва», «Трибуна», а во время советско-китайского конфликта — подпольная «Харбинская Правда».

Во время периодов китайского и смешанного советско-китайского управления КВжд эмигрантская пресса пользовалась относительной свободой. Положение изменилось с приходом японских властей. Под страхом закрытия эмигрантская пресса была обязана проводить японскую линию и помещать ин-

формацию от японского военного командования. Перейдя на положение полуофициального органа, эмигрантская печать стала зависить от властей, что заставило некоторые газеты принять фальшивый, а подчас и льстивый тон в расчете на благосклонное к ним отношение, поддержку и субсидию. Было и опасение, что новые власти не постесняются закрыть любую газету, если направление ее не будет соответствовать их желению.

В Харбине существовало несколько десятков общественных, политических и профессиональных организаций. Одной из первых был Комитет Помощи Русским Беженцам, созданный еще в Приморье в конце 1922 года владивостокским адвокатом Н. Г. Рачковым и директором коммерческого училища В. И. Колокольниковым. Начатый исключительно в целях благотворительности, Комитет в течение ближайшего времени разросся настолько, что включил в свое правление представителей почти всех эмигрантских организаций.

Большой организацией был Союз Домовладельцев, во главе которой стоял бывший генерал-губернатор Приморья Н. Л. Гондатти. Из военных организаций были Российский Общевоинский Союз, возглавляемый ген. Вержбитским; Дальневосточный Корпус Русских Добровольцев, организация активной борьбы против советской власти, во главе которой стоял генерал Н. П. Сахаров; Дальневосточный Союз Казаков, подчиненный атаману Семенову, возглавлялся генералом А. П. Бакшеевым; Союз Легитимистов, председателем которого был генерал В. А. Кислицын.

Русское Студенческое Общество, организованное в 1921—1922 годах, способствовало русским эмигрантам закончить высшее образование заграницей, главным образом в Америке. Деятельности этого общества обязаны тысячи русских эмигрантов, переселившихся в Америку и там закончивших высшее образование.

Организация русских молодых людей, известная как Союз Мушкетеров, создалась в противовес организации Комсомола, учрежденного советскими властями среди юношества на КВжд. Эти непрестанно враждовавшие организации нередко устраивали массовые побоища, во время которых пускались в ход палки, кастеты и даже револьверы.

Из других молодых эмигрантских организаций была Партия Младоросов, выросшая из философско-политической мыс-

ли евразийства и стремившаяся путем своеобразного слияния политических платформ (царь и советы) найти путь к разрешению судьбы России.

Из политических организаций были эсеровская организация Трудовая Крестьянская Партия, возглавляемая Грачевым, Братство Русской Правды, возглавляемая генералом П. Г. Бурлиным, и Российская Фашистская Партия.

Наиболее влиятельной из всех политических организаций была Российская Фашистская Партия. Ее основание относится к ранним дням Юридического Факультета, когда среди студентов образовались две политических группы, советская и эмигрантская. Из последней затем образовался Союз Национального Синдиката Русских Рабочих, проявивший в своем зачатке ранние следы фашизма. Вначале это был небольшой кружок, изучавший под руководством профессора Н. И. Никифорова различные политические течения анти-коммунистическаго характера. Первыми его организаторами были А. М. Покровский и Б. С. Румянцев. Позже к Союзу примкнул К. В. Родзаевский.

Синдикат раскололся, когда советским властям на КВжд удалось натравить на него китайскую полицию. Одна часть его во главе с Родзаевским и другими диссидентами создали Российскую Фашистскую Партию. На первом партийном съезде в 1931 году была принята программа, выработанная Родзаевским и Е. В. Кораблевым. Для главенства партии был приглашен генерал В. Д. Кузьмин, а Родзаевский был назначен на должность генерального секретаря. Одним из других видных членов партии был М. А. Матковский.

Программа РФП ставила первой задачей реорганизацию государственного капитализма Советского Союза в «российскую народную империю, основанную на принципах религии, нации и труда». Идеи итальянского фашизма о государстве как корпоративной системы, привитые к российским условиям, должны были стать синтезом России до-революционной и России после-революционной и вылиться в Третью Россию, в свободный союз народов, населявших пределы старой империи и объединенных общей исторической судьбой в одно великое евразийское государство.

Программа партии предусматривала период партийной диктатуры в целях сохранения порядка в стране и предотвращения попыток расчленения России другими державами. Наро-

дам «евразийского государства» предоставлялось одинаковое право самоуправления на федеральных началах, развития языка, культуры и национальной жизни. Управление страной основывалось на системе административной децентрализации, с властью советов в селах, городах, районах, провинциях, и советов национального масштаба под контролем РФП. Отвергая государственный капитализм и экономический либерализм, РФП считала необходимым ограничение частной собственности и накопления богатства. На обязанности национальных советов было представление интересов всех групп населения без деления на классы или политические фракции. В создании нации большая роль отводилась церкви, независимой от государства, но близко связанной с ним.

Правительство вело руководящую роль в планировании и контроле народной экономики. В сельском хозяйстве коллективная система заменялась индивидуальным владением землей, а сельскохозяйственные машины становились собственностью крестьянских союзов. Интересы крестьян представлялись сельскими, районными и губернскими крестьянскими союзами, членами сельскохозяйственной корпорации.

Союзы трудящихся, объединенные в национальные корпорации, ведали промышленностью страны, устанавливали нормы производства и участие в доходах предприятий. Трудящимся предоставлялась широкая медицинская помощь, страховка от безработицы, пенсия и другие виды передового социального обеспечения.

Вместо частных банков должны были существовать промышленные и сельскохозяйственные банки. Союзы предпринимателей промышленности и торговли вместе с союзами трудящихся составляли национальные корпорации.

Земский Собор, состоявший из представителей национальных союзов, составлял верховную власть и устанавливал основные положения российского государства, законов, формы правления и его возглавление.

С ранних дней существования партии суждено было зажить неспокойной жизнью. Политическое напряжение во всем мире и, в частности, на Дальнем Востоке, феноменальный рост тоталитарных государств, проникновение Японии на континент, соперничество с нею Советского Союза, смутное время в Китае — все это не могло не влиять на развитие партии. Внутрипартийное брожение, подозрительность, двойная игра, преда-

тельство, хотя и не являвшиеся исключительной особенностью политической арены Азии, но развитые там до степени наивысшей изощренности, давали соответственное направление развитию партии.

Один из первых отколовшихся от партии, А. А. Покровский, повел против нее кампанию, обвиняя руководителей ее в слишком крайнем уклоне в сторону японских властей. Осенью 1933 года генерал Кузьмин был устранен от руководства, как человек, не имевший, как говорили на партийном жаргоне, «политического чутья» и организаторских способностей. Кроме того, в его окружении оказались люди, впоследствии уличенные в связях с советскими агентами.

Сотрудники Чека, а затем НКВД, принимали все меры, чтобы проникнуть в нее и там, играя на самолюбии и тщеславии, настроить одних против других. Эта тактика уже была проведена успешно в отношении Братства Русской Правды. Эта одна из ранних все-эмигрантских организаций Зарубежья, возглавленная генералом П. Н. Красновым, была настолько пропитана советскими агентами, что один из них даже занимал в главном отделе в Праге пост генерального секретаря То же самое произошло и с харбинским отделом БРП, и с Трудовой Крестьянской Партией, активной антикоммунистической организацией.

В целях разложения РФП советские агенты выставляли ее как партию «большевиков справа» или «белых марксистов». Они искусно создавали «организации фронта», втягивая в них группы и союзы казаков и монархистов и направляя их против РФП. Вожди партии назывались то советскими, то японскими агентами и шпионами, что действительно подтвердилось позже.

Попытки проникновения советских агентов в ряды РФП не прекращались. В 1936 году, например, из партии по политическим причинам было вычищено несколько действительных членов и около ста кандидатов.

Тридцатые годы были временем расцвета партии. Она владела несколькими изданиями, включая журнал «Нация» и газету «Наш Путь», и вела широкую политическую работу. Миллионы листовок на многих языках антикоммунистического характера печатались и распространялись ежегодно. Широко была поставлена работа по пропаганде и разведке в Советском Союзе.

Партия стремилась укрепить связь с заграничными фашистскими организациями, рассеянными по всему Зарубежью.[65]) В 1937 году РФП заключила дружеский союз с Российским Национал-социалистическим Движением в Германии, Российским Национальным Союзом Ветеранов и с Российским Национальным Юнионом в Америке, возглавляемых полковником Н. Скалон, генералом А. В. Туркул и Н. А. Мельниковым.

Окрыленные успехами своих крестных отцов, Гитлера и Муссолини, РФП, как и другие эмигрантские наци-фашистские партии, возлагали большие надежды на Германию, Италию и Японию. Заявление Гитлера в Рейхстаге 20 февраля 1938 года, что «единственная страна, с которой мы не ищем связи и не хотим ее, это Советский Союз», было принято русскими фашистами за чистую монету. Даже после того, как полтора года спустя Гитлер и Сталин заключили «священный нерушимый союз», вера российских наци-фашистов в тоталитарных вождей не была поколеблена. РФП стремилась еще больше искать у этих вождей вдохновения, а у Японии материальной и практической поддержки для борьбы против коммунизма.

Фашистская партия стояла на той позиции, что она готова была приветствовать интервенцию иностранных войск на территории России, если эта интервенция не преследовала агрессивных целей, а только цели свержения коммунистического режима. Роль Италии и Германии в испанской революции, не посягнувших на территорию Испании и не предъявивших ей никаких требований о компенсации, давала основание рус-

[65]) Одной из таких была Русская Фашистская Партия в Сев. Америке, возглавляемая А. А. Вонсяцким, попавшим по прихоти судьбы с койки бесплатного парижского госпиталя на положение американского «эсквайра» в имении своей богатой американской жены. Обе партии почувствовали взаимное влечение: партия Вонсяцкого искала больше простора и влияния, харбинская — средств. Последующие шаги привели к приезду Вонсяцкого в Харбин, отмеченному его печатным органом как «явление исключительной важности». После триумфальной встречи в Харбине Вонсяцкий был избран председателем Центрального Комитета, а Родзаевский его заместителем и генеральным секретарем. Но альянсу не суждено было стать продолжительным, т. к. выяснилось, что средства были не в руках вождя американской фашистской партии. Кроме того, в его действиях преобладало то, что позже стало известно, как «культ личности». Вонсяцкий был исключен из ЦИКа и состава харбинской РФП.

ским фашистам думать, что и в возможной борьбе против Советского Союза главным врагом явится коммунизм, а не русский народ. В этом отношении политическое воззрение некоторых из фашистских публицистов не расходилось с общим воззрением широких эмигрантских кругов, также враждебно настроенных к власти советских вождей.

> Германия никогда не победит СССР, если будет продолжать свою политику аннексии и расчленения России, вместо того, чтобы воевать против коммунизма вместе с русским народом, используя силы русской эмиграции и русское население освобожденных областей как союзников и друзей. СССР может быть побежден только в союзе с русским народом[66]).

Партизанское движение

С появлением первых эмигрантов в Маньчжурии в их среде не замер клич войны. Хотя в Приморье и закончилось Белое Движение, но казалось, что при малейшем поводе оно вспыхнет вновь. Среди белоповстанцев не затихали разговоры о борьбе, воспоминания о походах, боях, успехах и провалах. С особой живостью говорили о последнем походе из Владивостока через Хабаровск «на Сибирь и Россию», вспоминали суровые бои под Волочаевкой. Восстанавливали в памяти начало партизанского движения, восемнадцатый год в Забайкалье, партизана Лазо и его подвижников; вспоминали о приморских партизанах, об учителе Ильюхове, Чапаеве и других. Вспоминали о зверской расправе на реке Хорь над замученными 130-ю офицерами и всадниками Конно-Егерского полка во главе с полковником Враштелем, учиненной партизанами Лазо и его людьми. Вспоминали и о том, как была отомщена смерть конно-егерцев: белоповстанцы сожгли в паровозной топке Лазо и его двух сподручных.

В эмигрантских кругах не переставали развиваться планы антикоммунистической борьбы, от засылки на советскую территорию одиночек партизан до фантастических замыслов закладки динамита в железнодорожных туннелях Забайкалья и Заамурья. Генерал А. И. Андогский проектировал создать

---

[66]) Гротт-Спасовский, М. М., «Россия и Германия», Наш Путь, Шанхай, 1947.

несколько десятков летучих партизанских отрядов по 25 человек, хорошо вооруженных и знающих местность, для работы среди населения Приморья, Забайкалья и Заамурья.

Первыми партизанами, оперировавшими из Маньчжурии в приграничной советской полосе, были одиночки. Одним из них был некто Емлин, крестьянин из Южного Приморья. Человек большой отваги, Емлин еще во время октябрьской революции собрал на Урале партизанский отряд из нескольких сот человек и успешно боролся против красных частей. Когда на Урале появились регулярные белые части, Емлин со своим отрядом примкнул к ним. Благодаря своей отваге и организаторским способностям он быстро выдвинулся и за годы Белого Движения дослужился до чина подполковника.

В Харбине Емлин задержался недолго. Его вновь потянуло к прежней жизни. Он перебрался на станцию Пограничная, откуда несколько раз переходил на советскую сторону, пробираясь насколько можно вглубь, поднимая население против особо ненавистных комиссаров и чекистов и беспощадно расправляясь с ними. В период советско-китайского конфликта Емлин оказался на станции Ханьдоухедзы, где находились хунхузы. Емлин набрал отряд из местных жителей и очистил станцию и поселок от хунхузских банд, пока туда не пришли регулярные китайские части.

Другим партизаном-одиночкой был капитан Петров, носивший фамилию Овечкина. Петров оперировал главным образом в районах ст. Пограничной, Никольска-Уссурийского, Владивостока и Сучана.

На западной линии КВжд начало партизанского движения положил бывший атаман Забайкальского войска, генерал Шильников, служивший одно время у атамана Семенова до ссоры с ним и перехода на службу к адмиралу Колчаку. В пограничной зоне Забайкалья по реке Аргунь он основал казачьи посты, из которых позже образовались небольшие партизанские отряды. Из начальников этих отрядов особенно выделились казаки Гордеевы, Мыльников, погибшие в Забайкалье, и полковник Г. Почекунин, умерший на Тубабао, на Филиппинах.

Партизанские группы обычно состояли из людей, хорошо знавших местность и население. Они выбирали малозаселенные и труднопроходимые места и пробирались вглубь советской территории. Обычными местами партизанских операций

был угольный район Сучана; Иман, на среднем течении Уссури; левый берег Амура от Хабаровска до Благовещенска; Хинганские горы; левый берег Аргуни, где партизаны доходили до Нерчинска и даже до Борзи.

В Западной части Маньчжурии, вдоль границы с Внутренней Монголией, создались своеобразные взаимоотношения между эмигрантами и советскими властями. Среди первых большинство было казаки-поселенцы, зажиточные люди, скот которых насчитывался в десятках тысяч голов. Для предотвращения случаев захвата скота, попавшего на советскую территорию, казаки жертвовали большие средства на советские нужды, а во время эпидемии скота доставляли в Забайкалье противочумную сыворотку. Доставкой сыворотки занимались и белые партизаны, чем привлекали к себе расположение и симпатии населения на советской стороне.

Партизанское движение привлекало к себе людей по различным причинам. Большинство партизан составляли крестьяне, казаки, разоренные советской властью и поэтому непримиримо относившиеся к ней. Другие примыкали к партизанскому движению только ради шумихи. Третьих, наконец, увлекала роль руководителей, ореол славы «партизанских начальников».

В противовес работе белых эмигрантов велась работа красных партизан. В то время, как основная задача первых сводилась главным образом к поднятию населения на борьбу против советской власти и только позже, при приходе японских властей в Маньчжурию, к разведывательной службе, красные партизаны сводили свою деятельность исключительно к похищению или истреблению людей, которых они считали опасными для советской власти. Зимой 1926 года на улицах города Маньчжурия был похищен возвращавшийся с вечерней работы полковник Ктиторов и увезен на советскую сторону. Из района Мулинских копей в Вост. Маньчжурии красные совместно с хунхузами, похитили полковника Жилинского, А. А. Рудых, партизанов Овечкина-Петрова, Понявкина и других. Позже в том же районе были убиты молодые партизаны Синев, Стрелков, Шошлов и Рудый, сын уведенного в СССР А. А. Рудого. В похищении красными первой группы участвовали служащие Мулинских копей С. Л. Скидельского, Н. И. Брусиенко, бывший ссыльный социал-революционер, Н. С. Гинх и П. С. Малаховский, секрет-

ные сотрудники ОГПУ. Они также участвовали в похищении священника П. Галионко, которому китайские коммунисты-хунхузы отрубили голову. С приходом в Маньчжурию японских властей, Брусиенко, Гинх и Малаховский были арестованы, но по хлопотам Скидельского освобождены и высланы в Советскую Россию. Там же, несколькими годами позже агенты ОГПУ из Гродекова, Боженко и Князев, убили старого партизана Дудко, известного под кличкой Монашек. В 1932 году вблизи станции Эхо красные партизаны вместе с хунхузами перехватили партизанский отряд Братства Русской Правды, направлявшийся на советскую территорию. Только одному удалось спастись, остальные, включая начальника его И. Стрельникова, были убиты.

Партизанское движение вначале интересовало Зарубежье. Высший Монархический Совет в Париже послал в Харбин особую группу во главе с капитаном первого ранга К. К. Шубертом, в которой были капитаны второго ранга Б. П. Апрелев, полковники Ю. П. Апрелев, Н. В. Флоров и другие. В распоряжении Шуберта находилось 40 тысяч иен для ведения партизанского движения. Глава Братства Русской Правды, генерал П. Н. Краснов, был также заинтересован в развитии партизанского движения и считал, что для успеха его в Маньчжурии имелись все возможности. Из средств Братства было выделено две тысячи американских долларов, но неизвестно, что стало с этими деньгами. Незадолго до советско-китайского конфликта в Харбин из Америки прибыл представитель В. К. Николая Николаевича, генерал Н. П. Сахаров, с задачей формирования партизанских отрядов.

В течение продолжительного времени Дальневосточный Корпус Русских Добровольцев содержал три регулярно действовавших партизанских отряда, каждый численностью от 15 до 30 человек. Один из них, отряд П. А. Вершинина, действовал в Забайкалье; второй оперировал в Приморье под командованием С. Н. Марилова; отряд старообрядца Н. Худякова действовал в Амурской области.

Эти отряды установили добрые отношения с населением, получали от них припасы. Нередко, скрываясь от карательных отрядов ГПУ-НКВД, они проводили месяца в глуби тайги. Оружие они получали из Харбина и других мест Маньчжурии; регулярная связь поддерживалась с одним из партизанских деятелей в Харбине, Н. А. Мартыновым, который не раз сам

переходил советскую границу и пробирался внутрь Приморья.

Средств на ведение партизанской работы никогда не было достаточно. Все, что собиралось, обычно поступало от пожертвований, особых сборов, устройства вечеров. С приходом японских властей сбор средств почти сошел на нет, так как эмигрантские организации и отдельные группы принуждены были уделять больше внимания японским интересам.

После назначения на пост начальника Дальневосточного отдела Русского Общевоинского Союза генерал М. К. Дитерихс обратился с призывом к эмиграции в Китае сплотиться для борьбы против советской власти. Но большого энтузиазма его призыв не встретил: многим был памятен Владивосток в предсмертных судорогах Белого Движения, крестные ходы с иконами и хоругвями, взывание к небесам о чуде. Некоторые, как генерал Косьмин, отказались подчиниться ему. Генерал Дитерихс учел эти настроения и выдвинул на первый план в качестве своего помощника генерала Г. А. Вержбицского. Последнему удалось добиться частичного объединения эмиграции, собрав вокруг Русского Общевоинского Союза отдельные военные группировки, до того державшиеся в стороне.

Пока Вержбицкий занимался объединением белоповстанческих генералов, Дитерихс объезжал русские колонии китайских и маньчжурских городов с призывом жертвовать на формирование партизанских отрядов. Кроме жертвований, добровольных самообложений и других сборов он надеялся получить средства из вкладов императорского правительства, находившихся в заграничных банках на счетах российских дипломатических, консульских и других представительств.

С приходом японских властей в Маньчжурию идея создания партизанских отрядов приняла другое направление. Русской эмиграции было предложено формировать не партизанские отряды, а целую дивизию со специальными техническими частями. К генералу Дитерихсу отношение японских властей было весьма прохладное: они не могли забыть выступления последнего правителя Приморья против иностранной и, в особенности, японской интервенции. Японское военное командование не могло проглядеть и независимость генерала Вержбицкого, который все неизбежные переговоры с главой военной миссии, генералом Комацубара, вел не лично, а через своего помощника, полковника Гриневского.

Вержбицкий от имени генерала Дитерихса принял японское предложение о формировании дивизии, но выставил неприемлемые для японского командования условия. Последнее ответило предложением генералу Вержбицкому покинуть в короткий срок пределы Маньчжуго. Таким образом попытка генерала Дитерихса и его помощников поднять широкое партизанское движение не привела ни к чему.

К проблеме развития партизанского движения ближе подошла группа капитана Шуберта, прибывшая в Харбин в 1929 году. Партизанскому движению был дан толчок, который должен был бы вывести его из рамок случайности в область планомерно задуманной кампании. Обсуждались наиболее полезные способы ведения партизанской борьбы, сбора средств, вооружения, оперативные действия. Одна часть группы во главе с Н. А. Мартыновым выехала на ст. Маньчжурия для совещания с партизанскими группами. Другая группа во главе с полковником А. А. Тихообразовым была послана на восток, на ст. Пограничная, где были устроены совещания с партизанами, оперировавшими в Приморье. В Харбине тем временем обсуждались меры финансирования партизанского движения. Одним из них был выпуск бонов Добровольного Займа.

В городе Маньчжурия с опытными забайкальскими партизанами обсуждался план глубокого проникновения на советскую территорию, чтобы взрывом железнодорожного моста вблизи Нерчинска прервать сообщение между Забайкальем и Амурской областью. Операцию должен был проделать хорошо вооруженный конный отряд в 25 человек с запасом динамита, достаточным для ряда взрывов. Охотники и опытные партизаны-руководители, не раз ходившие на советскую территорию, оказались на лицо. Вопрос оставался только в средствах, которых по расчету партизан требовалось 25 000—30 000 китайских долларов.

В Харбине тем временем К. К. Шуберт вел переговоры с генералом Н. П. Сахаровым по объединению всей партизанской работы. В Маньчжурии существовала партизанская группа, известная как Центр Действий, во главе которой стоял полковник Назаров, прибывший из Южно-Добровольческой Армии, где он был известен своими действиями в тылу Красной Армии. Назаров настаивал на руководящей роли Центра Действия в ведении партизанской работы. Он ждал от Шу-

берта и Сахарова не руководства, а только средств.

Для доказательства своей опытности Назаров собрал из бывших военнослужащих Волжской Стрелковой бригады небольшой отряд и выступил летом 1929 года на советскую территорию в районе озера Ханка. Но наспех проведенный рейд не принес ничего положительного: потеряв одного из партизан, отряд Назарова принужден был вернуться в Маньчжурию. Также неудачно прошел и второй рейд Назарова, хотя о нем заговорили советские газеты Приморья.

Шуберт и Сахаров стали искать других, более удачных партизанских руководителей. Выбор остановился на полковнике Мохове, бывшем командире Омского Стрелкового полка. Отряд Мохова состоял из 25 хорошо экипированных и вооруженных людей. Для операции был выбран район Ханка. По поручению генерала Сахарова формированию отряда помогал Н. А. Мартынов, которому удалось через одного хунхуза, находившегося у советской границы, снестись со старшим советского пограничного отряда. Последний согласился за полторы тысячи иен достать полный комплект обмундирования советского пограничника. Позже, в Харбине по добытому образцу были сшиты формы для всего отряда.

К концу сентября отряд Мохова был готов к рейду в Приморье. Но тут возникли возражения относительно целесообразности партизанского похода перед началом холодов. Мохов не хотел ждать весны и настоял на немедленном выходе на советскую территорию. Отряд должен был провести беседы с населением; выяснить действия чекистов, политруков и других представителей советской власти и соответственно с этими действиями расправиться с ними; помочь тем, кто собирался уходить из Советского Союза; произвести широкую разведывательную работу.

В начале октября отряд Мохова собрался у советской границы. Переодевшись в форму советских пограничников, отряд на рассвете перешел границу и часам к восьми вышел к посту Турий Рог, откуда к этому времени вышел для смены 56-ой пограничный отряд. Достав подводы, отряд Мохова добрался до села Осиновки, верстах в 80 от границы, где находился пост ГПУ-НКВД. Мохов арестовал всех, кто оказался на посту, включая начальника милиции, захватил почтово-телеграфную контору, и объявил населению, что он начальник антикоммунистического отряда.

Продержаться долго в селе Осиновка отряду не удалось. О прибытии его было сообщено властям по полевому телефону. Из Хабаровска и Владивостока были высланы специальные отряды с собаками и большой отряд пехоты; два самолета вылетели для определения местопребывания белого партизанского отряда. Мохов двинулся на село Монастырище, чтобы оттуда перебраться в таежный район в горах Сихота Алин и там отсидеться на время поисков его.

Части ГПУ обнаружили отряд Мохова и окружили его, но ему удалось выйти из кольца, оставив четырех убитых партизан, лошадей, пулеметы и остальное снаряжение. Его настигли вновь. Разыгрался бой, из которого живым удалось уйти только шести человекам. В числе погибших оказался и Мохов.

Незадачи и неудачи продолжали преследовать белые партизанские отряды. Кроме отряда Мохова погибли и другие партизанские отряды. Одним из них был отряд старообрядцев, оперировавших в южном Приморье.

Известный по своей партизанской деятельности подполковник В. Л. Дуганов, с небольшим отрядом в 25 человек оперировавший в Амурской области, принужден был перебраться на китайский берег Амура. В г. Сахаляне его отряд был арестован китайскими властями и только после настойчивых хлопот эмигрантских организаций и таких лиц, как бывший генерал-губернатор Приморья, Н. Л. Гондатти, и управляющий КВжд Б. В. Остроумов, он был освобожден и отправлен в Харбин. Незадолго до начала советско-китайского конфликта Дуганов связался с генералом Сахаровым и по поручению последнего должен был выйти со ст. Маньчжурия на советскую территорию. Советские власти узнали о прибытии партизанского отряда и оказали давление на китайское начальство, которое выслало белых партизан обратно в Харбин. Оттуда полковник Дуганов вышел в Амурскую область. В октябре 1929 года в Харбине было получено из советских источников известие о гибели полковника Дуганова, попавшего в руки советских пограничников. Вместе с ним погибло полтора десятка русских эмигрантов, оказавшихся на китайских пароходах при захвате их красными во время советско-китайского конфликта. Все они были расстреляны.

Это были добровольческие партизанские отряды, действовавшие самостоятельно, по своему собственному почину.

Японские власти в Маньчжурии поощряли отправку белых партизанских отрядов на советскую сторону, но их интересовала, главным образом, разведка и отчасти — испытание бдительности советских пограничников. Таким образом создавались пограничные инциденты, нужные для японских военных властей.

Одним из таких посланных в Приморье был небольшой отряд, во главе которого был Георгий Семена. Японскую военную миссию интересовала таинственная деятельность в Чертовой Пади вблизи Ворошилова, бывшего Никольска-Уссурийского, и около станции Океанская, где строилась база жидкого горючего. Им также хотелось знать о глубине заградительных укреплений между ст. Пограничной и Гродеково.

Для содействия перехода Семена через границу его свели с Б. Н. Шепуновым, который на станции Пограничная сочетал в себе функции полицейского надзирателя, представителя монархической организации и служащего японской военной миссии. В проводники Семена был дан кореец, служащий японской местной миссии. Неизвестно, был ли выдан Семена корейцем или одним из лиц, высоко стоявших в Бюро по делам Российских Эмигрантов, но вскоре после перехода границы, он был окружен советскими пограничниками. Часть отряда бежала, часть погибла. Семена и несколько других партизан были арестованы и привезены в Хабаровск, где над ними был устроен показной суд. Процесс передавался по хабаровскому радио, но передачи затем прекратились, когда в показаниях Семена появлялись невыгодные для советской власти сообщения. Семена и его партизаны были расстреляны в Хабаровске, но его смелые выступления в суде вызвали в среде эмигрантской молодежи готовность жертвовать собой ради борьбы против советской власти.

Японская военная миссия нередко обращалась в Русский Фашистский Союз, а позже в Бюро по делам Российских Эмигрантов с предписанием подготовить молодых русских людей для отправки на советскую территорию для разведывательных целей. Такие, почти насильственные, отправки вызывали сомнение в целесообразности партизанских операций. Как правило, они были подготовлены наспех, чем и объяснялся высокий процент неудач и промахов, кончавшихся трагически для участников этих операций. С каждым годом укреплялась бдительность советских пограничников, и с каждым го-

дом росла деятельность советских сексотов, проникнувших на ответственные места эмигрантских организаций, откуда они заранее оповещали советские власти об отправке партизан на советскую территорию.

Некоторые из засылаемых людей просто отсиживались некоторое время в приграничной полосе, не пытаясь проникнуть вглубь советской территории, и возвращались с вестями, придуманными на досуге, или такой давности, что они хорошо были известны всем.

Антипартизанская деятельность

Советское правительство установило круговую поруку среди приграничного населения, обязав его под страхом сурового наказания докладывать о появлении неизвестных людей. В Приморье, вдоль границы от Хунчуна через Пограничную на север были проложены широкие просеки, в три с лишним сажени, посыпанные мелким песком, на которых оставался след каждого, перешедшего их. Советские пограничники патрулировали просеки каждые два часа и по обнаруженным следам выпускали собак. Вдоль левого берега Амура, на расстоянии мили от реки, были протянуты телефонные провода, в которые пограничники могли включиться для связи с постом в случае тревоги.

Советская печать неоднократно сообщала сведения о раскрытии на территории Советского Союза тайных антикоммунистических организаций, которых она обычно называла фашистскими. Так, в Свердловске, например, было инсценировано раскрытие подобной группы, в которую заранее ГПУ завербовало работников. Их судили как иностранных агентов-шпионов.

Советская разведка, следившая за деятельностью эмигрантов, часто посылала своих агентов в Маньчжурию и в частности Харбин. Деятельность этих агентов была связана, главным образом, с партизанским движением, которое поддерживали многие годы некоторые эмигрантские круги.

В конце 1924 года в Харбин прибыл некто Гетовт, назвавший себя латвийским эмигрантом, прибывшим из Европы как представитель некоторых европейских торговых и технических фирм. Представительный, всегда хорошо одетый и снабженный деньгами, Гетовт быстро завел знакомства среди видных кругов эмиграции. В то время в Приморье успешно опе-

рировал партизанский отряд И. Г. Ширяева, помощника атамана Уссурийского войска Калмыкова.

Деятельность Ширяева, хорошо знавшего местность и имевшего поддержку местного населения, тревожила ДАЛЬКРАЙКОМ, который решил во что бы то ни стало ликвидировать его партизанский отряд. После налетов на советскую территорию Ширяев перебирался с отрядом на китайский берег Уссури и там отсиживался. Оружие и остальное снаряжение он получал из Харбина.

Для выяснения харбинских связей Ширяева и был послан советской разведкой Гетовт. Среди его новых знакомых оказался генерал Никитин и его жена, расположенная к Гетовту. Никитин поддерживал связь с Ширяевым и переписывался с ним. Одно из его писем жена Никитина передала Гетовту; по нему было установлено местопребывание ширяевского отряда и его связи среди населения в районе Имана. Агентам ГПУ удалось обнаружить эти связи и уговорить одного из них на выдачу Ширяева. После поимки Ширяева Гетовт спешно покинул Харбин.

В 1927 году в Харбине появился молодой человек по фамилии Богоявленский. Его приятная внешность и хорошие манеры расположили к нему многих, с кем он успел повстречаться. О себе он рассказывал сдержанно, что послан в Маньчжурию подпольной анти-коммунистической организацией из Приморья для установления связи с эмигрантскими организациями и развития общей работы на Дальнем Востоке. Богоявленский успел связаться с членами Фашистского Союза, с генералом Косьминым, возглавлявшим Братство Русской Правды, и генералом Сычёвым, главой Российского Общества Военнослужащих. Он вошел в их доверие и узнал от Косьмина фамилии партизан, оперировавших в Приморье, Приамурье и Забайкалье. Однажды было замечено, что Богоявленский встретился с двумя неизвестными людьми, которые затем скрылись в здании коммерческого агентства Уссурийской железной дороги, где находилась квартира для заграничных советских агентов в Харбине. Богоявленский поспешил скрыться из Харбина. Вскоре хабаровское радио передало о захвате и расстреле 57 человек партизан, среди которых оказались имена, сообщенные Косьминым Богоявленскому.

Полковник Генерального Штаба В. Е. Сотников командовал при адмирале Колчаке Восьмым Камским полком. В Хар-

бине он связался с прибывшим из Америки генералом Н. П. Сахаровым, который руководил партизанскими операциями. Неизвестно, когда Сотников перешел на положение секретного сотрудника советских разведывательных органов, но известно, что его направили на раскрытие партизанского движения. Сотников легко вошел в доверие генерала Сахарова, будучи связанным с ним еще по прежней службе в Сибири, и предложил свои услуги по установлению связи с партизанскими представителями во Владивостоке. Предложение было встречено вначале холодно, но после настойчивых повторений Сотников добился согласия. Он выехал во Владивосток окружным путем и через три недели вернулся с рассказами о встречах с нужными людьми. Рассказ Сотникова показался маловероятным; у него оказались деньги, наличие которых он объяснил выигрышем в карты. Затем выяснились кое-какие другие детали и он был отстранен от какой бы то ни было связи с партизанским движением. Сотников пытался реабилитировать себя, обращался за поддержкой к ряду лиц, занимавших высокое положение, но подозрение против него расло и крепло. Поняв, что его деятельность была раскрыта, он вернулся в Приморье, где по слухам работал при ГПУ-НКВД в Хабаровске по делам эмигрантов, проживавших в Маньчжурии.

В секретной связи с советскими агентами, проживающими в Гродеково, был заподозрен начальник Восточного отдела Железнодорожной полиции КВжд, генерал Зубковский. Когда подозрения окрепли, что уже не оставалось никакого сомнения, Зубковскому было предложено от имени эмигрантских организаций покинуть Маньчжурию. По занимаемой должности Зубковский не мог не знать о предполагаемых партизанских походах на советскую территорию. После предупреждения Зубковский выехал в Советский Союз.

Выводы и следствия

Какой же вывод можно сделать из попытки создать на Дальнем Востоке антикоммунистическое партизанское движение? Некоторые эмигрантские организации и группы были заинтересованы в нем, но в этой заинтересованности в первую очередь выдвигался карьеризм, желание занять только командные высоты. Прибывшие в Харбин представители заграничных эмигрантских организаций не мыслили ни о чем

другом, как о роли руководителей, начальников; средств было мало, а те, что были, находились в частных руках[67]).

Эмигрантская общественность проявляла безразличие к партизанскому движению, считая, что это дело крайних эмигрантских группировок, но не упускала случая поддеть деятельность лиц, заинтересованных в нем. Так, например, посещение генералом Дитерихсом эмигрантских колоний в китайских и маньчжурских городах было отмечено одной из харбинских газет как «объезд по эпархии». Скороспелые действия партизанских начальников (Мохов и другие) обрекали не только самих себя, но и все партизанское движение на неизбежный провал. Использование русского партизанского движения японским военным командованием в целях разведки вызывало самое отрицательное отношение со стороны массы эмиграции. Наличие советских сексотов на верхах таких организаций, как Бюро по делам Российских Эмигрантов, о котором тогда только еще подозревалось, налагало на русское партизанское движение печать обреченности. При таких условиях шанс самоотверженных, преимущественно молодых, людей уцелеть при партизанском походе на советскую сторону сводился на нет.

В этом был весь трагизм: с одной стороны — начальствующие, руководимые честолюбием, желанием играть роль, но играть ее из кабинета эмигрантской организации, а то и кабинета харбинского кафе-шантана; около этих начальствующих находились так называемые «непримиримые», бескомпромиссные», «национально-мыслящие», не задумавшиеся над тем, на что они подбивали молодых людей; с другой стороны — эти молодые, самоотверженные люди, готовые рисковать своей жизнью, но не знавшие, что их судьба была предрешена заблаговременным оповещением советских властей о времени их похода. После каждого неудачного рейда и гибели белых партизан руководители еще громче начинали говорить о необходимости жертв, о доблестных примерах погибших, о том, что борьба должна вестись всевозможными средствами.

[67]) В группе капитана Шуберта средствами ведала его жена (По воспоминаниям Н. А. Мартынова).

II

МАНЬЧЖУРИЯ

Наследие Золотого Царства

В XII веке коренное население Маньчжурии вступило на широкий завоевательный путь, завершившийся образованием могущественного государства Цзинь, «Золотого Царства», территория которого включала Монголию и весь Средний Китай вплоть до Голубой реки.

Но могущество государства Цзинь оказалось недолговечным. Еще в доисторические времена Маньчжурия влекла к себе завоевателей, но наиболее длительным оказалось завоевание Чингис-хана.

В середине XVII столетия в Китае воцарилась маньчжурская династия Дай-Цзинь, сохранившая свое владычество до революции 1911 года. Маньчжурия продолжала оставаться неприкосновенным достоянием населявшего ее племени, запрещенной зоной за Великой стеной для китайских переселенцев.

Появление на северных окраинах Китая русских укрепленных острогов заставило пекинское правительство отменить все старые запреты для переселенцев, включая запрещение китаянкам следовать за своими мужьями, переселившимся в Маньчжурию. Огромный пустынный край, с территорией значительно больше территории Западной Европы от Испании до северного побережья Дании, и от Польши до Атлантического океана, стал быстро заселяться, и ко второму десятилетию XX-го столетия достиг населения около 30 миллионов.

После Русско-Японской войны в Маньчжурии был проведен ряд административных реформ. Во главе ее трех провинций (Мукденской-Фыньтянской, Хэйлунцзяньской-Цицикарской и Гиринской) был поставлен наместник с почти неограниченными правами. После свержения монархии в Пекине, должность наместника была упразднена, а власть в провинциях была разграничена на гражданскую и военную.

В 1917 году военный губернатор Мукденской провинции маршал Чжан Цзо-лин вышел из подчинения Пекину и объявил независимость Маньчжурии. Боясь потерять богатый край, слабое центральное правительство назначило его на пост генерал-инспектора восточных провинций, что было равносильно посту прежнего наместника.

Глава фыньтянской группы милитаристов, Чжан Цзо-лин, как и его брат Чжан Цзо-сян, вышел из хунхузнической среды. Он стал известным во время Русско-Японской войны, когда во главе большого отряда он хунхузничал в тылу русских войск в пользу Японии. По окончании войны он со своим отрядом вступил в ряды регулярных китайских войск, где получил видный военный пост, который и привел его к значительной роли на политической арене Дальнего Востока. Небольшого роста несмотря на свое маньчжурское происхождение, худощавый, вкрадчивый, с виду мягкий, но неуклонно стремящийся к своей цели, необразованный и даже неграмотный, Чжан Цзо-лин проявил себя достойным правителем маньчжурского народа. В расшитом золотом мундире, увешанный звездами и орденами (местного или японского производства), в головном уборе с белым плюмажем, он производил на своих подчиненных внушительное впечатление.

Кроме природного ума, хитрости, политической изворотливости, в нем было много личного обаяния — если это выражение можно применить к типичному китайскому правителю того времени. Свои политические ставки Чжан Цзо-лин всегда делал с расчетом извлечь выгоду для себя и укрепить свою власть. Он жаловал иностранцев и у него всегда находились иностранные советники, в том числе военный советник генерал Г. И. Клерже. Чжан Цзо-лин играл немалую роль в проведении японских планов в отношении Маньчжурии и Китая, и при его штабе находились в качестве советников офицеры японского Генерального Штаба. Один из самых ярых защитников японской агрессивной политики, барон Гиичи Танака, протежировал ему еще со времен Русско-Японской войны.

После участия в ликвидации неудачного монархического переворота в Китае в 1917 году положение маршала Чжан Цзо-лина стало настолько могущественным, что он при содействии генерала У Пей-фу подчинил пекинское правительство контролю Мукдена. Два года спустя его недавний сторонник пошел против него и разбил его войска. Маршал Чжан

Цзо-лин вернулся в Мукден и отделил от Китая Маньчжурию, Внутреннюю и Внешнюю Монголию.

С того времени маршал Чжан Цзо-лин стал неоспоримым властелином Маньчжурии, с которым пришлось считаться не только Китаю, но и Советскому Союзу. Последний должен был заключить договор о совместном владении КВжд одновременно с Пекином и с Мукденом.

Сознание своего могущества не давало покоя маршалу. Несмотря на торжественное обещание держаться в стороне от обще-китайской политики и движения гоминдановского правительства за объединение Китая, Чжан Цзо-лин принял в них самое живейшее участие. Этой шестилетний период (1922—1928) до взрыва поезда, закончившего авантюрную жизнь маньчжурского наместника, был периодом интриг, военных союзов, крупных денежных сделок, измены, предательства, вероломной игры, в которой одну из главных ролей играл Чжан Цзо-лин.

Военные и политические авантюры честолюбивого маршала ложились непосильным бременем на население Маньчжурии. Свыше 80 процентов налогов шло на военные нужды, на содержание полумиллионной армии, с вооружением которой не справлялся мукденский арсенал. Среди 130 с лишним видов налогов, взимавшихся с населения, были такие, как 3 гоби при рождении ребенка, 8 гоби при женитьбе корейца. Соль облагалась налогом, превышавшим в сто с лишним раз ее стоимость. Край был наводнен денежными знаками, не обеспеченными никакими фондами. Кроме банкнотов харбинского отделения Китайского Банка, Банка Путей Сообщений, Пограничного и Цицикарского банков, на рынки выбрасывались в огромном количестве денежные знаки почти всех банков трех восточных и Шаньдунской провинций. Наравне с этими деньгами циркулировали фальшивые банкноты. Все это наличие ничем неподкрепленных и фальшивых банкнотов котировалось самым разнообразным образом на бирже, создавая невероятную спекуляцию и обогащая меняльные лавки за счет населения. Взяточничество, самовольные поборы начальства, алчность властей способствовали развитию в крае хунхузничества.

Появление хунхузничества связано с борьбой династий Мин и Дай Цзинь, когда последователи павшей династии, не желавшие подчиниться победителям, скрылись в лесах Маньч-

журии, откуда производили набеги на правительственные военные посты, селения, города и даже на Пекин. С течением времени политический характер хунхузничества исчез, и ряды его стали пополняться авантюристами, преступниками и просто недовольными властью. Хунхузские шайки облагали данью мирное население, выслеживали в тайге золотоискателей и охотников за корнем жень-шень, заставляли крестьян, разводивших мак для опиума, платить им откуп.

С постройкой КВжд и началом ее эксплуатации в Маньчжурии усилилась деятельность хунхузов. Главари хунхузских шаек открыли новый доход от обложения лесных и угольных концессионеров данью, за что они защищали их не только от мелких хунхузских шаек, но и от посягательств алчного китайского чиновничества.

После расформирования русской железнодорожной охраны на КВжд и перехода охраны в руки китайских властей хунхузничество приняло совсем угрожающий характер. Участились похищения людей, требования непосильных откупов, организованные нападения на населенные пункты. Если выкуп не вносился во время, семье похищенного посылалось его отрезанное ухо; если выкуп не поступал после напоминания, похищенного обычно убивали.

В начале двадцатых годов хунхузничество обрело новое направление своей деятельности. Как во время Русско-Японской войны, так и теперь — но только в значительно большем размере — хунхузничество получило негласное признание как удобное средство для скрытой борьбы, которая разыгрывалась на огромной арене маньчжурского края между Китаем, Японией и Советской Россией. Китайские власти награждали хунхузских вождей не только деньгами, но и высокими постами в армии, чтобы расположить к себе хунхузские отряды для борьбы против японских замыслов на Маньчжурию. Японские власти в свою очередь умело использовали хунхузские отряды, натравливая их против существовавшего строя. Особенное значение им придавал полковник Доихара — «Лоуренс» Маньчжурии, один из наиболее ревностных проводников японских империалистических замыслов на материке, щедро раскрывавший для них кошелек японского казначейства. Не отставала от своих соперников и Москва, широко пользовавшаяся хунхузскими шайками против китайских и японских властей. Особенную деятельность советские вожди проявили

в период захвата Маньчжурии японскими властями. Хунхузы стали называться «китайскими патриотами и партизанами». Коминтерн на февральском пленуме 1933 года выпустил пространную инструкцию на предмет самого тесного сотрудничества с хунхузскими шайками для подрыва авторитета новой власти в Маньчжурии. «Коммунисты», говорилось в инструкции, «должны поддерживать даже Чжан Сюэ-ляна[68]) в его борьбе против Японии. Китайская коммунистическая партия должна сотрудничать с любыми вооруженными группами ради общей борьбы против японского империализма». Участились нападения на японские посты, налеты на железнодорожные пассажирские и военные поезда, крушения японских эшелонов. За похищение или убийство японских офицеров назначалось вознаграждение, в размере двух тысяч иен за младшего офицера, пять тысяч — за штаб-офицера, от десяти до двадцати тысяч за генерала.

Население Маньчжурии росло настолько быстро после постройки КВжд, что в течение 50 лет, оно увеличилось почти втрое, перевалив за 30 миллионов ко времени захвата ее японскими войсками. Край славился «маньчжурским золотом» — бобами, был исключительно богат и мог содержать население в несколько раз больше. Из 32 миллионов гектаров земли, пригодной для земледелия, под посевом было только 14 миллионов. Вполне естественно, что миллионы гектаров целины манили японских фермеров из бедной пахотной землей Японии. Еще после Русско-Японской войны Япония намечала план переселения свыше миллиона фермеров в Южную Маньчжурию, но китайские власти решительно воспротивились, издав закон, запрещавший иностранцам не только приобретать, но и арендовать земельные участки. После настойчивых представлений японского правительства, Китай принужден был дать японским гражданам в Южной Маньчжурии право на аренду земли, жительства, свободного передвижения и коммерческой деятельности, но тут же издал закон, запрещающий под страхом смертной казни китайским гражданам продавать или отдавать в аренду землю иностранцам.

---

[68]) Сын маршала Чжан Цзо-лина, которого японские власти обвиняли в использовании хунхузских отрядов против японских вооруженных сил в Маньчжурии.

Советское участие на дороге

В мае 1924 года между Советским Союзом и Китаем состоялось соглашение о совместном управлении КВжд и об отказе советского правительства от прав экстерриториальности, концессий и боксерской контрибуции. Советское правительство даже предоставило Китаю право выкупа КВжд в любое время, зная что у него на это не было средств. Новое правление из десяти человек было составлено поровну из советских и китайских граждан. Посты председателей правления и ревизионной комиссии занимали китайские граждане, посты вице-председателей — советские. Управляющий дорогой назначался советский гражданин. Пост помощника управляющего занимал китайский гражданин, но посты начальников служб дороги почти без исключения были в руках советских граждан. Право службы на КВжд представлялось только советским и китайским гражданам. Существование профессиональных, общественных и культурно-просветительных организаций допускалось с обоюдного согласия членов правления, но управляющий дорогой, обладавший широкими полномочиями, мог по собственному почину оказывать давление в создании любой из них.

Первым советским управляющим КВжд был А. Н. Иванов, по одной версии телеграфист с Пермской железной дороги, по другой — владивостокский портовый грузчик и сотрудник Отдела Водного транспорта при ОГПУ. Иванов был послан в Харбин еще в 1922 году с целью подготовки к посту управляющего. В то время начальником Экономического отдела дороги был некто Дикий, в прошлом крупный деятель Союза Сибирских маслодельных артелей, эксперт по экономике Маньчжурии и железнодорожному транспорту. Дикий был завербован советским правительством для подготовки Иванова к посту управляющего.

Вступив на должность управляющего КВжд, Иванов издал приказ об увольнении с дороги лиц, не имевших советского или китайского подданства. Эмигрантам, желавшим сохранить свои места, было предложено хлопотать о переходе в советское подданство.

Это был первый ощутительный удар по массе железнодорожников, до сих пор живших в полной уверенности, что ничего с ними не случиться. Советские власти на дороге повели усиленную кампанию среди железнодорожников, старожил и

эмигрантов, чтобы принудить их взять советское подданство. Со своей стороны китайские власти на дороге предложили эмигрантам перейти в китайское подданство и этим сохранить за собой службу на КВжд.

Под давлением советской кампании и, главным образом, экономических соображений, 19,000 железнодорожников начали ходатайство о переходе в советское подданство. Наотрез отказалось около 2,000 эмигрантов. Из них около половины взяли китайское подданство, остальные же предпочли быть уволенными с КВжд, чем принять то или иное подданство.

В начале октября 1924 года в особом поезде из Москвы в Харбин прибыли специалисты на различные ответственные должности на КВжд. Специалистами они считались потому, что прошли особую подготовку, связанную с проведением коминтерновских задач в Маньчжурии и в Китае.

На ответственные должности в правлении КВжд были назначены: товарищем председателя, В. П. Поздеев; членом правления, Д. Д. Киселев, впоследствие советский консул в Харбине; заведующим Коммерческим отделом, М. П. Куренков, совмещавший этот пост с должностью главы ИНООГПУ (Иностранный Отдел ГПУ); позже прибыли: на должность товарища председателя Правления, С. М. Кузнецов, и П. А. Бандура, ответственный сотрудник ОГПУ, игравший значительную роль на КВжд.

На должности управляющего личным составом служащих и рабочих КВжд был назначен И. О. Яцунский, а заведующим паспортным отделом — П. В. Козлов, оба видные сотрудники ОГПУ. На обязанности последнего было наблюдение за политической благонадежностью служащих КВжд.

На должности в Ревизионном Комитете КВжд были назначены: на пост вице-председателя, Магон, совмещавший с этой должностью работу в советских профсоюзных и общественно-политических организациях; членами, А. Я. Дяткович и И. Ф. Костин. Магон устраивал различные финансовые манипуляции на КВжд для покрытия расходов по ведению шпионажа и подрывной деятельности Коминтерна и содержанию большого штата коммунистических агентов.

Во главе русского учебного отдела при Департаменте Народного Просвещения в Особом Районе Восточных Провинциях был назначен И. И. Башмаков, сотрудник московского пропагандного отдела при ОГПУ; его вскоре сменил Фесенко, во-

енный комиссар, подчинявшийся непосредственно ИНООГПУ при харбинском генеральном консульства СССР.

Во главе Коммерческого Агентства КВжд был поставлен Т. А. Кисельгоф. В 1934 году во время японского периода его деятельность как начальника ИНООГПУ во Владивостоке была разоблачена, после чего ему пришлось покинуть Харбин. Это агентство, как и Коммерческие Агентства Уссурийской и Забайкальской дорог, кроме обычной работы и шпионажа, ведали отправкой и доставкой различных грузов с оружием, взрывчатыми веществами, боевыми припасами, наркотиками, пропагандной литературой без таможенного осмотра на пограничных станциях КВжд.

Наиболее деятельными в политическом отношении были Дорожный профсоюз железнодорожников (ДОРПРОФСОЖ или сокращенно Дорожный Комитет, ДОРКОМ) и Объединение Совета Профессиональных и Производственных Союзов (СПС).

Созданные официально для «защиты служебно-правовых, профессиональных, экономических и культурно-просветительных интересов» служащих КВжд, эти организации, в действительности, были щупальцами Коминтерна. ДОРКОМ состоял из 29 членов, большинство которых прибыло из СССР, остальные же вышли из коммунистических ячеек, существовавших в Харбине нелегально с 1920 года. Главным руководителем ДОРКОМа были: Е. Г. Баранов, председатель, занимавший также должность заведующего Отделом Тарифа и Экономики; С. И. Жибров, секретарь и заведующий Организационно-Инструкторским Отделом; Н. Т. Карпенко, А. П. Степанченок, Е. М. Чернов, члены президиума. Все они были также сотрудниками ОГПУ, как и М. А Корабельник, Д. П. Безпалов, С. И. Максюта, П. Г. Гренков, ответственные работники ДОРКОМа, проживавшие в Харбине в конспиративных квартирах.

ДОРКОМ являлся хозяином КВжд. Его беспрекословно слушались управляющие дорогой, его предложения немедленно и безоговорочно проводились в жизнь. ДОРКОМ ведал тарифно-экономической программой, разрабатывал проекты сокращения штатов, проводил реорганизацию служб, отделов и комитетов, подрывал доходность японской Южно-Маньчжурской железной дороги. На содержании ДОРКОМа шли огромные средства из кассы КВжд.

ДОРКОМ непосредственно подчинялся Центральному Комитету Дальневосточного Краевого Бюро (ЦК ДАЛЬКРАЙБЮРО), а как профессиональная организация входил со всеми своими участковыми комитетами в состав межсоюзного объединения в СПС. ДОРКОМ разделялся на следующие отделы:

1. Организационно-инструкторский.
2. Стачечный.
3. Ударно-боевой для вооруженных действий на КВжд.
4. Подрывной для ведения саботажа, устройства террористических актов, и т. п.
5. Разведывательный.
6. Секретной связи для отправки агентов и грузов.
7. Агитационно-пропагандный.
8. Политическо-просветительный.
9. Связи с железнодорожными рабочими в Китае.
10. Тарифно-экономический.
11. Финансовый.

ДОРКОМ через участковые и местные комитеты и профуполномоченных руководил всей деятельностью КВжд. К концу 1924 года на линии дороги находилось шесть УЧКОМов, 25 МЕСТКОМов, 90 профуполномоченных и около 10,000 членов, составлявших актив советской пятой колонны в Маньчжурии. За пять лет это число возросло больше чем вдвое.

Харбинский Совет Профессиональных и Производственных Союзов (СПС) входил в состав Всесоюзной сети ПРОФИНТЕРНа. Во главе его стоял Р. А. Нилов, занимавший одновременно должность главы Тарифно-экономического Отдела Союза; его заместителем был К. А. Филиппович; секретарем А. М. Щергов, одновременно возглавлявший Организационно-инструкторский Отдел. СПС состоял из 13 отделов и биржи труда, во главе которых стояли назначенные Москвой лица, преимущественно из ОГПУ и ИНООГПУ. Так, например, отделом Межсоюзной физкультуры в Харбине заведывал Е. Ф. Курбатов, контрразведчик ИНООГПУ при харбинском консульстве. При СПС находился штат сотрудников ОГПУ в 70 с лишним человек. Никто из них не имел никакого отношения к дороге, но содержался за ее счет.

СПС имел неограниченные полномочия. Все служащие и рабочие дороги были разделены по районам на группы, ячейки и тройки, посредством которых СПС проводил свою работу.

Члены СПС были обязаны вести разведывательную деятельность экономического, технического и политического характера.

С первых дней совместного управления КВжд советская власть принялась рассматривать Маньчжурию как свою вотчину. В Маньчжурии был учрежден ГУБКОМ ВКП(б), непосредственно подчинявшийся ЦК ВКП, Политбюро и ИККИ (Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала) в Москве, и сотрудничавший с ДАЛЬБЮРО в Хабаровске. В состав ГУБКОМа входило девять РАЙКОМов, 124 комячеек, свыше 3,000 отдельных вспомогательных аппаратов и организаций. Райкомы находились в стратегических пунктах на станциях Имяньпо, Ханьдаохэдзы, Пограничная, Бухэду и Маньчжурия; в Харбине райкомы находились в Новом Городе, на Пристани, в главных Механических мастерских, в депо и в Управлении КВжд. Комячейки существовали во всех отделах служб КВжд, в больницах, на складах, на фабриках и заводах и в других промышленных предприятиях, в учебных заведениях и т. д. Деятельностью РАЙКОМов и комячеек руководили ответственные секретари и избирательные органы, носившие названия Бюро РАЙКОМа и Бюро ячеек. Райком состоял из 27 членов и 18 кандидатов. Бюро ячеек состояло из 372 членов и 247 кандидатов.

В ГУБКОМе находилось семь отделов:

1. Организационное Бюро вело главную работу, выдвигало партийцев на ответственные должности, формировало партийный актив, подготовляло руководителей, проводило различные кампании, вплоть до показательных гражданских похорон, организовывало денежные сборы на ОСОАВИАХИМ и т. п. Во главе ОРГБЮРО стояла Т. Г. Сафонова, служащая Харбинского Благотворительного Об-ва; ее заместителем был И. А. Минин; членами: П. Н. Попов, сотрудник генерального советского консульства; С. И. Кузнецов, начальник Земельного Отдела КВжд; В. Я. Островский, контролер КВжд.

2. Агитационно-пропагандный Отдел вел пропаганду, организацию политических кружков, партийных школ, периодических изданий и т. п. Главой его был служащий «Вестника Маньчжурии» А. М. Галицкий; его заместителем Залман Моисеевич (он же Евгений Александрович) Карукес, во время японского периода бежавший из Харбина в Шанхай и там работавший с китайскими коммунистами. Членами отдела были: Д. А. Кисенко, начальник 4-го учебного отде-

ла КВжд; А. П. Михайлов, инспектор того же отдела; и И. В. Ефимов, начальник Материальной части КВжд.

3. Оперативно-технический Отдел вел работу по подготовке восстаний, забастовок, поддерживал связь с китайскими террористическими организациями, коммунистическими группами и хунхузами, скрытыми под видом китайских партизан. Руководители этого отдела были строго законспирированы и были известны только главному секретарю ГУБКОМа, генеральному консулу и другим консулам СССР в Маньчжурии.

4. Отчетно-финансовый Отдел ведал всеми финансовыми операциями ГУБКОМа, средства которого поступали от членских взносов в размере 3% оклада, дополнительных «добровольных» сборов и пожертвований «излишков» жалования советских служащих, что давало в месяц 15 000 рублей; дотационных кредитов из советских доходов КВжд, выражавшихся в сумме 25 000 рублей в месяц; и субсидий от Центрального фонда Коминтерна, превышающих сотни тысяч рублей в месяц.

5. Учетно-статистический Отдел вел вспомогательную работу, ведал статистикой и учетно-распределительной работой.

6. Секретариат выполнял техническую работу и руководил работой секретарей подвластных коммунистических органов.

7. Общих дел — ведал канцелярской работой, личным составом и другими делами.

При ГУБКОМе находилась Контрольная Комиссия (ГУКК), выполнявшая особо важную роль. Во главе ее стоял уполномоченный КК ДАЛЬБЮРО, снабженный всей полнотой власти. При нем находился его заместитель и секретарь. На пост уполномоченого назначались выдающиеся партийные работники. Одно время его занимал бывший председатель Сталинградского губисполкома А. Н. Калашников. Его сменил мастеровой Главных Механических Мастерских КВжд Пищалов. После него были видный чекист и красный партизан Баунис и затем В. А. Цымбаревич.

После советско-китайского конфликта маньчжурский ГУБКОМ был переименован в СМК (Северо-Маньчжурский Комитет) и загнан в глубокое подполье. Его секретарем был крупный партийный работник Ю. В. Рудый, одно время занимавший пост управляющего КВжд; заместителями О. Я. Котенев, член Ревизионного Комитета КВжд, и М. Ф. Василевский, секретарь Службы Общих Дел КВжд. Членами СМК были: А. М. Дрибинский, вице-консул советского консульства; С. М. Кузнецов, товарищ председателя Правления КВжд; М. И. Эмзин, уполномоченный торгпредства в Харбине; представителем

от профсоюзов — И. А. Минин, начальник службы сборов КВжд; представителем от Комсомола — служащие КВжд М. П. Ариненок и Е. А. Козловский.

СМК делился на два сектора, особый и военный. Первый служил связью, его возглавлял вначале П. И. Колосов, член Ревизионного Комитета КВжд, а затем М. Л. Раминский при заместителе М. Д. Барге, секретаре советского консульства. Во главе военного сектора вначале был А. Д. Дмитриев, помощник главного контролера КВжд, а затем П. И. Гончарский, при заместителе Н. С. Мельникове, служащем советского консульства.

Большую роль в политической жизни на КВжд играл Комсомол. Основанный в 1919 году при Механических мастерских, «Доме Трудящихся», Депо и других местах КВжд, он вначале назывался «Отдел Молодежи» (ОТМОЛ). С приходом советских деятелей на КВжд комсомольская организация широко развернула свою деятельность. На съезде Отмола в январе 1925 года организация была переименована в Губернский Отдел ВЛКСМ (Всероссийского Ленинского Коммунистического Союза Молодежи); она вошла в непосредственное подчинение ДАЛЬКРАЙКОМА ВЛКСМ в Хабаровске и ЦК ВЛКСМ в Москве как подсобный политический отдел ГУБКОМа и ОГПУ в Маньчжурии.

На ежегодном съезде Комсомола избирался руководящий орган организации — ГУБКОМ ВЛКСМ, который выделял из своей среды Исполнительное Бюро. ГУБКОМ состоял из девяти членов и трех кандидатов. Ответственный секретарь ГУБКОМа Комсомола всегда назначался из центра и фактически являлся диктатором всей организации. На этот пост назначались наиболее активные комсомольцы, имевшие большой партийный стаж и опыт.

За пять лет советского пребывания на КВжд Комсомол развился в мощный аппарат, выполнявший задания Коминтерна по ведению шпионажа и подрывной работы. Комсомольские клубы и кружки были открыты по всей линии КВжд во всех ее отделах и учреждениях. На случай военных действий в комсомольских клубах шла усиленная подготовка радистов, военных техников и террористов. Создавались ударные кадры для борьбы против китайских властей и белой эмиграции, так называемые Боевые Дружины. Организованные летом 1925 года, Боевые Дружины устраивали побоища с бе-

ло-эмигрантскими организациями, как «Черное Кольцо», Мушкетерами и Крестоносцами.

Стычки комсомольских Боевых Дружин с антикоммунистическими организациями молодежи нередко заканчивались трагически. В одной из них был убит молодой эмигрант Гомонилов; многие уходили с побоища с ножевыми ранами, переломанными костями и проломленными черепами.

С приходом советских властей на КВжд в Маньчжурии был учрежден ряд советских учреждений коммерческого характера. В добавление к своей основной деятельности эти учреждения являлись очагами насаждения коммунизма в Маньчжурии и в Северном Китае.

В Харбине было открыто отделение ДАЛЬБАНКа, главная контора которого находилась в Хабаровске. Управляющим его вначале были Н. Н. Ромма, а затем С. М. Шапиро. ДАЛЬБАНК финансировал деятельность Коминтерна в Маньчжурии и Китае, скупал золото в слитках для отправки в Москву, сбывал за иностраную валюту реквизированные в России драгоценности, держал текущие счета для секретных коминтерновских агентов.

Отделение пекинского Торгпредства СССР ведало всеми коммерческими делами в Маньчжурии. Во главе харбинского отделения находились резиденты ГПУ, вначале М. З. Пискунов, затем М. И. Эмзин. Торгпредство в Китае являлось одним из главных центров политического и торгово-промышленного шпионажа. Его представители безконтрольно и беспрепятственно разъезжали по Китаю под видом производства закупок, на самом же деле вербовали агентов-информаторов, распространяли пропагандную литературу, опиум, оружие и т. д. Все торговые и промышленные предприятия советских граждан и агентств в Китае находились под контролем Торгпредства. От него исходили директивы по проведению экономических забастовок, демпингов советских товаров на китайский рынок, подрыва иностранных коммерческих предприятий.

В непосредственном ведений Торгпредства находились следующие советские торговые предприятия:

ДАЛЬГОСТОРГ (Дальневосточная Государственная Торговля СССР), главная контора которой находилась в Хабаровске. Управляющим харбинского отделения был В. А. Игнатенко, сотрудник харбинского ОГПУ. При ДАЛЬГОСТОРГе было представительство Сучанских угольных копей, возглавляемое

М. Т. Мироновым, который работал среди белых эмигрантов с целью выяснения руководителей и участников партизанских белых отрядов, нередко появлявшихся в районе Сучана.

ЦЕНТРОСОЮЗ (Центральный Союз Торговых Предприятий СССР). Управляющим харбинского отделения был В. З. Немчинов, его помощниками — А. И. Левин, М. Я. Линдберг, П. Т. Лизачев и М. П. Смородин. Последний являлся главноуполномоченным в Китае резидентом ГПУ.

СИБКРАЙСОЮЗ (Сибирский Краевой Союз Кооперативов СССР) занимался сбытом советских продуктов и закупкой сырья и злаков для СССР. Во главе Союза стоял уполномоченный по Дальнему Востоку резидент ГПУ А. Ф. Попов.

НЕФТЕСИНДИКАТ (Всесоюзный Нефтяной Синдикат) проводил операции с советской нефтью. Во главе его стоял М. К. Щербинский.

СОФТОРГФЛОТ (Советский Торговый Флот) и Транспортная Контора Амурского Государственного Пароходства имели свои отделения в Харбине. Первым управлял вначале Л. Г. Быстрицкий, затем — Т. А. Кисельгоф; вторым — П. Е. Терентьев и П. С. Бурлан. Они также способствовали Коминтерну в коммунизации Маньчжурии и Китая.

Управление Районного Уполномоченного Российского Красного Креста и находившееся в его ведении Агентство Дальневосточного Курортного Управления СССР, как и другие советские учреждения, были лишь ширмами, позади которых развивалась подпольная и разведывательная деятельность. Они входили в состав Совета Профессиональных Союзов, и возглавлялись одним и тем же лицом — К. А. Филипповичем.

ХБО (Харбинское Благотворительное Общество) входило в состав МОПР (Международное Общество Помощи Революционерам); оно собирало средства для ведения коммунистической работы в Маньчжурии и Китае. Во главе его стоял Магон, совмещавший с этой должностью службу в Ревизионном Комитете КВжд.

ОИМК (Общество Изучения Маньчжурского Края) состояло из секций: торгово-промышленной; естественно-исторической; историко-этнографической; геологической; искусств; медицинской; экскурсионной; социологической; и редакционно-издательской. Оно вело изыскательно-разведывательную работу и снабжало Коминтерн всеми необходимыми сведениями о Маньчжурии. Для прикрытия настоящей деятельности во гла-

ве его были поставлены китайские граждане: доктор Ван Цзин-чунь, председателем, и Ли Юан-гэн, его заместителем. Вторым заместителем председателя был А. С. Мещерский, ветеринарный врач КВжд. Членами комитета были советские служащие, коммерсанты и другие лица, имевшие советские паспорта.

Советская пресса на КВжд была представлена газетами «Новости Жизни», «Трибуна» и «Молва». «Новости Жизни» издавал З. М. Клиорин, редактировал С. Р. Чернявский. Вначале она была бело-эмигрантской газетой, но с прибытием на КВжд советских властей она изменила свое направление и стала коммунистической. Редактор-издатель «Трибуны» был Б. Н. Федоров. Редактором-издателем «Молвы» был Н. П. Нечкин, до этого сотрудничавший в «Новостях Жизни» под псевдонимом Ник. Девиль. Во время советско-китайского конфликта «Молва», как коммунистическая газета, была закрыта китайскими властями и Нечкин был выслан из Харбина.[1])

«Вестник Маньчжурии» и «Экономический Бюллетень» являлись советскими органами для ведения исследовательской и разведывательной работы в Маньчжурии. К сотрудничеству в этих изданиях были привлечены публицисты и научные работники из среды белой эмиграции, хорошо знавшие политическое и экономическое положение Маньчжурии и Северного Китая.

Существовавшее в Харбине полномочное представительство СССР было переименовано в советское генеральное консульство. Первым генеральным консулом был назначен резидент ГПУ Д. Д. Киселев, одновременно занимавший пост члена правления КВжд. Первым вице-консулом и заместителем был назначен А. Я. Дяткович, член Ревизионного Комитета КВжд; вторым вице-консулом — А. Н. Битиев, видный сотрудник ГПУ, в руках которого был сосредоточен аппарат маньчжурского ИНООГПУ; заведующим паспортным отделом был назначен К. Э. Зейте, занимавший также пост начальника контрразведывательного отдела ГПУ.

Советские консульства были открыты на станциях Маньчжурия, Цицикар и Пограничная, с приданными им отделами ИНООГПУ, главами которых обычно были секретари консульств.

---

[69]) Советские связи Н. П. Нечкина не помешали ему позже основать в Сан Франциско крайне-правую монархическую газету.

С 1920 года тайная агентура ВЧК-НКВД и МВД стала проникать заграницу для ведения подпольной работы среди местного населения и российской белой эмиграции. Часть этой агентуры была направлена из Москвы непосредственно, другие были завербованы на местах. Третьи проникали заграницу легально под видом торговых представителей, журналистов, артистов, туристов. Некоторые из них условно переходили на положение невозвращенцев, продолжая держать связь с центральными разведывательными учреждениями Советского Союза.

С созданием в Маньчжурии коммунистического аппарата, агенты ГПУ стали играть большую роль во всех советских учреждениях. По составу руководителей и сотрудников аппарат ГПУ был в три раза больше, чем партийный аппарат, насчитывая свыше 500 человек, занимавших руководящие и контрольные места во всех отделах КВжд и советских учреждениях в Маньчжурии и в Северном Китае.

Основное ядро чекистского аппарата помещалось в здании советского генерального консульства в Харбине. Ряд чекистских резидентур был создан на линии КВжд и в городах Маньчжурии и Северного Китая. Одни резиденты подчинялись этому главному для Маньчжурии органу ГПУ, другие же работали самостоятельно, в строгой конспирации и подчинялись непосредственно дальневосточному ОГПУ в Хабаровске и Центральному ГПУ в Москве.

При генеральном советском консульстве в Харбине находился совершенно обособленный отдел во главе с тайным резидентом ИНООГПУ, подчинявшимся только главному отделу ИНООГПУ в Москве. Обычно эту должность в целях конспирации занимал один из секретарей или вице-консулов. В 1927-1928 годах этот пост занимал второй вице-консул Знаменский.

В Маньчжурии совершенно самостоятельно от местных резидентов вела свою работу резидентура ИНООГПУ советского посольства в Пекине. В разгар советской деятельности в Китае пост резидента советского посольства в Харбине занимал Рахманов, он же Влас, Марк и Северский.

Агентом уполномоченным ИНООГПУ при харбинском генеральном консульстве был Александр Абрамсон, одновременно являвшийся резидентом ИНООГПУ советского консульства

в Тяньцзине, консулом которого был его брат Григорьев-Абрамсон.

В подчинении харбинского ГПУ были отделы при советских консульствах Мукдена, ст. Пограничной и ст. Маньчжурии, несмотря на то, что при первых двух находились резиденты хабаровского ГПУ, а при третьем — резидент читинского ГПУ. Резидентура при советском консульстве в Сахаляне находилась в ведении ГПУ города Благовещенска. Резиденты при советских консульствах в Тяньцзине и Ханькоу подчинялись ГПУ при советском посольстве в Пекине.

ГПУ содержало огромную сеть секретных агентов, осведомителей, филеров во всех службах, учреждениях КВжд в Харбине и на линии, и во всех советских предприятиях, частных фирмах, конторах, ресторанах, кафе, на телефонной станции, на почте, в большинстве эмигрантских организаций и учреждений.

Аппарат ГПУ имел два отдела: внутренний и внешний. Первый выполнял обычные функции надзора и контроля над местной советской колонией. Внешний отдел подразделялся на четыре подотдела: политический, экономический, военный и секретно-оперативный. Эти подотделы делились на многочисленные секции: китайскую, японскую, корейскую, европейско-иностранную, американскую, эмигрантскую. Секции дальше подразделялись на отделения: разведывательное, контрольно-диффамационное, агитационно-вербовочное.

Агенты внутреннего отдела формировались без особых затруднений по партийной линии, агенты же внешнего отдела подбирались с большей осторожностью. Секретные сотрудники (сексоты) вербовались из среды эмигрантов и иностранцев. До принятия на службу они тщательно расследовались, изучались их семейное и материальное положение, привычки, склонности, слабые места. Затем шел период обработки избранных лиц. Вначале им давались легкие поручения вполне невинного свойства за большое вознаграждение. После того, как сексот давал те или иные сведения в письменной форме, с него бралась подписка особого содержания, часто под угрозой и шантажем. Сексот таким образом оказывался в полном распоряжении ГПУ и его эксплуатировали до тех пор, пока он не становился «отработанным паром». Нередко сексоты втягивались в колею работы ГПУ незаметно, под видом работы для «некоторой иностранной разведки».

Нарушение сексотами или другим советским агентом взятых на себя обязательств обычно влекло за собой тяжкие последствия. В 1928 году по постановлению коллегии ГПУ в Харбине «покончили жизнь самоубийством» Чухманенко, крупный коммунист, прибывший из Москвы на должность члена правления КВжд и члена ГУБКОМа, и В. Н. Лабузо, бывший лейтенант российского морского флота, втянутый советскими агентами в работу для резидента ИНООГПУ советского посольства в Пекине.

Во главе основного аппарата ГПУ в Маньчжурии стояла коллегия из трех лиц, составленная обычно из советского консула и двух представителей советской администрации КВжд или другого советского учреждения в Маньчжурии. До советско-китайского конфликта в 1929 году коллегия ГПУ возглавлялась советским консулом Б. Н. Мельниковым, а членами ее были И. И. Кауффельд, ответственный инспектор торгпредства, и А. Н. Парилов, начальник паспортного отдела Службы Общих Дел КВжд. После конфликта, вместо отозванного в СССР Мельникова вступил новый генеральный консул М. М. Славуцкий-Аршавский. Члены коллегии ГПУ иногда менялись. Магона, члена Ревизионного Комитета КВжд, и Эмзина, главы торгпредства, сменили Василевский, начальник Службы Общих Дел КВжд, и А. М. Плоткин-Пилов, бывший начальник секретно-оперативного отдела ОГПУ в Благовещенске, позже занимавший должность директора харбинского отделения ДАЛЬБАНКА.[70])

Начало советских интриг

Еще задолго до перехода правления КВжд в руки советского управляющего ожесточенная кампания против прежнего правления во главе с Б. В. Остроумовым была поднята газетой «Новости Дня». Старое правление обвинялось в бесхозяйственности и даже в умышленном вредительстве. Попутно с этой травлей, харбинский представитель Дальневосточной Республики Озорин (он же Кистер) через Комитет железнодорожных служащих (ДОРКОМ) проводил стачки и подрывал нормальную деятельность дороги.

---

[70]) Сведения о советских учреждениях, их структуре и должностных лицах предоставлены Н. Ф. Богунским, бывшим сотрудником разведывательной службы при гоминдановском правительстве.

С появлением советских властей в Маньчжурии, Коминтерн считал, что половина работы уже была сделана. Многое было предоставлено самостоятельному развитию на местах. Советские агенты пытались провести в Маньчжурии то, что годами позже стало стандартным приемом Москвы: создание сателлита, республики так называемой народной демократии.

Одним из первых шагов советской власти на КВжд было проведение на пост председателя Ревизионной комиссии генерала Ян Чжо. Еще мальчиком Ян был увезен в Россию известной Агреневой-Славянской после турнэ ее хора по Дальнему Востоку. В России Ян Чжо получил отличное образование, в совершенстве овладел русским языком и после революции сошелся близко с советскими кругами. Затем агенты Коминтерна завербовали генерала Ян Ву-тина, начальника штаба маршала Чжан Цзо-лина, который должен был поднять восстание в Мукдене, захватить власть, арестовать правительство и подчинить себе армию. Ян Чжо был намечен на пост главы Маньчжурской народной республики. Но планы Коминтерна сорвалось. Ян Чжо и Ян Ву-тин были казнены.

Год спустя советские власти подбили генерала Го Сун-лина поднять восстание против Мукдена и стянуть туда свои войска. По приказу маршала Чжан Цзо-лина военный губернатор Цицикарской провинции, генерал Я. Цзинь-шень, двинул свои войска на выручку Мукдена. Советский управляющий КВжд воспротивился передвижению цицикарских войск и распорядился о закрытии пути на станции Куанченьцзы, конечного пункта при переходе на Южно-Маньчжурскую железную дорогу. Произошло столкновение войск У Цзин-шеня с железнодорожной полицией. Маршал Чжан Цзо-лин отдал приказ об аресте Иванова и захвате речного флота КВжд и портового оборудования по Сунгари. Советским властям пришлось еще раз примириться с провалом своих планов.

Осенью 1926 года на станции Пограничная при таможенном осмотре поезда, следовавшего из Владивостока на запад, в чемодане одного из пассажиров были найдены взрывчатые вещества, часовой механизм и большое количество американских долларов и японских иен. Арестованный пассажир оказался Бурлаковым, два брата которого находились в Мукдене, где они должны были дать концерт во дворце маршала Чжан Цзо-лина. Произведенное следствие показало, что адская машина должна была быть оставлена во дворце во вре-

мя концерта и время взрыва поставлено на ночь. Вместе с Бурлаковым были арестованы и преданы суду его сообщники Власенко и Медведев. Последний одно время служил в железнодорожной полиции. Арестованы были и два музыканта, братья Бурлаковы.

Участие советских властей в этом деле было явным, хотя они и свалили все на происки эмигрантов, а Бурлакова назвали «белобандитом». Бурлаков был приговорен к пяти годам тюремного заключения.

Официально советские власти отреклись от Бурлакова и его сообщников, но не переставали интересоваться их судьбой. Хотя мукденский советский консул избегал посещать Бурлакова и его сообщников в тюрьме, но из средств харбинского резидента Марка (Власа Рахманова) регулярно выплачивал жене Бурлакова по 200 долларов в месяц и время от времени выдавал различные суммы женам Власенко и Медведева. Советский вице-консул в Мукдене и резидент ГПУ, Павел Донской, докладывал харбинскому резиденту, что «тройка» (Бурлаков, Власенко и Медведев) «сделали ряд промахов при подаче апелляции маньчжурскому суду», и что «надо гнать каждого, предлагающего организовать побег тройки из тюрьмы» вследствие того, что после побегов арестованных из харбинской тюрьмы, охрана в мукденской тюрьме стала много строже. «Связь с арестованными чрезвычайно трудна и опасна. Все проверяется тщательно. Я прекратил всякую связь и все передаю устно через жену Медведева.»[71])

Ответственным лицом по проведению многих заданий Коминтерна, включая разведывательную работу, в Маньчжурии был А. И. Геккер, по одним сведениям б. офицер императорского Генерального Штаба, занимавший одно время пост военного атташа при советском посольстве в Пекине. Геккер также занимал на КВжд негласный пост политического комиссара: ему были подчинены управляющие дорогой, сперва Иванов, затем сменивший его Емшанов, и советские резиденты Харбина и других городов Маньчжурии. Одним из главных его помощников и сотрудников был харбинский резидент Марк — Северский — Влас Рахманов.

Весной 1926 года Геккер прислал Рахманову проект о дальнейшем превращении администрации КВжд в подсобный ор-

---

[71]) Митаревский, в документе о докладе Донецкого.

ган Коминтерна, для чего предлагал заполнить ответственные места на дороге «своими людьми». На посту секретаря Правления КВжд был Коренев (он же Мизунин), назначенный еще Ивановым. На вакантное место секретаря Службы Общих Дел дороги Геккер прочил «товарища Клапфельда из Москвы». Третий важный пост на который Геккер настаивал поставить «своего человека», был пост инспектора или заведующего военными перевозками на КВжд. Этот пост был временно занят генералом Сукиным, эмигрантом, который был переведен туда из Коммерческого отдела.

По поводу Сукина Геккер писал в проекте:

> Хотя он и работает для нас, но он не удовлетворяет нас, да мы и не можем полностью доверять ему. Для успешной работы абсолютно необходимо достать подходящего человека из Москвы, такого, который бы окончил Военную Академию и работал в отделе военной связи[72]).

Кроме этих трех лиц Геккер считал необходимым привлечь двух других ответственных работников, переводчика и шифровальщика, выписав их из Москвы. «Понятно«, пишет Геккер, «они только номинально будут числиться на дороге, чтобы получать содержание».

На обязанности этих секретарей было снабжение пресс-бюро при КВжд для передачи иностранной печати, особенно китайской, японской и английской, сведений о Маньчжурии и КВжд, выгодных для интересов Советского Союза, и сбор информации экономического, политического и военного характера. Особенное внимание уделялось китайской армии, ее расположению, организации, снабжению; Южно-Маньчжурской железной дороге, ее охране и техническим средствам; другим железнодорожным и шоссейным дорогам в трех восточных провинциях; подвижному пути КВжд, состоянию пути, водному снабжению, мастерским, графику расписаний, наибольшему прогону поездов и т. д.

Другой обязанностью секретарей была вербовка агентов разведывательной службы среди советских и китайских служащих. В проекте Геккера особенное внимание обращалось на многие преимущества создания такого разведывательного аппарата при КВжд, которая оплачивала бы не только содер-

---

[72]) Митаревский, в документе о докладе Геккера.

жание секретарей, московских агентов и других секретных сотрудников, но и давала бы им право бесплатного передвижения и представляла бы неограниченные средства для содержания пресс-бюро.

Особое значение Геккер придавал должности управляющего военными перевозками на КВжд. На обязанности этого управляющего было знакомство с передвижением китайских войск, разработка планов мобилизации дороги в связи с военными действиями, разрушение и восстановление ее. Управляющий военными перевозками должен был также вербовать агентов среди состава китайской железнодорожной охраны.

Проект Геккера учитывал привлечение к разведывательной работе Общество Изучения Маньчжурии, и существовавшее до него Общество Ориенталистов. Журнал «Вестник Маньчжурил» был использован для привлечения к нему таких «высоко-квалифицированных специалистов, как Андокский, Мацокин, Яшмов, Сурин, Андриевский» — белых эмигрантов, которые писали статьи о вооруженных силах Дальнего Востока, политических группировках Китая, иностранном капиталовложении, путях сообщений в Маньчжурии и Северном Китае, водных путях, шоссе, Хингане, реках Сунгаре и Нонни и т. д.

Харбинский резидент Рахманов провел несколько встреч с секретарями Кореневым (он же Мизунин и Белинский), Измайловым (он же Клапфельд), с шифровальщиком Васильевым и другими. В своем докладе об этих встречах военному атташе Сейфулину-Лапину, заменившему Геккера, Рахманов не упустил возможности навредить своему патрону: «мое впечатление таково, что он (Геккер) перестал быть тем, кем был раньше. . . он многое обещает, но или боится или не решается провести что-либо в жизнь»[73]).

Трения между маньчжурскими властями и советскими агентами на КВжд тем временем продолжались. После ареста Иванова и захвата речной флотилии на Сунгари, они произвели обыски в помещениях союза железнодорожников и в харбинском отделении торгпредства, и закрыли Транспортную Контору Амурского Государственного Пароходства. В 1927 году мукденские власти потребовали от управляющего КВжд передачи всех наличных средств дороги в мукденский банк и перевода финансовых операций на местные денежные знаки.

---

[73]) Митаревский, там же.

Это требование было вызвано небезосновательными подозрениями, что управляющий КВжд устраивал различные финансовые манипуляции в пользу Советского Союза. Железнодорожный эксперт при нанкинском правительстве, Дж. Мантель, показал, что советский управляющий систематически обворовывал КВжд, растрачивая большие суммы на то, что не имело отношения ни к самой дороге, ни к экономической жизни края. В декабре 1928 года маньчжурские власти захватили телефонную станцию КВжд. Действия маньчжурских властей заставили насторожиться советское руководство КВжд.

Советская разведывательная и подрывная работа вызвала необходимость противодействия со стороны местных властей. Мукден направил в Харбин одного из своих лучших людей, Чжана Го-чена, под видом начальника харбинского отдела департамента народного просвещения, с заданием пресечь советскую подрывную работу. В помощь себе Чжан пригласил нескольких эмигрантов, хорошо знакомых с политическим положением в Маньчжурии и на Дальнем Востоке. С этого времени началось привлечение русских эмигрантов на разведывательную службу всеми заинтересованными политическими группировками и различными иностранными правительствами.

Наряду с деятельностью Чжана развивалась деятельность других разведывательных служб, особенно японской и английской. Япония давно заглядывалась на Маньчжурию как на лакомый кусочек, как на колонию, куда можно было бы направить миллионы безземельных фермеров. Франция была заинтересована в КВжд и номинально считалась ее владелицей, так как Русско-Азиатский банк являлся французским учреждением. У Англии в Китае были большие коммерческие интересы, и судьба Маньчжурии тревожила ее. Америка была заинтересована в политике открытых дверей в Китае и в сохранении равных прав и возможностей. Некоторые американские железнодорожные магнаты были не прочь принять участие в эксплуатации КВжд и в постройке других железных дорог в Маньчжурии.

Понятно поэтому, почему советская деятельность в Маньчжурии привлекала к себе самое живейшее внимание иностранных держав.

Дальнейшие осложнения

Весной 1929 года ДАЛЬКРАЙКОМ созвал съезд сотрудников Коминтерна, находившихся в Маньчжурии. Об этом стало известно русским эмигрантским разведывательным органам, а через них — мукденским властям. В конце мая Главное Управление полиции Харбина получило дополнительные сведения о времени съезда в здании советского генерального консульства. В день съезда большой отряд китайской полиции во главе с начальником, генералом Ми Чун-лином, оцепил здание консульства. В составе полицейского отряда находилось несколько русских служащих. Предупрежденные одним из китайских служащих полиции, консульские власти наглухо забронировали входы. Только после угроз взломать двери полиции удалось войти внутрь здания, где консульские служащие спешно сжигали секретные документы. При обыске помещения в подвале оказались люди, не имевшие никакого отношения к консульской службе. В числе арестованных восьмидесяти человек оказались: Мельниковъ, генеральный консул Харбина, Знаменский, вице-консул и резидент ИНООГПУ; Кузнецов, генеральный консул в Мукдене; из других советских правительственных организаций были: Цимбаревич, управляющий Дальневосточным Торгпредством; Таранов, инспектор советского торгового флота; Станкевич, видный служащий Коммерческого отдела КВжд. Последние три являлись ответственными членами исполкома СМКК, который руководил работой всех профсоюзных, комсомольских, пионерских, женских и всех других коммунистических организаций в Маньчжурии. При обыске было захвачено большое количество документов и других доказательств конспиративных действий против китайского правительства. Показания арестованных, как и захваченные документы, раскрыли полностью характер и масштаб коммунистической деятельности в Китае, направленной к свержению законного китайского правительства и установлению в стране советского строя. Одновременно с налетом на харбинское генеральное консульство были произведены налеты на советские консульства в Сахаляне, Цицикаре и Маньчжули (ст. Маньчжурия). Служащие харбинского консульства после допроса были освобождены, а 39 человек, не имевших никакого отношения к советским консульствам и управлению КВжд, были увезены в Мукден и отданы под суд.

Москва немедленно запротестовала и решительно отвергла

заявление нанкинского правительства, что налет был вызван секретным совещанием коминтерновских сотрудников, сделав при этом попытку придать сборищу восьмидесяти человек в консульском подвале характер простой «встречи друзей». В ответе на протест Москвы нанкинское правительство заявило, что налет явился следствием заигрывания Коминтерна с генералом Фын Юй-сяном, которого советское правительство снабжало оружием и деньгами для борьбы против центральной власти Китая. Нанкин в своей ноте подтвердил, что националистическое правительство одобряет решительность мукденских властей, произведших налет на гнездо советского шпионажа и подрывной деятельности.

Кроме инкриминирующих документов в советском консульстве были найдены официальные конверты японского генерального консульства и две печати американского консульства в Харбине. Москва поспешила заверить всех, что она совершенно не при чем и свалила все на эмигрантов, служащих китайской полиции, обвинив их в том, что они во время обыска подсунули конверты и печати с целью дискредитировать советские консульские власти.

Об истории с конвертами японское правительство умолчало, но еще больше усилило надзор за своими консульскими служащими. Государственный Департамент США также не придал особого значения заявлению китайских властей по тем же соображеениям, по каким сделала это и Япония. Никто из них не хотел допустить, что в среде их консульского состава не все могло быть благополучно.

Большинство захваченных документов касалось политического положения в Китае и отношения к нему Коминтерна. Одна из телеграмм сообщала в ДАЛЬКРАЙКОМ следующее:

> Волнения в Китае должны помочь нам выправить наше положение на Дальнем Востоке. Многие группы настроены против идеи объединения Китая, и если они выступят активно, мы сможем отвоевать себе то положение, которое мы занимали в Китае раньше... Проведение беспорядков пока еще преждевременно...[74]).

В начале июня мукденский генеральный консул Кузнецов был арестован с двумя консульскими служащими на ст. Хайлар на пути в Москву. Задержанные были освобождены, так

[74]) Нью-Йорк Таймс, 13 июня 1929 г.

как осмотр багажа не показал ничего обличающего. Но пока маньчжурская полиция возилась с Кузнецовым, другой советский консульский служащий пересек маньчжурско-советскую границу на автомобиле с большим количеством багажа, в котором находилось вероятно то, что искали китайские власти.

Москва отозвалась еще одним резким протестом, напомнив нанкинскому правительству, что нота Карахана осталась без официального ответа. Нанкинское правительство никоим образом не было обязано отвечать, так как дипломатические отношения с Советским Союзом были прерваны полтора года до этого. Что касается угроз Москвы расторгнуть договор 1924 года, по которому она отказалась от прав экстерриториальности, то Нанкин мог только напомнить о недавней роли ее в качестве защитницы Китая, настаивавшей на расторжении «колониальных цепей, прав экстерриториальности и особых привилегий».

Майский налет на советские консульства дал неопровержимые доказательства, что Москва стремилась превратить КВжд в подсобный орган Коминтерна и широко пользовалась доходом дороги для подрывной деятельности против Китая. Захваченные при налете документы, как и документы, захваченные при налете на советское посольство в Пекине за два года до этого, раскрыли сложную сеть советской политической игры. Поздние документы показали, как успешно был проведен в жизнь проект Геккера. Ответственные советские служащие различных отделов КВжд были больше заинтересованы выполнением коминтерновских заданий, чем технической службой. Управляющий КВжд Ешманов, как и бывший до него Иванов, широко распоряжался средствами дороги на ведение подпольной работы, направленной против Китая и самой дороги.

В июле 1929 года китайские власти арестовали на КВжд видных советских служащих и потребовали от Ешманова сдачи должности китайскому управляющему. Ешманов отказался и был снят с поста. Москва забила еще большую тревогу и предъявила Китаю трехдневный ультиматум «нормализировать положение на КВжд или встать лицом к лицу с соответствующими мерами». Одновременно с ультиматумом Москва громко заговорила о «харбинских белогвардейцах», готовых использовать назревавший советско-китайский конфликт для борьбы против советской власти.

В середине июля Москва прервала отношения с Китаем, что фактически ничего не означало, так как Нанкин прервал их еще в конце 1927 года. За десять дней до ультиматума в Сибири и на Дальнем Востоке была проведена частичная мобилизация. Советские войска стягивались к станциям Пограничная и Маньчжурия. Пользуясь тем, что внимание Китая было отвлечено, советские агенты усиленно развили работу в Монголии: в Калгане и Урге «молодые монголы» вдруг выступили наспех составленным хором о нежелании подчиняться центральной власти Китая.

В среде эмигрантов по своему воспользовались советско-китайским конфликтом. Один из белых вооруженных отрядов ворвался в пределы Забайкалья и вышел в 15 милях к северу от Нерчинска. Другой отряд переплыл Уссури и напал на сторожевую советскую заставу в районе Имана. Эмигранты-стражники на службе китайского правительства в стычках на Амуре убили нескольких советских пограничников.

Для пресечения саботажа со стороны советских служащих китайские власти арестовали 85 железнодорожников на ст. Хайлар и 60 на ст. Покоту, наиболее активных членов ДОРКОМа и комсомола. На аресты Москва ответила угрозой захватить Харбин и сосредоточила у устья Сунгари свои речные канонерки. Саботаж тем не менее продолжался, причиняя КВжд огромные убытки. Китайские власти усилили меры противодействия, и вскоре число арестованных советских железнодорожников возросло до двух с лишним тысяч.

В середине августа советские вооруженные части произвели нападение на Далайнор, угольную станцию южнее ст. Маньчжурия. К этому времени столкновения белых партизан с красными силами приняли настолько угрожающий характер, что китайские власти были поставлены перед необходимостью отвода белых, чтобы не довести конфликт до размеров настоящей войны. Советская пресса запестрела заголовками: «Разоружить белобандитов», «Уничтожить белобандитов» и т. д. В приказе по Дальневосточной армии Блюхер требовал уничтожения белых эмигрантов, способных носить оружие, которых он насчитывал в Маньчжурии до пяти тысяч.

Советско-китайский конфликт начинал принимать мировое значение. Сообщение, что при Дальневосточной армии находятся японские офицеры — как фантастично оно ни было — встревожило нанкинское правительство. При этом упомина-

лось, что Москва и Токио достигли соглашения, по которому Япония окажет помощь Советскому Союзу за предоставление ей концессии на рыбные промысла в Охотском море, и что Токио было против иностранного вмешательства в советско-китайский конфликт, в связи с предложением Государственного Секретаря США Стимсона разрешить его мирным образом.

Стимсон на самом деле подал эту мысль заинтересованным странам. Как ни странно, подобную мысль высказала и Москва, готовая согласиться на создание временной международной комиссии для управления КВжд, чтобы только предотвратить переход ее в руки китайских властей. Москва опасалась, что в роли защитника Китая в предъявлении им прав на КВжд окажется Япония, и надеялась, что международная комиссия сбережет для нее дорогу, убрав из Маньчжурии ее главного соперника.

Аресты советских служащих на КВжд продолжались. В административном порядке была закрыта советская пресса в Маньчжурии, в том числе газеты «Трибуна», официоз СПС, и «Молва». СПС отдал приказ советским гражданам бросать работу на КВжд с целью срыва ее деятельности в разгар усиленного экспорта бобов. Бросавших работу советских железнодорожников арестовывали, а на их места назначали эмигрантов. Лагерь Сумбэй за рекой Сунгари пополнялся все новыми арестованными. В Харбине вместо закрытых прокоммунистических газет появился подпольный листок «Харбинская Правда».

Осенью 1929 года советские войска ворвались в Маньчжурию со стороны станций Пограничная и Маньчжурия. Под угрозой оказались большие казачьи поселения в Трехречье, в районе, которой граничил с одной стороны рекой Аргунь, с другой отрогами Хингана и с третьей — линией КВжд. Трехречье было населено забайкальскими казаками и переселенцами, которые создали там богатейший край. Хуторяне имели маслобойные и сыроварочные заводы и насчитывали скот в десятках тысяч голов. Наиболее большим селением была Драгоценка, в которой находились станичное правление, церковь и школа.

Пока регулярные армейские части оперировали против китайских войск молодого маршала Чжан Сюэ-ляна, карательные отряды НКВД расправлялись с мирным населением. Еще задолго до конфликта хабаровский областной отдел ГПУ

сформировал особый отряд, во главе которого был поставлен чекист Жуч, служивший одно время в отряде барона Унгерна и отличившийся в нем исключительной жестокостью.

Отряд Жуча переправился через Аргунь и прошел «огнем и мечом» по мирным поселениям Трехречья. Насилию, разбою, дикой расправе не было конца. В одном из казачьих поселений было зверски убито 140 человек, включая женщин и детей. Несколько раненых добрались до Хайлара и поведали об ужасах, перенесенных мирным населением. Свыше шестисот трехречьинских поселенцев было вывезено в Советский Союз. Японское консульство на ст. Маньчжурия пыталось защитить мирное русское население, но ничего не могло сделать. Судьба вывезенных выяснилась позже: часть была расстреляна, большинство попало в концлагери и тюрьмы.

Эмигрантское население Харбина устроило массовую демонстрацию в знак протеста против советских бесчинств в Маньчжурии и, в особенности, в Трехречье. Оно потребовало от германского консула, взявшего на себя защиту интересов СССР во время конфликта, предоставления Лиге Наций фактов о советских зверствах над мирным населением Трехречья.

Хотя требования эмигрантов и не дошли до Лиги Наций, подробности советской расправы над мирным русским населением Маньчжурии предстали во всей полноте перед мировой общественностью. Пострадавшим стала поступать помощь. Американский Красный Крест пожертвовал 2,000 долларов. На призыв Харбинского Комитета Помощи Беженцам откликнулись многие общественные организации и частные лица. Американский генеральный консул в Харбине, Хенсон, и Коркоран, представитель американских благотворительных организаций, открыли сбор пожертвований среди иностранной колонии Харбина и сами пожертвовали большие суммы в помощь пострадавшим.

Пока советские карательные отряды продолжали чинить расправу над мирным населением, китайские власти в Маньчжурии действовали по своему. Харбинское советское консульство еще раз подверглось налету. На КВжд продолжались аресты советских железнодорожников, подозреваемых в саботаже и вредительстве. Под горячую руку китайские власти закрыли Юридический Факультет и Общество Изучения Маньчжурии. Последнее учреждение еще могло подходить к разряду враждебных, вследствие того, что им широко пользо-

вались разведывательные органы Геккера, но Юридический Факультет был чисто академическим учреждением, созданным профессорами из среды белых эмигрантов, устав которого был утвержден китайским правительством еще в начале двадцатых годов.

Пока шли операции в Северной Маньчжурии, в Мукдене произошел суд над участниками коминтерновского съезда в Харбине, захваченными при налете на советское консульство. По статье закона о «нарушении трех принципов Сун Ят-сена» о недозволенных сборищах, подсудимые были приговорены к тюремному заключению на сроки от двух до десяти лет.

Нанкин не был в состоянии оказать даже самую малую военную помощь и поддержку маршалу Чжан Сюэ-ляну. Советско-китайский конфликт подходил к неминуемой развязке. Под шумок московские агенты подняли Монголию на восстание против Китая и отделение от него в пользу Советского Союза. В Калгане, Урге и других монгольских городах «молодые монголы», к этому времени уже достаточно натасканные, старательно выполняли заданные им поручения. В маньчжурских событиях Москва отыгралась приобретением еще одного подвластного народа.

В официальной советской версии о советско-китайском конфликте говорится, как о трех операциях: сунгарийской, маньчжуро-чжалайнорской и мишаньфунской.

В сентябре китайские военные части совместно с отдельными эмигрантскими отрядами произвели ряд налетов на советскую территорию в районе рек Амура, Сунгари и Уссури. В середине октября канонерки амурской флотилии обстреляли береговые китайские укрепления у устья Сунгари, высадили десант и захватили город и крепость Лахасусу.

Маньчжуро-чжалайнорская операция разыгралась севернее станций Чжалайнор и Маньчжурия. Она была проведена войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии «по ликвидации беломаньчжурских войск», среди которых находился особый карательный отряд Жуча. В середине ноября 1929 года, «после неудачных попыток вторгнуться на советскую территорию и диверсий на различных участках границы, мукденские войска Чжан Сюэ-ляна совместно с русскими белогвардейцами нарушили советскую границу в Забайкалье и начали наступательное движение со стороны станций Чжалайнор и Маньчжурии». Командование КЗДВА сосредоточило

севернее ст. Маньчжурии и в районе пос. Абагатуй один стрелковый корпус, отдельную кавалерийскую бригаду, танки и артиллерию. Поддержанные авиацией, советские войска повели наступление, продолжавшееся два дня. После перегруппировки советских войск, командование КЗДВА 20 ноября повело окончательное наступление. В течение недели были захвачены станция и город Маньчжурия и Хайлар.

По предварительному соглашению советского правительства с Японией, советские войска дальше Хайлара не пошли.

Мишаньфунская операция была проведена западнее озера Ханка, в районе которого действовали отдельные белые партизанские отряды. 17 ноября при поддержке авиации советские войска повели наступление на 1-ю Мукденскую кавалерийскую дивизию, расположенную вблизи города Мишаньфу, и 42-й пехотный полк в районе Тайпинчжина. Наступление продолжалось два дня и к исходу 18 ноября вся местность до реки Мурень была очищена от маньчжурских войск.

После окончания маньчжуро-чжалайнорской и мишаньфунской операций мукденское и нанкинское правительства заговорили о мире[75]).

22 декабря 1929 года был подписан хабаровский протокол, по которому военные действия в Маньчжурии были закончены, советские арестованные освобождены и на КВжд восстановлено прежнее положение, обусловленное соглашением 1924 года. Несмотря на обещание увести вооруженные силы, советские власти продолжали долгое время держать красноармейские части в районе ст. Хайлар, отговариваясь тем, что это были «независимые монгольские части, не подчиняющиеся советскому командованию».

После подписания перемирия подпольная деятельность советских властей заметно сократилась, но доминирующее положение советских правителей на КВжд оставалось по прежнему.

Зато стало более затруднительным положение русских эмигрантов. Боясь катастрофического исхода конфликта, китайские власти решили разоружить белые отряды. Таких, за исключением небольших бело-партизанских групп, не было. Но то, что сделали китайские власти, было моральным разоружением: они выслали из Харбина и других городов Маньчжурии видных вождей эмиграции.

---

[75]) Советская Большая Энциклопедия, 1953.

В среде эмигрантов в Маньчжурии, только что начинавших оседать и устраиваться на новых местах, появилась небезосновательная тревога. Было ясно всем, что попытка укрепить советское влияние в Маньчжурии не останется без вызова со стороны Японии. Сознание безвыходности положения между наковальней и молотом заставило русских эмигрантов в Маньчжурии искать более спокойных мест. Началась усиленная тяга в другие портовые города Китая и, главным образом, в Шанхай.

III

МАНЬЧЖУГО

В начале 1932 года, четыре месяца после захвата Мукдена, японские войска показались под Харбином. За две недели до этого приостановилась нормальная жизнь города. С линии и других городов Маньчжурии прибыли десятки тысяч беженцев. Как бывает обычно накануне приближения армии победителей, обреченный город был полон самых тревожных слухов.

Утром 5 февраля артиллерийский огонь, пулеметы, японские аэропланы над китайскими армейскими бараками навели панику на население харбинских предместий. К полдню огонь прекратился, и в город ворвались передовые дозоры, за ними мотоциклеты с пристегнутыми колясками и пулеметами, легкая полевая артиллерия, броневые автомобили, танки и, наконец, пехота. Китайские полицейские были обезоружены, у правительственных зданий, телеграфа, почты, управления КВжд появились японские часовые. С падением Харбина захват Маньчжурии был закончен.

У коренного русского населения Дальнего Востока издавна сохранилось доброе отношение к японскому народу. Япония всегда представлялась в поэтическом образе цветения вишни и чистоты снежной вершины Фуджи-яма; японские изделия, лакированные коробочки, веера, фонарики с изображением гейш и самураев, в изобилии заполнявшие магазины Дальнего Востока, пряным ароматом и изяществом усиливали чувство очарования, которое навевала эта заморская страна. Русские туристы, побывавшие в Японии, в наиболее типичных ее городах, как Цуруга, Киото, Нара, Нагасаки, привозили с собой неизменно приятное впечатление о приветливом, учтивом народе страны Восходящего Солнца. Особенно привлекал русских своим гостеприимством Нагасаки. Этот южный город был хорошо известен русским еще с семидесятых-восьмидесятых годов прошлого столетия, как зимняя стоянка русского военного флота. Тогда еще не было ледоколов в замерзавшем в зимние месяцы порту Владивостока. В Нагасаки была боль-

шая русская колония, от которой до сих пор на горе, поднимающейся над деловой частью города и портом, находятся просторные особняки, дома русских моряков. Там же до сих пор сохранился японский дом гейши Чо-чо-сан, воспетой Пуччини в опере «Мадам Батерфляй».

Вероломное нападение на Чемульпо и Порт Артур было забыто, как было забыто и национальное унижение после неудачи Русско-Японской войны. Зато долго помнилось гуманное отношении Японии к русским военнопленным, заботы о них и их семьях в лагерях на острове Шикоку.

Впервые случаи бесчинств японских войск стали проявляться во время интервенции Дальнего Востока, но эти случаи оправдывались озлоблением, которое было вызвано разгулом банд Тряпицина в Николаевске-на-Амуре, перерезавших все японское население города. Для многих жителей Дальнего Востока останется памятным день 5 апреля 1919 года, когда японские оккупационные войска, по заранее согласованному во времени плану, выступили во всех городах Приморья и открыли артиллерийский и пулеметный огонь по мирному населению на том основании, что в эти города вошли красные партизанские части. После обстрела мирных городов и селений последовал поголовный обыск, во время которого происходили массовые акты бесчинств, битье, издевательство, кражи, насилование женщин и девушек.

Но в памяти русских беженцев из Приморья притупилось и это. После тяжелых первых лет в эмиграции, произвола китайского чиновничества, взяточничества, у многих, если не у всех, появились надежды, что японские власти в Маньчжурии внесут порядок и создадут благоприятные условия для мирной жизни. Близко стоявшие к атаману Семенову и другим прояпонским вождям эмигрантские круги, считавшие, что в борьбе против коммунизма цель оправдывает средства, ждали от Японии моральной поддержки и военной помощи белоповстанческому движению. Никто не хотел верить, что южную морскую страну могли интересовать территориальные завоевания на холодном, чуждом ей севере. Но еще задолго до захвата Маньчжурии карты Азии в оперативном отделе Военного Министерства в Токио показывали огромные территории, включающие русский Дальний Восток и Восточную Сибирь, в той же краске, что и Корею, Маньчжурию, Северный Китай и самую Японию. В замыслах японских государственных дея-

телей давно выкристализировался план по созданию Сибирго, «автономного сибирского государства».

Но в день появления японских войск на улицах Харбина русские эмигранты думали только о том, что с ними придет законность, порядок, возможность мирного труда и нормальной жизни.

Пока по харбинским улицам еще неслись мотоциклеты японского передового отряда, русское население с японскими флагами в руках устраивало им радостную встречу. Тротуары были запружены празднично настроенной толпой, восторженное «банзай» раздавалось на всех углах. Появились обычные в таких случаях экспансивные девушки с букетами в руках. Пока неслись возгласы «банзай» и летели в сторону проходивших войск цветы, в некоторых кругах русской эмиграции, «к правому флангу ее первой шеренги» спешно пробирались лица с карьеристической жилкой, чтобы сделать ставку на новых властей. Искренно или неискренно, в этой среде возник вопрос о тесном сотрудничестве белой эмиграции с Японией, о создании единого, антикоммунистического фронта, о привлечении к нему широких эмигрантских кругов. По этому поводу было сделано обращение к В. К. Кириллу Владимировичу, но претендент на российский престол предпочел отделаться общими словами:

> Я не могу принять в этом прямого участия, но весьма заинтересован. 250 тысяч русских эмигрантов в Маньчжурии находились в ужасных условиях из за невозможности китайским правительством создать в стране сносные экономические условия. Понятно почему русские эмигранты готовы принять японский протекторат, веря, что Япония будет в состоянии принести им большее счастье[76]).

События в Маньчжурии нашли самый живейший отклик в эмигрантской печати. Часть строила радужные надежды, что Япония принесет освобождение родины от коммунизма.

> В настоящее время совершенно очевидно, что война между Японией и Китаем теснейшим образом связана с русским вопросом. Высказать надежду, что события, проиходящие там, помогут «открыть дверь» в Россию — позволительно. Для такой надежды имеются объективные данные[77]).

---

[76]) Заявление в Сэн Бриак, 28 января 1932 г.
[77]) За Свободу, Варшава, 15 ноября 1931 г.

Захвату Японией Маньчжурии придали мировое значение, как событию благоприятному.

> Теперь, больше чем когда либо, внимание всех ответственных политических деятелей должно быть приковано к Дальнему Востоку, где Япония во имя своих национальных интересов начала борьбу, которой может быть суждено оказать человечеству величайшую услугу[78]).

Часть эмигрантской печати вернее распознала признаки появившихся в мире агрессивных тенденций.

> Искры будущего пожара сыплет московское правительство и ведет в этом направлении энергичную провокационную работу... В теперешнем выступлении Японии в Китае трудно провести грань, где речь идет о самозащите Японии, поставленной лицом к лицу с опасностью большевистского разложения своего соседа, а где начинается осуществление ею своих давних политических мечтаний — стать прочной ногой в Маньчжурии[79]).

В самый разгар японского выступления в Маньчжурии русские эмигранты в Европе обратились в Лигу Наций с просьбой взять на себя заботы о судьбе дальневосточной эмиграции. Обращение было подписано графом Коковцевым, профессорами Карташевичем, Савичем, и другими, и подано от имени Российского Центрального Объединения председателю Лиги Бриану. В Париже состоялось совещание акционеров бывшего Русско-Азиатского банка, на котором обсуждались возможные действия по защите их интересов на КВжд. Один из крупнейших акционеров, Батолин, выехал из Парижа в Харбин, чтобы на месте выяснить вопрос о возмещении убытков, понесенных акционерами.

В украинских кругах в Берлине и в украинской директории в Вене были получены извещения от атамана Семенова, что японские власти предложили ему организовать будущую административную власть для Уссурийского края, в котором проживало много украинцев. Семенов также сообщал, что японские власти предлагают создать из Южного Приморья буферное казачье государство и что они намерены оказать содействие украинцам-сепаратистам[80]).

---

[78]) Там же, 31 декабря 1931 г.
[79]) Вестник Крестьянской России, Прага, октябрь 1931 г.
[80]) Возрождение, Париж, 15 декабря 1931 г.

В самом Китае повысился интерес иностранных представителей к белой русской эмиграции. В Харбине, в разгар японских военных действий в Маньчжурии, местный консульский корпус обсуждал положение русской эмиграции. Подобные совещания происходили в Пекине, где в результате их дипломатический корпус запросил иностранные консульства в Харбине и других городах Китая о положении русских эмигрантов.

Захват Маньчжурии не был делом случайности. Но все же та легкость, с какой он произошел, поразила даже самих вершителей его. Реакция иностранных держав была различна, хотя результатом ее и было рассмотрение Лигой Наций агрессивных действий японского правительства. Пока шли дебаты и пока японская делегация готовила свой дипломатический выход из состава Лиги Наций, события в Маньчжурии шли своим чередом. Меньше чем через месяц после завершения захвата, в Мукдене было официально объявлено о создании государства Маньчжуго:

> ...тридцати-миллионный маньчжурский и монгольский народ, объединенный одной волей и воодушевленный бескорыстной поддержкой дружественного соседа, Японии, преодолел внутренние и внешние препятствия и сбросил иго милитаристического режима, принесшего ему страдание в течение многих лет. Основатели Маньчжуго, официальные лица и граждане руководились высокими заветами в создании государства, посвященного осуществлению Вангдаоизма, или Пути Благочестивого Права; идеалами покорности Небесам ради мира и безопасности народов, расовой гармонией, содружеством, взаимным благополучием и сосуществованием[81]).

Через неделю на пост пожизненного верховного правителя был поставлен последний император Китая, глава династии Дай-Цинов, Пу-И. Два года позже Пу-И был провозглашен императором Маньчжурии. За три месяца до этого японские советники во главе с полковником Доихара инсценировали паломничество в Северный Мавзолей в Мукдене, где послушному Пу-И пришло видение и поведало, что: «Душа умершего предка жестом показала ему, что восхождение на трон императора известно душам других его предков, пребывавших некогда на троне в Пекине, и что они оказывают этому полное одобрение»[82]).

---

[81]) Декларация 1 марта 1932 г.
[82]) Нью-Йорк Таймс, 5 декабря 1934 г.

Реформы в Маньчжуго

В марте 1937 года, с объявлением монархии наследственной, в руках императора сосредоточилась верховная административная, законодательная и юридическая власть. Он имел право объявлять войну и заключать мир и международные договоры, и являлся верховным командующим всеми вооруженными силами империи. В помощь ему, кроме уже существовавшего Тайного Совета, были созданы Государственный и Законодательный Советы. Первый состоял из департаментов общественного порядка, народного благополучия, юстиции, финансов и торговли, промышленности, путей сообщения, управления по внешним делам, управления по делам Хингана, и канцелярии общих дел. Законодательный Совет ведал рассмотрением законопроектов и бюджетов.

Большие реформы были проведены в департаменте юстиции по преобразованию суда на общепринятых в правовых государствах основаниях. Для подготовки китайско-маньчжурских судей была создана Академия законоведения, после окончания которой юристы-слушатели посылались в Японию для ознакомления там с постановкой судопроизводства.

Суды были подразделены на местные (низшие окружные суды), окружные, высшие и верховный суд. В местном суде дела решал судья единолично. Окружные суды вели дела, неподсудные низшим судам и являлись апелляционными судами для дел, решенных в них. Верховный суд выносил окончательные постановления, не подлежавшие обжалованию. Кроме местных судов вначале существовали суды при полицейских управлениях, но с развитием сети низших судов они были упразднены.

В основу закона о реформации пенитенциарной системы и упорядочения тюремного режима была положена задача исправления, а не наказания. Был изменен порядок заключения женщин и детей, введено обучение заключенных ремеслам, улучшено санитарное положение тюрем, увеличено число свиданий, писем.

Большие перемены произошли в полицейском аппарате. За два годы полицейские кадры возросли с 63,000 до 92,500 человек[83]).

---

[83]) В 1927 г. полиция Особого Района Восточных провинций состояла из 2700 человек.

Кроме полицейского аппарата в Маньчжурии существовали следующие японские разведывательно-полицейские органы:

Японская разведка, глава которой подчинялся непосредственно Токио.

Японская жандармерия, подчиненная японским военным властям.

Жандармерия Маньчжуго, подчиненная военным властям Маньчжуго.

Государственная полиция Министерства Внутренних Дел Маньчжуго.

Городская полиция, управляемая городскими властями.

Японская консульская полиция.

Отделы уголовного розыска, самостоятельные и не подчинявшиеся городской полиции.

Государственные разведывательные органы Военного Министерства Маньчжуго.

Железнодорожная полиция в ведении железнодорожной администрации.

Каждый из этих разведывательно-полицейских органов работал самостоятельно и зачастую во вред дела и эффективности, относясь ревниво к работе другого, что порождало много вреда, от которого страдало население.

Вопрос о КВжд

В 1933 году, признав окончательное укрепление Японии в Маньчжурии, советское правительство решило начать переговоры о продаже КВжд. В конце июня состоялась конференция в Токио, на которой советская делегация предложила Японии приобрести в собственность КВжд за 250 миллионов золотых рублей, что по курсу равнялось 625 миллионам иен. Япония предложила 50 миллионов иен — 20 миллионов золотых рублей. Советская делегация снизила цену на дорогу до 200 миллионов рублей, и заняла выжидательную позицию.

Заняла выжидательную позицию и Япония, но потеряв терпение, произвела аресты на КВжд среди ответственных советских служащих. Советская делегация ответила протестом и прекратила переговоры о продаже дороги.

В феврале следующего года переговоры возобновились. Советская делегация пошла на дальнейшие уступки и вместо первоначальной суммы предложила меньше трети — 67 с половиной миллионов рублей (200 миллионов иен), причем соглашалась получить половину деньгами, а половину товарами.

Япония обошла молчанием советское предложение и продолжала вкоренять на КВжд свои порядки, зная, что дорога уже фактически в ее руках. Советское правительство снизило сумму до 140 миллионов иен и предложило Японии уплатить одну треть деньгами, а остальное товарами.

Через полтора года после первого советского предложения Япония, наконец, согласилась приобрести КВжд за 140 миллионов иен, не считая 30 миллионов иен на выплату уволенным служащим.

Не желая признать свое поражение, советское правительство постаралось найти оправдание тому, что отдало КВжд за бесценок, так как «данное соглашение временно устранило один из опасных поводов возможного столкновения на Дальнем Востоке»[84]). На показательном суде над «право-троцкистским блоком» было выставлено обвинение, придуманное лично Сталиным, что Рыков был против продажи КВжд, так как «стремился создать острые отношения между Японией и Советским Союзом и этим привести их в состояние войны».

Японская разведывательная служба

Японской военной разведывательной службой ведали 2-й отдел Генерального Штаба армии и 3-й отдел Морского Генерального Штаба. В эти отделы входили представители легальной разведки, как военные и морские атташе, военные миссии и разведывательные органы армии и флота. В Китае, Маньчжурии, Внутренней Монголии, а во время интервенции и в Сибири, разведывательную работу вели военные миссии, начальниками которых, как правило, назначались наиболее квалифицированные офицеры.

Самостоятельную разведывательную работу вели и японские жандармские органы. Один из отделов жандармерии, кэмпетай, выполнял функции контрразведки и «контроля мысли». Начальниками жандармских отрядов назначались, как правило, строевые командиры, поэтому большинство японских офицеров, занимавших ответственные посты, проходило стаж командования жандармскими отрядами и имело в послужных списках опыт разведывательной и контрразведывательной работы. Обладавший большим стажем разведывательной служ-

[84]) Международные отношения на Дальнем Востоке, Москва, стр. 444—445.

бы генерал-лейтенант Итагаки подготовлял маньчжурские события в качестве начальника штаба Квантунгской армии. Генерал Тодзии, бывший премьер Японии в годы войны, в 1935 году возглавлял жандармерию Квантунгской армии. Генерал-лейтенант Тасиро, до принятия поста командующего японскими войсками в Северном Китае, занимал пост начальника жандармерии.

Самостоятельную разведывательную работу вела также гражданская полиция, на обязанности которой была вербовка кадров провокаторов и насаждение шпионской агентуры в соседних странах.

Консульская и дипломатическая разведывательная служба находилась в ведении Министерства Иностранных Дел в Токио. В тесной связи с агентурно-разведывательной деятельностью министерства развивалась осведомительная работа по делам «Великой Восточной Азии». В ноябре 1942 года из министерства был выделен особый отдел, ведавший делами Восточной Азии и странами Южных морей, включая Австралию. Министерство Иностранных Дел продолжало руководить агентурно-разведывательной деятельностью в странах Европы, Америки, Африки и Западной Азии, включая Индию.

Разведывательная работа Министерства Иностранных Дел и отдела Великой Азии велась не только дипломатическими и консульскими учреждениями, но и огромной сетью исследовательских, научных, культурных и прочих организаций.

Во всех крупных городах Дальнего Востока японская разведка имела своих резидентов, обычно скрытых под видом фотографов, аптекарей, владельцев ресторанов и отелей, редакторов газет и журналов, научных работников, учителей и т. д. В Хабаровске в течение многих лет этой деятельностью ведал фотограф Такеучи, бывший на самом деле полковником разведывательного отдела Генерального Штаба. В Мукдене разведкой занимался владелец Университетской аптеки, на самом деле полковник штаба жандармерии Квантунгской армии Мияказава, хорошо говоривший по русски и китайски. Пограничные разведывательные пункты в Сахаляне и в Хайларе действовали под видом аптек, владельцами или управляющими которых были офицеры японского Генерального Штаба или жандармерии. В тридцатых годах в Пекине было около полусотни гостиниц, ресторанов, публичных домов, владельцы которых, японские офицеры, вели разведывательную

работу. Такое же положение существовало в Харбине, на станции Маньчжурия и в других городах Маньчжурии.

После захвата Маньчжурии в 1931 году японская разведка увеличилась значительно. Она действовала в двух направлениях: не допустить единения Китая путем углубления сепаратистских тенденций провинциальных правительств и этим подрывать авторитет центральной власти; подготовить Маньчжурию и Монголию к предназначенной им роли в континентальной японской империи.

Развивая свою деятельность, японская разведка усиленно вербовала путем подкупа китайских генералов и видных чиновников, которые могли бы оказаться полезными для Японии. Среди белых эмигрантов и маньчжур готовились кадры для службы в японских военных миссиях и жандармских отделах в качестве агентов, переводчиков, секретных сотрудников. Белоповстанческое партизанское движение было использовано в разведывательных целях, эмигрантские политические организации сведены до подсобных разведывательных органов. Глава Бюро по делам Российских Эмигрантов был обязан выполнять поручения японских властей и ежедневно рапортовать им о положении среди эмигрантов.

В 1932 году в Харбине были открыты специальные курсы для эмигрантов, предназначенных для отправки в качестве агентов в Советский Союз. На курсах, кроме ремесл шофера, радиста, механика, они изучали приемы разведывательной работы под руководством японских офицеров.

Нередко японская разведка прибегала к форсированному способу вербовки в агенты лиц, не желавших добровольно идти на эту работу. Устраивались аресты, длительное подследственное заключение, во время которого применялись угрозы, издевательства и пытки, включая такие, как вливание из чайника через нос воды, смешанной с керосином. В подобных пытках подвизались не только японцы и корейцы, непревзойденные в этом отношении мастера, но и русские эмигранты.

Намеченные для выполнения особо серьезных заданий агенты обучались в строго законспирированных школах. Другие проходили особые курсы при обществе Кео-Ва-Кай в Харбине, где преподавателями были такие специалисты по русским делам и ведению разведки, как генерал Кисабуро Андо. Из русских преподавателей в школе был генерал Кислицын.

Во многих городах Китая и Маньчжурии существовали

японские школы, готовившие кадры агентов из среды иностранцев. Обычно они скрывались под видом школ изучения японского языка и культуры. Наиболее известными из них были японский колледж Дунвень в Шанхае и «Общество по изучению японского языка» в Тунчжоу. В Токио существовал институт для иностранцев, среди слушателей которого были и русские эмигранты, командированные туда из Харбина.

В Токио существовала школа Накано, подготавливавшая сотрудников агентурно-разведывательной работы при японских военных миссиях. Она делилась на русское, китайское и английское отделения. Кроме языков проходилась география, экономика и политика соответствующих стран. Основным же предметом являлось изучение методов работы иностранных разведывательных органов, главным образом советских, американских, английских и китайских. Одним из дополнительных курсов было изучение различных способов вербовки белых эмигрантов и китайцев для разведывательной работы.

В 1932 году по поручению начальника харбинской военной миссии полковника Комацубара были сформированы из русских эмигрантов два вооруженных отряда для несения охранной службы на Мукден-Шанхай-Гуаньской железной дороге и на строившейся Лафа-Гиринской железной дороге. Позже по распоряжению Комацубара были сформированы из эмигрантов полицейские отряды для борьбы против хунхузов.

В 1938 году японская военная миссия сформировала русский отряд «Асано». Позже он был развернут в кавалерийский и пехотный отряды, входившие в состав армии Маньчжугоу. Первый, в составе нескольких эскадронов под командованием полковника Я. Я. Смирнова, находился на станции Сунгари. Пехотным отрядом, стоявшим на ст. Ханьдаохедзи командовал майор маньчжурской службы А. Н. Гукаев. Начиная с 1942 года все молодые русские эмигранты подлежали мобилизации для прохождения военной службы в отрядах Асано.

Незадолго до начала войны японские власти в Маньчжурии ввели повсеместное обучение школьной молодежи воинскому строю. Военно-воспитательная подготовка была введена в таких эмигрантских учебных заведениях, как Железнодорожный институт, Русский техникум, колледж и институт Христианского Союза Молодых Людей, гимназия Бюро п/д Российских эмигрантов, Школа языковедения, Лицей св. Николая, Духовная семинария.

Приемы разведывательных органов и жандармерии

Японские разведывательные органы и жандармерия при ведении следствий и допросов широко пользовались способами физического воздействия и пытками. В руководстве для оперативного сотрудника[85]) детально разработаны правила применения этих способов. В зависимости от обстановки предлагалось предварительно взвесить, не вызовет ли применение пытки вредных последствий. Пытка должна вестись таким образом, чтобы пытаемый знал, что у него нет другой возможности избавиться от страданий, кроме дачи правдивых показаний. Пытка считалась выгодным средством скоро и легко заставить подследственного дать показания, но указывалось на опасность, что в попытке избежать страдания или ради угождения, он исказит истину. Указывалось, что «у лиц с сильной волей пытка может усилить сопротивление и озлобить против империи».

«Необходимо иметь в виду», говорится в руководстве, «что способы пытки должны быть такими, чтобы легко применяемые, они бы не вызывали чувства жалости у пытающего и не оставили бы ни ран, ни шрамов». В тех же случаях, когда необходимо вызвать чувство опасения за жизнь, «можно не считаться с причинением допрашиваемому вреда, но не лишиться возможности продолжать допрос».

В руководстве указываются следующие примеры пыток:

> Заставлять сидеть прямо и неподвижно.
>
> Заложив между пальцами по карандашу недалеко от оснований пальцев, связать концы пальцев веревкой и шевелить их.
>
> Положив допрашиваемого на спину (ноги рекомендуется положить немного выше), капать воду одновременно в нос и в рот.
>
> Положив допрашиваемого боком, топтать ему щиколотку.
>
> Ставить под полку, находящуюся на такой высоте, чтобы под ней допрашиваемый не мог стоять прямо.
>
> В случае нанесения допрашиваемому ранения, следует принять решительные меры, беря за это на себя ответственность (т. е. добить пытаемого. — Прим. ред.).
>
> При получении показаний в результате применения пыток следует проверить, не являются ли они результатом стремле-

---

85) Из дел Муданьцзянской японской военной миссии, приведенное в «Материалах судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии», Москва, 1950, стр. 231 и дальше.

ния избежать мучений и угодить допрашивающему: в этих случаях необходимы какие либо подтверждения правдивости показаний.

Необходимо убедить пытаемого в том, что применение к нему пытки было вполне естественной мерой, или же принять такие меры, чтобы он из чувства самолюбия, чести и т. п. не рассказал бы об этом впоследствии; если же нельзя этого ожидать, то следует принять те же меры, как указано в отношении случаев нанесения ранений.

О применении пыток не должен знать никто, кроме лиц, имеющих к этому отношение. Ни в коем случае нельзя, чтобы об этом знали другие пленные. Важно принимать меры к тому, чтобы не были слышны крики.

Японский Лауренс

Значительную роль в подготовке японской агрессии в Маньчжурии, Монголии и Северном Китае сыграл Доихара Кэндзи, прозваанный «Лауренсом Маньчжурии». Небольшого роста, склонный к полноте, с чаплиновскими усиками, свободно говоривший на восьми европейских и на китайском языках, Доихара чувствовал себя в международных интригах как дома.

Доихара родился в 1882 году. Он окончил военное училище и начал службу в армии накануне Русско-Японской войны. О раннем периоде его военной карьеры мало что известно. По всей вероятности это были годы серьезного изучения, подготовки к той роли, которую ему было суждено сыграть в один из самых ярких и самых фатальных периодов Японии. Несколько лет он провел в Китае, занимая незаметные посты, но давшие ему возможность заниматься разведывательной работой. В 1927 году, произведенный в полковники, Доихара был назначен командиром пехотного полка. Три года спустя он был переведен в разведывательный отдел Генерального Штаба, где принял деятельное участие в подготовке оккупации Маньчжурии. Затем Доихара вновь показался в Китае, но уже на видных должностях при штабе Квантунгской армии, где при его непосредственном участии разыгрывались маньчжурские события. После захвата Мукдена он стал одновременно советником мукденского мэра и комендантом города. Прибыв с японскими войсками в Харбин в качестве уполномоченного японского командования, он был назначен начальником военной миссии. Здесь Доихара разработал широкие планы по использованию русских эмигрантов в разведывательных и подрывных целях, позже проведенные его заместителями полностью в жизнь. В 1932 году он был отозван в Японию и назна-

чен командиром пехотной бригады. Это было номинальное назначение, так как на самом деле Доихара находился в походном штабе японо-маньчжурских войск, откуда руководил подготовкой захвата Монголии. В 1933 году, в разгар кампании в Монголии, Доихара был опознан на улицах Тяньцзина. Одновременно с этим в газетах появилось сообщение о том, что в одном из районов провинции Чахар, примыкавшей к границам Внешней Монголии, группа монголов подняла движение за независимость, т. е. за отделение от Китая.

В мае 1934 года Доихара официально вернулся в Маньчжурию и был назначен на пост начальника особой военной миссии в Мукдене. На этом посту Доихара пробыл полтора года. В это время известность его как «Лауренса Маньчжурии» распространилась далеко за пределами Дальнего Востока. Его имя оказалось настолько связанным с японскими авантюрами, что было решено «убить» его в бою с китайскими войсками. В 1937 году японский Генеральный Штаб передал через шанхайского представителя французского телеграфного агентства Гавас сообщение о его гибели. Но эта весть не произвела ожидаемого эффекта, и годом позже Доихара снова всплыл, на этот раз на посту командующего 5-й японской армии, расквартированной в Северном Китае. В сентябре 1940 года он был назначен членом Высшего Военного Совета, а позже генерал-инспектором авиации. Во время войны он занимал пост командующего Восточной армией в Японии, затем командующего Седьмой полевой армией в Сингапуре и, наконец, пост генерал-инспектора военной подготовки.

Доихара был одним из самых активных членов Общества Кокурюкай (Черный Дракон), целью которого было «широкое развертывание национальной политики Японской Империи для пробуждения народов Азии».

Враги Доихара приписывали успех его деятельности тому, что его сестра была любовницей японского принца. Но нельзя отказать ему в том, что в построении японской континентальной империи он занимал не только одно из первых мест, но и был душой агрессивных замыслов.

Одним из многих его закулисных дел была подготовка молодой японской девушки Кавасимо Иосико, или Момоако Иосико, для ответственной службы в качестве шпиона. Стройная, с коротко остриженными волосами, походившая видом на юношу, она была дочерью его друга. Он обратил на нее вни-

мание и уговорил ее поступить в разведывательную школу Черного Дракона, где она изучала монгольский, китайский и бурятский языки. По окончании школы она была отправлена в Улан Батор, столицу Советской Монголии, под видом богомолки, но чуть не была схвачена. С большим трудом ей удалось скрыться и добраться до Маньчжурии. Позже Доихара выдал ее замуж за одного монгольского князя, от которого она вскоре бежала, захватив с собой нужные ее покровителю бумаги. Как «десятой дочери принца Су» из династии Маньчжу, Доихара устроил ей замужество с одним из маньчжурских князей, приближенных императора Пу-И. Теперь он мог из первоисточника знать обо всем, что происходило в частных покоях императорского дворца.

Некоторое время спустя она очутилась на юге Китая, где стала частой гостьей китайских генералов, недовольных политикой генералиссимуса Чан Кай-ши. Там она вышла замуж за видного китайского чиновника, что сразу же открыло источник информации для любознательного Доихара. Но как и имя ее покровителя, имя Кавасимо Иосако стало настолько известно, что было решено инсценировать и ее гибель. Во время боев за Шанхой в Чапее был найден труп женщины, который японская разведка выдала за тело Кавасима. На самом же деле Кавасимо перебралась в Гонконг, где создала шпионско-диверсионную организацию из японок, кореянок и аннамиток.

Лагерь «Приют»[86])

В 1939 году вблизи станции Пинфань, в 20 километрах от Харбина, был отстроен военный городок, получивший название Лагерь Хогоин («Приют»), в котором был размещен Отряд № 731. Основанный по секретному указу еще в 1936 году, он вначале был размещен в Харбине. На новом месте у него появились многочисленные лаборатории и службы, вокруг которых была создана запретная зона. Отряд имел свою собственную авиационную часть, а на ст. Аньда — полигон.

Другой засекреченный отряд, известный под номером 100, был создан в районе местечка Могатон, в 10 километрах южнее города Чанчунь. Как и первый, отряд № 100 располагал специальным оборудованием и службами.

---

[86]) По «Материалам судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии».

Лагерь в Пинфане носил официальное название «Управление водоснабжения и профилактики Квантунгской армии», но на самом деле был научно-исследовательский отдел, в котором, как и в отряде № 100, шла подготовка к практическому применению бактериологического оружия. Он был оснащен оборудованием для культивирования чумных и тифозных бактерий, бактерий сибирской язвы, брюшного тифа, паратифа, дизентерии и холеры. Проверка изготовляемых образцов бактериологического оружия и изыскание способов лечения эпидемических заболеваний велась путем производства опытов над живыми людьми.

В лагере, кроме комнат для лаборатории, имелась тюрьма, где содержались заключенные, или, как их условно называли, «бревна», над которыми производили опыты. Тюрьма была рассчитана на 200-300 человек, по временам число заключенных достигало 400 человек и выше. Камеры находились во внутреннем корпусе, окна которого были заколочены, а двери выходили в коридор. Среди заключенных были китайцы и русские. Одно время там находилось несколько женщин, из которых две были русские. У одной из них в тюрьме родился ребенок. Все содержавшиеся в камерах были закованы в ножные кандалы. Из заключенных русских большинство составляли перебежчики из Советского Союза и советские граждане, задержанные японскими пограничными и полицейскими отрядами на территории Маньчжурии. Остальные были эмигранты.

Доставка в отряд людей, предназначенных для опытов, называлась «особой отправкой» (Токуи-Ацукаи). В лагерь Пинфань отправлялись лица следующих категорий: обвиняемые в шпионаже в пользу иностранных государств или причастных к иностранным разведкам, главным образом советские граждане и перебежчики из Советского Союза; хунхузы, под широкое определение которых подпадали вообще все китайцы, не признававшие японскую власть; иностранцы, обвиненные в антияпонских настроениях; преступники-рецидивисты; «идеологические преступники», т. е. лица, связанные с националистических движением в Китае, и все те, кто подозревались в ведении коммунистической подрывной работы. Под последнюю категорию легко могли подпасть все. Отправкой заключенных в лагерь Пинфань ведала харбинская военная миссия. Сопровождали заключенных обычно японские жан-

дармы. За семь последних месяцев перед окончанием войны в Пинфань было отправлено около сорока русских.

Опыты производились различного характера. Исследования велись с целью изучения способа усиления токсичности смертоносных бактерий различных инфекционных заболеваний и применения их на живых людях. Заключенных подвергали заражению, следили за процессом болезни, лечили, пробуя различные методы лечения. Подопытных нормально питали и если они выздоравливали, подвергали другим видам заражения. Выздоровление заключенного не спасло его от повторных опытов, которые продолжались до тех пор, пока он не умирал от заражения.

На полигоне Аньда производились испытания действия бактерий на живых людях в полевых условиях. Заключенных привязывали к столбам в пяти метрах один от другого, а метрах в пятидесяти от них с помощью электрического тока взрывалась осколочная бомба. Заключенные были ранены осколками бомбы и одновременно заражены бактериями сибирской язвы. Опыт заражения бактериями чумы производился посредством взрыва баллона, помещенного в десяти метрах от привязанных к столбам подопытных людей. Там же производили опыты по заражению газовой гангреной, после чего заключенные умирали в недельный срок в тяжелых мучениях.

Чтобы заключенные не были убиты при опытах, их головы и спины защищались металлическими щитами и толстыми ватными одеялами, а ноги и ягодицы оставались оголенными.

Над другими заключенными производились опыты по действию героина, корейского вьюнка, бактала и зерен касторника. В пищу клали около грамма героина, после чего подопытный терял сознание, а через несколько часов умирал в тяжелых мучениях.

Опыты по обмораживанию производились над заключенными на дворе отряда при низкой температуре или в специально устроенных помещениях. Подопытных выводили в теплой одежде, закованных в ножные кандалы, оголяли им руки и ноги, опускали в воду, после чего выставляли на ветер или под вентилятор для ускорения обмораживания. Время от времени производивший опыт ударял по обмороженным рукам и ногам палочкой, чтобы по звуку убедиться в степени обмораживания. Затем подопытных вводили в комнату и заставляли опускать ноги или руки в теплую воду, температура которой

постепенно повышалась. Среди заключенных в лагере Хогоин было много людей с ампутированными пальцами и ногами, с обнаженными костями рук и ног, с гангренозными конечностями.

Трупы умерших сжигались в крематории отряда. Обессиленных от опытов, как ни на что уже не годных, травили ядом или расстреливали. Невозможно точно подсчитать число жертв отрядов 100 и 731, но обычно за год туда отправлялось от 400 до 600 человек.

С началом военных действий, вернее, перед концом войны, японские отряды бактериологической войны были упразднены, а личный состав их был эвакуирован в Корею. 11-12 августа 1945 года были сожжены все служебные и жилые помещения, лаборатории, камеры заключенных, оборудование, материалы, документы, фильмы и т. д. и только по частичным материалам, захваченным в военных миссиях и жандармских отделениях и по показаниям участников была восстановлена картина деятельности этих двух отрядов.[87])

Опора на эмигрантские организации

Японские власти присматривались к эмигрантской организации, через которую они могли бы контролировать русское население Маньчжурии. Выбор пал на Общество Домовладельцев, но глава их Н. Л. Гондатти отказался от предложения. Тогда японские власти предложили ему сдать пост более сговорчивому человеку. Гондатти отказался опять. Когда японские власти послали для его ареста жандармов, Гондатти

---

[87]) Советское правительство не раз обвиняло иностранные державы в подготовке бактериологической войны против Советского Союза. При составлении обвинительного акта по делу ген. Тоодзии и других военных и политических деятелей Японии советский прокурор настаивал на включение пункта о подготовке ими бактериологической войны. Но обвинение оказалось необоснованным и поэтому не было включено в обвинительный акт. Вполне возможно считать, что суд в Хабаровске над рядом старших офицеров Квантунгской Армии по подготовке ими бактериологической войны против СССР был инсценирован исключительно ради показной, пропагандной цели. Признание вины подсудимыми мало что могло означать, принимая во внимание неизменную технику советских показных судов.

Существование же лагеря «Приют» подтверждается показаниями многих бывших заключенных, советских перебежчиков и белых эмигрантов.

встретил их с высоким орденом на груди, полученным им от японского императора во время его управления Приморьем. Смущенным жандармам ничего не оставалось, как ретироваться.

Следующей организацией, на которую японские власти обратили внимание, была Русская Фашистская Партия. Предложение было принято обеими руками: партии не только по сердцу были идеи тоталитарного строя, но и близка была идея сотрудничества с Японией. Быстрый сговор устроил и тех и других. К. В. Родзаевский уже играл большую роль в партии и его влекло еще большее поле деятельности, которое, как он чувствовал, было возможно только при новых хозяевах в Маньчжурии.

Но руководители русских фашистов не совсем удовлетворяли новых хозяев. Хотя они и выполняли послушно все поручения японской военной миссии и жандармерии и поставляли им преданных работников, все же они представляли политическую партию, главные интересы которой были связаны с судьбой России. Партия ничего не имела против сотрудничества с любой державой, настроенной против коммунистического строя, но все же она не хотела стать слепым исполнителем сомнительной роли в планах агрессивной страны, вступившей на путь завоеваний. Позже между японскими властями и партией наступило неминуемое расхолаживание, в результате которого была закрыта фашистская печать и почти сведена на нет деятельность русских фашистов.

Пока японские власти присматривались к эмигрантским организациям, в среде русской эмиграции обсуждался вопрос о создании авторитетной над-эмигрантской организации, которая возглавилась бы правлением, составленным из председателей различных организаций и групп. В результате этих обсуждений был создан Союз Союзов под председательством генерала А. П. Бакшеева, но просуществовал он недолго из-за вражды между фашистами и казаками. Генерал Вержбицкий, представитель главного правления Общевоинского Союза в Париже, отклонил участие Союза на том основании, что не был намерен участвовать в захватнических планах японских властей. Атаман Семенов, не возражая против подсобной роли, настаивал на создании особого общества, в которое вошли бы все эмигрантские организации без различия. Союз Союзов распался из-за честолюбивых побуждений эмигрантских вождей, не считавших возможным подчиниться кому-либо.

Вопрос о создании все-эмигрантской организации был представлен на рассмотрение японских кругов теми деятелями русской эмиграции, которые уже заранее решили, на кого им делать ставку.

В декабре 1934 года Фашистскому Союзу было предложено созвать представителей всех эмигрантских организаций в Харбине и окрестностях на обязательное собрание. В повестках сообщалось, что целью собрания является японское предложение создать большую русскую библиотеку. На собрание прибыли представители всех эмигрантских организаций, власти Харбина, представители Министерства Иностранных Дел, представители прессы и высшие чины полиции.

Собравшихся встретил майор Акикуса, ведавший русским отделом в японской военной миссии:

«Господа, я пригласил вас сюда, чтобы объявить вам о необходимости сплотить всю русскую эмиграцию, преданную своей родине и ненавидящую большевиков. Я объявляю о создании в Харбине центральной для всей эмиграции в Маньчжудиго организации «Бюро по делам Российских Эмигрантов». В эту организацию должны войти все члены существующих общественных, политических, религиозных и других организаций и все частные лица, вне зависимости от политических убеждений. Я призываю вас провести это дело без шума и без каких-либо оппозиционных выступлений. Организации остаются теми же, какими они были, и в них остается прежнее руководство. Бюро же эмигрантов будет надпартийной организацией. При нем будет библиотека, а в дальнейшем — амбулатория, столовые, школы. Никакого партийного руководства в нем допущено не будет. Бюро, хотя и русское дело, но так как вы не можете объединиться сами, то мы хотим вам помочь. Наем помещения, распределение работ — ваше дело. Первое руководство уже намечено, и я объявлю его вам, но прежде я хочу сказать несколько слов начальствующим лицам»[88]).

Майор перешел на японский язык, объяснив японским и китайским лицам цель собрания и прося власти оказывать содействие новой организации.

Сидевший рядом с майором Акикуса генерал В. В. Рычков — гости были рассажены по карточкам — невольно обратил

---

[88]) Конец русского фашизма на Дальнем Востоке, Наша Неделя, Токио, март 1955 г.

на себя внимание: он не знал, что был назначен первым начальником Бюро по делам Российских Эмигрантов.

Таким образом было основано Бюро на третий год по прибытии японских войск в Харбин и на второй после создания марионеточного правительства Маньчжудиго. В официальном сообщении было сказано, что Бюро «учреждено надлежащими властями» и что оно «должно работать и сотрудничать в полном контакте с правительством».

При помощи Бюро японские власти установили контроль над всей русской эмиграцией в Маньчжурии. В нем было зарегистрировано свыше 44 тысяч эмигрантов. Вопросы службы, переезда с места на место, питания, поборов находились целиком в ведении Бюро и его руководители вправе были считать, что «не существовало ни одного вопроса, как в общественной, так и в частной жизни эмиграции, который бы не зависел от соответствующего органа Бюро». В первый год оно состояло из четырех отделов и канцелярии. Во главе его был Генерального Штаба генерал-лейтенант В. В. Рычков, заместителем его Забайкальского войска генерал -лейтенант А. П. Бакшеев, занявший позже пост начальника.

Кроме выполнения чисто контрольных функций Бюро представляло российскую эмиграцию перед властями в Маньчжурии; на обязанности его была защита правовых и экономических интересов, воспитание молодежи, благотворительная деятельность, подыскание работы и т. п. Позже структура Бюро была изменена и из четырех отделов было создано семь: переселенческий, культурно-просветительный, юридический, регистрационный, хозяйственно-финансовый, благотворительный и ведающий учетом всех бывших военных. На пост начальника переформированного Бюро был назначен генерал от кавалерии В. В. Кислицин, тремя его заместителями: К. В. Родзаевский, Б. Н. Шепунов, М. Н. Гордеев. На ответственные посты были назначены: М. А. Матковский, начальником 3-го (регистрационного отдела); Л. Л. Черных, начальником 5-го (благотворительного) отдела. М. Н. Гордеев совмещал должность заместителя начальника Бюро с должностью начальника 4-го (хозяйственно-финансового) отдела. Этим лицам, за исключением В. В. Кислицына, выпала доля сыграть знаменательную роль, одним в качестве советских секретных агентов, другим в качестве участников показного «белогвардейского» суда в Москве.

При начальнике Бюро состояли советниками Т. П. Москалев, В. Ф. Иванов и Като. Фактическим правителем Бюро был последний, один из служащих японской военной миссии.

Бюро владело предприятиями, имело отличную библиотеку, собственное издательство, еженедельную газету «Голос Эмигрантов», журнал «Луч Азии», мужскую и женскую гимназии, строительный отдел, пристани и участки на Сунгари для ведения водного спорта. Отделы Бюро существовали во всех городах Маньчжурии и больших городах Китая, как Пекин, Тяньцзин, Ханькао и Шанхай. Сеть представителей покрывала всю территорию империи Маньчжудиго.

Бюро, таким образом, охватывало все слои эмигрантов и являлось действенным контрольным аппаратом в руках японской военной миссии. Без регистрации Бюро эмигрант не мог поступить на службу; без прописки в соответствующем отделе Бюро он не мог переехать с места на место; не мог нанимать служащих, не зарегистрированных в Бюро. Все торговые предприятия Маньчжурии, банки, частные фирмы, корпорации, фабрики, мастерские, одинаково русские и иностранные, должны были быть зарегистрированы в Бюро. Инспектора Бюро строго следили за выполнением этого порядка.

Бюро выполняло для японской военной миссии обязанности и разведывательного характера. Через сеть своих представителей Бюро знало, что делалось во всей эмиграции в Маньчжурии и в Китае. Вся ценная для японской военной миссии информация поступала через главное управление Бюро в Харбине. Начальник Бюро и его заместители были обязаны являться с ежедневными рапортами в японскую военную миссию. Таким образом собирался для Военного Министерства в Токио разведывательный материал по Маньчжурии и русскому Дальнему Востоку. Часть этого материала поступала от белых партизан, ходивших на советскую территорию по поручению Русской Фашистской Партии или Бюро[89]).

---

[89]) Бюро способствовало подготовлению обширного материала разведывательными органами Квантунгской Армии, озаглавленного «Промышленный и военный потенциал Советского Союза». В конце войны этот материал был скрыт при помощи японских служащих Южно-Маньчжурской дороги. был затем найден и передан американским властям в Пекине. Накануне отправки его воздушным путем в Вашингтон в Пентагон он был выкраден Обществом Синих Рубах и передан правительству Чан Кай-ши.

Седьмой отдел Бюро выполнял особые поручения японской военной миссии в подготовке молодых русских людей к разведывательной и подрывной работе в Советском Союзе. В ведении этого отдела было военное училище и две учебных команды для унтер-офицерского состава.

Бюро посылало русских молодых людей в Монголию, Чахар и Жехэ в помощь японским властям в качестве переводчиков, разведчиков и т. п. Отряды русских эмигрантов нередко использывались для создания пограничных инцидентов, которые затем приписывались советским властям.

Вся эта широкая и полезная для японских властей деятельность Бюро ничего им не стоила, так как все расходы окупались сбором взносов при регистрации и устройством национальной лотереи в Маньчжудиго.

По распоряжению японских властей Бюро занялось восстановлением Трехречья, пострадавшего от налетов советских карательных отрядов во время так называемой маньчжуро-чжалайнорской операции в 1929 году. Во главе казачьего поселения был поставлен генерал Тирбах, один из сподвижников барона Унгерна. Условия жизни были тяжелые, обещанная японскими властями помощь не осуществилась. В августе 1935 года в Трехречье произошло восстание казаков, окончившееся убийством генерала Тирбаха, его адъютанта и нескольких японских офицеров и солдат.

Глаза и уши Маньчжудиго

Еще во время подготовки операции по захвату Маньчжурии японские власти организовали Общество молодых патриотов, через которое проводилась нужная им пропагандная и политическая работа. После установления марионеточной власти Общество было преобразовано в Кёо-Ва-Кай (Се-Хэ-Хой — японское произношение иероглифов), общество, цель которого была направлена «на поднятие морального и культурного уровня населения и на утверждении в его сознании идеологических основ Империи».

Общество получило напутственное поощрение от верховной власти:

> Мы искренно приветствуем создание организации Се-Хэ-Хой и желаем, чтобы в стране не было других партий, дабы не было пагубных для государства трений между ними. Орга-

низации желаем единую веру, единое стремление к истине и глубокую веру в мощь создаваемой страны[90]).

Круг деятельности Кёо-Ва-Кай был очерчен наместником Маньчжуго, командующим Квантунгской армией генералом Уэда, как всеобъемлющей организации во всех областях политической, идеологической, культурной и социальной жизни страны. Задачей общества была «мобилизация всего населения под единым стягом государственной идеи Маньчжудиго». По распоряжению властей, в Общество были включены все служащие государственных и общественных учреждений, чины армии и флота, правительственные чиновники, служащие муниципальных учреждений, чины полиции и т. д. Главный штаб Общества находился в Синьцзяне, которому непосредственно подчинялись провинциальные штабы и отделы, число которых превышело три тысячи.

Кёо-Ва-Кай — «глаза и уши Маньчжуго» — имел русский отдел в Харбине, во главе которого стоял Като, совмещавший одновременно должность «советника» Бюро по делам Российских Эмигрантов. Помощником Като был генерал Л. Ф. Власьевский; среди других эмигрантов были В. Абрамов, исключенный из Русской Фашистской Партии; В. С. Барышников, глава организации «Мушкетеры», и Н. Давыдов.

Деятели Белой Эмиграции

Все лица, занимавшие высокое положение в русской эмиграции Маньчжурии, были ставленниками японских властей. По установленному порядку роль играли только те, кто занимал посты в Бюро по делам Российских Эмигрантов и в обществе Кёо-Ва-Кай, так как все остальные общественные и политические организации, за исключением Русской Фашистской Партии, были в глазах японских властей организациями второстепенными и терпимыми постольку, поскольку они находились в послушании.

Генерал от кавалерии Владимир Александрович Кислицын занимал пост начальника Бюро по делам Российских Эмигрантов с 1938 по 1944 год. После реорганизации Бюро в 1935 году он был назначен начальником 7-го — военного — отдела Бюро, членом президиума и советником главного его отдела, и

[90]) Лишин, Артемий, Пути развития Маньчжурии, Восточное Обозрение, кн. 2, стр. 67—69.

начальником Союза военных в Маньчжуго, одновременно занимая пост руководителя русских полицейских чинов при железнодорожной полиции.

Герой первой мировой войны, перенесший 14 ранений, он был одной из ярких фигур Белого Движения. Он занимал ответственный пост в армии генерала Миллера на юге России, откуда совершил переход в Сибирь, где, командуя бригадой, вел тяжелые арьергардные бои, завершив их Ледяным походом. Прибыв в Читу, генерал Кислицын возглавил 1-ю Кавалерийскую дивизию, а затем 1-ю Сводную Маньчжурскую дивизию, принимая участие в последнем этапе белой борбы в Забайкалье. Генерал Кислицын умер в мае 1944 года в Харбине, после тяжелой болезни.

Бакшеев, Алексей Проклович, генерал-лейтенант Забайкальского казачьего войска, родился в 1873 году, уроженец Читинской области. В 1918 году примкнул к отряду атамана Семенова, где был назначен на пост заместителя атамана и главы Забайкальского войскового правительства. Был весьма популярен среди казаков, за что атаман Семенов выдвигал его всюду, где почему-либо не мог выступить сам. Так было, например, во время конфликта атамана Семенова с братьями Меркуловыми за власть в Приморье. Во время существования Земского Собора во Владивостоке генерал Бакшеев занимал пост вице-председателя правительства. В Харбине у Бакшеева был собственный хороший дом и два легковых автомобиля, работавших на бирже, что ставило его в разряд зажиточных людей. Все, что исходило от атамана Семенова в отношении русской эмиграции в Маньчжурии, было в ведении Бакшеева. После смерти первого начальника Бюро по делам Российских Эмигрантов В. В. Рычкова, Бакшеев был назначен на этот пост. В 1937 году он был смещен с поста и заменен К. В. Родзаевским. Причиной смещения Бакшеева считали его интервью в газете «Харбинское Время», данное им накануне траурной годовщины гибели Государя Николая II и его семьи, в котором он высказался о Государыне Александре Федоровне как о немецкой шпионке. Это возмутило многих эмигрантов и они потребовали его увольнения. Майор Ямаока, ведавший тогда делами русских эмигрантов, предложил генералу Бакшееву подать в отставку. По другой версии увольнение Бакшеева было связано с прибытием в Харбин итальянской фашистской миссии. Зная грубоватый характер Забайкальского генерала,

японские власти считали удобным для встречи итальянских фашистов выдвинуть русского фашиста.

В 1940 году генерал Бакшеев работал в переселенческом отделе японской военной миссии, а затем был назначен начальником Захинганского Районного Бюро и командиром Захинганского Казачьего корпуса, созданного по указанию японского военного командования.

В обращении он был прост и подчас грубоват, невоздержан на язык, настойчив в своих требованиях, но и по своему справедлив. Во время краткой советско-японской войны в августе 1945 года он был ранен в руку, искалеченную еще во время первой Мировой войны. В результате ранения был захвачен советским отрядом СМЕРШ (смерть шпионам) и увезен в Москву для показательного суда.

Власьевский, Лев Филиппович, уроженец Читинской области, родился в 1884 году. Из сельских учителей. Окончил первую Мировую войну в чине поручика. В 1918 году вступил в отряд атамана Семенова, где был назначен на должность начальника казачьего отдела. В следующем году был назначен начальником канцелярии атамана Семенова. С этого момента работал тесно с Семеновым по военно-политической части, а в эмиграции был его главным представителем в Маньчжуго. Был назначен советником при Бюро п/д Российских Эмигрантов, а с 1941 года — советником русского отдела Кёо-Ва-Кай. В 1944 году был назначен начальником Бюро, служил рьяно японским властям, стараясь всегда выдвинуться и выслужиться.

Власьевский был выдержан, корректен, снисходителен, терпелив и не лишен ума. Был страстным картежником и его не раз находили в самых низкопробных игорных притонах Харбина, Дайрена и Шанхая.

В августе 1945 года выехал из Харбина в предоставленном японскими властями поезде в Тяньцзин. Оттуда перебрался в Пекин, где быстро завязал связи с сотрудниками советского посольства. По своей воле вернулся в Советский Союз, где затем, год спустя, предстал в Москве на показном «белогвардейском» суде.

Гордеев, Михаил Николаевич, войсковой старшина Иркутского казачьего войска, родился в 1895 году. Будучи в отряде атамана Семенова, при странных обстоятельствах попал в плен к красным и при еще более странных обстоятельствах

устроил побег из плена. Близость к атаману Семенову и генералу Власьевскому избавляла его от каких-либо разъяснений по этому поводу. Продолжительное время был начальником штаба генерала Власьевского, когда тот был представителем атамана Семенова в Маньчжуго. Был одним из первых участников организованного в 1935 году Бюро п/д Российских Эмигрантов, где был назначен на пост начальника финансово-экономического отдела. Поддерживал тесные связи с коммерсантами Харбина и был у них на хорошем счету, как удачный делец. Не совсем был чистоплотен в коммерческих и служебных делах, но благодаря связям с японским начальством обычно избегал неприятностей. Однажды он удержал наградные деньги, которые должны были быть выданы заведующим курсами при Бюро. Те обратились к японскому начальству, в ведении которого находились курсы, и после переговоров были вызваны в Бюро. Майор Ниимура, ведавший курсами, заявил им, что деньги им уже были выданы, но те категорически заявили, что нет. Тогда Ниимура отозвал Гордеева в другую комнату для совещания. Вернувшись, он предложил собравшимся выдать расписки в получении наградных. Те заявили, что выдадут расписки только тогда, когда получать деньги. После долгих переговоров деньги им были выданы.

Гордеев был женат на дочери некоего Антонова, бывшего одно время секретарем комячейки харбинского торгпредства, и жил в одной с ним квартире. Это породило много разговоров, которые в конце концов заставили его заверить японскую военную миссию, что его тесть оставил службу в торгпредстве и в ближайшее время возвращает советский паспорт. Так или иначе, Гордеев был уволен с поста начальника отдела Бюро. Но в 1943 году, при вступлении в должность начальника харбинской японской военной миссии генерала Дои, Гордеев был вновь приближен к Бюро и назначен начальником переселенческого отдела. На этом посту он пробыл до конца короткой советско-японской войны, после чего выехал на предоставленном японскими властями поезде в Тяньцзин.

Гордеев не был разборчив в средствах обогащения и в политическом отношении был оппортунистом. В деле возвращения генерала Власьевского и других видных эмигрантов в Советский Союз Гордеев сыграл немалую роль. Он также вернулся в Советский Союз, где был присужден к восьми годам концлагеря в Караганде.

Матковский, Михаил Алексеевич, сын известного генерала Матковского, командовавшего в период власти адмирала Колчака Уральским корпусом и попавшего в плен к красным. Учился в Омском кадетском корпусе, служил добровольцем при штабе своего отца. В Харбин прибыл с воинскими частями, поступил в Харбинский Политехнический институт, закончил его со званием инженера-механика, и затем перешел на Юридический факультет. В 1924 году вступил в группу молодых студентов, задавшихся целью изучения коммунизма и средств борьбы против него. Близко сошелся с К. В. Родзаевским и А. Н. Покровским и другими политическими деятелями того времени.

Матковский был выше среднего рста, хорошо сложен, обладал приятной внешностью, был всегда вежлив, корректен, терпелив. Светлый шатен с открытым лицом и серо-голубыми глазами, игравшими голубыми оттенками, пристальным взглядом, широким чистым лбом, он носил пенсне, через которое смотрел как через оконца. Старался быть аккуратным в выполнении данного слова. Не любил ни в какой работе шумихи, старался все делать как можно незаметнее, часто используя других.

После окончания Политехнического института и Юридического факультета он долгое время нигде не служил. Одно время преподавал в одной из харбинских школ русский язык и сотрудничал в газете «Гунь-бао».

Большую часть своего времени он отдавал политической работе, гда благодаря своим способностям и отличному дару речи, быстро занял доминирующее положение и завоевал доверие не только молодежи, но и старшего поколения. Как китайский подданный, он работал в союзе китайских граждан русской национальности, и оказывал всяческое содействие эмигрантам, желавшим по практическим соображениям (как это было, например, со службой на КВжд в период советско-китайского управления) легализировать свое положение. Он также был связан с японскими кругами, начав эту связь с японским вице-консулом еще в период формирования Фашистского Союза и продолжив ее с майором Акикуса, занимавшим тогда пост помощника начальника харбинской военной миссии.

Связи Матковского с этими влиятельными лицами помогли Фашистскому Союзу развиться и занять положение в рус-

ской эмиграции, которое вождям его казалось положением руководящим. Матковский оставался ровным в отношении своего начальства и своих подчиненных, одним из немногих ответственных лиц Бюро, которые не занимались подобострастием перед японскими властями и не проявляли враждебности в отношении других, особенно евреев.

В советско-китайский период управления КВжд Матковский получил службу в Общем Отделе (его также называли Особым Отделом или НКВД), что вызвало много толков, вплоть до открытого обвинения его в симпатии к советской власти. По этому поводу было даже произведено расследование, установившее полную беспочвенность подозрения. По одной версии, группа фашистов решила провести своих людей в советскую среду. Матковский не отрицал, что такая попытка была сделана, но в проведении ее в жизнь не принимал участия. По другой версии, один из влиятельных русских эмигрантов уговорил председателя КВжд И Ли-чуна потребовать от советского управляющего Рудого принять на службу двух китайских подданных русского происхождения и представил список кандидатов, первыми на котором были Матковский и Н. П. Меди. Последний в 1933 году был арестован японскими властями по подозрению в шпионаже в пользу Советского Союза, затем освобожден и выслан из Маньчжурии.

Некоторые круги эмиграции считали, что Матковский способствовал японским войскам войти в Харбин в феврале 1932 года. Рассказывали, что при содействии генерала Косьмина и некоторых русских эмигрантов и сотрудников японской газеты «Бюллетень», он добился разрешения консульского корпуса на вход японских войск. Вряд ли это могло быть так! Трудно допустить, что захватив почти всю Маньчжурию, японское командование стало бы добиваться разрешения консульского корпуса, особенно через русских эмигрантов. Весьма вероятно, что Матковский просто подготовил эмигрантскую среду к встрече японских войск. Большинство эмигрантских организаций были настроены против японских властей, сделавших сразу ставку на Фашистский Союз и Казачий Союз — организации, котороые не пользовались популярностью и симпатией широких эмигрантских кругов. Но Матковскому удалось изменить это неблагоприятное отношение к японским властям, и они продолжали опираться на эти две организации, пока не сменили их на Бюро п/д Российских Эмигрантов.

После прихода японских властей в Маньчжурию Фашистский Союз занял резко антисемитскую позицию. Если объект нападок не был евреем, то он становился масоном или «жидовствующим». «Жидомасон» стало наиболее ходким выражением фашистской прессы, а антисемитизм — залогом верности фашистским заветам и знаком солидарности с немецкими нацистами. Это вызвало самую резкую реакцию со стороны широких эмигрантских кругов; здесь опять появился Матковский, который осторожно, но настойчиво делал все, чтобы сгладить шероховатости.

В то время в Харбине подвизался Макс Арский, куплетист и журналист, пользовавшийся широкой популярностью за свои выступления против советских властей, японского командования и политических деятелей типа Родзаевского. Его театральные выступления привлекали битковые сборы, а его журнал, едко высмеивавший различных политических деятелей, расходился целиком сразу же по выходе из печати. Матковский и здесь сыграл некоторую роль, устроив налет с группой фашистов на типографию, где готовился к выпуску очередной номер журнала Арского. Пока его сотрудники грузили сброшюрованные листы журнала на грузовик, Матковский стоял на другой стороне улицы, прикрыв лицо воротником пальто и стараясь казаться сторонним наблюдателем. Налет вызвал много разговоров в Харбине, и высылку японскими властями Арского из Маньчжурии.

Майор Акикуса выдвинул Матковского на ответственный пост в Бюро по делам Эмигрантов, назначив его главой 3-го отдела, ведавшего регистрацией, статистикой и контрразведывательной работой. Это был один из самых ответственных постов в Бюро, т. к. он давал доступ к всевозможной информации и к опросным листам сорока с лишним тысяч эмигрантов.

Как начальник отдела Бюро Матковский являлся одновременно членом совещания при обществе Кео-Ва-Кай и советником японской военной миссии, отдела просвещения при Харбинском муниципалитете и Бинцзянского уездного управления.

Матковский был влиятельным лицом в эмигрантской среде Маньчжурии, пользовавшийся ее доверием и доверием японских властей. Что же тогда заставило Матковского пойти на внутренний разлад с собой, в разрез своим убеждениям, и в

годы расцвета своей политической деятельности изменить себе, своим единомышленникам и перейти на положение вольного или подневольного советского сотрудника?

Матковский был ровен в отношении со всеми, но ближе всех был с М. Н. Гордеевым, начальником Экономического, а позже Переселенческого Бюро, и с Л. Л. Черных. Оба они считались людьми, симпатии которых были явно на стороне советских интересов. У Матковского было много врагов, завидовавших его успеху и влиянию среди властей. Одним из них был Б. Н. Шепунов, начальник Бюро по делам Российских Эмигрантов на ст. Пограничной, и соединявший с этой должностью пост главы Монархического Объединения, уполномоченного Союза Военных на Дальнем Востоке и старшего полицейского надзирателя. Шепунов неоднократно обвинял Матковского в просоветской деятельности, но несмотря на все усилия не мог подкрепить фактами свои обвинения. В 1942 году он пригласил А. Н. Мартынова, служащего японской разведки, проверить деятельность Матковского, но после трехмесячного расследования не было найдено ничего компрометирующего, хотя тот же Мартынов еще в 1938 году установил связь Матковского с советским консульством в Харбине. Тогда Матковский заверил японские власти, что если у него и была связь с советским консульством, то исключительно ради разведывательных целей. Шепунов все же настоял на том, чтобы в помощники Матковского назначили верного человека, для присмотра за ним. Прослужив с Матковским с год, тот ничего не нашел предосудительного в поведении своего начальника.

В 1943 году в Харбине появился издаваемый на гектографе журнал под названием «Правда», содержание которого носило приподнято национальный характер. В нем содержался материал о многих японских делах, о которых власти предпочли бы молчать; было много и упреков по адресу русской эмиграции за неразборчивость и низкопоклонство некоторой ее части перед японскими властями. Подозрение пало на Матковского, что позади этого журнала стоит он, как человек, хорошо осведомленный в японских делах. Когда его спрашивали об этом, он отвечал вопросом: «вам он не нравится? Если нет, то почему?» Если ему возражали, что содержание журнала не может нравится японским властям, то Матковский возражал: «а откуда вам известно, что властям он не нравится?»

Характерно было и его выступление на съезде организации Кео-Ва-Кай в Чанчуне, где он подверг весьма резкой критике безответственные действия японских полицейских и жандармских органов в отношении эмигрантов и жестокое обращение с ними в камерах заключенных, нередко кончавшиеся смертью арестованных. Многие ждали ареста Матковского, но он сумел убедить японские власти в необходимости такой критики. Травля Матковского с того момента усилилась, против него восстали мелкие служащие жандармерии, полиции и японской военной миссии, одинаково японцы и русские эмигранты. Но так как прямых улик обличавших деятельность Матковского не было, то высшие японские власти в военной миссии и консульстве продолжали покровительствовать ему.

За время существования Бюро было много случаев, когда Матковский самоотверженно поднимался на защиту русских эмигрантов, жертв произвола низших японских жандармских и полицейских чинов и их русских приспешников. Нередки были случаи, когда японские солдаты приставали к русским девушкам, и русские молодые люди вступали на защиту их, что обычно оканчивалось избиением их в жандармских застенках и обвинением их в коммунизме. Родные несчастных молодых людей обращались за защитой в Бюро по делам Российских Эмигрантов, но там наталкивались или на бездушие или трусость начальствующих лиц, старавшихся избежать неприятных разговоров. И только Матковский неизменно шел к японским властям, доказывал недостойность поведения низших японских чинов и добивался освобождения арестованного. Каждый в Харбине знал, что попав в застенок японского жандармского отдела, из него было трудно выйти живым. Защита зтих несчастных говорила не только о гражданском мужестве Матковского, но и о его высоком чувстве справедливости.

Однажды некая Виктория Габель, бывшая машинистка и секретарь Матковского, явилась в харбинскую полицию и, предъявив советский паспорт, запросила о выдаче ей выездной визы в Советский Союз. С ней пришел советский чиновник из консульства Дульян, занимавший там должность переводчика. Это произвело впечатление грома в ясном небе. Враги Матковского подняли голову: теперь то уж возможно скомпрометировать его в глазах японских властей. Теперь то уж нет сомнений в том, что Матковский советский агент, если его служащая собирается выезжать в Советский Союз.

Виктория Габель прибыла в Харбин в 1933 году, бежав из Советского Союза, и вскоре вошла в организацию Национально-Трудового Союза Нового Поколения, где выразила желание пойти на советскую территорию для секретной работы. Один из участников Союза, Алексеев, стоявший близко к Матковскому и одно время являвшийся его помощником, познакомил Габель со своим патроном. Здесь начался довольно странный период подготовки ее для отправки в Советский Союз, для чего было даже снято особое помещение. Усиленную роль в этой подготовке принимал участие Матковский.

Тем временем за Викторией Габель была установлена слежка, особенно после того, как стало известно о ея встречах с резидентом НКВД Пичугиным. Было также установлено, что у Габель появились деньги и она стала жить не по средствам. Все это навело на подозрение.

Выезд Габель в Советский Союз вызвал большое смятение. О ней и ее семье стали собирать сведения, какие только можно было достать. Подполковник Асада, глава контрразведывательного отдела японской военной миссии вызвал Матковского для объяснений. Позже выяснилось, что Матковский заверил Асада, что по его поручению Габель связалась с харбинским резидентом НКВД и вошла в доверие некоторых советских консульских служащих, и что она уехала в Советский Союз исключительно в целях дальнейшей работы для него. Несмотря на некоторую фантастичность, объяснение Матковского было принято, тем более, что он обещал представить сведения, полученные им от Габель. От ней на самом деле пришло две открытки, в которых она писала о курсах сестер милосердия и ее работе в этой должности. Постепенно дело Габель замолкло, но подозрение относительно деятельности Матковского усилилось еще больше.

У Матковского были таинственные связи с атаманом Семеновым, о котором никто не знал. Он ездил к Семенову в Дайрен, но об этом держал в секрете.

Все, кто знал Матковского и кто относился к нему без предубеждения, признавали за ним качества, которых не было у многих, занимавших в эмиграции ответственные посты. Матковский был на голову выше многих, человек высокого гражданского мужества, готовый встать на защиту угнетенного. Он жил и работал в условиях почти поголовного подобострастия и выслуживания перед японскими властями, в услови-

ях бесправия и произвола, чинимых чинами японской жандармерии, полиции и их русских приспешников.

С Родзаевским отношения Матковского не были дружественны; первый подыгрывался под типичного немецкого нациста, был ярый антисемит. Оба были честолюбивы и хотели играть роль передовую, но первый все делал на показ, с рукой по-нацистки поднятой вверх, с громкими речами. Второй вел свою роль осторожно, заранее подготавливал ее, чтобы не выходя из за кулис, руководить общей игрой. Оба опирались на японских властей, но делали это различно. Первый явно подыгрывался под них, выискивал их расположения, торопливо бросался выполнять любые их поручения, вплоть до самых неприятных. Второй заручился доверием японских властей еще до прибытия японских военных сил в Харбин. Еще до оккупации Маньчжурии, он предложил майору Акикуса создать кадры из молодых русских и японских людей для совместной работы в качестве переводчиков и служащих японских военных миссий. Предложение было принято, и Матковский на курсах этих кадров занял руководящее положение, одинаково расположив к себе русских и японских курсантов. Впоследствие некоторые из японских курсантов, заняв ответственные места, продолжали считать Матковского «сенсэй», т. е. учителем. Одним из них был Акаки, последний советник Бюро по делам Российских Эмигрантов перед капитуляцией Японии.

Матковский вел двойную работу не ради материального вознаграждения или политических убеждений. Он был одним из тех людей для кого сотрудничество с японскими властями в специфической обстановке тогдашнего времени не могло не вызвать чувства протеста и сопротивления, готовности подняться в защиту угнетенных и униженных. Как у человека одаренного, «честного с собою», этот процесс проходил у Матковского острее, болезненнее, чем у многих русских служащих различных японских учреждений, мирившихся со всем ради службы и закрывавшим глаза на бесправие, подневольное положение эмиграции. Для японских властей русская эмиграция представляла нечто, что должно быть использовано только на пользу Японии, «для светлого будущего Восточной Азии».

Весьма возможно, что Матковский был втянут в двойную игру советскими агентами, сыгравшими на том, что его отец ос-

тавался в Советском Союзе. Весьма возможно, что его знакомство и дружба с М. И. Гордеевым, связанным через жену с представителями советских учреждений в Харбине, имели какое-то отношение к постепенному перелому и переходу на советскую сторону. Но вернее всего, что к этому переходу он пришел сам, видя то положение, в котором оказалась русская дальневосточная эмиграция, ошибочно думая о том, что в результате тяжелой войны Советская Россия выйдет на путь нормальной, правовой жизни.

Родзаевский Константин Владимирович, родился в Благовещенске в 1907 году. В 1925 году он бежал из Советского Союза и прибыл в Харбин, где поступил в молодую еще организацию русских фашистов. Через десять лет, в расцвет партии, он был избран ее главой. Отделения Всероссийской Фашистской Партии существовали во всех городах Маньчжурии и Китая, в которых находились русские колонии. Русские фашисты во всем подражали своим старшим заграничным собратьям: черные или синие рубашки, сапоги, ремни через плечо, поднятая кверху рука при приветствии.

В одинаковой мере честолюбивый и тщеславный, Родзаевский старался казаться настоящим вождем. Он был недурным оратором и публицистом, но его выступления и статьи граничили с демагогией. Для того, чтобы казаться более мужественным и волевым и скрыть мелкие, невыразительные черты лица, он носил бороду.

Как глава ВФП, он верой и правдой служил японским властям и бессловесно исполнял все их поручения. Партия целиком находилась под контролем японской военной миссии. Она не имела своего голоса, и даже не решилась протестовать, когда японские власти закрыли ее, а деятельность ее членов направили исключительно по пути интересов Японии.

После закрытия ВФП, Родзаевский продолжал работать в Бюро по делам Российских Эмигрантов, попутно числясь советником и сотрудником японских организаций. В 1942 году, после ссоры с Шепуновым из за расстрела группы фашистских руководителей, он вышел из Бюро, но остался, как говорил позже — «в принудительном порядке» служить в японской военной миссии.

После поражения Японии Родзаевский выставил себя жертвой японских властей и даже насчитал пять арестов, которым

он каким то образом подвергся в Харбине. В расцвете своей славы — если так можно выразиться о том периоде его жизни, когда он возглавлял ВФП и играл важную роль — вряд ли даже он сам мог думать о том, что через пять лет, по своему собственному почину, даст ответ и отчет о своей фашистской и про-японской деятельности никому иному, как Сталину.

Матковский пришел к роли советского секретного сотрудника на основании несомненно глубоких и мучительных чувств и переживаний. Еще будучи на свободе, а не в камере Лубянки в Москве, Родзаевский в покаянном обращении к Сталину пространно касался своих сомнений и настроений, которые, якобы, ставили его во враждебное отношение к японским властям и заставляли искать выхода, вплоть до готовности служить советским интересам.

В этом существенная разница между Матковским и Родзаевским.

Эмигранты на службе у японских властей

Многие белые эмигранты нашли применение своим способностям и дарованиям при японских властях, кто в качестве администраторов, журналистов, газетчиков, сотрудников при японских информационных отделах и военных миссиях; кто в качестве политических деятелей, делавших ставку на Японию и поэтому служивших ей верой и правдой; кто в качестве сексотов, «стукачей», соглядатаев, филеров японской полиции и жандармерии; кто в качестве изобретателей всевозможных дел, шантажа и вымогательства, на которых строилась их карьера; кто в качестве мастеров японских жандармских застенков, успешно состязаясь в жестокости даже с корейскими мастерами пыток. «Изобретатели» и «пытатели» были самыми зловещими и отвратительными особями из среды эмигрантов, тесно работавших с японскими властями.

На особую службу в японских военных миссиях, жандармерии и полиции шел обычно низкопробный элемент, не гнушавшийся грязной и преступной работой. Клевета, донос, ложное обвинение, вымогательство, пытки были узаконенными приемами. Деятельность этого элемента обычно прикрывалась борьбой с коммунизмом, искоренением крамолы и измены. «Четкий антикоммунист», «бескомпромиссный борец», «национально-мыслящий» и т. п., служили словесными щитами, за которыми скрывалась подлинная сущность этих особей. Они

делали все для угождения своего начальства, обычно низших чинов японской жандармерии и полиции, делились с ними своими заработками от вымогательства, и пользовались поэтому их покровительством.

Эти особи служили во всех японских учреждениях, в военных миссиях, отделах жандармерии и полиции во всех городах Маньчжурии, по линии КВжд, и в других городах Китая, оккупированных японскими войсками. Большое число их находилось в Харбине, в котором особые условия способствовали развитию их деятельности.

Одним из типичных сотрудников этого рода был Воронин, Константин, он же Мельников. Он родился в 1908 году в семье артельщика КВжд. Ему приписывали убийство одного молодого эмигранта во время побоища между харбинскими комсомольцами, к которым он принадлежал, и правыми организациями, как Союз Мушкетеров. Воронин бежал во Владивосток, был призван, служил в Красной Армии, оттуда по слухам был переведен на службу в ГПУ.

В 1934 году, в период переговоров СССР и Японии о продаже КВжд, Воронин появился в Харбине, заявив отцу, что бежал из Советского Союза. Он нашел покровительство у М. А. Матковского, тогда уже занимавшего видное положение в эмигрантских организациях, в частности, в Фашистском Союзе и в созданном вскоре Бюро по делам Российских Эмигрантов. По приглашению Матковского Воронин читал в Фашистском Союзе доклад о положении в Советской России. При содействии того же Матковского и некоего Ивана Степанова, сотрудника японской жандармерии в Харбине, Воронин поступил на службу к майору Хара, начальнику Особого Отдела при японской жандармерии.

Вскоре в Харбине начались аресты железнодорожных служащих КВжд, особенно тех, кто состоял в советских профсоюзных организациях. Арестованным вменялась в вину подрывная работа против японских властей в Маньчжурии, но если они вносили основательный выкуп Воронину, их отпускали на свободу. Полученные деньги делились среди избранных служащих жандармерии, включая майора Хара. В короткое время Воронин стал его правой рукой во всех делах, касавшихся русских эмигрантов и советских граждан.

Деятельность Воронина особенно расцвела весной 1935 года, когда с переходом дороги в японское владение, русские же-

лезнодорожные служащие получили большие заштатные и другие денежные выплаты. Большинство из них до этого взяло советские паспорта. С получением же заштатных, многие решили отказаться от советского подданства и остаться на постоянное жительство в Маньчжурии, зная по своему опыту, как была легка и привольна их жизнь в этом крае. Другие решили с течением времени перебраться в Шанхай или иммигрировать в Соединенные Штаты или в другие страны. Начались ходатайства через Бюро Эмигрантов о переходе опять на положение эмигрантов.

Среди этой группы железнодорожников для Воронина и его японского начальства нашлось обширное поле деятельности. Под видом поиска лиц, якобы оставленных в Маньчжурии на положении сотрудников советской агентуры, начались массовые аресты и вымогательства. Для арестованных создавались особо тяжелые условия. В одиночные камеры сажали по четыре-пять человек, а в камеры, рассчитанные на десять человек, сажали по 30 и больше; по японскому обычаю арестованных заставляли часами сидеть на корточках, питание было самое скудное и заключенным почти не давали воды. Человек, проведший в таких условиях несколько дней, на первом же допросе соглашался платить требуемый от него выкуп, и по выходе на свободу немедленно записывался в советском консульстве для отправки в СССР.

Рассказы пострадавших вызвали панику среди тех, кто подал заявление о переходе на положение эмигрантов. Начался поток в СССР. Эшелоны, отходившие вначале пустыми, теперь были набиты до отказа. Каждый, получивший хотя бы частичный расчет, торопился поскорее уехать, чтобы не попасться в руки японской жандармерии и ее наемных русских агентов.

Как выяснилось впоследствии, большинство железнодорожников, уехавших в Советский Союз, попало из огня в полымя, так как советские власти взяли их на учет, как «выходцев из враждебной социальной среды, якшавшихся с белогвардийцами... и выехавших, после завербования японцами, в СССР для шпионско-диверсионной работы».[91])

Осенью 1935 года, накануне приезда императора Маньчжуго Пу-и, в Харбине были произведены массовые аресты сре-

---

[91]) Японская Разведка, газета «Правда», 9-10 июля 1937 г.

ди советских граждан и эмигрантов, которые, по мнению японской жандармерией и ее русских служащих, могли организовать покушение. После недельного пребывания в переполненных до отказа камерах, все, за исключением небольшой группы, были освобождены с обязательством немедленно выехать из Маньчжурии: советским гражданам в СССР, а эмигрантам — в Шанхай.

Среди этой группы находился Р. Е. Колпакчи, журналист, новый редактор про-советской газеты «Молва», которую передал ему для редактирования Н. П. Нечкин.

За работу над этой группой взялся сам Воронин с помощниками Степановым, Серебровым, Шаныгиным и Смоляром. После первых же пыток Колпакчи выписал чеки на все, что находилось на его имя в банке. Получив деньги, Воронин заставил Колпакчи дать показания против ряда эмигрантов, и затем добился согласия майора Хара на арест оговоренных лиц.

Одно из показаний Колпакчи касалось служащего Бюро по делам Российских Эмигрантов, И. П. Казнова. Он был арестован перед зданием Бюро Серебровым и двумя японскими жандармами. Другими оговоренными Колпакчи оказались В. В. Сапелкин и И. Н. Неверовский, которых русские агенты и японские жандармы застали в ресторане, когда какой-то незнакомец щедро угощал их. Воронинские помощники решили, что незнакомец — советский гражданин.

Казнов на второй день ареста был подвергнут жестокой пытке:

> Воронин, Серебров и Смоляр избивали меня чем попало, потом применили вливание смеси воды с керосином и перцем через нос из чайника. Воронин при одном допросе ударил меня браунингом по носу, надломил хрящ, рвал волосы на голове, а сбив с ног, пытался пинками ног попасть в область паха. Все пытки Воронин производил с надменной усмешкой и видимым удовольствием, как явный садист[92]).

Доведенного побоями и пытками почти до потери сознания, Казанова подводили к столу и прикладывали отпечатки его пальцев на чистые листы бумаги, или всунутым в руку пером выводили его фамилию. На следующий день при продолжении допроса Воронин зачитывал то, что было записано накануне, выдавая это за показания самого Казнова. Эти показания касались шпионажа в пользу Советского Союза в таких

---

[92]) Неопубликованные записки И. П. Казнова.

областях, как экономическая жизнь Маньчжурии, хотя при КВжд существовало Экономическое Бюро, ведавшее открыто всесторонним обследованием края, в котором работали русские эмигранты, китайские и советские служащие КВжд. Другие сфабрикованные показания были направлены против таких лиц в Харбине, как архиепископ Мелетий, бывший генерал-губернатор Гондатти, генерал Кислицын, М. Гордеев и другие служащие Бюро Эмигрантов.

Воронин усиленно допытывался у Казнова, в каких тайных организациях тот состоял, где и когда бывал на советской границе, где ее переходил. На отрицание Казнова, Воронин отвечал: «Если здесь не скажешь, то скажешь все, когда японцы отправят тебя на станцию Гродеково в ГПУ. Там ты все расскажешь.»

Пытки, истязания и издевательства над Казновым продолжались две недели. Однажды в полночь Воронин вызвал к себе Казнова и заставил прослушать написанный им рапорт в штаб Квантунгской Армии, где говорилось о том, что русские эмигранты в Маньчжурии в силу их тесной связи с советскими гражданами не могут являться для японских властей благонадежными и поэтому желательным элементом. Воронин так же сообщал японскому командованию, что русское духовенство неблагонадежно, при чем, как пример, приводился арест священника Алексея Филимонова.

После освобождения Казнова и высылки его из Харбина в Северный Китай, в различных эмигрантских газетах появились статьи о блестящей работе политического розыска при японской жандармерии в разоблачении советских агентов. Казнов, как и другие, были названы «шпионами и провокаторами» в брошюре Фашистского Союза, озаглавленной соответствующим образом «Щупальцы Красного Коминтерна». Особая честь в работе «по отсечению этих щупальцев» отводилась чинам японской жандармерии, Воронину и другим русским сотрудникам.

Священник Алексей Филимонов был арестован в 1934 году в Харбине по подозрению в шпионаже в пользу Советского Союза. Ему ставилось в вину, что он был тайным агентом Иностранного Отдела ГПУ при харбинском консульстве СССР, и даже указывали, что он получал за свою работу 75 долларов в месяц. Об аресте Филимонова сообщалось в харбинской прессе, причем приводились фотостаты документов, улича-

ющих его в шпионаже. Харбинская пресса была обязана помещать всю информацию, которая шла от японских властей для печати.[93])

Осенью 1935 года японская жандармерия в Харбине арестовала Д. И. Шевченко, старшего агента Харбинской железнодорожной полиции на Западной линии дороги, занимавшего эту должность около 18 лет. Шевченко по поручению главы японской военной миссии, полковника Комасубара, расследовал бесчинства, произведенные в Трехречье карательным отрядом Хабаровского ГПУ под командованием Жуча.

Шевченко был арестован вместе с генералом Акинтиевским и другими видными деятелями русской эмиграции. После двух месяцев ареста в японской жандармерии, Шевченко был освобожден, после чего ему пришлось лечь в госпиталь. Нет сомнений в том, что и к этой группе заключенных жандармские власти и их русские помощники применяли пытки.

Два брата Тауц, сыновья бывшего хабаровского полицмейстера, служившие в японской жандармерии, вместе с одним жандармом, переодетым в штатское платье, привезли в караульное помещение на строящейся Лафа-Харбинской дороге Чеповецкого, костюмера Железнодорожного Собрания. Привоз арестованного за несколько миль от Харбина да еще в караульное помещение, откуда русской страже было приказано выйти и не появляться, пока их не позовут, мог означать только одно. На вопрос одного из караульных, почему его привезли сюда, костюмер ответил, что его уже полгода допрашивают, не советский ли он агент, а теперь почему то привезли сюда, и он боится, что его будут пытать, а может быть и убьют. Затем снова появились отлучившиеся на время братья Тауц и японец жандарм и русским стражникам пришлось выйти и ждать до утра, пока не освободится караульное помещение. Исчезновение костюмера вызвало много разговоров, но никакого расследования по этому делу не последовало.

Самоуправство и бесчинство в японских и жандармских органах Маньчжуго шло в Харбине и на линии дороги. Людей арестовывали по простому доносу, держали в тюрьме без

---

[93]) Если обвинение Филимонова было основано на точных фактах, то остается непонятным, почему его освободили по просьбе Митрополита Мелетия и в административном порядке выслали не в СССР, а в Шанхай.

предъявления обвинений, пытали зачастую до смерти. Если их выпускали, то не давали никаких объяснений по поводу причин ареста, но обязательно требовали не разглашать того, что с ними происходило во время ареста.

В городе Маньчжурия вследствие чрезмерного рвения русского полицейского Иванова, старавшегося выслужиться перед японской военной миссией, погибли бывший командир Приморского Драгунского полка, полковник Семенов; полковник А. М. Заалов и священник Глинский.

Семенов был арестован японской жандармерией после того, как полицейский Иванов сообщил о своих подозрениях, что тот поддерживает связь с советскими агентами. При обыске полковника Семенова была найдена расписка в 200 гоби, которые он занял у эмигранта, взявшего советский паспорт. Семенов часто бывал в стеснительных материальных условиях и ему время от времени приходилось занимать небольшие суммы у своих знакомых. Так было и на этот раз. Заслуженного русского офицера, героя первой Мировой Войны, несколько раз раненого, подвергли жестокому допросу и пыткам в жандармском застенке в присутствии русских помощников, включая и Иванова. После продолжительных пыток Семенов умер.

Полковнику Заалову полицейский Иванов поставил в вину спекулятивные операции, которым он к тому же придал характер связи с советскими агентами. От ареста и пыток не спасло даже положение Заалова: он был начальником Бюро по делам Русских Эмигрантов на ст. и в городе Маньчжурия.

В том же японском жандармском застенке был замучен и священник Глинский.

В районе Трехречья подвизались некие Сасо и Москалев. Первый был представителем японских властей на все Трехречье, второй, бывший семеновский «генерал из поручиков», был его помощником и советником по русским делам. Сасо был облечен широкими полномочиями вести работу по своему усмотрению. Работа заключалась в вылавливании коммунистов и сочувствующих им лиц, просочившихся в Трехречье. Под категорию этих лиц Сасо и Москалев подводили каждого, кто по тем или иным причинам был им неугоден.

Одной из многих жертв их деятельности был старожил Трехречья, казак Мунгалов, одно время избранный атаманом забайкальской станицы. Мунгалов был человек решительный

и смелый в осуждении беззакония, чинимого Сасо и Москалевым. Мунгалов неожиданно исчез, затем появился в Тяньцзине. После выяснилось, что японские власти, на основании донесения Сасо и Москалева, выслали Мунгалова в Тяньцзин.

Москалев не оставил Мунгалова и в Тяньцзине. Он сфабриковал против него обвинение в том, что Мунгалов настраивал китайских рабочих против японских властей и вел антияпонскую пропаганду. Мунгалов был арестован, сидел несколько месяцев в японской жандармерии и затем был казнен.

Другим рьяным служащим японской жандармерии был Б. Н. Шепунов. Окончив в 1917 году Елисаветградское военное училище, он служил в Южной Добровольческой Армии, затем прибыл во Владивосток, где поступил в Пограничный Корпус. После крушения Белого Движения он попал в Маньчжурию, где предложил свои услуги японским властям. При захвате Маньчжурии японскими войсками Шепунов был назначен начальником небольшого русского отряда, который двигался на восток с японскими передовыми отрядами. На ст. Пограничная он был назначен полицейским надзирателем с приказом очистить район от просоветских и советских элементов. Шепунов рьяно принялся за дело, зачастую совершенно не разбираясь ни в чем и арестовывая людей по клевете и ложным обвинениям, в которых в эмигрантской среде недостатку не было. Под понятие «просоветский» мог подходить каждый, у кого оставались родственники по ту сторону границы, кто недавно перешел границу сам, кто был связан какими-либо узами или интересами с русским Дальним Востоком. Все это представляло для Шепунова рабочий материал, который нужно было «взять на учет». Учет шел с допросами, поркой, битьем, длительными пытками и кончался зачастую расстрелами.

О том, как производились пытки, Шепунов показал 12-15 лет позже:

> На допросе все арестованные, как правило, избивались палками, а к некоторым из них применялись т. н. «чайники». Эта пытка заключалась в том, что арестованным в лежачем положении через нос из чайника наливали воду, что вызывало сильную боль и затрудняло дыхание. Не выдержав таких пыток, арестованные соглашались давать показание такие, какие от них требовались. Не скрою, что применение таких пыток нередко кончалось смертью арестованных... Должен признаться, что я также являлся со-

участником этих преступлений и лично избивал арестованных, добиваясь от них вымышленных показаний[94]).

Во время образования Бюро по делам Российских Эмигрантов, Шепунов был назначен начальником отдела на ст. Пограничная. Новая должность дала ему еще более широкие полномочия и больший размах.

По работе в японской разведке, Шепунов тесно связался с некиим Сузуки, считавшимся знатоком Сибири и Дальнего Востока только потому, что просидел в нескольких советских тюрьмах. По прибытии в Харбин, Сузуки был причислен японской военной миссией к одному из отделов разведки по Приморью. Сближение Шепунова и Сузуки оказалось выгодным для обоих. Первый стал пользоваться большим доверием и покровительством японских властей, а второй стал получать обширный разведывательный материал, который Шепунов доставал от партизан и приграничных жителей. Часто этот материал доставался при помощи пыток, когда опрашиваемые готовы были дать любые показания, вплоть до самых фантастических, чтобы лишь остаться живым.

Шепунов по собственному почину посылал людей в Приморье, действуя нередко средствами шантажа и запугивания. Некоторые из его людей возвращались, другие попадали в руки советских пограничников.

После нескольких лет в должности малого царька на Пограничной, Шепунов был переведен в Харбин и назначен начальником Общего Отдела Бюро по делам Российских Эмигрантов. На новом посту Шепунов не мог проявить себя так, как делал это в глуши, где под его почти безграничной властью находились эмигранты и местные жители. В Харбине было больше законности и порядка и высшие японские власти относились с возможной добросовестностью и даже щепетильностью к выполнению своих обязанностей.

Шепунов попробовал взяться за свое привычное занятие, но его сразу же поставили на место. Майор Ямаока, ведавший деятельностью Бюро Российских Эмигрантов в военной миссии, настоял на переводе Шепунова из Харбина на линию. Один из друзей Шепунова, японец с русским именем «Никифор Павлович», порекомендовал того перевести на пост на-

---

[94]) Процесс над Семеновым, Родзаевским и др. в Москве, ТАСС, июнь 1946 г.

чальника Бюро в городе Муданьцзян. Шепунова перевели туда, а его советником назначили «Никифора Павловича». Шепунов привлек к себе в сотрудники одного из своих полицейских надзирателей на ст. Пограничной, отличавшегося садистскими наклонностями.

В районе Муданьцзяна начались аресты людей по подозрению, обычно не имевшим никакого основания. Доносы, клевета, сведение личных счетов, угодничество перед японскими властями, старание доказать свое служебное рвение и «незыблемую позицию стойкого антикоммуниста и национально-мыслящего человека» приняли узаконенный характер.

У Шепунова были расхождения с Фашистским Союзом еще со дней его участия в Монархическом Объединении. На новом посту Шепунов решил очистить свой район от «просоветских» и фашистских элементов. Он создал дело, в которое вовлек японскую жандармерию. Был арестован ряд лиц, в том числе секретарь Бюро Эмигрантов на ст. Ханьдаохедзы; секретарь РФС, Арсеньев; бывший ротмистр Уфимского Гусарского полка Белкович; совершенно непричастный ни к чему старый провизор из пригорода Старый Харбин. Всего арестовано было около 30 человек.

Дело приняло угрожающий характер. В. К. Родзаевский, глава фашистов, человек сам влиятельный в японских кругах, попытался путем угрозы заставить Шепунова прекратить преследование членов РФС и освободить арестованных. Угроза ни к чему не привела, так как Шепунов сослался на данные ему широкие полномочия очистить край от опасных элементов. Японские же местные власти, как пресловутый Никифор Павлович и другие, были охвачены неискоренимой шпиономанией, столь присущей японским разведывательным и жандармским органам.

Арест тридцати с лишним русских эмигрантов по вымышленному обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза вызвал большое волнение в эмиграции. Фашистский Союз представил материал по этому делу в штаб Квантунгской Армии и в Отдел по Русским Делам при Генеральном Штабе в Токио. В Синцзине, столице Маньчжуго, началось расследование, который вел особо назначенный японский чиновник, хорошо знавший русский язык и особенности эмигрантского быта. Расследование раскрыло всю нелепость шепуновского обвинения. Так, например, аптекарю из Старого Харбина бы-

ло предъявлено обвинение в том, что он занимался разведением и распространением вредоносных бактерий, в доказательство чего указывали на бутылку с жидкостью, захваченную при обыске аптеки. При анализе жидкость оказалась испорченным виноградным соком.

После расследования все арестованные были освобождены и в особом вагоне привезены в Харбин, где на вокзале были встречены с почетом представителями японского командования и эмигрантских организаций. Те, кто были арестованы на линии КВжд, были доставлены по домам. Казалось все было окончено и можно было ждать, что пострадавшие будут вознаграждены за те испытания, которые им пришлось перенести от Шепунова и его помощников.

Но через два дня они вновь были арестованы и по постановлению японского военно-полевого суда расстреляны.

Среди расстрелянных оказался некто П. Косицын, машинист, арестованный задолго до ареста тридцати. Шепунов арестовал его на основании сведения поселковой полиции, что тот работал в пользу советских властей. Косицын был молоканин, человек совершенно не интересовавшийся политикой. При разборе общего дела выяснилось и полная беспочвенность обвинения Косицына в шпионаже. Он также был освобожден по приказу японских властей, но затем Шепунов и его советник Никифор Павлович арестовали его снова и передали военно-полевому суду.

Расстрел ни в чем неповинных людей вызвал тревогу и возмущение в среде эмигрантов. Японские власти пытались замять дело. Семьям расстрелянных была назначена материальная помощь, которую они отказались принять, настаивая на полном разборе дела и на суровом наказании виновных в смерти их мужей и сыновей.

Дело было разобрано в штабе Квантунгской Армии так, как оно могло быть разобрано только в обстановке, присущей тому времени: покрытием порока, но не искоренением его. Начальника японской миссии в Мукдене сместили с поста, Шепунова перевели в Дайрен и прикомандировали к местной японской жандармерии, а «Никифора Павловича» отправили в Японию.

Хунхузы и похитители людей

Деятельность хунхузов в окрестностях Харбина особенно усилилась после большого наводнения Сунгари в 1932 году. Редко проходил день, когда кто-нибудь не был бы похищен. Особенно страдали богатые китайские дельцы, русские эмигранты и евреи. За одну только весну в Харбине были похищены десятки богатых китайских банкиров, коммерсантов и промышленников. Миллионер Ван Ю-цзин за выкуп сына заплатил 250,000 китайских долларов, а затем за собственное освобождение 500,000 долларов. Владелец известного в Харбине универсального магазина Дун Фа-лун — Мо Вэ-тан был похищен два раза и каждый раз вносил выкуп по 200,000 долларов. Богатый коммерсант Чан Цин-хо за три похищения уплатил 500,000 долларов. Другой коммерсант Лу Тай заплатил за похищение сына 100,000 долларов и за себя — 50,000 долларов.

Жители Харбина боялись купаться на Сунгари, так как за рекой, вблизи города, бродили банды хунхузов. В одном из хунхузских станов, в пяти милях от Харбина, в то лето находилось семеро русских, из которых один умер под пытками. Популярный доктор Казем-Бек, пользовавшийся всеобщей любовью за широкую благотворительность, был похищен дважды и каждый раз должен был вносить крупный выкуп. Из других русских были похищены купец Тарасенко, мальчик Валентин Танаев, сирота, содержавшийся при католической общине, которого приняли по ошибке за другого богатого мальчика; коммерсанты Тисминитский, Ескин и другие. Богатого еврея Шерель де Флоренс похитили шесть человек при выходе из харбинской синагоги на глазах двухсот с лишним свидетелей. После трехмесячного плена в хунхузском стане его выкупили за 25,000 долларов.

Жертвами хунхузов были не только китайцы и русские. Многие иностранцы, как американский генеральный консул Хансен и консульские служащие нанимали русских телохранителей. После похищения и убийства хунхузами одного японца, здания японских контор, официальных учреждений и частные дома японской колонии стали охраняться особой полицией. Видный японский чиновник был похищен во время поездки для переговоров с китайским губернатором.

При попытке похищения управляющего харбинским отделением Гонконг-Шанхайского банка Мелиша, хунхузы ранили

его и другого англичанина, Хансена, кинувшегося ему на выручку. Это случилось на гольфовом поле, в окрестностях Харбина, в присутствии полиции, которая заявила, что подобное дело ее не касается.

На улице Харбина трое хунхузов напали на жену и детей английского служащего Британско-Американской Табачной Компании, Вудруфа. Хунхузы остановили их автомобиль, разоружили шофера и приказали ему ехать за город. Тот умышленно стал править так, чтобы привлечь внимание полиции, а когда представился случай, ударил одного из хунхузов. Двое других ранили его. Пользуясь замешательством, жена Вудруфа вытолкнула из автомобиля детей, но была убита при попытке выскочить. Убийцы бросились бежать от собравшейся толпы. Один из них был пойман прохожим русским и убит на месте полицией.

Незадолго до этого в дом Чанг Шу, члена правления КВжд, вошло двое хунхузов под видом доставки письма от «китайского генерала». За ними проникли в дом двое других. Чанг успел скрыться и вызвал полицию. Дом был окружен большим отрядом полиции и японской жандармерией. Переговоры о выкупе между Чангом и хунхузами продолжались несколько часов, пока те не понизили требования до тысячи долларов, с условием, что для них будет вызвано два автомобиля. Взяв в качестве заложников его семью, хунхузы сели в автомобили. Полиция и жандармерия отошли в сторону, толпа расступилась и они отбыли. На окраине города они отпустили заложников и автомобили, и направились в сопки.

Вблизи мукденского ипподрома хунхузы похитили двух англичан и молодую девушку Поули. Один из англичан скрылся под градом пуль, а другого, Коркрана, вместе с Поули, хунхузы увели в плен. Вначале они запросили скромный выкуп в 60,000 долларов, но затем потребовали от нефтяной компании, в которой служили похищенные, и от английского консула 700,000 долларов, оружие, патроны, золотые часы и кольца. В случае задержки с выкупом они грозили отрезать сперва уши похищенных, а затем — после вторичного отказа — убить их. Через несколько дней хунхузы опять повысили выкуп и на этот раз потребовали 1,200,000 долларов, 200 фунтов наилучшего опиума, пять свертков шелка, 100 золотых колец и 60 золотых часов, два пулемета, шесть легких автоматов и по 200 патронов к каждому. Английский консул наотрез

отказался вести переговоры с хунхузами и потребовал от властей Маньчжуго добиться освобождения похищенных «с уплатой выкупа или нет», так как на их обязанности лежала обеспеченность безопасности и порядка в стране.

Командующий войсками Маньчжуго в мукденском районе, генерал Ванг Тиен-чун, за возвращение похищенных обещал хунхузам не только полное прощение, но и включение их «с повышением» в регулярную армию. Глава другой хунхузской шайки, перешедший на службу в японскую армию, предложил свои услуги для переговоров с похитителями. Маршал Чжан Сюэ-лян категорически опроверг обвинение японских властей, что он поддерживал хунхузничество в Маньчжурии, чтобы скомпрометировать правительство Маньчжуго, и заверил британскую миссию в Пекине, что «мы принимаем все меры к освобождению англичан, но пока безуспешно». На поиски хунхузской шайки был послан отряд японской жандармерии, хотя хунхузы и грозили, что они уйдут в сопки и прервут переговоры с родителями молодой Поули. Эти переговоры вначале велись через китайского слугу отца Поули, но хунхузы заподозрили его в вероломстве, подвесили за руки к потолку и подвергли всевозможным пыткам. После семи недель в плену у хунхузов Поули и Коркоран были выкуплены правительством Маньчжуго за 100,000 иен, 250 фунтов отборного сорта опиума, зимнюю одежду и обещание включить всю шайку в состав полиции Маньчжуго.[95])

Весной 1933 года был похищен врач миссионер Нильс Нильсен из госпиталя, куда хунхузы вошли под видом больных. После шести месяцев в плену, его освободили за скромный выкуп, боясь, что он не выдержит плена.

Весной того же года хунхузы похитили трех английских офицеров с парохода Наньянг, в то время как другая шайка пыталась отбить похищенных, чтобы самим получить за них выкуп. Генерал Ван Тиен-чан опять обещал хунхузам принять их в свою армию «на особых условиях», если они освободят без выкупа похищенных офицеров. Сто хунхузов, переодетых в форму полиции Маньчжуго, похитили на ст. Фушан 29 настоящих полицейских, убив при этом начальника полиции.

Осенью 1933 г. хунхузы похитили норвежского инженера

---

[95]) Лондон Таймс и Нью-Йорк Таймс, сентябрь, октябрь 1932 г.

Элиассена, члена Международной Комиссии помощи голодающим, и потребовали выкуп в 200.000 долларов, большое количество муки, оружия и патронов. Норвежцу удалось бежать.

Летом того же года хунхузы похитили прибывших в Маньчжуго 15 монгольских князей и освободили их после выкупа в 300,000 долларов. В этом деле участвовала японская жандармерия, которая инсценировала похищение монголов с двоякой целью — выкупа и политического воздействия.

В августе 1934 года, несмотря на заверение властей, что «мир и порядок восстановлены», хунхузы произвели налет на корейский хутор и убили 33 человека из поселенцев. На ремонте Гиринской железной дороги они похитили трех японских рабочих. Вблизи Северного Мавзолея в Мукдене хунхузы похитили американского меховщика Цейтлина и потребовали за него большой выкуп. Три недели спустя Цейтлин был освобожден после налета японских жандармов на хунхузский стан. В 1936 году хунхузы похитили католического священника из Миссии Мэринол.

Кроме похищений людей с целью выкупа, хунхузы устраивали налеты на пассажирские поезда, устраивая крушения, грабя пассажиров и убивая тех, кто оказывал им сопротивление. Так, в сентябре 1932 года хунхузы, разобрав путь на КВжд, устроили крушение поезда, ограбили пассажиров и увели в сопки оставшихся в живых. Весной того же года хунхузы взорвали поезд с японским отрядом на пути в Харбин, убили 14 солдат и ранили 37. Японские власти обвинили одновременно маршала Чжан Суэ-ляна и советских агентов в использовании хунхузских отрядов для анти-японской деятельности.

Похищение людей не всегда было делом рук только хунхузов. Нередко они устраивались русскими служащими японской полиции и жандармерии, и если не всегда с участием японских чинов этих учреждений, то обычно с их поощрения. Похищение сваливалось на хунхузов, а расследование умышленно запутывалось. Одним из таких нераскрытых дел было похищение Тарасенко, владельца большого винно-гастрономического магазина, торговавшего советскими товарами. Этого было достаточно для ревностных службистов, чтобы заподозрить его в советских связях. В обстановке Харбина японского периода это означало многое, вплоть до ареста японской

жандармерией и допроса с битьем и пытками, нередко кончавшимися смертью.

Тарасенко после уплаты большого выкупа был освобожден. Полиция повела следствие, допрашивала похищенного, но он упорно отказывался сообщить, кто его похитил, где его держали и кому он заплатил выкуп. Допрашивали старого уголовного преступника Ивана Громова, который не только хорошо знал преступный мир, но и сам участвовал в похищении дочери коммерсанта Ганина. Упорный отказ Тарасенко сообщить что-либо невольно подсказывал, что его похитители были людьми достаточно влиятельными и могущественными, что рисковать жизнью ради выдачи их он не хотел.

В марте 1932 года был похищен аптекарь Кофман. На следующий день газеты сообщили, что хунхузы требовали от его семьи выкуп в 30,000 долларов.

По сообщению одного из агентов японской разведки в деле похищения Кофмана принимали участие японские жандармы и русские служащие жандармерии Кириченко и Галушко, участвовавшие позже в похищении Семена Каспе. Первую ночь Кофмана держали в доме одного из русских агентов, а затем перевели в китайский дом в окрестностях Модягоу, где он умер от пыток. Семья Кофмана отказалась уплатить выкуп за неимением средств. Похитители сперва убавили его наполовину, затем повысили его, получив от семьи Кофмана 18,000 долларов в то время, когда его самого уже не было в живых.[96])

Дело о похищении Кофмана, как и Тарасенко было умышленно запутано. Нет сомнений в том, что похитителями их были русские служащие японской жандармерии и полиции и их японские покровители. Приведенное ниже похищение Каспе дает наглядное указание, как и кем были устроены похищения Тарасенко и Кофмана.

Семен Каспе, молодой талантливый пианист, был похищен в августе 1934 года.

Старший Каспе, отец Семена, прибыл в Харбин в период постройки КВжд и стал заниматься скупкой и перепродажей вещей, мелкими поставками и другими коммерческими делами. У него завелась починочная мастерская, магазин часов и

---

[96]) Amleto Vespa, Secret agent of Japan, Garden City Pub. Co., 1941, pp. 197—203.

драгоценностей, а позже он стал заниматься ростовщичеством. К двадцатым годам Каспе нажил большое состояние, у него были ювелирно-часовой магазин, кафе, несколько кинематографов, отель «Модерн». В его магазине продавались драгоценности, серебро, реквизированные советским правительством в монастырях, церквах, дворцах, в домах зажиточных людей. Он любил говорить о своих коммерческих успехах и всюду хвастался своим богатством. Его имущество оценивалось в несколько миллионов долларов.

Два его сына учились в Париже, один в университете, другой, Семен, в консерватории. Оба были французскими гражданами, что дало возможность старшему Каспе перевести на их имя свое имущество и вывесить над отелем «Модерн» французский флаг.

Существует несколько версий похищений Семена Каспе. Артур Брисбейн, передовик американского газетного концерна Херста (считавшегося желтой прессой по приверженности к сенсационности), обвинил огульно белую эмиграцию:

> Семен Каспе, находясь в руках маньчжурских бандитов, пишет отцу, прося о выкупе. В письме послано пол его уха, чтобы воздействовать на отца и заставить его уплатить 25 000 фунтов выкупа. Сын пишет: «завтра мне отрежут пальцы, а если деньги не будут присланы к воскресенью, то я буду убит».
>
> Не восклицайте «ужасная монгольская жестокость», потому что бандиты, отрезающие уши, не монголы, а «белые русские», патриоты, отвергающие Советскую Россию за то, что она так жестоко освободилась от царя[97]).

Другая версия о похищении молодого Каспе рисуется таким образом:

> В начале мая 1933 года мой шеф (имя его не упоминается, прим. ред.) решил устроить похищение... «Я уже дал распоряжение жандармерии похитить молодого Каспе..., но чтобы никто не заподозрил японцев, я решил поручить это дело китайцам».

Дальше рассказывается, как произошло похищение:

> Японская жандармерия издала приказ через секретаря переводчика Накамура, который вместе с Мартыновым, полицейским инспектором, организовал похищении... За несколько дней до похищения, грек, один из участников, дал

[97]) San Francisco Examiner и другие херстовские газеты, Сен. 1. 1934.

знать Накамура о том, где находился Семен Каспе... Молодой Каспе был похищен ночью 24 августа, когда провожал свою знакомую Ш. домой. Каспе был увезен и скрыт в тайном месте. На следующий день жандармерия послала отцу Каспе требование о выкупе в 300 000 долларов. Старший Каспе наотрез отказался, после чего начались длинные и бесплодные переговоры. Все, что отец Каспе соглашался заплатить за сына, было несколько тысяч долларов, и то только тогда, когда тот будет возвращен живым и невредимым.

Угрозы убить сына не действовали на отца. Месяц позже, в конце сентября, отрезанные уши Семена Каспе были посланы отцу, но и это не повлияло на него. Он готов был выплатить 35 000 долларов и то только по возвращении сына[98]).

Один из главных организаторов похищения С. Каспе рассказывает об этом подробно:

У Н. А. Мартынова было восемь человек могущих принять участие в операции: А. Е. Шандарь, Н. Кириченко, А. Зайцев, Д. Комисаренко, Г. Брудаков, С. Бураченко, Г. Безручко, Г. Федоров. Он их разделил на две группы: первая под руководством Шандаря, включала Кириченко, Зайцева и Комисаренко, вела наблюдение, чтобы в подходящий момент взять С. Каспе и увести его в приготовленное убежище; вторая группа — Брудаков, Безручко и Федоров, на обязанности которой было оборудование убежища для сокрытия Каспе в тайге, на расстоянии 50-60 верст от Харбина. В распоряжении Мартынова был автомобиль, принадлежащий Добровольческой группе... За Каспе было установлено наблюдение. Он только что прибыл из Парижа в Харбин повидаться с родителями и дать несколько концертов... Группа Шандаря долго вела за ним наблюдение. Было установлено, где бывает С. Каспе и сколько времени проводит там. Одновременно выяснилось наличие у старшего Каспе конфискованных драгоценностей из СССР и его взаимоотношения с торгпредством и с Дальбанком...[99]).

Ночью 24 августа С. Каспе, после ужина в Отеле «Модерн», проводил свою знакомую Л. Шапиро на своем автомобиле домой. У ворот ее дома уже ожидал Шандарь со своей группой.

Русский шофер С. Каспе имел от полиции разрешение на право ношения револьвера. Как только автомобиль остановился у ворот дома Шапиро и она готова была выйти из него, появился Кириченко и предложил ей остаться внутри. Шандарь открыл дверь и сел рядом с шофером, приказав ему

---

[98]) Амлето Веспа, стр. 205—219.

[99]) Неопубликованные воспоминания Н. А. Мартынова (написанные им по предложению П. Б. Прим. ред.).

> молчать и вынул у него из заднего кармана револьвер. Шандарь заставил его подвинуться и сел за руль. Шапиро начала было волноваться, но Кириченко успокоил ее, сказав, что никто не намерен был причинить ей зло. С. Каспе держался спокойно и сам успокаивал свою приятельницу.

Шандарь привез С. Каспе и Шапиро в Новый Город, где их ждал другой автомобиль, куда был пересажен похищенный молодой человек. Шандарь отпустил автомобиль с шофером Каспе и с Шапиро, взяв у нее телефон лица, через которого предполагалось вести переговоры о выкупе похищенного. Каспе вывезли за город, на берег Ушаковки, где его приняла вторая группа и отвезла в заранее приготовленное убежище верстах в 50 от Харбина.

Доставив Каспе на место, Шандарь приехал к Мартынову, у которого хранилось оружие, предназначенное для охраны похищенного. Оно было запаковано в два тюка и доставлено страже, охранявшей Каспе. Последний был спокоен, говорил, что он знает, почему его взяли и надеялся, что выкуп будет внесен в короткое время.

Для связи между Харбином и второй группой был назначен Галушко, на обязанности которого была также доставка продуктов и ведение переговоров о выкупе. Галушко вызвал по телефону Шапиро и сказал ей, что отец Каспе должен внести за сына 300,000 гоби и что способ передачи будет сообщен после получения положительного ответа. Шапиро ответила, что она уже говорила с отцом Каспе, но так как тот ничего определенного не сказал, она предложила позвонить ей позже.

Розыски похитителей начались сразу, как только отец Каспе дал знать полиции. Французский вице-консул Шамбо принялся за розыски, назначив высокую денежную награду. К розыску, в расчете на награду, примкнуло несколько эмигрантов, как Г. П. Голубев, начальник Особого Отдела Русской Фашистской Партии Болотов и др.

Вначале подозрение пало на фашистов и некоторые из них были вызваны в полицию для продолжительного допроса. Среди них оказался и М. А. Матковский, которого допрашивали два-три дня.

Харбин был полон слухов. Розыски велись одновременно харбинской полицией, японской и маньчжурской жандармерией, японской консульской полицией, полицией уездного управления Бинцзянской провинции и французским консульством.

Последнее предъявило категорическое требование властям Маньчжуго розыскать похищенного и арестовать виновников, заявив, что если местная полиция бессильна, то будет вызвана французская полиция из Шанхая и Индокитая.

Начальник особого сыскного отряда харбинской полиции Н. М. Никифоров подозревал фашистов и некоторые группы, стоявшие близко к генералу Косьмину. Имя последнего упоминалось в связи с похищением костюмера Железнодорожного Собрания, поэтому считалось, что он мог быть причастным и к этому делу. Л. Н. Горошкевич, старший надзиратель харбинской полиции, ведавшей расследованием, пригласил в качестве помощников служащих полиции Ф. Д. Феоктистова и Н. А. Мартынова. По предложению Горошкевича, Мартынов вместе с ними посетил отца Каспе, который принял их любезно, сказав, что нового еще ничего нет, но что французское консульство категорически требует от харбинской полиции быстрого раскрытия дела. Во время визита присутствовал вице-консул Шамбо, который также интересовался развитием дела и спрашивал о нем Горошкевича и Мартынова. Положение последнего было более чем двусмысленное: участвовать в розыске похищенного и в то же время быть главным организатором и участником похищения.

Организуя это дело, Мартынов предложил А. Е. Шандарю принять участие в нем. Последний согласился и вызвался руководить группой, ведущей наблюдение за Каспе до его похищения. Шандарь пригласил участвовать в этом деле Дениса Комисаренко, а последний привлек к нему своего зятя Безручко. Ни Комисаренко, ни Безручко не состояли в Добровольческой группе, поэтому было уговорено не приближать их к ответственной работе и не давать им никаких поручений. Комисаренко кроме того был связан с Г. П. Голубевым, который тогда еще подозревался в работе в пользу советских властей.

Когда вместо Шандаря или Кириченко к Мартынову явился Комисаренко за получением продуктов, то тот не только был удивлен, но и встревожен. Нарушение этого уговора могло привести к провалу. Хотя Шандарь и заверил, что «Комисаренко — человек верный», Мартынов забеспокоился, что «где-то получился сквозняк».

Между тем трудности росли. Галушко жаловался, что ему

одному не справиться с переговорами по телефону и с другими поручениями. Для связи с семьей Каспе Галушко пользовался четырьмя телефонами: Лидии Шапиро, Джишкарияни, компаньона Каспе; телефоном «Лары», сожительницы Певзнера, дяди молодого Каспе, и телефоном самого Иосифа Каспе. На центральной станции номера этих телефонов были перекрыты, и когда звонил один из них дежурные надзиратели немедленно выезжали на место вызова. Галушко и его сообщники звонили одновременно из различных мест по двум или трем телефонам и сбивали таким образом с толку полицию.

Положение складывалось трагически для молодого Каспе. Его перевезли в другое, более глухое место. Он жил в яме, в холоде, в страхе, что похитители приведут в исполнение свои угрозы. В последней попытке воздействовать на старшего Каспе, похитители заявили ему, что в случае упорства и дальнейшего промедления с выкупом у похищенного будут отрезаны уши.

> Молодой Каспе писал десятки писем отцу, но тот, несмотря на просьбу сына и всевозможные угрозы, оставался непреклонным в решении не платить ничего для освобождения сына. Он был настолько уверен в своей влиятельности, что даже хвастал, что похитители вернут его сына, не получив ни одного цента, и еще будут просить у него прощения[100]).

Похитители стали перед такой дилеммой: освободить С. Каспе, так как не было никакой надежды на получение выкупа, или принять решительные меры.

> Н. Кириченко решил освободить С. Каспе, но узнав, что А. Зайцев во-время своего дежурства рассказал похищенному об организации, ее участниках и руководителях, а также о работе Братства Русской Правды и вообще, по словам Кириченко, много такого, что вредно было для антибольшевистской борьбы знать совруководителям, решил убить С. Каспе, что и привел сам в исполнение, не желая никого как он говорил, вводить в этот грех.

9 октября, после телефонного разговора выяснилось окончательно, что отец Каспе не собирался вносить выкупа, и

---

[100]) Веспа утверждает, что у С. Каспе было обрезано оба уха и посланы отцу, который отказался пойти на выкуп сына, согласившись уплатить небольшую сумму и то только после освобождения его.

только Л. Шапиро выражала надежду, что деньги будут внесены, если написать французскому консулу в Харбине и матери похищенного, находившейся в Париже. На следующий день Мартынов, Шандарь и Кириченко обсудили вопрос об обращении к консулу и матери С. Каспе, но было уже поздно. Идя на свидание они заметили усиленное скопление полицейских чинов, что могло означать только облаву. При расставании каждый из них дал друг другу слово не давать никаких показаний. Мартынов и Шандарь решили разойтись по домам и там ждать ареста, а Кириченко сказал, что постарается пробраться к месту, в котором держали С. Каспе, и продолжать пытаться получить выкуп.

В тот день вечером Мартынов был арестован, а в три часа ночи предстал на допрос начальнику уголовно-судебного отдела Г. Эгучи. На допросе Мартынов заявил, что ему ничего не известно о похищении Каспе. Его заковали в ручные и ножные кандалы и поместили в камеру предварительного заключения. На утро в противоположную камеру поместили закованного в кандалы Шандаря, а через четыре дня в полицию был доставлен Комисаренко, арестованный на ст. Имяньпо при попытке пробраться на восточную линию КВжд. Комисаренко рассказал, что в городе много шума, газеты полны сенсационных статей о раскрытии похищения С. Каспе и аресте некоторых похитителей. За поимку Кириченко была назначена премия в 10,000 гоби.

После убийства С. Каспе, Кириченко, Галушко и Зайцев решили пробраться на западную линию в расчете скрыться среди старых знакомых-партизан. Безручко вернулся в Харбин, где нашел Комисаренко, чтобы рассказать ему о смерти Каспе и о прибытии остальных участников дела. Комисаренко, решив выгородить себя, сообщил об этом драгоману японской жандармерии — Накамура.[101])

Началась охота за ними. Зайцеву удалось отбиться, а Кириченко и Галушко были настигнуты полицией у забора товарного двора. Попав в окружение, они стали отстреливаться. Галушко сперва был ранен, затем добит на месте. Кириченко успел бежать. Он добрался до дома одного из партизан, где

[101]) Накамура-Оби, Константин Иванович, которому Амлето Веспа приписывает участие в похищении С. Каспе, как организатора вместе с Мартыновым. Последний отрицает участие Накамура.

скрывался с неделю. Но полиция напала на его след и произвела налет. Не желая подвергать опасности партизана, его жену и трех детей, Кириченко сдался добровольно. По слухам его выдал Комисаренко, польстившись на награду в 10,000 гоби. А. Зайцева нашли в китайской харчевне, при обходе полиции вместе с Комисаренко и Безручко всех мест, где тот мог скрываться.

На предварительном следствии сознались Комисаренко, Кириченко и Безручко; Мартынов, Шандарь и Зайцев продолжали отрицать свою вину. Мартынова допрашивали особо, указывая на записанные показания других участников, в которых он был выставлен, как один из зачинщиков похищения. В попытке добиться признания, драгоман Накамура советовал Мартынову заявить прокурору, что он давал оружие Шандарю на ведение партизанской работы, а совсем не для похищения. Мартынов наотрез отказался. После отказа Мартынова признаться в вине ему точно указывали места в протоколах опроса Кириченко, Комисаренко и Безручко, где совершенно ясно указывалась его руководящая роль в похищении С. Каспе. Комисаренко определенно говорил, что получал продукты и одежду от Мартынова. Безручко подтверждал участие Мартынова в похищении, и только в показаниях Кириченко говорилось, что он слышал об участии Мартынова, но ничего определенного не мог сказать.

Следствие велось почти год. К концу его всех арестованных по делу С. Каспе перевели в тюрьму. К этому времени сознались все, кроме Шандаря, который упорно продолжал отрицать свою вину. После двух месяцев пребывания в тюрьме заключенные были вызваны к прокурору харбинского суда, перед которым повторили свои показания. Продолжая настойчиво отрицать свою виновность, Шандарь заявил, что являясь идейным антикоммунистическим работником, он считал, что остальные сваливают на него свою вину в надежде придать делу похищения С. Каспе политическое основание. Заявление Шандаря настолько задело других заключенных, что при возвращении в тюрьму в полицейской карете Кириченко, скованный вместе с Мартыновым, ударил по лицу Шандаря и раскровянил ему рот. По прибытию в тюрьму Кириченко заковали кроме ножных кандалов в ручные, соединив их цепочкой таким образом, что он не мог поднимать рук.

В обвинительных актах, врученных заключенным, прокурор

обвинял их в бандитизме и требовал присуждения им приговоров: Мартынову — 15 лет, Шандарю — 13 лет, остальным от 5 до 12 лет каторжного заключения. По законам Маньчжуго приговоры по обвинению в бандитизме не подлежали апелляции и амнистии.

Судебное слушание началось почти два года после совершенного преступления. Суд состоял из пяти маньчжурских судей. Мартынова защищал В. Ф. Иванов, бывший премьер-министр Временного Приамурского правительства; Кириченко и Безручко — адвокат А. Чуркин; Комисаренко — младший Ковалев; Шандаря — адвокат Безденежный и казенный защитник старший Ковалев; Зайцева защищал казенный защитник Бек-Авшаров. Вызванный первым, Мартынов на опрос председателя суда показал, что принимал участие в похищении С. Каспе с целью выкупа, что Шандаря знал еще по Владивостоку, из остальных же знал только Кириченко и Зайцева. Оружие для охраны похищенного выдал он лично Шандарю и Кириченко. На вопрос о выкупе показал, что по их сведению, у старшего Каспе были на руках деньги в платине и драгоценностях, кроме больших сумм, лежащих на его счету в Дальбанке под контролем советского торгпредства. На вопрос судьи, принимал ли Шандарь участие в похищении, Мартынов ответил утвердительно.

— Признаете ли вы себя главарем и организатором этого дела?

— Если хотите, можно считать так, но я все делал с общего согласия других ответственных работников.

— Кто же они такие?

— Часть здесь, под судом. Другие на советской территории, где остальные — в данное время не могу сказать.

На вопрос судьи о причастности Шандаря к делу, последний ответил, что не понимает, почему его, неповинного ни в чем человека, держат в тюрьме, поэтому он просит судью разобрать это дело и освободить его, как совершенно непричастного к нему.

На вопрос судьи об участии в похищении С. Каспе Кириченко ответил, что пошел на него исключительно ради получения средств на усиление антикоммунистической борьбы на советской территории. Вследствие того, что старший Каспе занимался распродажей драгоценностей, отобранных большевиками у русского народа в домах, дворцах, церквях и монасты-

ряx, то партизаны, боровшиеся против советского правительства, считали себя вправе воспользоваться этим русским имуществом. На вопрос судьи о Шандаре, Кириченко подтвердил, что тот наравне с другими принимал участие в похищении С. Каспе.

Председатель суда прочел протокол показания, в котором Шандарь сказал Мартынову, в присутствии чинов полиции: «я подумаю, сознаться мне или нет». Шандарь и от этого показания отрекся, хотя оно было подписано им, упорно настаивая, что он не мог этого сказать. Но ущерб был нанесен и ни у кого не оставалось никакого сомнения в его вине.

Защитники строили защиту на том, что старший Каспе был ростовщик, скупщик краденного большевиками русского имущества, человек алчный, идущий на все ради наживы. Будучи советским подданным, старший Каспе заставил своих сыновей принять французское подданство ради сохранения своего ростовщического имущества от возможных посягательств со стороны советских властей. Защитник Мартынова говорил о роли своего подзащитного в партизанском движении на территории Советской России, о том, что на него был совершен ряд покушений на жизнь, о его тяжелом ранении советским агентом.

После семнадцати заседаний суда наступил день вынесения приговора, перед которым подсудимым было предоставлено слово. Каждый из них объяснил свое участие в похищении С. Каспе мотивами политического характера. Шандарь попрежнему продолжал настаивать на своей невиновности. По тому, как велось слушание, подсудимые ожидали значительного облегчения своей участи; кроме того, в обвинительном акте прокурор заметил, что бессрочная каторга, обычно присуждаемая за подобные преступления, может быть в их случае понижена до 15 лет Мартынову, 13 лет Кириченко и Шандарю, от 5 до 12 лет остальным подсудимым.

В день приговора подсудимые были закованы в ручные и ножные кандалы и с особой предосторожностью доставлены в тюремную карету. По пути следования они заметили усиленные наряды полиции на углах улиц. По прибытию в суд карета была оцеплена крупным отрядом полиции и жандармерии. До открытия заседания подсудимых поместили в особом помещении, вблизи которого никто не имел права находиться. Подсудимых ввели в зал суда, не сняв с них, как это было

прежде, ручных кандалов. Зал был переполнен представителями общественных организаций, консульств, телеграфных агентств и прессы, родственниками подсудимых и публикой.

Председатель суда не разрешил подсудимым сесть и заставил их стоять у барьера. Затем началось чтение судебного приговора, по которому Мартынов, Шандарь и Кириченко были приговорены к смертной казни через повешание, Комисаренко и Зайцев к бессрочному заключению, а Безручко к 15 годам заключения. После чтения судья объявил, что приговор не подлежит апелляции и должен быть приведен в исполнение в трехдневный срок.

На следующий день харбинские газеты уделили много места приговору. «Наш Путь», орган фашистской партии, поместил резкую статью, в которой касался не столько похищения и приговора подсудимых, сколько того, что это был «подвиг, за который группа жертвенных людей получила веревку». Японские власти конфисковали газету, а редактор ее, К. В. Родзаевский был вызван в полицию для объяснения, почему он выпустил номер, не получив на него разрешения цензора.

Жена Мартынова с адвокатом А. Чуркиным выехала в Синцзин, столицу Маньчжуго, где добилась свидания с Эгучи, начальником полицейского департамента Министерства Внутренних Дел. После совещания с членами министерства, Эгучи распорядился об отсрочке приговора на неделю, чтобы дать возможность ознакомиться с делом. Обращение было сделано атаману Семенову в Дайрене, с просьбой о ходатайстве перед командующим Квантунгской Армией. В письме на имя начальника штаба Квантунгской Армии Семенов просил того принять посильное участие в судьбе приговоренных. Начальник штаба принял Мартынову и Чуркина и заверил, что дело будет пересмотрено и исполнение приговора отложено на неопределенное время.

Через полгода после вынесения приговора был назначен пересмотр дела о похищении С. Каспе высшим харбинским судом под председательством Ямагучи. В отличие от уголовного суда первой инстанции, судьями которого были китайцы и маньчжуры, состав высшего суда был целиком японский. Во время опроса приговоренных, повторивших свои прежние показания, А. Зайцев заявил суду, что он решил принести полное признание вины в похищении С. Каспе. На вопрос судьи относительно отрезанного у молодого Каспе уха, Зай-

цев заявил, что была срезана кожа с пальца и переслана отцу похищенного.

В обвинительном акте прокурор указал, что подсудимые действовали исключительно по политическим мотивам, поэтому дело должно быть изъято из подсудимости по законам о бандитизме, на основании чего он предложил смягчить наказание, присудив Шандарю 15 лет за упорный отказ принести повинную; Мартынову — 13, Кириченко — 12 лет, остальным еще меньшие сроки. После прокурора выступили защитники, соглашаясь с ним относительно мотивов преступления и не скрывая своей радости по поводу неожиданного поворота дела, но прося суд еще больше смягчить наказание. Но их ждала еще большая неожиданность. Через неделю осужденные вновь были вызваны в суд, где председательствовавший судья прочел приговор, по которому, в согласии с заявлением прокурора об изъятии дела из подсудности по бандитизму, признавалось, что подсудимые должны судиться по статье 327 уголовного кодекса, а принимая во внимание прошлое подсудимых и идейно-политический характер дела, было явно, что они подходили под закон об амнистии, на основании чего они — если прокурор не опротестует решение суда в течение десяти дней — подлежат освобождению.

Такой фантастический оборот дела ошеломил прежде всего участников похищения. Их самые горячие упования не шли дальше возможности смягчения приговора суда первой инстанции, замены смертной казни пятнадцатью годами и сокращения других сроков, но полного освобождения!? — нет, этого они не могли ожидать. Ошеломляющее заявление суда могло на первых порах показаться им даже злой насмешкой, приемом ухищренной пытки, после чего суд в своем приговоре дал бы то наказание, на которое рассчитывали сами подсудимые. Но, нет, это было не так, они не могли ослышаться. Это был приговор верховного суда по тяжкому делу похищения и убийства.

После трех с лишним лет заключения похитители С. Каспе были выпущены на свободу.

Приговор верховного суда вызвал бурю комментариев. Иностранная печать отметила комедию правосудия и недопустимое вмешательство японских властей в судопроизводство китайско-маньчжурского суда. Японские власти ответили конфискацией английских газет, «Харбин Геральд» и «Харбин Об-

зервер» и высылкой их редакторов.

Японские власти не могли закрыть глаза на то, что допущенная ими профанация правосудия вызвала негодование и возмущение среди населения. Чтобы успокоить взволнованные чувства, они выселили из Харбина похитителей С. Каспе Мартынова, Шандаря и Зайцева в Дайрен, а Кириченко и Комисаренко на ст. Пограничную. После нескольких месяцев службы при японских военных миссиях и после того, как стало постепенно забываться это во всех отношениях сенсационное дело, некоторые из них были вновь вызваны в Харбин для продолжения службы при японских полицейских и жандармских учреждениях.

Япония и СССР

Оккупировав Маньчжурию, Япония перешла к укреплению страны. Началась постройка сети железнодорожных путей и шоссейных дорог к стратегическим пунктам вдоль советской границы. Одновременно увеличивалась мощь Квантунгской Армии; за десять лет, с двух дивизий в 1931 году она выросла до 15. На стратегических местах появились военные аэродромы, защитительные точки, военные склады, казармы. По берегам Сунгари и по правому берегу Амура выросли пристани и речные порты. В тылу возникли крупные военные заводы и арсеналы. Глубокая полоса вдоль советской границы густо заселилась японскими колонистами-запасными, готовыми в любой момент облечься в военную форму и влиться в Квантунгскую Армию.

Японские власти взяли на учет белых эмигрантов, способных носить оружие. К концу тридцатых годов появились учебные команды и военные школы, укомплектованные белыми эмигрантами. В Западной Маньчжурии был создан Захинганский корпус — громкое название для нескольких сот казаков-колонистов, заселивших Захинганье. Успешно в военном отношении развивалось и Трехречье.

Япония прочно осела в Маньчжурии. Дважды она отвергала советское предложение заключить пакт о ненападении. В 1934 году Япония предложила Советскому Союзу выделить вдоль границы демилитаризированную полосу по 25 миль с каждой стороны. Предложение было сделано неспроста: оно поставило советское правительство в двусмысленное положение. Убеждая весь мир громогласно в своем миролюбии, советское пра-

вительство, однако, не могло принять предложение, суть которого должна была бы свестись к установлению мира на Дальнем Востоке и, следовательно, во всей Азии. У Японии были и другие соображения, кроме желания поставить советское правительство в неловкое положение. Сеть маньчжурских железных и шоссейных дорог вела от главных центров к пограничной полосе. Японии ничего не стоило укоротить эти пути на 25 миль. На советской же стороне все укрепления находились внутри 25-милевой полосе, и отказаться от них значило нарушить всю систему обороны. Свыше четверти миллиона советских войск были расквартированы от Читы до Владивостока и от Владивостока до Хабаровска в той полосе, которую Япония предлагала демилитаризировать.

Советское правительство не столько озабочивало пребывание японских властей в Маньчжурии, сколько деятельность белых эмигрантов. Последние неизменно фигурировали в сношениях советского правительства с Японией. Еще осенью 1931 года, в момент возникновения японского движения в Маньчжурию, советское правительство оказало помощь китайскому генералу Ма Чан-шану, войска которого были прижаты японскими войсками к советской границе. На предостережение Японии, советское правительство в ноте от 14 ноября заявило, что никаких нарушений нейтралитета не произошло, но что действия «белогвардейцев» и роль атамана Семенова в расчетах Японии на Монголию принуждают его принять меры предосторожности.

Япония повторила свое предостережение год спустя, когда другой китайский генерал, Су Пын-вен, восставший против японских властей Маньчжурии, принужден был интернироваться на территории Забайкалья. Японские власти потребовали выдачу Су. В советской ноте опять последовали длинные ссылки на «белогвардейских генералов и тысячи белогвардейцев, проживающих на территории Маньчжуго и пользующихся полной свободой в действиях, направленных враждебно против СССР.»

С момента появления японских войск в Маньчжурии начались пограничные инциденты. Хотя не в каждом из них были повинны японские власти, все же число их увеличивалось прямо пропорционально развитию агрессивной политике Японии. Наибольшее число пограничных инцидентов пало на 1936 год, когда Япония заключила с Германией антикоминтернов-

ский пакт. Наиболее важные из них, завершившиеся боями под сопкой Заозерной и в Номохане в 1938 и 1939 годах, совпали со временем мюнхенского соглашения, развязавшего Гитлеру руки в Чехословакии и в Польше. За сравнительно еще тихие годы, от 1932 до 1938, в Маньчжурии произошло свыше 500 пограничных инцидентов, начиная от нарушения воздушного пространства до рукопашных схваток. За один 1936 год произошло 90 инцидентов на восточной границе Маньчжурии, 44 на северной и 11 на западной.

Первое большое пограничное столкновение произошло у озера Хасан летом 1938 года.

Этому инциденту предшествовал ряд важных событий на советском Дальнем Востоке. Одним из них была начавшаяся чистка партийного аппарата и высшего командного состава Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии. В мае 1938 года из Москвы в Хабаровск прибыл с «черной сотней» армейский комиссар 1-го ранга Лев Мехлис и заместитель Народного Комиссара Внутренних Дел Ежова — Фриновский.

За год до этого, в июньско-июльском разгроме пали Иосиф Варейкис, первый секретарь крайкома; Швер, редактор краевой газеты; Рабинович, комиссар штаба фронта; Иванов и Никитин, начальники отделов политического управления; Каган и Симонов, комиссары колхозной дивизии; Гавеман, председатель Амурского облисполкома; Иван Коссиор; Берзин, начальник Дальстроя и диктатор Колымы; Терентий Дерибас, комиссар госбезопасности 3-го ранга.

С прибытием Мехлиса и Фриновского в Хабаровск партийная чистка приняла еще более зловещие размеры. Были арестованы Крутов, председатель краевого исполкома, член ЦИК СССР и член ЦК ВКП(б); комкор Сангурский, начальник штаба ОКДВА; Лев Аронштам, армейский комиссар 2-го ранга, начальник политического управления ОКДВА; Калмыков, командир колхозного корпуса и начальник гарнизона г. Хабаровска.

Другим важным событием был побег из советского Дальнего Востока комиссара госбезопасности 2-го ранга Генриха Самуйловича Люшкова. Люшков, заместитель Секретно-политического Управления при НКВД, один из помощников Молчанова в организации первого показного суда в Москве и ближайший сотрудник Ежова, прибыл на Дальний Восток в мае 1937 года на смену снятого с поста Терентия Дерибаса.

В мае 1938 года у Люшкова произошло столкновение с маршалом Блюхером, после чего ему пришло предписание отбыть в Москву для назначения на новый пост — что могло означать все: от Лубянки до на самом деле нового поста. Люшкову удалось задержаться на полтора месяца благодаря дружеским отношениям с новым комиссаром НКВД Ежовым. 13 июня, во время инспекции пограничного района, Люшков перешел границу в посьетском районе, вблизи стыка СССР, Маньчжурии и Кореи.

До этого Люшков пытался бежать из Гродекова на Пограничную, но в последнюю минуту отложил время побега. Еще заранее он сговорился с женой, оставшейся в Москве, о побеге ее в одну из европейских стран, и когда получил от нее телеграмму: «посылаю поцелуй дорогому мужу», он знал, что она была в безопасности.

После перехода границы Люшков был перевезен в Токио. Интервью иностранных корреспондентов с Люшковым намеренно устроили в самый разгар боев под озером Хасан.

Как обычно происходит с бежавшими чекистами, Люшков рассказал, что перешел границу исключительно для того, чтобы «поведать всему миру правду о Сталине и его преступлениях и способствовать освобождению русского народа от коммунистической власти». Люшков одним из первых сообщил миру о чудовищных размерах сталинских чисток, жертвами которых стали неисчислимые тысячи военачальников Красной Армии, офицеров, солдат и гражданских лиц. По приказу Сталина были ликвидированы почти все командиры, воевавшие в Красной Армии в 1917 — 1921 годах.

Люшков рассказал о своем участии в расследовании дела по убийству Кирова, задуманного самим Сталиным с целью ликвидации оппозиции в лице Зиновьева, Каменева и других. Он рассказал, как пытками на Лубянке добивались признаний в несовершенных и в несуществующих винах. Люшков поведал о судьбе выдающегося молодого советского офицера, комкора А. Ю. Лапина (он же Сейфулин), занимавшего во время гоминдановско-коммунистической дружбы пост атташе при советском посольстве в Пекине. Лапин покончил самоубийством в Лубянке после пыток. Он своей кровью написал письмо, адресованное ЦК КПСС, но переданное в руки Люшкова, оно так и осталось у него. В нем Лапин писал:

> Под пыткой я давал фальшивые показания о делах, о которых ничего не знал, и под угрозой новых пыток я признавался во всем, что было приписано мне... Я не контрреволюционер, и не имел к ним никакого отношения...

Побег главы дальневосточного отдела госбезопасности, да еще во время хасанских боев, не на шутку перепугал советские власти. Москва заявила, что бежавший не Люшков, и что вся история его побега — всего лишь плод воображения японской разведки. Но на пресс-конференции в Токио были показаны записки, дневники Люшкова, его фотографии на первой странице хабаровской газеты «Тихоокеанская Звезда», помещенная там за полгода до его побега. Сомнения не оставалось, что это был подлинный комиссар госбезопасности, посланный на Дальний Восток для расправы с крамолой и сам бежавший от расправы над собой.

По японским сведениям (несомненно преувеличенным), после побега Люшкова в Маньчжурию бежало свыше трехсот сотрудников дальневосточных отделов госбезопасности. Никто из них не представлял из себя такой яркой фигуры, как Люшков, никто из них не обладал такими знаниями советской секретной работы, как он. Они бежали, потому что побег всесильного Люшкова поставил их лицом к лицу с расправой от рук своих же чекистских органов. Они были приняты японскими властями, тщательно проинтервьюированы, пропущены через японскую разведку, выудившей у них все, что ей было нужно, и затем отправлены в лагерь Пиньфань, где и были ликвидированы.[102])

После побега Люшкова маршал Блюхер должен был в спешном порядке изменить планы и дислокацию войск на Дальнем Востоке.

---

[102]) Очередь Люшкова наступила восемью годами позже, в августе 1945 года, после капитуляции Японии. Все эти годы Люшков работал при японском Генеральном Штабе в отделе по русским делам. В 1949 г. Матсуо Иошино, бывший служащий японской военной миссии в Маньчжурии по русским делам, рассказал автору в Токио, что после окончания войны японские власти повезли Люшкова в Маньчжурию для выдачи советским властям в обмен на захваченного в плен сына премьера принца Коноэ. Но Люшкова довезли только до помещения японской военной миссии в Дайрене, где он устроил отчаянную попытку побега и где был задушен японскими офицерами. Рассказ Иошино был настолько полон подробностей, что не оставлял никакого сомнения в том, что он сам присутствовал при убийстве Люшкова.

В середине июля 1938 года советские войска построили временные фортификационные сооружения в трех милях от границы вблизи сопок Заозерная и Безымянная на стыке границ СССР, Маньчжурии и Кореи. После побега Люшкова посьетский район был усилен конницей. В Новокиевске продолжали накапливаться механизированные части. Японские власти предъявили советскому командованию требование об отводе советских войск, возлагая в противном случае ответственность за возможные последствия на Советский Союз. Одновременно велись переговоры в Харбине между представителем японских властей в Маньчжурии Шимомура и советским консулом Кузнецовым, и в Москве между послом Шигемицу и Литвиновым.

Японское военное командование объясняло наростающий инцидент как попытку дальневосточного отдела ГПУ обелить себя в связи с побегом Люшкова и с другой стороны как попытку отвлечь внимание японских войск, занятых военной операцией против националистического правительства Китая. Москва — если это было на самом деле так — на всякий случай пыталась заручиться добрым чувством Китая.

29 июля японские войска повели наступление на сопку Безымянная против восьми тысяч советских войск. За три дня до решительного боя 6 августа, Мехлис отменил разработанный штабом Блюхера оперативный план и предложил свой. Блюхер по этому поводу связался по прямому проводу с Москвой. Но судьба Блюхера была уже решена. На следующий день к нему заехал Фриновский и передал ему приказ о выезде в Москву.

6 августа произошли решительные бои, во время которого советские войска отбили сопки Заозерную и Безымянную. В Москве Шигемицу предложил Литвинову прекратить военные действия вдоль советско-маньчжурской границы. Москва отказалась вступить в переговоры до тех пор, пока японские войска не будут выведены за границу, установленную между Россией и Китаем еще в 1887 году. Инцидент на этом закончился. Обе стороны заговорили о победе и о нанесенном поражении друг другу. Справедливость требует отметить, что как и в инциденте под Номонханом, пораженной стороной в хасанском инциденте оказалась Япония.

Следующее крупное пограничное столкновение произошло у озер Байрнор и Далайнор. После инцидента под Тауланом в

1934 году на границе Маньчжурии и Внешней Монголии все были сравнительно тихо до мая 1939 года.

В результате советской политики, китайских и японских интриг во Внешней Монголии происходили время от времени волнения. Устраивались заговоры, явные и вымышленные. Советские власти всюду выискивали крамолу, производили аресты видных монгольских деятелей и устраивали над ними показные суды. В числе расстрелянных монгол оказались такие лица, как премьер Монголии Данбен, и военный министр генерал Демит.

Накануне инцидента под Номоханом из Монголии в Маньчжурию бежал капитан Динбажап, занимавший ответственный пост в разведывательной службе вооруженных сил. Его рассказ о происходившей в Монголии чистке среди партийного и командного персонала, настроении в армии и враждебном отношении монгольского населения к советским правителям и их политическим учреждениям подбили японских властей на очередную «пробу своего и советского оружия». Как после побега комиссара Люшкова, побег Динбажапа принудил командование Красной Армии спешно провести коренное изменение в дислокации войск, их наименовании и т. п.

К концу мая монгольско-советские войска были переведены из Улан Батора к границе Маньчжурии. Японо-маньчжурские войска уже были стянуты к границе. Среди них были части отряда Ямагата, пользовавшегося особой славой в Квантунгской Армии. Первые бои произошли 29 мая, когда монгольские войска, поддержанные советскими танками, под общим командованием комкора Жукова повели наступление на японо-маньчжурские войска. Наступление повторилось 19 июня, причем на этот раз с обеих сторон выступала авиация. Японское командование сообщило о 200 советских самолетах над озером Буир, из которых «сто с лишним было сбито в течение получаса». По тем же сведениям, «японский эскадрон бомбардировщиков проник на советскую территорию, обстрелял авиобазу у Тамсека, уничтожив 30 самолетов на аэродроме».

После прошлогоднего инцидента на восточной границе Маньчжурии японские власти пытались придать инциденту под Номоханом совершенно другой характер. Японская печать и официальные заявления заговорили о том, что Япония, «связанная с Монголией узами родства», не может считать их своими врагами, но все же теряет «терпение и сдержанность, на-

деясь, что Внешняя Монголия сама пересмотрит вопрос о пограничных разногласиях и по собственному почину придет к мирному разрешению их». О Советском Союзе Япония совершенно не упоминала, сваливая всю вину на правительство Внешней Монголии и оправдывая свои действия самозащитой.

Бои под Номоханом оказались еще более жестокими и затяжными, чем под сопками Заозерной и Безымянной. В течение целого года через Харбин следовали в Японию белые ящички с пеплом японских солдат и офицеров, павших в боях под Номоханом.

Планы японского командования

Через четыре года после заключения антикоминтерновского пакта Япония подписала особое соглашение с Германией и Италией. Год спустя, в марте 1941 года, министр иностранных дел Мацуоко посетил Берлин для личных переговоров с Гитлером о совместных действиях против Советского Союза. Пока в Берлине велись переговоры, Япония успела заключить с Советским Союзом пакт о ненападении. Характерно в этом отношении откровенное заявление того же Мацуоко советскому послу в Токио, что японская иностранная политика строилась на союзе с Германией, и если Германия обратится к Японии за помощью, то «пакт о ненападении с СССР не представит препятствия для японского правительства в принятии соответствующего решения».

На совещании японских государственных деятелей летом 1941 года, в связи с нападением Германии на Советский Союз, был разработан следующий план:

> Хотя наше отношение к германо-советской войне определяется духом оси Рим-Берлин-Токио, мы некоторое время не будем вмешиваться в нее, но по собственной инициативе примем меры, тайно вооружаясь для войны с СССР... Если ход германо-советской войны примет благоприятный для Японии оборот, мы применим оружие для разрешения северных проблем[103]).

В связи «с северными проблемами» была увеличена вдвое мощь Квантунгской Армии, а к концу войны доведена почти до миллиона штыков.

---

[103]) Суд над военными преступниками войны в Токио, Класс А. Показания 24 февр. 1948.

В октябре 1941 года германский посол в Токио Отт сообщил Берлину, что «военные действия против все ещё сильной в боевом отношении Дальневосточной Армии ожидать нельзя раньше будущей весны».

Сообщение Отта последовало за изменением плана японского верховного командования, известного под наименованием «Кантогун Токубецу Энсю» (или сокращенно «Кан-Току-Эн» — Особые маневры Квантунгской Армии), условного обозначения намечавшегося на август-сентябрь 1941 года нападения на СССР. Разработанный Генеральным Штабом Японии 2 июля 1941 года план предусматривал внезапное нападение на Владивосток, Ворошиловск (Никольск-Уссурийский), Хабаровск, Благовещенск, Николаевск-на-Амуре, Советскую Гавань и Петропавловск-на-Камчатке.

Отказавшись от первого плана, японский Генеральный Штаб разработал второй план в 1942 году, оставшийся неизменным до конца войны.

Решающие годы

В апреле 1941 года Япония и СССР заключили пакт о ненападении. В мае премьер Фумимаро Коноэ дал парадный обед в честь послов СССР К. Сметанина, Германии генерала Евгения Отт и Италии Марио Инделли. «Заключение японо-советского пакта должно способствовать делу установления мира в Восточной Азии и развитию товарообмена между обоими государствами», сказал в своем слове Коноэ.

Через месяц в Харбине состоялся съезд начальников районных бюро, отделений и представительств главного Бюро по делам Российских Эмигрантов, отмеченный в харбинской печати «как знаменательное в эмигрантской жизни событие».

Японские власти все же считали нужным объяснить русской эмиграции перемену курса Японии в отношении Советского Союза и коммунизма. Начальник харбинской военной миссии генерал Янагита в «инструктивной речи» (обычный тон харбинских газет в отношении японского начальства) сказал по этому поводу следующее:

> В последнее время темные элементы распространяют различные безосновательные и ложные слухи, но нужно твердо помнить, что политика Японии и Маньчжуго, в соответ-

ствии с основной идеей маньчжурской действительности, не изменится никогда[104]).

Касаясь самого пакта, генерал Янагита сказал прямо участникам съезда, что им «не следует беспокоиться о том, что составляет предмет заботы только японских государственных деятелей», и призвал российскую эмиграцию еще «крепче сплотиться вокруг Ниппона».

С развитием хода Тихоокеанской войны, идее сплочения вокруг Ниппона посвящалось все больше речей эмигрантских политических и общественных деятелей. Тон таким заверениям дал еще на праздновании десятилетия годовщины создания Манчжудиго, генерал Кислицын, глава Бюро Эмигрантов:

> ...Ныне, на пороге нового десятилетия маньчжурской империи, российская эмиграция так же тверда духом, как и раньше. В момент нынешней чрезвычайно серьезной военной и политической обстановки, российская эмиграция твердо и открыто связала свою судьбу с Великим Ниппоном, Маньчжуго и Национальным Китаем (т. е. с правительством Ван Цзин-вея.)
>
> Никогда не забывая своих национальных задач, российская эмиграция готова служить верой и правдой приютившей ее маньчжурской империи и поднявшему стяг священной борьбы — Великому Императорскому Ниппону.[105])

Объединение российской эмиграции с Японией, или как в то время называли — Ниппоном, упоминалось при каждом случае. Даже при открытии в Харбине памятника, посвященного памяти героев, начиная с Императора Николая II и его семьи и кончая солдатом Белой Армии, представитель Кео-Ва-Кай Ханда нашел в нем символ единения российских эмигрантов с народами Ниппон и Маньчжудиго. Здесь же выступил с другой «инструктивной речью» генерал Янагита, в которой он «подчеркнул неизменно дружественное отношение ниппоно-маньчжурских властей к российской эмиграции и призывал ее к лойяльному выполнению обязанностей перед государством, вытекающих из наличной политической обстановки».[106])

Японские власти ожидали от эмигрантских политических деятелей проведения кампании за поддержку Японии в годы

---

[104]) Луч Азии, Харбин, Июнь 1941 г.

[105]) В. А. Кислицин, Десятилетие Маньчжуго, Прибой, Харбин, июнь 1941.

[106]) Рубеж, 21 июня 1941, Харбин.

Второй Великой Войны. Следует отметить, что отклик превзошел все ожидания. В Харбине и других маньчжурских городах на собраниях российских эмигрантов их руководители «демонстрировали непреклонную решимость к жертвенному участию в общей борьбе с врагами утверждающегося нового порядка — англо-саксами». На собрании эмигрантов в Харбине по случаю второй годовщины «Священной войны», начальник японской военной миссии генерал Дои «красочно изобразил роль российских эмигрантов в деле борьбы за новый порядок в великой Восточно-азиатской сфере, окончив речь отчетливым и благородным пожеланием в их адрес: идите вперед, идите смело, не оглядываясь назад. Это — путь единственный, который и приведет к конечной победе, и она будет за нами!»

В ответном слове начальник Бюро по делам Эмигрантов генерал Л. Ф. Власьевский «в горячих словах провозгласил готовность российской эмиграции влиться в общее дело. Все на усиление боевой мощи, для победы Ниппон, для исполнения национальной миссии российской эмиграции, для светлого будущего Восточной Азии!»

В декларации по поводу годовщины войны были выражены «верноподданнические» чувства:

> ...В эту исключительную минуту мы должны встать, как один человек. Мы должны стать верноподданными. Наступившее время обязывает нас монолитно укрепить нашу верноподданность и, глубоко преклоняясь перед великим героизмом и доблестью, проявленными в кровопролитных сражениях офицерами и солдатами императорской армии, идти смело вперед к скорейшей и окончательной победе...
>
> Стоя на грани ныне решающейся ожесточенной войны, мы население г. Харбина, на настоящем народном собрании постановили сплотить воедино все материальные и людские силы, укрепить еще более нашу непоколебимую решимость, следуя примеру доблестных воинов на фронте, проливающих свою драгоценную кровь в битвах на юге и севере, на западе и востоке. Преемствуя верность многих воинов, положивших свои жизни за родину, и имея в сердцах верноподданность героев-воинов, защищающих родину, мы клянемся довести до победного конца священную войну великого императорского Ниппона[107]).

Японские власти от белой эмиграции ждали не только официальных речей и заверений преданности, но и дела. К этому

---

[107]) Рубеж, 20 дек. 1943 г. Харбин.

времени были значительно развиты русские воинские отряды в которых шла военная подготовка эмигрантской молодежи. Ханьдаохедзский и Сунгарийский отряды устраивали парады для генерала Дои, генерала Власьевского, на которых неизменно присутствовал начальник резервистов и подполковник армии Маньчжуго Г. Х. Наголен, усердствовавший не менее других в доказательстве преданности «Ниппону в его Свящeной войне», что, однако, не остановило его двумя годами позже так же усердно доказывать свою преданность и верноподданность Советскому Союзу.

На парадном плацу генерал Дои призывал эмигрантскую молодежь к тому, что он считал ее долгом.

> ...в тот решительный момент, когда народы, объединенные сферой процветания Великой Восточной Азии, поднимутся, как один, для нанесения сокрушительного удара, российские эмигранты, исповедывающие принцип «жизнь и смерть с Ниппон», должны сознательно выполнить свою миссию в деле построения нового порядка[108]).

Об этой миссии было сказано следующее:

> Сунгарийский, Ханьдаохедзский и Хайларский русские воинские отряды вступают теперь в новое положение. Начальник Главного Бюро генерал Л. Ф. Власьевский приступил к дальнейшему их развитию, положив в основу принцип верности долгу и национальным идеалам Ниппона...

В 1943 году, когда еще не совсем ясно определился исход Тихоокеанской войны, еще менее ясно обозначался исторический зигзаг для ряда ответственных лиц в российской эмиграции Дальнего Востока. По прежнему глава Пекинской духовной миссии архиепископ Виктор при всех случаях окроплял святой водой японское оружие и благословлял своим крестом колонны японских войск. Главы Бюро Эмигрантов и его отделов по прежнему заверяли японских властей в своей преданности и верноподданности.

Через два коротких года стало возможным судить о цене этой лойяльности. Теперь той же кистью и тем же крестом архиепископ Виктор окроплял и благословлял советские войска, а эмигрантские вожди, еще недавний оплот японских властей, наперебой стремились доказать свою преданность и верноподданность советской власти.

---

[108]) Рубеж, там же.

IV

СЕВЕРНЫЙ КИТАЙ

Из Маньчжурии русские эмигранты начали постепенно распространяться по городам Северного Китая. В Пекине издавна существовала православная миссия, давшая ряд блестящих китаеведов, трудами которых были составлены русско-китайские и китайско-русские словари и переведены на китайский язык церковные и другие книги. Русское население Пекина было незначительно. До революции оно состояло из посольских служащих, их семей и лиц из Духовной Миссии. После революции стали появляться в Пекине русские старожилы и эмигранты из Маньчжурии.

Тяньцзин (в двух часах езды поездом от Пекина) был одним из первых китайских городов, в котором русские предприниматели основали крупные коммерческие предприятия. Известные на всю Россию фирмы, торговавшие китайским чаем, имели свои отделения и склады в Тяньцзине.

После крушения Белого Движения русская колония Тяньцзина возросла значительно. К ее услугам были созданные еще раньше Русский Клуб, отличная библиотека, госпиталь, дом милосердия, три церкви, кооператив. Материально русская колония Тяньцзина была в лучших условиях, чем колонии других китайских городов. Знающие языки служили в различных иностранных фирмах и банках. Многие занимались собственными делами. Небольшое число нуждающихся было на попечении Русской Общины содержавшей при церкви Св. Серафима дом для престарелых.

Русский Тяньцзин зажил покойной трудовой жизнью, оставив позади первые тяжелые годы эмиграции, полный надежды на быстрое устройство прочной, здоровой жизни.

Трудно найти более разительный пример способности русских эмигрантов в короткий срок добиваться материального

благополучия чем в Китае. Характерной особенностью русской эмиграции в Рассеянии вообще является тот порядок, по какому строится ею жизнь на новых местах: попутно с устройством материальной стороны идет создание общественной жизни, возникают организации, школы, строятся церкви, открываются газеты, журналы. В Китае эта особенность была еще более заметной на фоне порядка японских колонизаторов, открывающих в первую очередь публичный дом, жандармское отделение, полицию и т. д.

В середине тридцатых годов русское население Тяньцзина исчислялось в 6,000 человек. В условиях свободы первых лет русская колония проявила необыкновенную живучесть в создании благоприятных материальных условий.

Но предоставленной самой себе она долго не была. В ее среде появились присущие тому времени особенности, отразившиеся глубоким образом на ее жизни.

Признаки обострений

Политические трения в русской колонии Тяньцзина начались с появлением в Европе тоталитарных режимов. В политически-настроенной части колонии создались две школы мысли: непротивление и пораженчество. Сторонники первой группы считали, что в случае войны против СССР белой эмиграции следует воздержаться от какого бы то ни было участия. Сторонники же другой школы задавали себе вопрос: что опаснее, коммунисты или завоеватели с запада или с востока? И отвечали, что первые. Дальше следовали доводы, что совершенно безразлично с кем идти против коммунистов, с гитлеровской Германией, Италией или Японией. Приверженцы этой школы считали, что только при толчке извне возможно для русского народа избавление от коммунистического режима. Вопрос же с завоевателями не представлял особой проблемы: на них сам по себе поднимется русский народ. В этих соображениях сомнение вызывала только Япония: слишком уж ясно выкристализировались замыслы ее правящих кругов, не только на Маньчжурию, Сев. Китай и Монголию, но и на Приморье и даже Восточную Сибирь. Сторонники пораженчества считали, что в борьбе иностранных армий с советским правительством русские эмигранты без всякого сомнения и колебания должны примкнуть к первым. В условиях обычной эмигрантской нетерпимости пораженцы приняли враждебную по-

зицию по отношению к непротивленцам, считая их просоветским элементом, попутчиками коммунизма.

Воинственное настроение среди сторонников иностранного вмешательства в СССР стало наростать еще больше после японской оккупации Маньчжурии. К этим настроениям следует прибавить открытие в Харбине Бюро по делам Российских Эмигрантов, которое было принято, как первый реальный шаг на пути к объединению русской эмиграции на Дальнем Востоке и уточнению ее антикоммунистической позиции.

Появление японцев в Маньчжурии и, в частности, в Харбине отозвалось на усиление роста русского Тяньцзина. Этому немало способствовала рьяная работа низших чинов кемпетэй среди русских в Маньчжурии, особенно среди бывших советских граждан. На этом жандармском поприще подвизались и авантюристические элементы из эмиграции, породившие класс доносчиков, японских агентов и вообще «стукачей».

После создания в Харбине Бюро у политически настроенной части русской колонии Тяньцзина зародилась мысль создать свою самостоятельную организацию. В условиях почти форменной японской оккупации Северного Китая путь к созданию эмигрантской политической организации и к объединению эмиграции пролегал через канцелярию русского отдела японской военной миссии в Тяньцзине, которым возглавлял памятный многим майор Таки.

Этот отдел издавал японскую газету на русском языке «Возрождение Азии», которую редактировал Е. Н. Пастухин и в которой сотрудничало несколько эмигрантов, включая полковника китайской Шаньдунской армии Михайлова, некого Зирнига, в прошлом сотрудника владивостокского ГПУ, Л. Гутмана и Пирютинского. Редактирование и сотрудничание в «Возрождении Азии» включало обязательную работу по политическому розыску и сыску для майора Таки.

Организационная группа выработала проект создания организации. На пост председателя ее предназначался генерал Вержбитский, согласие которого было получено заранее. Эту кандидатуру выдвинул прибывший из Харбина в Тяньцзин Курковский (И. Т. Карнаух), редактор еженедельной газеты «Русский Путь». Кандидатуру Пастухина усиленно выдвигал Л. Гутман, пользовавшийся защитой первого во всех своих махинациях среди эмиграции.

Гутман вел двойную игру: он внушил Пастухину мысль,

что Курковский проводит Вержбитского с целью захвата «Возрождение Азии» в свои руки. Генералу Вержбитскому же Гутман прямо заявил, что тому будет лучше отказаться от мысли возглавления тяньцзинских эмигрантов, если он не хочет впутать себя в весьма неприятную для него историю. Вержбитский снял свою кандидатуру. Гутман не забыл о роли Курковского в создании новой организации и в самое ближайшее время постарался убрать его из Тяньцзина.

В проекте устава нового общества много места уделялось антикоммунистической деятельности, которую оно должно было вести, поэтому ему было дано название Антикоммунистический Комитет. Кроме обычных функций общественной организации, Комитет должен был вести политическую и военную работу. Военный отдел должен был готовить кадры для эмигрантских вооруженных сил на случай выступления Японии против СССР.

Майор Таки одобрил представленный ему проект, но предложил больше разработать его политическую и военную часть. Развитие проекта было поручено Пастухину, с которым инициативная группа провела ряд совещаний.

В августе 1937 г. японская армия высадила в Тяньцзине большой десант. Начавшаяся оккупация Северного Китая развивалась под знаком «мирного разрешения» инцидента у моста Марко Поло в Люкуциао. Создание организации типа Антикоммунистического Комитета совпадало с планами оккупационных японских властей.

Вскоре после занятия Тяньцзина японскими частями на одной из тихих улиц бывшей немецкой концессии, в большом просторном доме бежавшего гоминдановского генерала был открыт Антикоммунистический Комитет Северного Китая. По цвету здания Комитет получил название — Белый Дом. Собравшимся на открытие эмигрантам было объявлено, что целью Комитета является укрепление содружества русской эмиграции с японскими властями для борьбы с коммунистами. Члены правления Комитета дали понять собравшимся, что они не случайные люди, а избраны японскими властями для руководства эмиграцией в Северном Китае. Дабы никто не строил никаких заблуждений относительно порядка и строя организации, было объявлено, что председателем Комитета назначен Пастухин. Особенно поразило всех назначение на пост главы Регистрационного Отдела некого Селима Караева, ко-

торый еще тогда казался подозрительной личностью и который в дальнейшем развитии Комитета сыграл в нем роль провокатора.

Все действия японских властей в отношении эмигрантов обычно начинались с регистрации и перерегистрации тех, кто уже раньше прошел эту процедуру. С этого начал свою деятельность и Антикоммунистический Комитет. Регистрация была объявлена обязательной для всех эмигрантов, при чем была выработана особо полная (тогда говорили — «советского» типа) анкета, с самыми подробными вопросами, интересующими японскую военную миссию. После заполнения анкеты каждый проходил через отдел Караева. Покончив с личным опросом, Караев говорил: «Теперь все. Комитет рассмотрит вашу анкету и решит, принять или нет вас на учет.» Но анкета шла не в Комитет, а к майору Таки, который просматривал ее и передавал Пастухину, если решал, что регистрируемое лицо следует принять. Хотя отказы в регистрации и были редки, но умышленные задержки и перерегистрации с заполнением новых анкет были обычным явлением, этим путем больше взносов поступало в кассу Комитета.

Прояпонский характер Комитета и караевский опрос охладили у многих желание пойти на регистрацию. Пользуясь тем, что власть в Тяньцзине была сосредоточена в руках японских властей, Комитет провел ряд принудительных мер. Так, например, при обмене временно выданных удостоверений, полиция требовала от русских эмигрантов свидетельство о регистрации в Комитете. Свидетельства требовались и при проходе через рогатки на улицах, ведущих в английскую и французскую концессии. Для восстановления нормальной экономической жизни города, Экономический Отдел Комитета открыл продуктовый кооператив. Но это свело на нет деятельность Русской Общины, основанной на общественных, а не политических, прояпонских началах. Руководители Общины оказали сопротивление насильственным мерам, но сразу же были причислены к разряду подозрительных и враждебных Комитету, а следовательно, и японской военной миссии.

Экономический Отдел установил размер обложения эмигрантов при регистрации их и другие поборы на нужды Антикоммунистического Комитета. В дополнение к Регистрационному и Экономическому Отделам в Белом Доме появилась особая комната с предостерегающей дощечкой на двери «Вход

Запрещается». В подвале его были устроены одиночные камеры для заключенных. У Караева появился штат платных и бесплатных агентов, снабжавших его информацией обо всем, что происходило в русской колонии Тяньцзина. Наиболее ретивые из них в короткое время окрепли настолько, что обходили Караева и шли прямо к майору Таки. Они создали для себя обширное поле деятельности по обследованию т. н. «прокоммунистического элемента». Под это широкое понятие можно было подвести кого угодно, не говоря о тех, кто еще не успел зарегистрироваться в Комитете, или кто под давлением многих причин подавал раньше заявление в советское консульство.

Материала для такого обследования было много. Еще до начала деятельности Комитета, в разгар военных действий, японская военная миссия через своих русских служащих, как Гутман, произвела налет на советское консульство Тяньцзина.

Захваченные при налете бумаги попали в руки Гутмана. Среди них оказались заявления некоторых эмигрантов о желании перехода в советское гражданство, что навело Гутмана на мысль сфабриковать подобные заявления от имени лиц, с которыми у него имелись личные счеты. При налете на советское консульство Гутман захватил там пишущую машинку, консульские печати и бланки и использовал их в фабрикации поддельных заявлений. Вместе с другими бумагами, захваченными в советском консульстве, он передал их японским властям.

При разборе консульского материала было найдено письмо прибывшего из Харбина Курковского (И. Т. Карнауха), в котором он ходатайствовал перед властями о перечислении его на учет в тяньцзинское советское консульство в связи с поданной им анкетой о переходе в советское подданство. Курковский немедленно был выслан из Тяньцзина в Харбин, при чем Гутман послал вслед за ним своего помощника Левицкого с копиями сфабрикованных бумаг в харбинскую полицию и японскую жандармерию. Курковского должны были арестовать и отправить на 86-ой Разъезд для выдачи советским властям. Но об этом узнали русские служащие полиции и успели задержать распоряжение о его выдаче. Курковскому пришлось пройти через многое, прежде чем ему удалось доказать, что он стал жертвой Гутмана, не забывшего о его роли в создании Антикоммунистического Комитета.

Основная линия деятельности Антикоммунистического Комитета сводилась к самому старательному выполнению жандармских функций японской военной миссии в отношении российской эмиграции в Северном Китае. Здесь сказалась порожденная еще в Маньчжурии тенденция японских военных властей править белой эмиграцией через избранных ими эмигрантов. Эти японские назначенцы устанавливали контроль над эмигрантами, занимались сыском, вели расследование и следствие, применяли при допросах физические меры воздействия, вплоть до чудовищных азиатских пыток, и нередко сами приводили в исполнение вынесенные японскими жандармскими органами смертные приговоры.

Руководители Антикоммунистического Комитета в отношении своих подвластных приняли тон своих патронов из японской военной миссии. От эмигрантской массы требовалось полное послушание, покорность и безропотное исполнение всех мер и распоряжений Комитета. Особенно бесцеремонно обращались с теми эмигрантами, пребывание которых в Тяньцзине считалось почему то неприемлемым для Комитета. Их вызывали в Особый Отдел, задерживали, грозили суровыми мерами наказания, отбирали паспорта, и высылали из Северного Китая, не считаясь ни с семейным положением, ни со службой, ни с материальными интересами.

Самовольные действия Антикоммунистического Комитета вызывали глухое недовольство в эмигрантской массе, но жаловаться было некому. Позади Комитета стояли японские хозяева, рассматривавшие любое выражение протеста как сопротивление властям.

Когда председатель Комитета Пастухин облюбовал себе дом и Комитет одобрил его выбор, то владельца его Лукашека просто выселили в кратчайший срок. То же самое случилось и с домовладелицей Батуевой, дом которой пришелся по вкусу кому то из Комитета. Комитет предложил владельцам типографского дела Хромцову и Сидорову продать типографию газете «Возрождение Азии». Когда же владельцы перевезли типографию в помещение газеты, то им было заявлено, что они должны пожертвовать ее на общее дело борьбы против коммунизма и что Комитет принимает их жертвование.

Деятели Комитета и их работа

Недостаточно обвинить Антикоммунистический Комитет Северного Китая в антисемитизме и в огульном подозрении эмигрантов-евреев в работе на советское правительство. Из подвала Белого Дома на казнь выводились не только евреи, но и русские, включая одного заслуженного генерала. Недостаточно объяснить отрицательные результаты антикоммунистической деятельности Комитета ошибками, сделанными из-за рвения его руководителей. Об ошибках не приходится говорить, если на одном из наиболее ответственных постов Комитета находился секретный сотрудник НКВД. Но совершенно достаточно сказать — и на это имеются все данные, что действия Антикоммунистического Комитета были прежде всего действиями антиэмигрантскими.

Можно утверждать, что Комитет был созданием японской жандармерии и что японские деятели, почти без исключения, не разбирались даже в самых простых эмигрантских вопросах. Но и это утверждение ошибочно. Некоторые из высших руководителей японской политики в Китае и отдельные начальники японских военных миссий были людьми известного государственного масштаба и понимали подлинный характер японского владычества. Им можно поставить в упрек только наивное убеждение, что раз Япония принялась за устройство в Азии «нового порядка», то все, включая российскую эмиграцию, маньчжурский и китайский народы, должны вступить в это движение и самым ревностным образом служить японским интересам.

Что же из себя представляли наиболее влиятельные руководители Антикоммунистического Комитета, как Пастухин, Караев и их сотрудники, как Гутман, Левицкий и другие.

О Пастухине, казаке Забайкальского Войска, отозвался коротко его бывший начальник: «Был у меня такой сотник из студентов юридического факультета. Замечательным ни чем не был, кроме того, что редко бывал трезв». О себе Пастухин в минуты пьяной откровенности говорил: «Японцы хотят сделать из меня Гитлера», и простодушно добавлял: «какой же я Гитлер!»

Гораздо больше можно рассказать о Караеве, Гутмане и Левицком. Селим Караев, сын ссыльно-каторжного чеченца родился в Маньчжурии. Одно время служил в отделении Бюро по делам Российских Эмигрантов на ст. Маньчжурия, где ус-

лужливостью и преданностью расположил к себе японских служащих при военной миссии и жандармерии. Через одного из своих японских покровителей Караев попал к майору Таки, где быстро пошел в гору и в скором времени стал чуть ли не его правой рукой. Против Караева были настроены многие, его подозревали в двойной игре, но в него верило его японское начальство и все попытки обезвредить его заканчивались провалом. У Пастухина неоднократно происходили стычки с Караевым и он настаивал на том, чтобы того убрали с ответственного поста. Но на это майор Таки отвечал: «Если бы мне предложили выбор, вы или Караев, я предпочел бы последнего». Караев знал об отношении к нему японских властей и не стеснялся третировать других русских служащих Комитета.

В деятельности Караева трудно провести грань между раболепным выслуживанием перед японскими властями и умышленным раздражением русской эмиграции, что наталкивало ее на мысль о переходе в советское подданство.

Л. Н. Гутман, бывший офицер российской армии, начал свою службу у японских властей при судебно-уголовном отделе харбинской полиции, где быстро приобрел репутацию садиста. Созданная японскими властями обстановка после оккупации Маньчжурии способствовала широкому проявлению деятельности Гутмана.

Гутман попался в шантаже во время процесса по делу о похищении Семена Каспе. Не получив от семьи одного из обвиняемых требуемого им откупа, он сообщил властям, что тот готовит побег из тюрьмы при содействии его друзей на свободе. Расследование показало безпочвенность донесения Гутмана. Уголовно-судебный Отдел представил донесение Гутмана и другие его дела по вымогательству и шантажу в жандармерию и поднял вопрос об его неблагонадежности. Гутман был уволен со службы и выслан в Тяньцзин.

Главная деятельность Гутмана развилась в Тяньцзине, где он связался с майором Таки. Одновременно Гутман стал служить в Особом Отделе японской железнодорожной полиции, где его деятельность приняла исключительно зловещий характер. В его ведении было около 80 человек русских эмигрантов; у некоторых из них было темное прошлое. Все они были набраны самим Гутманом. Вначале ради приличия шефом Отдела был назначен генерал Косьмин, но у него произошли разногласия с Гутманом. У последнего были прочные связи с

майором Таки и генералу пришлось покинуть Пекин и отбыть в Шанхай. В подвале Отдела держали в заключении лиц, арестованных по тем или иным причинам при опросе документов в поездах. Иногда по вечерам, после выпивки, сподручные Гутмана приходили к нему с просьбой: «Леня, разреши нам сегодня руки размять о разную сволочь». В подвале Особого Отдела был замучен один русский офицер за то, что когда то служил в штабе молодого маршала Чжан Сюэ-ляна. Арестованная с ним жена подверглась неоднократным насилиям. Такой же участью подвергались и другие арестованные женщины.

Освободившись от генерала Косьмина, Гутман нашел соперника в лице одного из своих помощников, Б. И. Последний старался завоевать у японских властей независимое положение. Гутман узнал об этом, поспешил перевести его подальше от себя. Но того перевод не устраивал. Чтобы отделаться от командировки он решил подробно описать все случаи насилий, зверств, вымогательств, пыток, которые творились в подвалах Особого Отдела, и подать это в пекинскую японскую жандармерию. Там на дела Гутмана посмотрели как на самоуправство и превышение власти: право распоряжаться арестованными, как им заблагорассудится, принадлежало японской жандармерии и никому другому! Произведенное следствие, полностью подтвердило донесение И. Хотя расследование велось секретным образом, Гутман узнал о нем. Он спешно выехал с женой в Циндао, но по прибытию туда оба были арестованы опередившими их японскими жандармами.

Кроме показания И. нашлось еще и показание Мидзутани, одного из ближайших помощников майора Таки. Вслед за арестом Гутманов, в Пекине была арестована машинистка из Особого Отдела железнодорожной охраны, бывшая в близких отношениях с Гутманом. Все они были задержаны в помещении Пекинского Университета, где помещалась японская жандармерия. Допрос жены и любовницы Гутмана касался не только некоторых дел, вскрытых И., но и его секретных связей, знакомств, советских властей, дохода и т. д.

К делу Гутмана были привлечены некоторые из его сотрудников, на которых японские жандармы испробовали все способы пыток, применяемых ими к заключенным в своем застенке. Об этом позже рассказывал сам Гутман. Когда он взывал о пощаде, японцы смеялись, и отвечали, что они

ничего не делают лишнего, чего он сам не применял к заключенным. После двух с половиной месяцев заключения Гутман, его жена и машинистка были освобождены. Японская жандармерия не решалась обвинить Гутмана в предательстве. В отношении же его самоуправства и превышения власти они были удовлетворены тем, что сами проделали над ним и его помощниками. Подозрение же в секретных связях с советскими агентами разведки было делом более серьезным. Через месяц после освобождения Гутман и его жена были арестованы вновь. Для Гутмана наступило трудное время. Он знал, как никто другой, что значило попасть в подобное положение: люди по меньшим обвинениям исчезали бесследно. С другой стороны, Гутман все же был свой человек, служивший верой и правдой японской жандармерии. Некоторые его таинственные связи можно было объяснить как необходимые для его службы. В своем оправдании Гутман указывал на свои дела: генерал Клерже, полковник Слуцкий, ряд других лиц, убитые, задушенные, утопленные, просто пропавшие без вести, все его «заслуги», которые должны были бы держать высоко в глазах японских жандармов, сомневающихся не столько в его политических убеждениях, сколько в верности его службы. Гутман еще был нужен японским властям. После нескольких месяцев заключения он с женой был выслан в Японию.

Позже Гутману удалось вновь связаться с Таки, который в то время был уже подполковником и возглавлял в Хайларе русский отдел японской военной миссии. Таки вызвал его к себе и поставил во главе разведки. Для Гутмана опять наступил период привычной деятельности, но быстро приблизившееся завершение войны положило и ей конец.

О Левицком, одном из помощников Гутмана, говорили, что он был сыном уездного предводителя дворянства на Волге. Но это никак не походило на его облик. Он производил впечатление человека, лишенного всякого образования и воспитания.

Одно время Левицкий служил в Русском полку в Шанхае. Был арестован за нанесение тяжелого ранения жене и убийство человека, которого подозревал в связи с нею. Был приговорен к тюремному заключению на несколько лет, но после прихода японских войск в Шанхай был освобожден, отсидев в тюрьме около года.

Левицкий перебрался в Тяньцзин и пристроился на полицейскую службу к майору Таки и к Гутману. Мысль о жене, оставшейся в Шанхае, продолжала беспокоить его. При первой возможности он взял отпуск и отправился в Шанхай. Вызвав под каким то предлогом жену на свидание поздним вечером, он стащил с нее чулок и задушил ее.

Исчезновение людей.

За Белым Домом вскоре пошла дурная слава, что в нем бесследно исчезают люди. Одной из первых жертв Белого Дома оказался М. Шелестян, одно время близко связанный с майором Таки по работе среди русской колонии Тяньцзина. Его однажды вызвали в Белый Дом, но он, предчувствуя недоброе, направился прямо в японскую военную миссию на Сумма Род. Домой он не вернулся и на запросы его жены был только один ответ в миссии и Белом Доме: «не знаем». Неизвестно, что произошло с Шелестяном, но известно, что он был одним из немногих кому удалось освободиться из Белого Дома. Вполне возможно, что Шелестян, сам двойной агент, был связан с Караевым, который мог способствовать его освобождению. Шелестяна стали считать погибшим, но он неожиданно всплыл в Шанхае, где в период свободного хозяйничания советских деятелей, возглавил отделение московского Госиздата.

Затем были задержаны Альтшулер, Мунгалов, Дзюбанов, Слуцкий. Дзюбанов, инженер по профессии, прибыл в Тяньцзин из Харбина. Он был задержан на основании слуха, что держал себя враждебно по отношению к эмигрантам и заискивающе перед советскими властями. При обыске его были найдены удостоверение о регистрации в Антикоммунистическом Комитете, советский паспорт и копия заявления нанкинскому правительству о желании перехода в китайское подданство. Дзюбанова задержали в подвале Белого Дома, а вечером того же дня вывезли в сопровождении жандармов на японскую концессию.

В. С. Слуцкий, офицер семеновских войск, остался при атамане Семенове после расформирования недолго просуществовавшей в Чите еврейской роты. Он перешел на хозяйственную должность, продолжал служить и дослужился до чина подполковника.

После окончания Белого Движения Слуцкий продолжал

работать для атамана Семенова, но уже чисто на коммерческм поприще. Семенову часто приходилось материально туго и когда у него наступали особенно тяжелые времена, он призывал Слуцкого и поручал ему различные деловые комбинации. У Семенова было много ценных подарков, полученных им от японских, монгольских и китайских кругов, когда он был еще у власти. Продажей их и занимался время от времени Слуцкий. Он также выполнял различные поручения для Пу-И, когда тот жил в забвении и лишении на английской концессии Тяньцзина. Семенов свел их вместе и от сделок получал от Слуцкого комиссионные.

Коммерческие дела Слуцкого невольно сталкивали его с различными людьми; некоторые из них ставили ему в вину, что, будучи евреем, он считал себя настоящим семеновцем и был предан атаману.

Работа с Семеновым свела Слуцкого с Гутманом. После неудачной попытки вымогательства Гутман стал муссировать слухи, что Слуцкий занимается подозрительной деятельностью и порочит доброе имя атамана Семенова. Гутман сфабриковал ложные обвинения и легко убедил японских властей в том, что Слуцкий человек подозрительный и что следует пресечь его влияние на Семенова.

Слуцкий был вызван в Белый Дом и задержан. В подвале Белого Дома он пробыл довольно длительное время, одновременно с другими жертвами Антикоммунистического Комитета.

Атаману Семенову сообщили об аресте Слуцкого в надежде, что он заступится за него. У него еще оставалось некоторое влияние среди японских властей и он мог опровергнуть лживость обвинений Гутмана. Но у Семенова были свои причины не выступать в защиту Слуцкого. Вероятно он не хотел раскрыть перед японскими властями некоторые свои коммерческие сделки.

Дело Клерже

В середине декабря 1937 года Антикоммунистический Комитет задержал генерала Клерже. Георгий Иосифович Клерже окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба незадолго до начала Первой Мировой Войны. Во время Гражданской Войны он был на Кавказе, где по сведениям некоторых лиц занимал ответственные места у красных в Баку и в

Тифлисе и там «расстрелял сотни белых офицеров». Осенью 1919 года Клерже появился в ставке адмирала Колчака. О встрече с генералом Клерже в Омске рассказывает генерал Н. П. Злобин, начальник контрразведки при правительстве адмирала Колчака:

> Адмирал Колчак запросил меня по телефону о Клерже и приказал прибыть к нему с его делом. В деле Клерже имелись показания офицеров, бежавших с Кавказа... Мною было предоставлено адмиралу Колчаку дело о Клерже и были доложены все факты, связанные с ним. Адмирал Колчак приказал мне допросить Клерже, не подвергая его аресту, и доложить о результатах допроса. Я лично допрашивал Клерже. Он был растерян от неожиданности, менялся в лице, сбивался в показаниях, уклонялся от прямых ответов на мои вопросы и признавал служение у красных «по принуждению» и «из страха». Когда мною были названы имена офицеров, бежавших в Омск из Баку и Тифлиса, он ответил: «офицеров было много и запомнить имена их трудно. Этих имен я не помню». Результат этого допроса был мною передан адмиралу Колчаку. Когда последовал приказ об аресте и предании суду Клерже, такового в Омске не оказалось... Впоследствии стало известно, что Клерже прибыл к атаману Семенову в Забайкалье. Получить его от атамана Семенова было невозможно потому, что тот был настроен против адмирала Колчака...
>
> В 1928—1929 Клерже в Харбине был связан с профессором М. П. Головачевым... и с генералом Сычевым...[109])

По другим сведениям, генерал Клерже перешел к атаману Семенову не от адмирала Колчака, а из армии генерала Каппеля. Как сообщает об этом один из каппелевцев:

> В числе показаний против генерала Клерже (при допросе его японскими властями, прим. ред.) имелось то, что переход его в семеновские части в Чите был следствием желания избежать суда, которому он был предан командующим Каппелевской армией генералом Войцеховским. Клерже было поставлено в вину то, что будучи начальником Информационного Отдела, он не выполнил ряд возложенных на него обязанностей по улучшению взаимоотношений с японским военным командованием и по правильной информации представителей союзного командования в Сибири относительно целей и намерений Каппелевской армии продолжать на Дальнем Востоке борьбу против советских властей. [110])

[109]) Записки Н. Ф. Богунского.
[110]) Записки Н. А. Мартынова

В Мукдене генерал Клерже служил при маршалах Чжан Цзо-лине и Чжан Сюэ-ляне в качестве военного советника. Там же служил генерал А. Кудлаенко, заведывавший русской авиационной частью при маньчжурских войсках.

Служба Клерже у молодого маньчжурского маршала закончилась из за интриг другого советника, полковника Грегори, офицера Генерального Штаба и профессора Мукденской Военной Академии. Грегори выставил Клерже как японского агента и ставленника атамана Семенова. Генералу Клерже пришлось уйти. Была ли какая либо связь в этом деле Клерже, неизвестно, но вскоре после этого Грегори был разоблачен служащим японской военной миссии Накамура как секретный сотрудник советских властей, после чего покончил самоубийством[111]).

О службе генерала Клерже при маньчжурском наместнике и окончании ее имеется другая версия, приводимая здесь как иллюстрация того, как основывались обвинения в просоветской деятельности:

> ...В письменной форме генерал Клерже предложил свои услуги генеральному консулу СССР в Мукдене Кузнецову снабжать его необходимыми сведениями за вознаграждение... Кузнецов почему то препроводил письмо Клерже непосредственно Чжан Сюэ-ляну. Клерже узнал об этом и бежал из штаба, чтобы избежать ареста, суда и сурового наказания по китайским законам за измену и предательство... Проживание на японской концессии в Мукдене Клерже считал для себя безопасным, потому что японцы не выдали бы его китайцам из-за натянутых между ними отношений..[112])

После оккупации Маньчжурии Клерже по поручению японских властей издавал русскую газету в Мукдене. Но вследствие недоразумений с русской колонией его перевели в Харбин в качестве сотрудника японской газеты «Харбинское Время». В 1936 году японские власти выслали из Харбина ряд лиц, среди которых оказались генерал Клерже, профессор М. П. Головачев и генерал Е. Сычев. Клерже перебрался в Шанхай, где занимался различными делами, включая доставку каменного угля с севера Китая.

После начала военных действий в 1937 году Клерже решил вернуться в Харбин, но был задержан японскими властями

---

[111]) Из архива Ю. А. Черемшанского
[112]) Из записок Н. Ф. Богунского.

в Дайрене. При допросе в военной миссии на вопрос Клерже о причинах задержания, ему было указано на операции с углем, которые он якобы проводил на средства советского торгпредства. Вполне вероятно, что эти операции не были безупречными, но обвинение Клерже в совместной работе с торгпредством могло быть основано на словах тех, кто видел в нем конкурента. Объяснение Клерже не удовлетворило японские власти и ему отказали в въезде в Маньчжурию.

Клерже перебрался в Тяньцзин и там открыл контору по угольным делам, но она работала плохо. Клерже невольно был втянут в политическую жизнь русской колонии. Некоторые эмигрантские круги подбивали его занять руководящую роль на том основании, что в Тяньцзине нет «подходящих людей» и что Пастухин тяготится назначением его на пост председателя Антикоммунистического Комитета и не может совместить с этой должностью редактирование газеты «Возрождение Азии». В переговорах с Клерже деятельное участие принимал некто Пирютинский, уверявший его, что он будет «человеком подходящим».

Наконец Клерже сам попросил Пирютинского устроить ему встречу с Пастухиным. В назначенный день они отправились на свидание с Пастухиным. Клерже встретили хорошо и провели в общий кабинет майора Таки и Пастухина, а Пирютинского попросили обождать в приемной. Ждать пришлось долго. Наконец в переднюю вошел Пастухин и спросил, кого он ждет. На ответ Пирютинского, он засмеялся и сказал, что Клерже уже час назад как ушел домой.

Клерже не оказалось дома. Поиски его не привели ни к чему. Когда некоторое время спустя спросили Пастухина, не знает ли он, что случилось с Клерже, тот ответил, что он был арестован. Больше его уже никто не видел, хотя в течение нескольких месяцев японская жандармерия продолжала принимать для него передачу от его друзей.

Арест генерала Клерже произвел подавляющее впечатление не только на русский Тяньцзин, но и на всю белую эмиграцию в Китае. Это было явное похищение, акт самоуправства. Никто не знал в чем японская миссия, жандармерия и их русские помощники обвиняли русского генерала.

Дело Голубева.

Следующей жертвой Белого Дома был некто Г. П Голубев. Его имя связывают с именем статского советника, которого однажды барон Унгерн приказал выпороть за то, что тот осмелился вступить с ним в политический разговор. Затем Голубеву было приказано высечь свою жену за то, что ее подозревали в связи с одним из офицеров унгерновского отряда.[113]) В Харбине Голубев поступил в организацию Братства Русской Правды. Члены Братства имели номера в зависимости от степени значительности их положения. Первым номером был генерал Бурлин, глава БРП. Голубев был четвертым или пятым.

С некоторого времени вокруг Голубева начали расти подозрения, что он провокатор и работает в пользу советских властей. Подозрительным оказался его особенный интерес к партизанам, отправляющимся на советскую территорию. Узнав о тех, кто собирался в поход на советскую территорию, Голубев разыскивал их, давал им различные указания, обещал заботу о их семьях и просил дать знать ему с границы о себе и отряде, в котором они находились. Голубева считали ответственным за выдачу в руки ОГПУ 120 партизан.

О Голубеве было сообщено генералу П. Н. Краснову, одному из возглавлявших движением БРП в Европе. Краснов потребовал исключения Голубева, но генерал Бурлин продолжал держать его не только в рядах БРП, но и в составе Верховного Совета.

Японские власти выслали Голубева из Харбина и он перебрался в Тяньцзин, где через Гутмана связался с японской военной миссией в качестве информатора. Попутно Голубев установил связь с английской разведкой через русских служащих английской полиции Тяньцзина.

Брата Голубева, хорошо известного врача в Харбине, члена многих правых организаций, также подозревали в секретном сотрудничестве с НКВД. Его обвиняли в смерти митрополита Мелетия, главы Русской Православной Церкви в Маньчжурии. После тяжелой болезни митрополита, когда он стал поправляться, его посетил доктор Голубев с сестрой милосердия. Мелетию было сделано впрыскивание, после чего он вскоре

---

[113]) А. С. Макеев. Бог Войны — Барон Унгерн, Шанхай 1934. Стр. 27—32.

умер. На следующий день сестра бежала во Владивосток, и доктору Голубеву удалось отвлечь от себя подозрение. Были также слухи об отравлении им В. Ф. Иванова, бывшего премьер-министра Временного Приамурского правительства во Владивостоке в 1920-1921 гг., известного публициста и писателя, разоблачавшего деятельность большевиков. Трудно проверить, так это было или нет. История Дальнего Востока тех лет, как история средневековья, полна слухами о насильственной смерти, в которой часто фигурировал яд, но скрытый не в кольце или в бокале, а в прозаичном шприце.

Сотрудничество Голубева с Гутманом продолжалось недолго. У каждого из них была сомнительная репутация и каждый старался воспользоваться чем угодно, ради укрепления связи с японскими властями. Между ними произошел раздор.

Что послужило причиной ареста Голубева осталось загадкой. Весьма возможно, что это было связано с подозрением его в связи с советскими агентами. Указывали также на то, что причиной ареста была его ссора с Гутманом на почве дележа вознаграждения, которое, как говорили, Голубев получил от французского консульства в Харбине за участие в раскрытии похищения и убийства Семена Каспе.

Об аресте Голубева рассказывал сам Гутман. Показывая деревянный нательный крестик, знак принадлежности к организации БРП, он говорил:

> Видели, это голубевский ключ к доверию разных простофилей? Этим крестиком, как удочкой, он ловил свою добычу. Вчера его арестовали, вызвали в Комитет по поводу регистрации. Жена его хитрее: не ходи, говорит ему, зачем тебе эта регистрация. А он в ответ: я их не боюсь, почему не пойти? Когда попал под стражу в подвал, стал вертеть в руках на виду у всех золотые часы, но его стерегли надежные люди, не соблазнились его часами. Вечером его перевезли в жандармерию. Майор предлагал мне опрашивать его, но я отказался... Отказался и от опроса другого. Гутман вынул небольшую записную книжку красивого вида. На вопрос, чья она, он ответил: Полковника из евреев, Слуцкого, состоявшего при атамане Семенове для поручений. Прибыл сюда по какому то поручению атамана дня два тому назад. Зашел к Пастухину, тот меня срочно вызвал, вижу, сидит у него в кабинете мрачный Слуцкий. Пастухин говорит мне, чтобы я обыскал Слуцкого. Тот без протеста позволил обыскать себя. Только я успел закончить обыск, явились жандармы и забрали его. Пастухин говорит: Тебе, Леонид, придется допрашивать его. Я уговорил его, чтобы

он избавил меня от этого, ведь я со Слуцким в добрых отношениях, как с приближенным атамана. Ладно, сказал Пастухин. Впрочем с ним поговорят жандармы, все равно его песенка спета, пора всякую сволочь убрать из окружения атамана. Затем бросил мне эту книжечку и говорит, ну-ка, понюхай, чем от нее пахнет. Я взял, а в ней, кроме адресов и разных коммерческих записей, ничего нет[114]).

Об исчезновении Голубева испуганно заговорили в городе, но об исчезновении Слуцкого долго никто не знал, т. к. он был приезжим. Следующим похищением — или арестованным — оказался некто Смоляр-Смолярович. Он был арестован в начале января 1938 г., за месяц до убийства членами Антикоммунистического Комитета его сообщника Воронина.

Дело Воронина

Бесчинства жандармских помощников в Маньчжурии, включая Воронина, не прошли незамеченным. На них обратили внимание высшие чины, в результате чего начальник их, майор Хата, был смещен с поста, а Воронину и его сподвижникам пришлось покинуть Харбин.

Летом 1936 года в Тяньцзине появились сперва Степанов и Смоляр, а потом прибыл и сам Воронин. Он поселился на Английской концессии, и чтобы заручится покровительством английских властей обещал информировать их через служащих полиции инспектора Сухорукова и сержанта Бенецкого. Пребывание на новом месте Воронин не считал вполне безопасным, т. к. в Тяньцзине проживало много бывших жертв его шантажа и пыток. В целях предосторожности Сухоруков вызвал в полицию некоторых из них и прямо заявил им, что Воронин является для него нужным человеком и поэтому ничего не предпринимать против него.

Обосновавшись в Тяньцзине, Воронин, не теряя времени, установил связь и с японской жандармерией и стал снабжать ее информацией о русских эмигрантах, но сам не появлялся на японской концессии, а посылал туда одного из своих помощников. Изредка Воронин отваживался выезжать в Пекин, Пейтахо и Циндао, все же остальное время не выходил за границы Английской концессии.

Одним из первых дел Антикоммунистического Комитета было обследование деятельности Воронина на основании мно-

---

[114]) Воспоминания П. И. Казнова.

почисленных жалоб лиц, пострадавших от него. Майор Таки передал Пастухину все донесения, полученные им от Воронина, в которых компрометировались некоторые деятели русской эмиграции. Ознакомление с деятельностью Воронина указало на вымогательства и незаконные аресты железнодорожников, причем это было сделано так, словно все это исходило от японских властей. В результате воронинской работы железнодорожники, расчитывавшие получить большие заштатные, боялись оставаться в Маньчжурии и предпочитали уезжать в Советский Союз.

В отношении же эмигрантов провокационная деятельность Воронина была направлена на создание и усиление взаимной враждебности между эмигрантской массой и японскими властями.

После ознакомления с делом Воронина, руководители Антикоммунистического Комитета пришли к заключению, что он не беженец из СССР, а провокатор, посланный со специальными заданиями. Воронина решено было арестовать. Но так как он жил на Английской концессии, и Комитет знал, что английские власти не выдадут его из за их враждебного к нему отношения, как к организации тесно связанной с японской жандармерией, то было решено похитить его.

Одновременно было решено арестовать его сообщников, Смоляра и Степанова. При первом же появлении Смоляра в канцелярии майора Таки с очередным донесением от Воронина он был арестован. Предупрежденный одним из русских служащих английской полиции Степанов бежал в Шанхай.

На допросе Смоляр показал, что он дезертир-красноармеец, попал к Воронину через Степанова, сотудника хаабинской японской жандармерии. Он рассказал о своем участии в допросах и пытках арестованных и в их ликвидации, за что ему Воронин якобы обещал через свои связи с владивостокским ГПУ помочь вернуться безнаказанным в СССР.

Похищение Воронина было поручено Гутману. Воронину была послана подложная телеграмма от имени его отца, который просил встретить его на вокзале в такое то время. Осторожный Воронин на вокзал не явился, а послал своего знакомого. Тогда пришлось придумать другой способ. Было установлено, что Воронин часто появляется в банкирской конторе Нилуса. Заведующий конторой был вызван в Антикоммунистический Комитет, где ему было сказано пригласить

Воронина к себе, сообщив об этом заранее Гутману. Было решено, что в контору Нилуса в назначенный час явится Гутман со своими помощниками Левицким и Ухновым, и там задержат Воронина, свяжут его, завернут в козлиные кожи из имевшихся в конторе образцов, и вывезут его на грузовике в Белый Дом. Гутману было поручено привезти Воронина целым и невредимым, так как он представлял особый интерес как агент-провокатор. В помощники Гутману был дан Казнов, которого Воронин пытал у себя в харбинском застенке.

Но вышло совсем не так, как было намечено. Гутман не мог достать грузовика. Когда он прибыл в контору Нилуса, то нашел Воронина тяжело раненым. Когда Воронина неожиданно для него захватили помощники Гутмана, он пытался подкупить их, обещав 10.000 долларов за свое освобождение. Когда же это не подействовало, он пытался привлечь внимание прохожих и соседей криками, но Левицкий ударил его револьвером по затылку. Положение создалось критическое, вывезти его было не на чем, был уже поздний час. Тогда Гутман решил прикончить его. Он снял с вешалки шарф и задушил им Воронина.

Полиция арестовала управляющего конторой Нилуса, Казнова и Левицкого. Гутман и Ужнов успели скрыться в Пекине. Левицкий был приговорен к трем с половиной годам тюремного заключения, но в административном порядке был сразу же освобожден. Остальные были присуждены к двум годам условного заключения.

После освобождения из тюрьмы — чему помогло его японское начальство — Левицкий вернулся к работе в Белом Доме.

Следы похищений

Через шесть месяцев после ареста Клерже майор Таки вызвал к себе Забиякину, которая приносила арестованному передачу, и заявил ей, чтобы на следующий день она принесла для передачи генералу бритвенные принадлежности, добавив, что завтра его выпустят. Когда Забиякина пришла на другой день, майор заявил ей, что «все неожиданно изменилось, передач больше не носите». На ее вопрос, что случилось с генералом Клерже, он отговорился незнанием.

Позже выяснились обстоятельства этого дела. В начале мая Левицкого отправили в Танку, вблизи Тяньцзина, вместе с японскими жандармами, конвоировавшими пять человек, сре-

ди которых были генерал Клерже, инженер Дзюбанов, Голубев, Смоляр и Альтшулер. По прибытию в Танку вся группа направилась в поле. Отойдя на приличное расстояние от жилых помещений, Левицкий и жандармы принялись душить веревками связанных людей. При группе должен был присутствовать и Гутман, позже делившийся со своими друзьями наблюдениями очевидца.

Вскоре обнаружились следы исчезнувшего полковника Слуцкого. Той же весной (1938 года) служащие по охране пристани одной из английских пароходных компаний видели, как со стороны Тяньцзина рано утром прошел японский катер с тремя жандармами и одним европейцем. Через непродолжительное время катер вернулся, но на нем были только жандармы. На другой день китайские рыбаки обнаружили труп европейца, средних лет, брюнета, в костюме неиспорченном морской водой. Голова его была прострелена, на ногах оказались веревки, к которым вероятно были привязаны камни.

Развитие деятельности Комитета

В течение ближайших лет Комитет значительно увеличил свой состав, включив различные эмигрантские организации и представителей различных национальностей. Для перевода Комитета на самоокупаемость была организована комиссия из коммерсантов. Привлечена была и еврейская колония, представители которой, в лице председателя Топера и его заместителя Пирютинского, вошли в состав Антикоммунистического Комитета. Из различных национальностей были привлечены представители тюрко-татарского объединения и украинской самостийной национальности в лице некого Добяско и его правой руки, Козловского, переименовавшего себя по этому случаю в Горленко. Из положительных дел Комитета следует указать на открытие им аптеки, госпиталя, дешевой столовой и расширения деятельности кооператива.

В Комитете образовалось несколько отделов. Военный Отдел возглавлял полковник Михайлов, Юридический присяжный поверенный Шарабурин, произведенный атаманом Семеновым в Чите в генералы и назначенный на пост главного прокурора. На обязанности Юридического Отдела был разбор различных недоразумений среди эмигрантов.

Военный Отдел зарегистрировал всех бывших военнослужащих, приказав им явиться в назначенный срок в Белый Дом.

Собравшиеся были разбиты на группы и распределены по различным отделам: офицерская рота, солдатская рота, казачья сводная сотня, сводный эскадрон и батарея. Была выдана форма, напоминавшая несколько форму гвардейского стрелкового полка. Были назначены еженедельные сборы, по два раза в неделю, для прохождения строевых занятий. Хотя зарегистрировавшихся для прохождения военного строя было не так уж и много, но на бумаге оказалась целая бригада, командиром которой был назначен генерал эмигрантского производства Эглай. Начальником штаба был назначен некто полковник Сокольницкий. Появились командиры частей с адъютантами. В коридорах Белого Дома зазвенели шпоры, замелькали аксельбанты на новых формах, ордена. Но это была только внешняя сторона, бесспорно льстившая новоиспеченным командирам и адъютантам. На самом же деле эта бутафорская военизация была использована японскими властями для формирования железнодорожных охранных отрядов для борьбы с хунхузами.

По образцу тяньзинского комитета открылись подобные комитеты в Пекине, Чифу и Циндао. Все они подчинялись главному тяньцзинскому отделу, который стал называться Центральным Антикоммунистическим Комитетом.

Руководители Антикоммунистических Комитетов придавали своей деятельности характер борьбы с коммунизмом. На самом же деле Комитет и его подотделы, как и отделы Бюро по делам Российских Эмигрантов, послушно выполняли поручения японских властей. Усиленно внедрялась в эмиграцию мысль о господствующем положении Японии и ее руководящей роли в Азии по устройству «нового порядка» и постройке «Крыши о Восьми Углах» Некоторые из священнослужителей, включая архиепископа Виктора, главу Православной Пекинской Миссии, возглашали с амвонов о победе японского оружия в Китае и призывали русскую эмиграцию сплотиться вокруг Японии, как единственной страны в Азии, которая якобы вела борьбу с коммунизмом. Но искуственно развивавшийся культ поклонения Японии с трудом прививался в сознании массы эмиграции. С другой же стороны, уклонение от насильственной индоктринации вело за собой неприятные последствия: можно было сразу же попасть в число подозреваемых в пристрастии к коммунизму и очутиться в подвале Белого Дома.

Особенно оживилась деятельность Комитета, когда в июне 1940 года Германия, главная участница оси Берлин-Рим-Токио, напала на Советскую Россию. Усилились строевые занятия. Двор Белого Дома оказался малымъ, занятия велись на просторном плацу. Некоторая часть эмиграции воодушевилась надеждой, что гитлеровские армии двинулись на Россию на самом деле ради освобождения ее от коммунистов. Теперь они ждали, что с выступлением Японии освобождение родины будет не за горами. Некоторые из эмигрантов этой категории даже отправились в немецкое консульство поздравлять немцев с успешно развивавшимся наступлением гитлеровской армии, и были неприятно удивлены не столько отказом консула принять их, сколько его словами, что «германская армия идет с завоевательными целями, ради благополучия своего народа» и что «он не знает, чему радуются русские люди, если они патриоты».

Когда японские власти решили открыть военное училище для русской молодежи, в пронемецких и прояпонских эмигрантских кругах это было принято, как знак готовности Японии выступить открыто на борьбу за освобождение России. Военное училище расположилось в здании бывшего советского консульства, в котором за три года до этого был совершен разгром членами Антикоммунистического Комитета. Училище было рассчитано на 40 человек. Начальником училища был назначен ген. Эглау, а инспектором — штатский служащий военной миссии Мицузуки, по этому случаю украсивший себя полковничьими погонами российской службы.

В связи с событиями в Европе и возможными событиями на Дальнемъ Востоке, Антикоммунистический Комитет повел усиленную кампанию по внедрению дисциплины среди эмигрантов. Начались различные репрессивные меры против уклонявшихся от посещения военных занятий. Никакие соображения не принимались во внимание.

Японо-советский пакт

В апреле 1941 года Япония и Советский Союз заключили пакт о ненападении. В зарождении его не было ни искренности, ни дружелюбия. Для обеих сторон пакта он был необходим как временная тактическая мера. В момент заключения его интересы каждой стороны были сосредоточены на театрах действия более значительных, чем Дальний Востокъ. Руки

советского правительства были заняты европейскими делами. Несмотря на лихорадочное накопление нацистских дивизий на советской границе, Сталин еще лелеял мысль о наживе за счет стран Восточной и Средней Европы. Япония секретно готовилась к нападению на Жемчужную Гавань и к захвату всего юго-востока Азии. Обе стороны хорошо знали, что заключая пакт о ненападении они шли на заведомый обман, но никто из них еще не знал, кто первый совершит его. В практике тоталитарных стран пакт дружбы и ненападения стал синонимом холодного, заведомого обмана.

Заключение японо-советского пакта дружбы вызвало небезосновательную тревогу в эмигрантской среде. Еще более подозрительными стали казаться настойчивые заверения японских властей, что все, что делает Япония, она делает исключительно ради борбы с коммунизмом.

За месяц до подписания пакта в Тяньцзине состоялось совещание руководителей и ответственных сотрудников Антикоммунистического Комитета, его отделов, учреждений и предприятий и ряда другтих эмигрантских организаций. На совещание прибыл начальник Русского Отдела в Северном Китае майор Ватасэ, чтобы сделать следующее заявление:

> ...антикоммунистический курс, поднятый Императорским Ниппоном в своей священной миссии проведения нового порядка на Востоке Азии остается непоколебимым при всяких обстоятельствах, почему и неизменен путь российской эмиграции Северного Китая, в своей организованной жизни руководствующейся строгими антикоммунистическими положениями. Политика Ниппона была ясно очерчена министром юстиции генералом Янагава, который на заданный ему в парламенте вопрос ответил: «Возможное сближение с СССР ни в коем случае не может отразиться на антикоммунистической политике Японии. Наоборот, уничтожение коммунизма будет еще упорнее, еще решительнее и в духе антикоминтерновского союза Японии, Италии и Германии[115]).

К своему пояснению политики Японии, майор Ватасэ дал еще и указание эмиграции, как ей жить:

> Русская эмиграция сейчас должна следовать принципу «Месши-Хоко», т. е. ничего лишнего, все на благо и пользу отечества и императора. Этим принципом живет сейчас весь японский народ.

---

[115]) Дальневосточное Время, Шанхай, 25 марта 1941.

Заверению японского майора вторили прояпонские эмигрантские подголоски. На праздновании третьей годовщины основания Антикоммунистического Комитета в Циндао, начальник Военно-воспитательного Отдела полковник Б. В. Меленецкий назвал новый курс японской политики «антикоммунистическим курсом» и отвел в нем место для всей эмиграции:

> ...в связи с принятым антикоммунистическим курсом перед эмиграцией неуклонно стоит задача готовить себя к служению родине, при чем прежняя принятая в Северном Китае система деления эмигрантов на антикоммунистов и аполитичных признана устарелой и теперь должна быть только одна категория — антикоммунистов. Для тех же членов циндаоской эмиграции, кто не сумеет или не пожелает заслужить звание антикоммуниста, остается свободной возможность покинуть пределы Циндао[116]).

Заключение японо-советского пакта дружбы породило слухи о решении японских властей в Северном Китае закрыть Антикоммунистические Комитеты и их отделы. В таком решении ничего не было бы нового. За три-четыре года до этого японские власти закрыли Русский Фашистский Союз в Маньчжурии и Китае, когда он перестал быть им полезен. Пока же японские власти продолжали вести свою двойственную игру. В день подписания японо-советского пакта агентство Домей сообщило о формировании нового антикоммунистического комитета при японской политической миссии в Северном Китае, главной задачей которого является «беспощадная борьба с коммунистическими элементами и широкая пропаганда против коммунистической заразы».

Военная подготовка

К слухам о возможных изменениях в положении эмиграции в связи с японо-советским пактом дружбы прибавились слухи о готовящейся мобилизации среди эмигрантов. Насколько первые оказались — по крайней мере еще на четыре года — безпочвенными, настолько вторые подтвердились в самое короткое время. Антикоммунистический Комитет Северного Китая издал приказ о новой регистрации для учета лиц, годных для прохождения военного обучения. Попутно с приказом были опубликованы списки лиц, обязанных явиться в Комитет для прохождения курса военной подготовки. Приказу не подчини-

[116]) Шанхайская Заря, 9 апреля 1941 г.

лись некоторые из родителей русских юношей. Они были вызваны в Комитет, где им предложили «выполнить гражданские обязательства», пригрозив в противном случае «неслыханными осложнениями».

Новая регистрация эмигрантов была проведена во всех городах Северного Китая, русские колонии которых находились под контролем Антикоммунистического Комитета. В Циндао глава Комитета опроверг слухи о всеобщей мобилизации среди эмигрантов, но заявил, что новая регистрация производится для того, чтобы «облегчить прохождение краткого курса военного обучения запасных».

Регистрации подлежали все мужчины от 18 до 40 лет. Мобилизованные отправлялись для прохождения военной подготовки в Тяньцзин, срок которой был установлен от полутора до шести месяцев. После объявления регистрации была прекращена выдача виз на выезд эмигрантов из Циндао, Пекина и Тяньцзина. Для покрытия расходов по содержанию проходящих военную подготовку были произведены сборы среди населения. Фирмы, въ которых служили призывные, были обязаны держать их на службе и выплачивать им жалованье, пока те проходили военную подготовку. Евреи не подлежали призыву, но были обязаны вносить денежные взносы в Комитет. Еврейская колония Циндао, например, была обложена данью в 5.000 долларов.

Начало Тихоокеанской Войны

В ноябре 1941 года стало ясно, что война Японии с Соединенными Штатами Америки и Великобританией неизбежна. Утром 8 декабря служащие учреждений, находившихся на Английской концессии, наткнулись на поставленные ночью японцами рогатки. Утренние газеты принесли известие о нападении японского воздушного флота на Жемчужную Гавань на Гаваях. По Английской концессии разъезжали японские грузовики с отрядами жандармов. При некоторых из них были русские добровольцы, назначенные майором Таки в качестве переводчиков. Они захватывали английские и американские предприятия, склады и производили обыски квартир. Населению было приказано сдать радио, оперировавшие на коротких волнах. Разрешалось слушать только длинные волны местных станций. Английское и американское население было отправлено в лагерь военнопленных. Положение русских эмигрантов,

живших на Английской концессии в сравнительной безопасности от поползновений Антикоммунистического Комитета, стало шатким. Пастухин, Гутман, Караев ликовали: пало убежище для непокорных, теперь весь город оказался в руках японских властей. Те, кто не успели во время выехать в Шанхай, принуждены были пойти на регистрацию в Комитет. Хотя японцы не трогали советских граждан в силу существовавшего тогда пакта дружбы и ненападения между СССР и Японией, положение их было не лучше. Ожидалось нападение Японии и на Советский Союз, что поставило бы советских граждан в разряд военнопленных, подобно американцам и англичанам, над которыми японские власти глумились и издевались как хотели. Поэтому начался обратный поток, и те, кто еще недавно набивали приемную советского консульства, повалили на регистрацию в Антикоммунистический Комитет.

Комитет никогда не был так занят, как теперь. По всякому случаю — падение Сингапура, еще одна новая победа японского оружия, прибытие в Тяньцзин японского генерала — Комитет устраивал парады, присутствие на которых всей русской колонии было обязательным.

Японские власти принялись за расширение порта Тяньзина и постройку военных складов. Они снесли большой парк, созданный русскими сторожилами на бывшей русской концессии, и снесли православный храм-памятник над братской могилой воинов, убитых во время боксерского восстания.

Японские власти ввели обязательную подготовку населения к воздушным тревогам и ночные затемнения. Руководителям Антикоммунистического Комитета было поставлено в обязанность следить и докладывать об эмигрантах, неисправно выполнявших правила воздушной обороны. Особенно в этом деле старался Караев, делая все возможное, чтобы еще больше вызвать раздражение среди эмигрантов. Нарушители даже самых незначительных правил вызывались в Комитет, что обычно означало выговоры и штрафы. Подчеркнуто-ревностное отношение Караева ко всем японским мероприятиям и не менее ревностное старание не только провести их в жизнь, но и вызвать среди эмигрантов раздражение, создавало у многих подозрение: не кроется ли за этим какой то злой умысел. Организация тюрко-татар даже обратилась через своего представителя Бадая к майору Таки с просьбой убрать от них Караева, мотивируя свое обращение тем, что его поступки

невольно наводят под подозрение его политическую искренность. Но обращение тюрко-татар не было принято во внимание. Наоборот, они подверглись опале, а положение Караева упрочнилось настолько, что во время отъездов Пастухина он занимал его пост. Основательность подозрения подтвердились позже, когда после окончания войны выяснилось, что Караев, как и ряд других политических деятелей русской эмиграции, был советским секретным сотрудником.

Количество недовольных стало расти. Одни предпочитали перебраться в Шанхай. В Пекине, Чифу, Циндао, где эмигранты могли найти службу, происходило то же самое, что и в Тяньцзине. Другие стали брать советские паспорта.

У значительной части русской эмиграции начало появляться сознание, что все идет не так хорошо, как заверяли их вожди. Отношение гитлеровской Германии к России уже не вводило никого в заблуждение. Политика Японии в отношении Китая, русской эмиграции, Советского Союза также вырисовывалось с очевидной ясностью. Первый выпуск из тяньцзинского военного училища питомцев ген. Эглау и «полковника» Мицузуки был подготовлен не для военной службы, а к службе так называемых «переводчиков» при различных японских полицейских и жандармских учреждениях. Общее отношение японских властей к русской эмиграции совершенно ясно определил «полковник» Мицузуки: «Русским политики не надо... надо стобы были только послусны».

Генеральная Линия

Особенности развития жизни российской эмиграции в Китае можно определить по ее трем центрам: Харбину, Тяньцзину, Шанхаю. Каждый из них имел свой период, каждый отличался от другого, на каждом были свои темные пятна, и особый характер преступлений: в первом похищении людей «ради патриотических целей и борьбы за освобождение родины»; во втором подвал Белого Дома и искоренение крамолы; в третьем политические убийства неугодных «новому порядку» эмигрантских деятелей.

Развитие Тяньцзина, как одного из центров эмиграции, совпало с периодом японской оккупации Китая. У оккупантов накопился изрядный опыт обращения с русской колонией и появился кадр сотрудников, составленный из наиболее оппортунистических элементов эмиграции.

В жизни российской эмиграции в Китае было много испытаний и трудных периодов. Одним из таких был период Тяньцзина, время конца тридцатых и начала сороковых годов. Русская эмиграция подпала целиком под контроль японских организаций типа Бюро по делам Российских Эмигрантов и Антикоммунистического Комитета, во главе которых стояли подобранные люди тоталитарного мышления, ревностные служители «нового порядка», слепые исполнители любой прихоти японских властей. Позже выяснилось, что среди этого «верного» контингента оказалось значительное число провокаторов и двойных агентов, работавших на советских властей.

Тяньцзину следует отдать пальму первенства в установлении генеральной линии для всей российской эмиграции Китая: приведение ее к общему знаменателю, укрепление в ней всеми средствами, включая насильственные, прояпонского единомыслия и верноподданства.

Тон этой генеральной линии красноречиво выражен в следующих словах:

> ... несколько слов по адресу тех русских эмигрантов Шанхая, которые злопыхают и не могут даже спокойно слушать рассказы о жизни эмигрантов в Тяньцзине. Многие Антикоммунистический Комитет Тяньцзина называют здесь «Белой Чекой».
>
> Сплоченность и организованность — великая сила. В Тяньцзине это поняли все. И как человеку, приехавшему в Шанхай, становится дико смотреть на разброд шанхайской эмиграции, так и человеку из Шанхая, привыкшему к этому настроению в общественной жизни, кажется диким порядок, дисциплина и организованость в Тяньцзине...
>
> ... «Микроб раздражения»... не дает покоя русской общественности в Шанхае, претит столь необходимой организованности и сплоченности. Бесконечные разговоры, уговаривания, грязь, споры о первородстве до сих пор разъедают эмиграцию в Шанхае.
>
> Все это в Тяньцзине ушло в область преданий. Все и каждый поставлены на свое место... В Тяньцзине есть много такого, чему приходится лишь только завидовать, живя в Шанхае, и жалеть, что нет здесь пока хозяина, который придет, цукнет на всех, все подожмут пугливо хвосты и залебезят, забывши свое злопыхательство. К сожалению, опыт везде и всюду показывает, что сознание в умы российской эмиграции приходится внедрять только при посредстве палки[117]).

---

117) А. Громов, Дальневосточное Время, Шанхай, 22 марта 1941 г.

V

НАЕМНЫЕ ВОЙСКА

Мысль о создании белоповстанческих наемных войск на службе у китайских генералов зародилась еще в 1919 году, когда атаман Семенов предложил маршалу Чжан Цзо-лину сформировать для него конницу из монголов под командованием казаков. Нерешительность старого маршала не дала возможности осуществиться семеновскому плану. Но мысль о наборе белоповстанцев-ландскнехтов для враждовавших китайских губернаторов продолжала жить в умах предприимчивых эмигрантских вождей, и время от времени даже осуществлялась на деле.

В 1923 году, в разгар вражды с «христианским» генералом Фын Юй-сяном маршал Чжан Цзо-лин вспомнил об атаманском предложении и решил создать иностранный легион из бывших военнослужащих эмигрантов. Формирование отряда было поручено генералу М. М. Плешкову, командовавшему в Мировую Войну Первым сибирским стрелковым корпусом. Отряд должен был состоять из трех батальонов и собственной хозяйственной части. На приглашение генерала Плешкова откликнулось свыше трехсот добровольцев из эмигрантов, работавших в исключительно тяжелых условиях на лесных концессиях. Поступавший в отряд подписывал шестимесячный контракт с правом возобновления его на более продолжительный срок. Контракт гарантировал добровольцу выплату жалования, единовременную денежную помощь семье в случае его смерти, и выдачу полного жалования в случае прекращения службы не по его вине до истечения срока.

Когда добровольцы прибыли в Мукден, то между Чжан Цзо-лином и Фын Юй-сяном произошло мирное соглашение. Добровольцы с трудом добились выплаты жалования за один месяц.

Формирование плешковского отряда, хотя и закончившееся в самом начале, еще ближе привело военно-политических деятелей эмиграции к мысли о создании боевой единицы, которая при благоприятных условиях могла бы развернуться в боевой белоповстанческий отряд для возобновления борьбы против советского правительства на территории Приморья, Заамурья и Забайкалья.

Создание такого отряда наемных войск было предложено шаньдунскому губернатору маршалу Чжан Цзу-чану, одному из близких людей маршала Чжан Цзо-лина. Чжан Цзу-чан, как и его маньчжурский покровитель, начал свою авантюристическую деятельность в качестве хунхуза. Затем он перебрался в Владивосток, где работал подрядчиком и снабжал лесом спичечную фабрику братьев Меркуловых. Во время интервенции в Сибири он командовал китайской дивизией, расквартированной на станции Пограничная.

Начало формирования было поручено полковнику В. А. Чехову. Его призыв к добровольцам встретил самый живой отклик в среде бывших военнослужащих, которые или не могли найти себе службу или работали в непомерно тяжелых условиях. Командование русским шаньдунским отрядом было предложено генералу К. П. Нечаеву, которого дальневосточная эмиграция знала как талантливого и доблестного полководца.

До начала формирования шаньдунского отряда при маршале Чжан Цзу-чане уже находился в качестве советника бывший правитель Приморья Н. Д. Меркулов. Кроме самого отряда в Цинанфу, столице Шаньдунской провинции, было основано пехотное и артиллерийское военное училище с двухгодичным курсом, укомплектованное молодыми эмигрантами.

Осенью 1924 года генерал Нечаев принял командование русским шаньдунским отрядом. С этого времени он стал называться Нечаевским отрядом. Китай по прежнему бился в судорогах междуусобицы, в которой в Северном Китае принимали участие Чжан Цзо-лин, У Пей-фу, Фын Юй-сян, Чжан Цзу-чан и другие. Одной из первых операций русского шаньдунского отряда был захват Шанхай-гуаня, о котором говорили, что генерал Нечаев «повторил известный маневр генерала Ренненкамфа в Русско-Японскую Войну». Первоначальный успех создал генералу Нечаеву и его отряду популярность среди китайских и маньчжурских полководцев. В

короткое время своей доблестью Нечаевский отряд затмил славу даже знаменитой китайской бригады, составленной из хунхузов, которой командовал легендарный генерал Ча Ю-пу, сподвижник маршалов Чжан Цзо-лина и Чжан Цзу-чана.

При отряде была сформирована дивизия броневых поездов, начальником которой был назначен произведенный в генералы китайской службы Чехов. Нечаевские бронепоезда, среди которых были Пекин, Шаньдун, Чендян и другие, были построены из простых вагонных платформ, вместо стен которых были положены мешки с песком. За два года дивизия бронепоездов возросла значительно, и ко времени северного похода гоминдановского правительства насчитывала 17 бронепоездов.

Нечаевский отряд невольно участвовал в междуусобной борьбе китайских военных губернаторов. Это участие принималось нечаевцами за борьбу с коммунистическими силами, хотя в этой борьбе ничего не было кроме честолюбивой игры китайских военных губернаторов. Неискушенные в политике нечаевцы — от командования до простого рядового — истолковывали даже гоминдановское движение на север ради объединения Китая, как маневр, задуманный Коминтерном.

Дело с советским пароходом Олег

Весной 1926 года, во время неудачного похода Народно-революционной Армии генерала Фын Юй-сяна против войск каолиции маньчжурских и северо-китайских военных губернаторов, в Тяньцзин тайно прибыл комкор Примаков (Генри А. Лин) со своим помощником Генкелем и адъютантом Вен, носившим как и он сам, китайское имя.

За несколько дней до прибытия их в Тяньцзин из Владивостока вышел пароход Советского Торгового Флота Олег с грузом оружия для Народно-революционной армии. Ведерников, глава Третьего Отдела при советском военном атташе в Пекине, уже находился в Тяньцзине. В помощь ему и был послан комкор Примаков.

В непосредственной близости от Тяньцзина находились некоторые части Нечаевского отряда и несколько бронепоездов, несших сторожевую службу.

Примаков и Ведерников должны были получить с Олега груз оружия, в количестве 5.000 винтовок и 15 миллионов патронов. У входа в порт, вблизи Таку, стояло китайское сто-

рожевое судно, мимо которого Олег не мог пройти без опасения быть задержанным. Примаков решил уничтожить сторожевое судно с воздуха. Два самолета из армии Фын Юй-сяна сбросили на него бомбы с высоты 2.000 метров, но они упали далеко от мишени. В помощь сторожевого судна было послано два других, а один из Нечаевских броневиков проследовал в сторону Таку. Усилился и надзор за береговой линией.

Попытка провести Олег ночью без огней не удалась, т. к. он сидел слишком низко. С парохода был выброшен за борт груз морской травы, но и этого оказалось мало. Олегу был отдан приказ выйти в море за 50-милевую полосу и ждать радио. Примаков и Ведерников решили утопить сторожевое судно, но операция была рискованная из-за нахождения вблизи одного из нечаевских бронепоездов; кроме того им никак не удавалось установить артиллерийское орудие на катер. После нескольких дней бесплодных ожиданий Олег принужден был возвратиться во Владивосток, не сдав по назначению груза советского оружия.

Советские власти ни словом не обмолвились о неудаче с Олегом, зато громко заговорили о захвате Нечаевским отрядом советского парохода Память Ленина, на котором находились семьи коминтерновских советников, возвращавшихся из Кантона во Владивосток, включая жену Михаила Грузенберга-Бородина.

Бои с гоминдановскими войсками

В разгар северного похода гоминдановских войск в Нанкине были сосредоточены части генерала Нечаева, включая большинство бронепоездов. Из Нанкина два нечаевских полка были направлены к озерам у реки Янгце; они представляли ударную часть стотысячного заслона северных войск чилийско-шаньдунской клики военных губернаторов.

Гоминдановские войска успешно провели десантные операции через озера и нааправили свой удар против войск северной коалиции, в центре которых находилось два русских полка.

Китайские войска, особенно части маршала Чжан Цзу-чана, были деморализованы вследствие затянувшихся военных операций, невыплаты жалования, плохого питания и обращения. Когда гоминдановские войска повели наступление, ненадежные китайские части дрогнули на флангах и начали паниче-

ское отступление, поставив Нечаевский отряд под сосредоточенный удар. Боевые операции шли в невыгодной для нечаевцев местности: с одной стороны они были сдавлены холмами, с другой простирались топкие рисовые поля. Пока Нечаевские части вели тяжелые бои с гоминдановскими войсками, превосходящими их численностью и вооружением, деморализованные части маршала Чжан Цзу-чана ринулись в Нанкин, в узкие улицы старого города. Бегущие были встречены отрядами комендантских войск с маузерами, принудившими их ринуться в стороны, выдавливая в своем паническом бегстве стекла и стены магазинов и лавок. Когда маузерные части расчистили путь, Нечаевский отряд смог пробраться в старый город и оттуда к Янгце, где также происходила паника среди китайских частей. Для задержания гоминдановского наступления вторично были посланы нечаевские части.

Упорные бои продолжались в течение нескольких дней. В одном из боев был ранен генерал Нечаев и его заменил генерал Малакен. Несколько нечаевских бронепоездов попало в окружение и были уничтожены неприятельским огнем.

Пока нечаевские части вели героические бои против гоминдановских войск — не зная почему и для чего они это делали — в Цинанфу, в столице Шаньдунской провинции и ставке маршала Чжан Цзу-чана развивались события, сыгравшие решающую роль в распаде Нечаевского отряда. Советник маршала, Н. Меркулов решил принять на себя пост командующего русским отрядом вместо выбывшего генерала Нечаева. Генерал Малакен и его начальник штаба, полковник Карлов, отказались подчиниться ему. Они были арестованы и препровождены в китайскую тюрьму, где китайские тюремщики приковали Карлова цепью к столбу за то, что тот продолжал отказываться признать Н. Меркулова командующим отрядом. Генерал Малакен признал Меркулова, был освобожден из заключения и назначен начальником дивизии. Самоуправство над полковником Карловым вызвало много шума; он был освобожден и выслан за пределы Шаньдунской провинции.

После ухода генерала Нечаева в русском отряде Шаньдунской Армии начался распад. Казна маршала Чжан Цзу-чана пришла к полному истощению и уже никакие дополнительные налоговые выколачивания из разоренного населения не могли пополнить ее. Выпущенный внутренний заем не оправ-

дал даже самых скромных надежд. Дезорганизованная армия разбегалась во все стороны. Надежными частями еще оставался русский отряд и некоторые китайские единицы.

В конце 1927 года у станции Соу Джо Фу бронепоезда Пекин, Шаньдун, Чендан были выбиты из строя и захвачены гоминдановскими войсками. В армии началось паническое дезертирство, которое нельзя было остановить самыми крутыми мерами. Даже надежные части генерала Ча Ю-пу начали переходить на сторону врага. Отступление нечаевцев после потери бронепоездов происходило при исключительно тяжелых условиях под сильным артиллерийским огнем, выбившим многих из строя.

После того, как части русского отряда группами и в одиночку добрались до Цинанфу, началось переформирование остатков его в броневую дивизию под командованием генерала Мрачковского. Но ничем уже нельзя было отвлечь надвигавшийся конец нечаевского движения.

К весне 1928 года шаньдунская армия была деморализована окончательно. Развал ее не мог не отразиться на русском отряде. Многие в нем не получали жалования с год. Недовольство росло. Под всевозможными благовидными предлогами началась тяга в Тяньцзин, Циндао, Харбин. Цинанфу, недавно еще бойкий, живой город со многими ресторанами и увеселительными предприятиями, обслуживавшими нечаевцев, стал быстро хиреть. Распухшие вне всякой пропорции к боевым частям штабы и различные тыловые учреждения еще задолго до прибытия остатков нечаевского отряда поспешили перебраться в более спокойные места. Город опустел. Вскоре от Нечаевского отряда ничего не осталось кроме большого военного кладбища с могилами русских ландскнехтов.

Трехлетний период искусственного восстановления военной обстановки закончился. Подавляющее большинство нечаевцев не отдавало себе отчета за какое дело они воевали, на чьей стороне они были. Они не понимали, что в Китае, в отличие от обычной розни неугомонных военных губернаторов, шел здоровый процесс за национальное единение Китая. Пребывая в политическом тумане и любое военное выступление своего отряда принимая за борьбу против большевизма, они не знали того, что сражались и проливали кровь в деле, в котором не должны были бы принимать участия.

В Нечаевском отряде поддерживалась уверенность, что за

оказанную помощь клике северо-китайских и маньчжурских губернаторов, они, в особенности старый маршал Чжан Цзо-лин, отплатят белоповстанцам помощью в развертывании операций на российской территории против советской власти. Эту ни в чем необоснованную уверенность поддерживал главный советник при маршале Чжан Цзу-чане Н. Д. Меркулов, но остается неизвестным, интересовали ли его больше государственные замыслы, или только отвоевание своей спичечной фабрики на станции Седанка под Владивостоком.

В эмигрантских кругах Китая, и в тех зарубежных кругах, где знали о существовании Нечаевского движения, созданию и трехлетнему существованию отряда эмигрантов-ландскнехтов придавали значение, далеко не соответствующее действительности. Говорили об отряде, как о мощной военной единице в 18,000 человек, который прошел взад и вперед чуть ли не по всему Китаю. На самом же деле в Нечаевском отряде было значительно меньше. Говорили о том, что он «отсрочил большевизацию Китая на 25 лет». Оружие его было далеко непервоклассное, бронепоезда домашнего приготовления, средств мало, невыплата жалования хроническое явление. Военные успехи Нечаевского отряда несомненны, но следует учесть и типичные условия китайской войны в период смуты, когда успех операций зависел не столько от доблести, сколько от серебряных долларов. на которые обычно были падки китайские генералы.

Тем не менее, Нечаевское движение оставило свой след: это был единственный пример создания на чужбине большого русского отряда, преданного своему вождю и доблестно воевавшему за то, что казалось ему важным и достойным делом в борьбе против коммунизма.

Вот несколько заключительных слов одного из бывших нечаевцев:

> ... главным героем был Костя Нечаев, не маскировавшийся никакими идеями, а говоривший, что он наемник, а храбрости у него было больше, чем полагалось, и как-то я писал ему стихи по какому то случаю:
>
> В полушубке, с палкой, впереди солдат,
> Будь то или рота или весь отряд...
>
> и, правда, в своем полушубке, с палкой в руках, которой сбивал мимоходом кустики или травку, он вел за собой солдат старой еще школы, у которых не остыл задор и была молодость... А позже стали появляться военачальники другого

склада, и уже не было единовластия, а генералы росли, как грибы, и сколько было ненужного величия и кичливости... А сколько было блестящих офицеров старой школы: Бартенев, Размазин, Гайкович, и еще и еще и много-много ушло их из жизни, на поле брани положив живот свой... была ненужная лихость, погубившая массу офицеров и солдат, а в общем, грустно и больно вспомнить эту эпопею, «отодвинувшую большевизм в Китае на 25 лет...»[118])

Еще одна попытка атамана Семенова

Атаман Семенов сделал еще одну попытку создать другой отряд наемных войск. На этот раз он сделал предложение маршалу Сун Чун-фану, главе пяти южных провинций, который воевал против гоминдановских войск. Маршал Сун согласился на формирование для него отряда, который по мысли атамана Семенова должен был стать авангардом международного антикоммунистического легиона. Но и этой попытке атамана не суждено было осуществиться. Война маршала Суна против гоминдановских войск складывалась в пользу генералиссимуса Чан Кай-ши. Захват Шанхая и падение маршала Суна свели на-нет соглашение его с атаманом Семеновым.[119])

Гущинский отряд

Пока формировался Нечаевский отряд и успешно развивалась его деятельность, как одного из лучших наемных отрядов в распоряжении клики северо-китайских и маньчжурских военачальников, коминтерновские деятели при советском посольстве в Пекине создавали в противовес ему другой отряд из белых ландскнехтов.

Незадолго до этого в Шанхай прибыл под советским паспортом Александр Федорович Гущин, полковник Генерального Штаба, по происхождению донской казак.

Неизвестно, каким образом и почему Гущин, через 6 месяцев после прибытия в Шанхай, очутился на северо-западе Китая, в провинции Хонань, в Кайфыне, а затем в Лояне, где он формировал конную группу при генерале Иовейчуне, командовавшем I-ой Народной Армией в составе войск генерала Фын Юй-сяна. Осенью того же года в ставку Фын Юй-сяна прибыл в замен отозванного советского офицера Джен Чана —

[118]) Из писем П. А. Савича к автору.
[119]) О себе, Семенов, стр. 191—192.

комкор Примаков, которого Гущин знал еще по Донскому Войску. Гущин привлек к себе несколько офицеров, среди них генерала Иванова-Ринова, занимавшего при нем должность начальника штаба, полковника Оренбургского войска Титова, подполковника Волжского полка И. Коновалова и др. Титов ведал набором отряда, а Коновалов был назначен командовать пехотным отрядом, хотя тот и числился только на бумаге.

В начале 1926 года Вторая Народная Армия была разбита на-голову в операциях генерала Фына под Тяньцзином против соединенных войск Чжан Цзо-лина и У Пей-фу. Конный отряд Гущина принимал участие в этом деле, но вышел из него без всяких потерь.

Весной Гущинский отряд «болтался между Ченьчжоу и Пекином». Об этом времени рассказывает сам Гущин:

> На руках были люди, организация и я с ними и все мы были никому не нужны и все от нас открещивались и, конечно, первые большевики, у нас не было ни копейки денег и нечего было фактически даже есть... Я метался, чтобы к кому нибудь наняться. Некоторые предложения были просто ужасны, как, например, от генерала Сунье, дубаня Третьей армии, но мне повезло и я все же уговорил маршала Фын Юй-сяна взять мою конницу. Я из под Пекина перевел свою группу в Калган и там продолжал формирование, расположившись в самом этом городе[120]).

После перехода в распоряжение Фын Юй-сяна Гущин подпал целиком в ведение советских военных советников при Народно-революционной Армии. Отряд Гущина получил от них задание разлагать военные белоповстанческие отряды и, в особенности, отряд генерала Нечаева, и содействовать развитию военной мощи Народной Армии Фын Юй-сяна.

Но Гущинский отряд не оправдал надежд коминтерновских советников и советских военных руководителей. Советские документы упоминают далеко не похвально об его организаторе:

> За три месяца существования отряда Гущина разрешение второй проблемы провалилось совершенно; первая задача была разрешена настолько плохо, что достигнутые результаты не оправдывают затраченных средств.
>
> Кого нам удалось набрать из военной среды эмигрантов?

---

[120]) Ответ А. Ф. Гущина П. Н. Краснову, Шанхай 1939, выпуск журнала Поход.

В отряде состоит 4% офицеров старой царской армии, 6% офицеров, произведенных в Белой армии; 4% с военным образованием (военные училища и школы прапорщиков); 11% окончивших унтер-офицерские курсы; 17% неграмотных, 30% полуграмотных, и только 3% с начальным образованием. Если еще добавить, что 14% не служило в армии до этого, 5% служило меньше года, что в отряде из 220 человек находится 12 корейцев и 36 советских граждан, то приходится признаться в том, что самый худший элемент эмиграции отозвался на призыв служить в отряде[121]).

С самого начала формирования отряд Гущина попал под непосредственный контроль третьего отдела при советском военном атташе в Пекине, которым руководили Ведерников и Лихарин. Третий отдел имел несколько названий: ИНО, «аппарат Ведерникова», «соседи» и т. д. Его задачей была слежка за сотрудниками советского посольства и военного центра в Пекине, разложение белых организаций и Нечаевского отряда. Гущин чувствовал на себе недремлющее око чекистского надзора со стороны Ведерникова и Лихарина, особенно после того, как у Крауса и Демина, советских инструкторов при Третьей армии, отступавшей после разгрома под Тяньцзином, были выкрадены чемоданы с секретными бумагами. Хотя Гущин и пользовался некоторым доверием своих китайских начальников и в ответ на это доверие служил им верой и правдой, коминтерновский аппарат при советском посольстве в Пекине и при Народной Армии генерала Фын Юй-сяна не доверял ему и даже обвинял в военном саботаже, ставя ему в вину провал в подрыве деятельности Нечаевского отряда.

О своей деятельности Гущин рассказывает следующим образом:

Я понимаю и несу на себе гнет многих чудовищных измышлений по той причине, что я был у большевиков и служил у китайских генералов, когда они шли с советчиками. Но все же не в заслугу себе и не ради вздорной похвальбы скажу, что ни один русский человек из подосланных ко мне шпионов и террористов не был мной уничтожен и учитывая то, что я сам всецело находился в руках ужасного ГПУ считаю это чудом. Кроме того с большим трудом, но все же я сумел уклониться от встречи на поле сражения моего отряда с частями ген. Нечаева. Может некоторые злорадно скажут: «струсил». Но я при всем моем величайшем уважении и преклонении перед личной храбростью и доблестью высокоува-

---

[121]) Митаревский, стр. 127.

жаемого Константина Петровича, знал до самой подноготной, изучил в деталях весь ход его тактического мышления, а потому если бы я захотел с ним встретиться в бою, то я пошел бы в бой с верой в мой успех.

Нет, причина была не трусость, причина была та же, по которой я не мог принимать участия в деле Анненкова и причина эта очень ясная: с оружием в руках идти против белых я не мог[122]).

Дело Анненкова

В сентябре 1924 года русские эмигрантские круги в Париже получили сообщение из города Лян Чу-фу в северо-западном Китае, что туда прибыл атаман семиреченского войска Анненков, а через год пришло оттуда известие, что Анненков «томится в китайской тюрьме».

После падения правительства адмирала Колчака атаман Б. В. Анненков весной 1920 года перебрался в западный Китай. До этого он оперировал на окрайне Семиречья, не признавая ни адмирала Колчака, ни атамана Семенова. Его отряд, одетый в черные гусарские доломаны, «шарил по Семиречью, не столько помогая, сколько вредя адмиралу Колчаку.»[123]) Анненковский отряд признавал только своего атамана, и на его малиновом знамени золотом было вышито — «С нами Бог и Атаман».

По просьбе В. К. Николая Николаевича бывший российский посол М. Н. Гирс добился через китайского посланника в Париже освобождения Анненкова из китайской тюрьмы.

Анненков перебрался в провинцию Гансу, вблизи Внешней Монголии. Губернатор ее отвел ему в окрестности Лан Чу-фу большой участок, где он занялся коневодством. В Лан Чу-фу несколько раз к нему были посланы большевистские агенты, уговаривая его вернуться в СССР и обещая ему и его начальнику штаба, полковнику Денисову, хорошую службу. Это предложение было повторено несколько раз, но Анненков и Денисов отказывались каждый раз. За это время Денисов по поручению атамана побывал в Шанхае для выяснения политического положения и возможности перебраться из северо-западного Китая на юг. В Шанхае Денисова уговаривали не возвращаться в Гансу, где уже полностью хозяйничали ком-

---

[122]) Ответ А. Ф. Гущина П. Н. Краснову, Шанхай, 1939. Выпуск журнала Поход, стр. 9.

[123]) На Рубеже Китая, П. Н. Краснов, Париж 1939, стр. 100.

минтерновские агенты и советники Красной Армии, но тот не считал возможным оставить атамана Аненнкова одного.

Не добившись добровольного согласия от Анненкова и Денисова, коминтерновские агенты через генерала Фын Юй-сяна оказали давление на губернатора провинции Гансу, чтобы тот подбил Анненкова выехать в Калган на якобы важное совещание. По одной версии Анненков пошел на это, прибыл в Калган, был там схвачен и вывезен в Советский Союз.

Подробнее — и убедительнее — о деле Анненкова рассказывает Гущин:

> В деле отъезда атамана Анненкова в советскую страну являются действующими лицами два крупных человека эпохи Гражданской Войны: сам атаман Анненков и советский генерал Примаков, бывший в 1925 году и весной 1926 года под именем «товарища Лина» старшим советником и главным военным инструктором при маршале Фын Юй-сяне...
>
> Не помню точно дня, но это было в марте 1926 года, когда ко мне в гостиницу «Калган» (в городе Калгане, прим. ред.) прибежал взволнованный до крайних пределов вахмистр Лисихин, бывший анненковец, с изумительным докладом о том, что он только что в китайской бане видел атамана Анненкова.
>
> Это было настолько дико, сумбурно и походило на факт из потустороннего мира, что я сейчас же срочно вызвал командира первого эскадрона ротмистра Ледогорова и послал его для проверки этого сведения. Все подтвердилось. В Калгане действительно был атаман Анненков, прибывший туда из Лян-чжоу-фу со своим начальником штаба Денисовым. Было установлено, что до Баотоу они ехали на автомобиле через Нинся, а дальше по железной дороге. Остановились они в гостинице, немного за городом, при военном городке генерала Фын Юй-сяна и генерала Джан-дубаня.
>
> Большевистский штаб был расположен от этого места в стороне, за железной дорогой, примерно в полутора верстах. Мои эскадроны помещались во временых казармах на обособленном от города холме. Таким образом благодаря разбросанности по территории этих трех называемых мной учреждений, все, что происходило между ними, легко было наблюдаемо[124]).

Находившиеся в отряде Гущина анненковцы навестили своего бывшего атамана. Приняты они были сухо, атамана же они нашли «сильно изменившимся и физически очень сдав-

---

[124]) Ответ А. Ф. Гущина, стр. 1, 3.

шим». Вахмистр Лисихин, старый анненковец, после посещения своего атамана, «запил мертвую и плача приговаривал: курит, нет брата-атамана!»

Китайские власти Калгана устроили в честь Анненкова и Денисова парадный обед. Гости были встречены почетным караулом, играли два оркестра. Советские офицеры на обед не были приглашены. Пребывание Анненкова и Денисова в Калгане происходило на глазах всего русского и иностранного населения города.

В ответ на визит атамана, Гущин отправился в военную гостиницу при штабе генерала Фын Юй-сяна, где он был принят Анненковым.

> Эта встреча и была первой в моей жизни с ним. Здесь же я увидел в первый раз и Денисова. Разговор шел на тему идущей гражданской войны в Китае и во время обсуждения качеств китайского солдата Анненков встал, достал и показал мне большой портрет Фын Юй-сяна с его личной надписью иероглифами «моему высокочтимому брату»...
>
> Когда я сказал, что здесь в Калгане очень все спутано, что много имеется разных и сильных влияний, Денисов вмешался в разговор и сказал, что они во всем уже разобрались и что они познакомились с Примаковым. Я заметил, что это выступление Денисова не понравилось Аннекову, но он это подтвердил[125]).

Через месяц после встречи Гущина с Анненковым последний выехал в Ургу. По степи двигалось два автомобиля: в первом находился Анненков с советским командиром бригады, причем у каждого было по револьверу. Шоферами первого автомобиля были один советский, другой его помощник «белый»; на втором автомобиле были только вещи, и шоферами его были двое «белых» из жителей Калгана. Денисов остался в Калгане, где ему предложили пост военного инструктора при штабе Примакова.

> Таким образом, в монгольской пустыне, на протяжении 900 километров пути было пять человек: два советских и три белых, причем один из них Анненков, которого нужно было бы считать одного за 50 человек.
>
> Я до сих пор не отдаю себе отчета о том моменте, когда именно мог договориться Анненков с Примаковым. Много времени спустя, после того как в 1927 году я ушел от боль-

---

[125]) Там же, стр. 4.

> шевиков, я пытался понять эту трагедию, многих опрашивал об этом и для меня стало ясным одно, именно, что Анненков совершенно четко, живя в Ланчжоу, знал и из газет и от странствующих русских белых торговцев обо всех деталях большевистских успехов и их расположении по территории Китая. Я выяснил потом, что его начальник штаба, Денисов, был послан им в Шанхай осенью 1925 года и проехал к нему назад северным путем, через Пекин—Баотоу—Нинся, причем из показаний ротмистра Тимонькина... вытекает, что Денисов заведомо искусственно затягивал время своего пребывания в Нинся, не спешил к атаману в Ланчжоу и занимался охотой на уток...
>
> Я теперь знаю, что ротмистр Тимонькин торопил с отъездом Денисова, но тот не уезжал. Ротмистр Тимонькин посылал тогда же из Нинся предупреждения Анненкову об опасности со стороны приближающихся фын юй-сяновских войск и даже давал совет или спуститься на юг на Ханькоу, или уйти на запад на Синин-фу. Но Анненков ждал Денисова, а Денисов ждал в Нинся фын юй-сяновские части[126]).

Добровольное или подневольное возвращение Анненкова в Советский Союз вызвало обвинение со стороны генерала П. Н. Краснова в участии в нем Гущина.

Касаясь периода пребывания атамана Анненкова в западном Китае, Краснов говорит, что «Анненков был по духу слишком военный человек, одно коневодство его не удовлетворяло, ему хотелось опять формировать, создавать, учить и воспитывать конные войсковые части».

> Этим воспользовался сотрудник большевицкого комиссара в Китае, бывший полковник генерального штаба Гущин, по происхождению донской казак, человек опытный в делах предательства. Он свиделся с Аненковым и уговорил его приехать в Монголию. Там, по словам Гущина, образуется свободная и независимая монгольская республика, она создает свое войско, ей нужна многочисленная конница и кому же и создавать ее, как не знаменитому партизану, атаману Анненкову? [127])

По версии Краснова о возвращении Анненкова, перспектива стать во главе большого конного отряда в Монголии соблазнила семиреченского атамана. Он согласился прибыть к Гущину с Денисовым для выработки плана создания монгольской конницы. «Ночью у Гущина Анненков и Денисов были схвачены большевиками и отправлены в Советский Союз».

---

[126]) Там же, стр. 5.
[127]) На Рубеже Китая, стр. 101.

Версия генерала Краснова явно ошибочна. Очевидцы рассказывают, что Анненков, «хотя и ехал добровольно, но был в очень угнетенном настроении духа». У Анненкова всегда была возможность бежать к дуганам, к синьцзянским магометанам, которые были настроены против большевиков. В Калгане Анненков жил совершенно свободно, катался за городом верхом, совершал прогулки на автомобиле, проводил ночи с японскими гейшами и бывал в японском консульстве.

Бежать из Калгана можно было для белого в любую сторону; у меня из отряда в Калгане легко «смылось» пять всадников.

Нет, правда не в клевете П. Н. Краснова, правда в том, что самого то Анненкова, как вождя, как атамана, в 1925—1926 годах уже не было. Не было его и как бойца и как политического деятеля; было только тело, облик того человека, исполненного воинского духа, который когда то раньше водил его братьев-партизан на ратные подвиги. Большевикам достался больной, усталый, в конец опустошенный и начисто до самых глубин существа разбитый человек-полутруп.

Долгие годы тюрьмы в Урумчи со всякими китайскими средствами для ослабления воли заключенного сделали свое дело. Китайское начальство выпустило из урумчийской тюрьмы человека уже не способного ни к какому действию.

Если бы в Ланчжоу приехал хоть кто нибудь из лиц сильной воли от «белых», то Анненков так же безвольно последовал бы за ним, как он это сделал, когда дождался Денисова и поехал за ним в Калган[128]).

---

[128]) Ответ А. Ф. Гущина, стр. 6.

О возвращении Анненкова советские источники (энциклопедия) говорят следующее: «В 1926 г. проник на территорию СССР. По приговору военного трибунала расстрелян в августе 1927 г.»

Суд над Анненковым и Денисовым состоялся в конце июля и в начале августа 1927 г. Денисов был привезен позже, после нескольких месяцав службы в качестве военного инструктора при штабе Примакова. На суде Анненков заявил, что ему было предложено вновь поднять оружие против советской власти, и что эти предложения были сделаны белыми и англичанами. Суд над Аннековым и Денисовым не походил на последующие суды, как суд над атаманом Семеновым, генералом П. Н. Красновым и другими. Защитник на самом деле выступал в защиту Анненкова и Денисова, а не выполнял функции прокурора. Признавая вину своих подзащитных, он настаивал на выносе милосердного приговора, как временное лишение свободы или изгнание за пределы родины. Совещание суда длилось 10 часов, а не было предрешено заранее. Суд приговорил Анненкова и Денисова к расстрелу с правом ходатайства о помиловании. Но в Москве ЦК КПСС отклонил ходатайство и 25 августа 1927 г. Анненков и Денисов были расстреляны.

Отряд генерала Паппенгута

В 1930 году в Синкианге вспыхнуло восстание китайских мусульман-дунганов против китайской власти, во главе которой стоял губернатор провинции генерал Чин Шу-джен. Восставших поддержал глава дунганов, губернатор соседней провинции Гансу, генерал Ма Чу-нин.

Восстание развивалось успешно. Плохо вооруженные и недисциплинированные войска сингкианского губернатора терпели неудачу за неудачей. Генерал Чин обратился за помощью к советскому представителю в Синкианге Погодину. Тот обещал оружие и средства, но выговорил ряд привилегий и концессий для советских интересов в Синкианге. Осенью 1931 года было подписано секретное соглашение, по которому торговля, промышленные и другие предприятия в крае перешли в руки советских агентов.

Обещанная же советская помощь оказалась фикцией. Много было взято, но мало дано. Войска незадачливого губернатора продолжали нести поражения. Тогда он решил обратиться за помощью к белым эмигрантам, проживавшим в Урумчи. По его предложению генерал Паппенгут в короткое время сформировал для него отряд из бывших анненковцев и остатков отряда атамана Дутова.

Советское правительство предъявило протест. Неудачи синкианского губернатора ему были на руку, и оно меньше всего хотело, чтобы эмигранты-ландскнехты восстановили бы в провинции порядок и покончили с восстанием дунганов.

На территории Советского Союза, еще с дней советско-китайского конфликта 1929 года, находились интернированные части маньчжурского генерала Ма Чан-ана. Эти части были переброшены из Забайкалья в Синкианг. Советские власти надеялись ими подавить восстание дунганов и ликвидировать белый отряд генерала Паппенгута.

Пока советские агенты проводили в жизнь свои планы, генерал Паппангут, недовольный заигрыванием Чина с советским правительством, произвел в Урумчи переворот и выдвинул командующего синкиангскими войсками генерала Шен Ни-цая на место бежавшего губернатора.

Но переворот не изменил положения ни на фронте, ни в самой стране. Война с дунганами разоряла край. Правительственные войска, банды, вооруженные случайным оружием, занимались грабежами и притеснением мирного населения, но

не войной с дунганами. Русские ландскнехты предпочитали оставаться в Урумчи, тем более, что теперь от них зависела устойчивость власти синкиангского губернатора. Кроме того, мало кто из них хотел проливать свою кровь во вражде китайских генералов.

Новый губернатор Синкианга знал, что положение его было более чем шатким. Он тайно восстановил связи с советским представителем, прерванные переворотом генерала Паппенгута. Погодин снова обещал помощь и заговорил о войсках маньчжурского Ма, но поставил дополнительный ряд условий, среди которых были вопрос о независимости Синкианга и выдача белого отряда. Генерал Шен колебался принять эти условия. Вопрос о независимости Синкианга был чисто академический, так как все его жизненные центры уже находились в руках советских агентов. Но вопрос о выдаче белого отряда был совершенно другое. Он предложил Погодину провести в белом отряде чистку, но сохранить его как отдельную единицу при себе. Пока шли колебания генерала Шена, Быхтеев, один из помощников генерала Паппенгута, выдал его и других офицеров советским властям.

Выданные офицеры были расстреляны, а белый отряд реорганизован на советский лад и включен в войска маньчжурского генерала Ма, которыми фактически командовали офицеры и инструкторы Красной Армии[129]).

---

[129]) David J. Dallin, Soviet Russia and the Far East, Hollis & Carter, London, 1949, pp. 96—97.

VI

НЕДОСТРОЕННАЯ ИМПЕРИЯ

Крушению Белого Движения предшествовала гибель больших и малых вождей. В Сибири среди первых были адмирал Колчак, генерал Каппель; среди малых — барон Унгерн, Калмыков и другие.

В начале двадцатых годов Белое Движение еще трепетало отдаленными зарницами на окраинах Дальнего Востока, каковыми были кратковременные правительства Народного Собрания, генерала Дитерихса и Меркуловых, но и у них не было ни опоры на население, ни средств, ни даже веры в себя. Они появлялись в политической торричеллиевой пустоте, доживали краткую жизнь и уступали место другим. Они существовали только потому, что опирались на японские войска, продолжавшие еще оставаться на Дальнем Востоке значительное время после завершения иностранной интервенции.

Белое Движение в России закончилось суровыми боями под Волочаевском и Спасском зимой 1922 года. Это были последние вспышки, конвульсии жестокой Гражданской войны, финал Российской Революции.

Отмирание началось задолго до этих исторических дат. Голова и сердце были затронуты значительно раньше. Теперь же настал конец. Будущие историки, свободные от предвзятости нашего времени, посвятят Белому Движению много времени и труда для изучения его возникновения, развития и конца.

Крушение Белого Движения в Сибири и на Дальнем Востоке закинуло в Китай около четверти миллиона русских людей. Среди них оказался атаман Семенов, один из тех белоповстанческих вождей, который считал, что простым выполнением своего долга он справится с навязанной ему судьбой ролью.

Григорий Михайлович Семенов родился в 1890 году в казачьей семье, в карауле Куранжи, Дурулгуевской станицы, Забайкальской Области. Осенью 1908 года поступил в Оренбургское казачье училище, где закончил трехлетний курс.

В 1917 году Семенов впервые попал на страницы истории, когда с помощью двух военных училищ он должен был захватить Таврический дворец и арестовать членов Петроградского Совета во главе с Лениным. Вернувшись в 1918 году в Забайкалье, Семенов возглавил движение, получившее характерное название «атамановщины» и «семеновщины».

Человек отменной храбрости, награжденный в первую Великую войну всеми высокими военными наградами, Семенов в Гражданскую войну в Сибири занял двусмысленное положение. Основавшись несколько тысяч верст позади фронта, на котором сражались войска Омского правительства адмирала Колчака, и подпавший сразу под японское влияние, атаман Семенов в значительной мере способствовал разложению Белого Движения и победе красных сил.

В Забайкалье происходили случаи задержания поездов с оружием и провиантом, предназначенными для фронта. Задерживались воинские эшелоны, следовавшие к адмиралу Колчаку после поражения на юге России армий генералов Деникина и Врангеля. Офицерам этих эшелонов предлагалось остаться в Чите вместо следования в Омск и оттуда на фронт. Те, кто предпочитали службу в тылу, оставались в ставке атамана Семенова, где их хорошо принимали, назначали на высокие посты, щедро оплачивали семеновскими «голубками», награждали повышениями, вплоть до генеральских чинов. Они устраивались по штабам и сразу входили во вкус привольной атаманской жизни. Вместо фронта и открытой войны, они подвизались в контрразведках, а любители сильных ощущений создавали застенки. В помощь им нашлись охотники, гимназисты и кадеты, вооруженные шашками, наганами, нагайками, со вшитыми на конце их свинцовыми пулями.

Отряд атамана Семенова, как и отряды других казачьих вождей, непомерно рос в контрразведывательных отделах. Чины этих отделов работали по навету, вдохновению, доносу, по любви к делу, а то просто по случаю: «подвернулся под руку». Работа создавала зловещий заколдованный круг: чем рьянее трудились сотрудники, тем больше восстанавливали они против себя население, увеличивая этим партизанское

движение.

Вполне вероятно, что атаман Семенов не знал, что творилось у него в отделах, в которых велась так называемая борьба против коммунистов, в категорию которых зачастую попадали простые русские обыватели. У барона Унгерна террор — главным образом в отношении своего отряда — шел сверху, у атамана Семенова он шел произвольно, снизу. По личному приказу Унгерна пороли и расстреливали офицеров, военных чиновников, врачей его отряда. По приказу Унгерна был застрелен священник, критически относившийся к его деятельности; после жестокой порки утоплен в реке чиновник, по недосмотру которого была подмочена мука; высечен статский советник Голубев и его жена; живьем сожжен прапорщик Чернов, превращенный до этого поркой в кровавые лоскутья. Все это совершалось по личному приказу барона Унгерна, пока перед концом своей эпопеи он не заявил: «Офицеров больше пороть не буду»[130]).

В ставке уссурийского атамана Калмыкова в Хабаровске также устраивались акты бесчинства и произвола. Калмыков приблизил к себе несколько кадет Хабаровского Кадетского корпуса, для которых служба в ставке уссурийского атамана представляла больше приманки, нежели сидение за школьной партой. Некоторые из них отличились еще раньше, убив в первые дни революции одного из своих преподавателей. Бесчинства некоторых чинов в отряде Калмыкова совершались над обывателями, которых ставили в разряд большевиков за проявление недовольства калмыковским режимом. Сверху же шло непрестанное выискивание крамолы и измены. Осенью 1919 года на хабаровском вокзале теплушки были набиты офицерами калмыковского отряда, арестованными по подозрению в подготовке дворцового переворота. Той же осенью в городском саду Хабаровска был расстрелян весь состав струнного оркестра венгров-военнопленных на том основании, что они — «мадьяры и имеют какое-то отношение к Бела Куну». Теми же кадетами была жестоко высечена молодая женщина, дочь полковника С., инспектора классов их корпуса, погибшего в атаке на немецкие окопы в 1915 году, муж которой был отравлен газами в той же войне. Эта расправа была связана

---

[130]) Макеев, А. С. Бог Войны — Барон Унгерн, кн. Малыка и Камина, Шанхай, 1934.

с ее знакомством с одним из расстрелянных австрийских музыкантов, лауреатом венской консерватории[131]).

За краткое пребывание на Камчатке отряда есаула Бочкарева «в междоусобице было убито семь штаб-офицеров, 19 обер-офицеров и с полсотни нижних чинов — не с большевиками, а бочкаревцы против бочкаревцев»[132]).

Произвол, бесчинство, надругательство над правами человека, насилие, пытки, расстрелы, террор были повседневным явлением Гражданской войны. Человеческая жестокость никогда не доходит до такого чудовищного проявления, как при братоубийственной войне. Есть войны жестокие, чудовищные по предательству и коварству; есть войны низменные, есть благородные и даже гуманные. Но братоубийственные войны всегда отличаются исключительно бессмысленной беспощадностью и жестокостью. Некоторое значение в размерах жестокости играют расовые особенности. Гражданская война в Северных Соединенных Штатах обошлась американскому народу высокой ценой в человеческих жертвах, но в ней не было проявлено столько жестокости, как во Французской Революции. Исключительной жестокостью отличились гражданские войны России и Испании. Жестокость их была порождена идеологическим характером борьбы, фанатизмом прозелитства с одной стороны, и неменьшим фанатизмом приверженцев старого порядка. В братоубийственной вражде идеологического порядка отпадает сознание о добре, справедливости, гуманности, законности, которые все же существуют в остальных типах войн.

Низменные инстинкты, месть, жестокость, садизм, беззаконие, фанатизм, террор, массовое истребление инакомыслящих, вера, что зло совершается во имя какого-то ультимативного добра — таковы двигатели братоубийственной вражды.

В Гражданской войне в Сибири в отрядах типа атамановских жестокость разыгрывалась в полной мере. Часто она была бессознательным явлением: семнадцатилетний кадет с перекошенным лицом и чуть ли не со слезами на глазах рвался с нагайкой в руках запороть заподозренного в партизанстве человека. Для этого кадета, как и для партизана-обывателя-большевика, одинаково неведомой областью были

---

131) Из воспоминаний автора.

132) Из письма А. Савича, служившего в отряде Бочкарева.

столкновения капитализма с марксизмом, человека с государством, Бога с марксистскими полубогами, идеализма с материализмом. Неудержимый приступ садизма у мальчугана не является еще объяснением и оправданием. Нет, этот мальчуган просто участвовал в братоубийственной, идеологической вражде, бился в ее лихорадке, оставаясь совершенно в стороне от могущих тревожить сознание вопросов права и произвола, добра и зла, и т. д. Все легко объяснялось им самим и его окружением ревностным отношением к службе «стойкого национально-мыслящего бойца».

Подобных объяснений было много. Жестокое самодурство Унгерна, например, оправдывалось тем, что в нем, де, воскрешал образ императора Павла и мальтийского рыцаря, искореняющих зло, даже если это искоренение порождает новое зло.

Все это были грозные знамения апокалипсического века. Жестокость проявлялась одинаково белой и красной стороной Гражданской войны. Разница была лишь в том, что в отличие от коммунистической стороны, где террор сверху являлся широко принятым и узаконенным оружием борьбы, в белоповстанческих отрядахъ террор, как правило, проявлялся случайно, отдельными лицами. Настоящие вожди Белого Движения, как правило, не применяли террора, как законного оружия борьбы[133]).

Высшее командование зачастую не знало, что творилось в различных разведках и контрразведках, где любители битья и пыток усердствовали в жестокости и садизме. Но незнание не исключает наличия вины. Последняя мировая война выдвинула принцип виновности, по которому командующий является ответственным за все то, что совершается его подчиненными. По этому принципу виновности многие государственные деятели и военачальники Германии и Японии были присуждены к смертной казни и длительным срокам тюремного заключения. По этому принципу тягчайшая вина лежала и на атамане Семенове.

---

[133]) Отдельные проявления террора происходили среди белых, как например, в отряде атамана Анненкова, уничтожавшего целые селения за отказ семиреченских казаков идти к нему на службу. В приказах генерала Розанова указывались карательные меры в отношении населения, если оно оказывало сопротивление белоповстанческим отрядам или способствовало развитию красного партизанского движения.

Первый акт действия.

Участие атамана Семенова в Белом Движении было незадачливо. Приказом № 67 адмирал Колчак в октябре 1918 года объявил его изменником и отрек от всех занимаемых должностей с преданием военному суду. Ему ставилась в вину задержка боевого снаряжения и вооружения, идущего с востока на сибирский фронт, и бунт против существовавшего в стране государственного строя. Обвинение — в связи с решающими действиями на фронте — было чрезвычайной серьезности.

С первого дня основания семеновского отряда японские военные деятели стали играть немалую роль при его штабе. Одним из первых, приставленных к его штабу, были майор Куроки, отлично владевший русским языком, и представитель военной миссии полковник Курасава. Позже атаман Семенов был связан с представителем японского правительства, полковником Иссоме, а когда вопрос коснулся создания в Приморье буферного белого государства — с начальником штаба японских оккупационных войск, ген.-майором Танака и командующим Квантунгской Армией ген. Такаянага. В планируемом японскими властями государстве на территории Сибири атаману Семенову предназначалась роль номинального главы.

Выбор союзников у атамана Семенова был ограничен. Его попытка связаться с американским военным командованием закончилась лекцией генерала Грэйвса о человеческой морали:

> 13 ноября 1919 года начальник штаба генерала Розанова, Семенов-Мерлин сообщил мне, что «казаки хотели бы предать забвению прошлое и установить с американцами дружественные отношения». Он сказал мне, что Семенов (атаман, прим. ред.) посылает ко мне человека и надеется, что я приму его для переговоров... Я ответил, что приму представителя Семенова, но что он должен знать, что я не намерен ничего делать вместе с убийцами.
>
> Представитель Семенова прибыл и заявил, что подчиненные атамана Семенова совершали всевозможные темные дела, о которых сам атаман Семенов ничего не знал, и которые никогда бы не одобрил. Когда Семенов узнал об этом, он предал суду и казни участников этих преступлений. Представитель Семенова просил моего совета относительно курса, который следовало бы вести в будущем. Я ответил следующее:
>
> Мой единственный совет Семенову исполнять всем известные законы морали о добре и зле. Семенов и все его люди знают, что все то, что было совершено им и его войсками, не может быть оправдано в Соединенных Штатах. Хотя мы и

не собираемся читать наставления русским, как им поступать, мы считаем своим правом отказываться от каких либо сношений с русскими, нарушающими законы морали[134]).

В начале генерал Хорват, управляющий Китайской Восточной железной дорогой, обещал помощь атаману Семенову, но ориентация последнего на Японию заставила его взять свое обещание обратно. Позже, касаясь этого периода, Хорват отметил: «Да прости мне Бог, что я решил поддержать Семенова»[135]). Подобное же отношение к атаману Семенову было и со стороны военачальников из армии генерала Каппеля.

В январе 1920 года, накануне своей гибели, адмирал Колчак подписал приказ в Нижнеудинске о передаче атаману Семенову «всей полноты верховной власти на территории Российской Восточной Окраины».

Но территория эта быстро таяла. С падением правительства адмирала Колчака и отступлением с фронта, в Забайкалье усилилось партизанское движение. Большевики успешно сыграли на недовольстве населения, вызванном отдельными семеновскими начальниками. В ноябре 1920 г. семеновские части оставили Забайкалье и перешли в Маньчжурию. За три месяца до этого Семенов передал всю гражданскую власть в крае (от всей российской восточной окраины осталось только Приморье) Народному Собранию, сохранив за собой командование войсками.

Ставка атамана Семенова была переведена в Гродеково, небольшое местечко, по сравнению с которым Чита казалась столицей. Но все же это была ставка: штаб, личный конвой, остатки войск. Даже существовала казна, несколько ящиков из золотого фонда Омского правительства, перехваченных при отправке его в Русско-Азиатский банк в Шанхай. Имя атамана Семенова попрежнему фигурировало в замыслах японского военного командования на Дальний Восток и Западную Сибирь.

В декабре, после попытки атамана Семенова произвести переворот в Приморье, военачальники Сибирской Армии, ген.-лейтенант Вержбитский, ген.-майор Петров и командиры 2-го

---

[134]) Грэйвс, Виллиам С., «Американская сибирская авантюра», Нью Иорк 1941, стр. 190—191.

[135]) Дневник ген. Хорвата, упомянуто в книге Уайт «Сибирская интервенция», стр. 187.

и 3-го корпусов, ген.-майоры Смолин и Молчанов, отказались признать его главой Белого Движения. Атаману Семенову ничего не оставалось, какъ покинуть Приморье.

Так закончился первый акт действия, в котором атаман Семенов выступил в ответственной роли вождя антикоммунистического движения. В нормальное время он дослужился бы до чина войскового старшины, командовал бы Нерчинским полком, в котором начал службу, вышел бы в отставку в чине генерал-майора и доживал бы век в почете и уважении своих станичников. Но судьба избрала для него другой путь. Генерал-лейтенант в тридцать лет, верховный главнокомандующий и глава Белого Движения, кавалер ордена Св. Магомета, преподнесенного ему Высшим Арабским Сенатом в Аравии, посвященный в рыцари Святого Гроба Господня Иерусалимским патриархом Дамианом, пожалованный шкурой Белого Бобра и грамотой и поэтому равный среди монгольских князей, «правитель Сибирго» в планах японского военного командования, атаман Семенов в эмиграции считал себя законным главой Белого Движения.

В агрессивных замыслах Японии атаман Семенов играл значительную роль. Японский депутат Киюосе Ичиро заявил в парламенте, что за период от декабря 1918 по февраль 1920 генерал Танака израсходовал 21.110.000 иен на поддержание Белого Движения и, главным образом, атамана Семенова и его отряда[136]).

Касаясь этого трагического периода, атаман Семенов позже отметил: «Гражданская война в России дала много Пожарских, но очень мало Мининых».

Был ли атаман Семенов Пожарским или нет, точно установит история. В те дни было не до истории, хотя сам по себе возникал вопрос о доле участия современных Пожарских и Мининых в крушении Белого Движения. Доля атамана Семенова оказалась немалой.

Теневой период

С сентября 1921 года начался эмигрантский период скитаний и гонений. Семенов сперва перебрался в Китай и обосновался на Международном сеттльменте, но под давлением властей

---

[136]) Уайт, стр. 187.

принужден был переехать на Французскую концессию. Там некто Нахабов произвел покушение на его жизнь, был арестован, но освобожден на том основании, что «факт покушения не был доказан». Не желая допускать политической борьбы на территории Шанхая, консульский корпус предложил атаману Семенову покинуть город. Он выехал в Тяньцзин и одно время скрывался от преследований китайский властей в итальянской семье, куда его устроил бывший командир итальянского батальона, знавший Семенова еще во время интервенции в Сибири.

В 1922 году, получив разрешение на въезд во Францию, Семенов выехал из Шанхая в Ванкувер, по пути в Вашингтон, Нью Йорк и оттуда в Европу. Не ожидая ничего плохого, Семенов этой поездкой навлек на себя много неприятностей. Начались они с того, что Американский Легион и другие американские организации выступили с протестом против допущения его в Америку на том основании, что он «двоеженец» и что по его приказу были убиты американские солдаты.

На запрос по этому поводу американских газетчиков, Семенов заявил:

> Если мне откажут в посещении Северо-Американских Штатов только потому, что я был разведен со своей первой женой, то это будет доказательством того, что в Америке нет разведенных людей. Что же касается рассказов о моем отношении к американским солдатам экспедиционного корпуса, то я могу доказать, что оно было создано японскими и большевистскими агентами, чтобы сорвать мою миссию в этой стране и в Европе[137]).

В Вашингтоне атаман Семенов навестил бывшего российского посла А. А. Бехметьева и «был рад узнать, что руководители политики США ясно представляют сущность большевистской власти в России и поэтому не признают ее»[138]).

В интервью с корреспондентом американских газет Семенов заявил:

> Я всегда был сторонником демократической федерации, поэтому, выражая надежды сибирского народа, я взываю к эмигрантам... Сообщение в печати Азии и Америки, что будто я на службе у японцев... не имеет никакой доли правды.

---

[137]) Нью-Иорк Таймс, 23 марта 1922.

[138]) Семенов Г. М. «О себе, мысли и выводы», Харбин 1938.

Я не договаривался ни с какой расой в Азии, ни с Китаем, ни с Японией и то, что я делаю сейчас, делаю исключительно ради Сибири, без всяких личных расчетов[139]).

Он рассказал о тяжелом материальном положении почти четверти миллиона русских политических беженцев в Маньчжурии, Китае и Японии и обратился с призывом к американским благотворительным организациям оказать им помощь.

Нью-йоркская эпопея

По прибытии в Нью Йорк Семенов был арестован на Пенсильванском вокзале, но после внесения поручительства в 25.000 долларов был освобожден. Арест был связан с полумиллионным иском, предъявленным Семенову американской компанией Юровета, имущество которой было реквизировано в Сибири во время Гражданской войны.

В Нью Йорке Семенову пришлось пробыть два с половиной месяца и из них несколько дней в тюрьме.

Во время процесса по делу Юровета, Семенову были предъявлены иски двадцати с лишним иностранных фирм, «не имевших никаких интересов в Сибири, а работавших исключительно в Харбине».

Еще будучи в Вашингтоне, ему «совершенно случайно удалось выяснить близость сенаторов Франса и Бора к советскому неофициальному представителю Сквирскому».

Эти «волонтеры» армии Коминтерна, затевая процессы с фантастическими исками против меня, имели своей главной целью во что бы то ни стало задержать мой отъезд в Европу, ибо покровительство, которое мне оказал президент Франции г. Пуанкаре, истолковывалось ими, как подготовление к моему выступлению на Генуэзской конференции с разоблачением планов Коминтерна. Наиболее активным сотрудником Сквирского в его интриге против меня оказался ген. Грэйвс, который после прекращения гражданского процесса, выступал как свидетель в уголовном обвинении меня сенатором Бора в расстреле в Забайкалье американских солдат в период союзнической интервенции в Сибири.

Едва только выяснилось, что гражданский процесс должен закончиться в мою пользу, на сцену выступил мистер Бора, потребовавший назначения сенатской комиссии для расследования причин расстрела нескольких солдат в Забайкалье по моему приказу во время интервенции.

Комиссия эта была назначена и в ней выступал со своими

---

[139]) Нью-Иорк Таймс, 2 апреля 1922.

показаниями ген. Грэйвс, который, несмотря на то, что давал показания под присягой, допустил в них явное и грубое искажение истины, превзошедшее в своей несуразности даже фантастические измышления некоторых нью-йоркских газет.

Я легко опроверг все инсинуации Грэйвса и доказал их лживость, что вызвало резкое выступление некоторых видных офицеров американской армии против Грэйвса, потребовавших удаления его из армии, так как он опорочил себя ложной присягой[140]).

Американская печать придала процессу Семенова сенсационный характер. Генерал Грэйвс не жалел красок в опорачивании Семенова, называя его «бандитом, не щадившим никого». Генералу Грэйвсу вторил Смит, американский представитель Железнодорожной Комиссии: «Семенова считали разбойником, действовавшим исключительно ради своих интересов. Семенов не имел официального положения и ни одна из держав не признавала его». Полковник Морроу, командовавший отрядом американских войск в Хабаровске, часто сталкивавшийся с калмыковскими офицерами в хабаровских кафе-шантанах, давал свои показания в телеграмме на имя Государственного Секретаря Хьюза:

Генерал Семенов трусливый и бесчестный враг Америки, воевавший против американских войск при помощи пропаганды и клеветы. Его подчиненные виновны в предательском убийстве американских солдат. Сибирский народ знал его как убийцу и разбойника; преступления его неописуемо бессердечны и не могут быть оправданы. Он величайшее чудовище нашего времени[141]).

Прокурор зачитал из Отчетов Конгресса от 2 апреля 1922 г. заявление сенатора Эшарста, в котором Семенов был назван «бандитом, грабившим, истязавшим и расстреливавшим мирное население», при чем тут же выяснилось, что это обвинение было основано на брошюре Краснощекова-Тобельсона, главы Дальневосточной Республики[142]).

В защиту Семенова выступило несколько лиц. Аткинсон, представитель Канадского Красного Креста, сообщил следующее:

Семенов оказал всевозможную помощь и охрану, сотни английских поездов с продовольствием проходили через его

[140]) Семенов, стр. 83.
[141]) Нью-Иорк-Таймс, 9 апреля 1922.
[142]) Там же, 9 апреля 1922.

территорию и ни один из них не был задержан, хотя у него у самого была острая нужда во всем. Мы всегда считали его абсолютно честным и положительным. Я уверен, что обвинения против него ложны... Те, у кого имеются на руках факты, я уверен, подтвердят, что жизнь и имущество не только иностранцев, но и лойяльных, законопослушных русских были совершенно неприкосновенны в руках атамана Семенова[143]).

Представитель атамана Семенова в Вашингтоне заявил, что у него имелись показания американских армейских офицеров, противоречащих показаниям генерала Грэйвса[144]).

Дэвид П. Барроус, президент Калифорнийского Университета, служивший старшим офицером при Американском Экспедиционном Корпусе в Сибири, дал следующее письменное показание:

Генерала Семенова не понимают. Генерал Семенов — человек, для которого смерть пустяк. Он один из немногих настоящих вождей-борцов, человек, для которого не существует страха. Я не собираюсь выступать в защиту Семенова, но и не собираюсь обвинять его. Он железный человек, неустрашимый, наделенный качествами вождя. Он неоднократно высказывал мне свое восхищение перед американскими войсками. Я верю, что он искренно расположен к американским войскам и всегда был готов помочь им. Он делал все, чтобы заручиться нашей помощью, прежде чем принять помощь от японцев. Обвинение в убийстве американских солдат основано на недоразумении из-за вражды между адмиралом Колчаком и Семеновым.

Американцы охраняли западный сектор Сибирского пути. Семенову нужно было послать поезд через этот сектор. Американское командование (полковник Барроус, примеч. ред.) настаивало на получении Семеновым согласия от адмирала Колчака. Семенов отказался. Он послал своих людей вперед, но они были остановлены нашей заставой. Начался спор, перешедший в огонь. Несколько американских солдат было убито. Почти все семеновцы пали под нашим огнем[145]).

В своем показании относительно обстрела американского эшелона, Семенов заявил, что он отстранил от командования генерала Богомольца, а подполковника Попова, непосредственно ответственного за инцидент, отдал под суд, который приговорил его к расстрелу.

---

143) Там же, 12 апреля 1922.
144) Там же, 15 апреля 1922.
145) Там же, 15 апреля 1922.

Несмотря на то, что у обвинителей по гражданскому иску не было достаточных оснований и дело шло к оправданию Семенова, общественное мнение и пресса в Нью Йорке продолжали третировать его, как преступника. Компания, внесшая за него поручительство в 25.000 долларов, потребовала возвращения залога «из патриотических побуждений». У Семенова больше не было средств; попытки его защитников достать поручительство другой компании под залог драгоценностей его жены, оцененных в 60.000 долларов, не привели ни к чему. Семенов был арестован и препровожден в тюрьму на Ладлоу стрит.

После того, как был проигран гражданский иск против Семенова, сенатор Бора запросил федерального прокурора в Нью Йорке о возможности судить атамана за убийство американских солдат в Сибири. Тот ответил, что Семенов не подлежит федеральному или штатному суду в США по обвинению в актах, совершенных вне территории Америки.

Защитник требовал освобождения Семенова из тюрьмы на том основании, что штат Нью Йорк не имел права держать его в заключении по гражданскому иску, как и не имел права требовать залога в 25.000 долларов. На помощь атаману Семенову пришли Русское Национальное Общество и Союз Единства России и внесли за него залог. В день освобождения Семенова передь тюрьмой собралась огромная толпа, устроившая ему исключительно враждебную демонстрацию.

Суд закончился в пользу Семенова, но все его планы были расстроены. Два с половиной месяца в атмосфере крайней враждебности, созданной людьми, стоявшими на различных ступенях американской жизни, от сенаторов до мелких бруклинских лавочников, стоили ему многого. Отложенные на путешествие в Европу средства были истрачены в Нью Йорке. Читая о себе в нью-йоркских газетах обвинения в самых невероятных преступлениях, Семенов не мог не видеть на тех же страницах смакующие описания самых чудовищных преступлений, совершенных в Нью Йорке и по всей Америке.

В процессе Семенова дело шло о потере иностранного имущества в стране, объятой страшным пожаром революции и гражданской войны, в котором погибли не только материальные богатства, но и сотни тысяч, если не миллионы людей. К гражданскому иску совершенно искуственно было привязано дело об убийстве американских солдат, по показаниям гене-

рала Грэйвса — двух, по показаниям полковника Барроуса — нескольких. Но здесь, в условиях совершенно мирного времени, нью йоркские газеты пестрели описаниями самых невероятных преступлений, жертвами которых были сотни людей от младенческого до старческого возраста, и жертвами не психологического ослепления братоубийственной войны, а изощренных садистов, растлителей, хладнокровных убийц ради наживы и не менее хладнокровных убийц-подростков ради простого возбуждения. Эти преступления, совершенные в нормальное время в стране, не переживавшей ни кризиса, ни социального потрясения, не беспокоили ни вашингтонского сенатора, ни бруклинского лавочника или портного, закрывшего свою мастерскую, чтобы устроить, с тысячами подобных ему, самую враждебную демонстрацию человеку, которого они никогда в жизни не видели и с которым не имели никакого дела.

> Не нужно быть защитником генерала Семенова или событий, совершившихся в Сибири, чтобы отметить, что та дикая демонстрация враждебности, проявленная огромной толпой при выходе его из тюрьмы на Ладлоу стрит, была одинаково недостойна тех, кто ее устроил, как недостойна и города, в котором они живут[146]).

Возвращение на Дальний Восток

В конце июня 1922 года Семенов с женой прибыл из Ванкувера в Иокогаму. После нью йоркской эпопеи ему пришлось провести три недели в госпитале в Нагасаки. Но обстоятельства снова заставили его выехать из Японии и вернуться в Китай, где он некоторое время жил нелегально в Тяньцзине. Там было совершено третье по счету покушение на его жизнь. Некто Силинский, один кореец и один американец, выходец из России, вооруженные гранатами и револьверами, ворвались в его квартиру. Дело получило огласку и Семенову пришлось покинуть Тяньцзин. Он перебрался в Циндао и жил до тех пор, пока японские власти не заявили ему, что они должны передать его китайским властям. Ему удалось воздействовать на них и добиться разрешения, как человеку без страны, на въезд в Японию, дав подписку не заниматься политической деятельностью. В Японии он жил в забвении под фамилией Эрбени (одно изъ имен его полного монгольского титула) до

---

[146]) Нью-Иорк Таймс, передовая, 21 апреля 1922.

тех пор, пока японские власти снова не выдвинули его на авансцену дальневосточного театра.

Возвращение Семенова в Китай совпало со временем, когда в Пекине маршал Чжан Цзо-лин занял пост верховного правителя и когда генералиссимус Чан Кай-ши готовил свой северный поход. Семенов предложил маршалу создать для него вооруженный отряд из русских эмигрантов. Впервые подобное предложение он сделал еще в 1919 году, когда с согласия адмирала Колчака он готовился формировать для Чжан Цзолина конницу из монголов под командованием казаков.

В переговорах Семенова с Чжан Цзо-лином принимал участие живший в Пекине на покое генерал Хорват. Участие Хорвата затянуло переговоры. Как человек, хорошо знавший дальневосточные дела, он догадывался, что предложение шло не столько от атамана Семенова, сколько от японского командования.

После гибели старого маршала атаман Семенов продолжал переговоры с преемником его, молодым маршалом Чжан Сюэляном, но тот «оказался не тем человеком, который был бы способен широко смотреть на вещи и сохранить в своих руках влияние и власть, доставшиеся ему в наследство от его мудрого отца»[147]).

Затем опять наступил период бездеятельности, за исключением встречи с генералом Танака в 1929 году, который поведал Семенову, что когда он станет премьером, то направит деятельность японского правительства на осуществление давно намеченного плана отторжения Восточной Сибири от СССР и создания на этой территории «буферного государства». Танака обещал Семенову пост главы будущего дальневосточного правительства.

За исключением этих отдельных эпизодов, теневой период его жизни продолжался, сперва по различным местам эмигрантского скитания, затем в тихом пригороде Дайрена.

Оживление пришло в 1931 году, во время оккупации японскими войсками Маньчжурии. Семенов опять встретился с генералом Араки, которого знал еще с 1918 года, когда последний был начальником небольшой военной миссии в Харбине. Теперь времена изменились. Араки был одним из влиятельнейших проводников японской политики на материке Азии.

[147]) Семенов, О себе, стр. 191.

Встречи продолжались в следующем году, в 1936 и 1937, когда Араки занял пост председателя Высшего Военного Совета Японии. Обычной темой обсуждения были замыслы Японии на Дальний Восток и Восточную Сибирь, в которых Семенову отводилась роль марионеточной фигуры. Летом 1938 года, незадолго до событий на озере Хасан, Семенов встретился в Дайрене с начальником японской центральной военной миссии г. Харбина, генералом Андо, который сообщил ему о готовящейся вооруженной диверсии в Приморской области, после чего должна была последовать оккупация Приморья. «Андо советывал мне в связи с этим принять необходимые меры для подготовки к войне белых эмигрантов»[148]).

Тихий период жизни Семенова продолжался бы и дальше, если бы не события тридцатых годов, приведших Азию к великой Тихоокеанской войне со всеми ее неожиданно-фатальными последствиями для ее главных зачинщиков.

Вблизи Дайрена, в дачном месте Какахаши, на берегу моря, у Семенова было две дачи, подаренные ему императором Пу-И. Какахаши утопало в садах, в соснах и вишнях. Прекрасный пляж привлекал к себе дачников и любителей купания со всех городов Маньчжурии и Китая.

В даче, прозванной Атамановка, Семенов жил со своей большой семьей, среди друзей и однополчан, с которыми начинал службу и воевал в Великую и в Гражданскую войну. Местечко Какахаши настраивало на мирную, безмятежную жизнь.

Поток посланий

Но события, разыгрывавшиеся в Китае, не могли не нарушить это буколическое существование. Япония выходила на материк Азии, что предвещало немало потрясений. Атаман Семенов считал, что эти события в первую очередь отразятся на судьбе белых эмигрантов и что он, как человек долга, не может оставаться в стороне. Из его непосредственного окружения, как и из политических недр дальневосточной эмиграции, шли постоянные напоминания, что война с большевиками не прекратилась, что она продолжает развиваться — даже если это развитие и происходит только на собраниях эмигрантских организаций! — что в Азии наступают новые времена и «близится освобождение родины под Вашим руковод-

---

[148]) «Правда», Суд над Семеновым, 28 августа 1946.

ством». Авторы этих посланий, страдая от внутриэмигрантских раздоров и отсутствия «четкой, бескомпромиссной линии», настойчиво напоминали атаману о необходимости «единого руководства под атаманским перначем». Они ссылались на речь полковника Комацу об установлении в Азии «нового порядка» и на ответную речь атамана Семенова, и переходили на придворную лесть: «Вы и полковник Комацу ясно и авторитетно указали путь для русской эмиграции Дальнего Востока. Все мы, идущие за вами, глубоко рады по поводу вашего исторического выступления».

Характерно, что стиль и дух эмигрантских посланий всецело гармонировал со стилем и духом речей и обращений кремлевских сатрапов по адресу своих владык! В них также пестрели такие выражения, как «ваше мудрое руководство», «как вы научили», «ваша инструктивная речь», «ваше историческое выступление». Сколок России — плоть от плоти и кровь от крови — русская дальневосточная эмиграция повторяла опыт, происходивший в Советском Союзе.

Неизвестно, что больше трогало Семенова в этих эмигрантских призывах: «новый ли порядок», в котором ему могло найтись место, на подобие тех мест, занимаемых японскими марионеточными фигурами, как император Маньчжудито Пу-И и правитель «свободного» китайского правительства Ван Цзин-вей, или вера их авторов, что только он, атаман Семенов, может выправить эмигрантские дела и ввести в них порядок.

Эмигрантским смутам отводилось в этих рапортах и докладах немало места. Со значительностью мировых событий указывалось, что атаман такой-то зарубежной станицы идет за атаманом Семеновым, а такой-то не идет, но пойдет, если получит особое приглашение; что в такие-то зарубежные станицы вошли враждебные элементы и что самолюбие такого-то войскового старшины страдает и не позволяет ему работать с таким-то, с другой же стороны молодость и резкость характера такого-то сотника не должны препятствовать дальнейшему его продвижению по службе.

Подобные послания прибывали в тихую виллу атамана и нарушали установленный в Какагаши образ жизни. Они не могли не тревожить сердце человека, искренне верившего в то, что он продолжает вести активную борьбу. Он начинал оживать, забывать об изгнании, и вновь мечтать о роли осво-

бодителя и об освобожденной родине. Эти послания заставляли его все чаще поглядывать на фотографию, на которой он был изображен в расцвете своего величия — если так можно выразиться о довольно скромном и простом человеке! — в мундире с генерал-лейтенантскими погонами, с двумя офицерскими георгиевскими крестами, опиравшимся на эфес шашки, немного грузный, с лицом, словно вылитым из фарфора, с густыми, чуть закручеными кверху усами, с подбородком, закрывавшим тугой воротник, с напущенной на высокий лоб челкой полуказачьего, полунаполеоновского образца.

Поток посланий шел от частных лиц и организаций, включая такие эфемерные, как «Объединение Российских Организаций Нового Порядка», созданного по инициативе прояпонски настроенных членов Союза Дальневосточной организации, Российского Фашистского Союза и Союза Приамурских Эмигрантов. В посланиях Объединения пространно говорилось о «новом порядке», под которым понималась не только Япония в руководящей роли в Азии, но и Япония в смысле грандиозной идеи Крыши о Восьми Углах, под которой должен был бы упрятаться если не весь мир, то все то, что останется от него после того, как Гитлер высечет себе гранитный тысячелетний Райх.

Эти послания радовали не только атамана Семенова; они приходились по душе и японскому военному командованию, с которым он поддерживал тесную связь в движении за «новый порядок» в Азии. Другое дело, что, строя «новый порядок» на железной руде Маньчжурии, Индии и Малайского полуострова, на меди Индокитая и Британской Индии, на нефти Голландской Ост-Индии, на олове и каучуке Малаев, Япония могла просчитаться и не угодить всем из сотен миллионов подобранных к рукам граждан. Но в увлечении стремительного движения вперед, в величайшей за историю Японии экспансии, никто не думал о недовольных, а временные лишения и необходимость жертвовать казались незначительными по сравнению с тем, что сулило будущее.

Атаман Семенов и прояпонски настроенные эмигранты не требовали для себя ничего особенного от строителей «нового порядка». Никаких расходов, связанных с содержанием эмигрантских организаций прояпонского толка, Япония вообще не несла. Бюро по делам Российских Эмигрантов, как и подобные ему организации, не только окупали полностью себя,

но и успешно занимались поборами среди неяпонского населения на японскую армию и флот. Содержание некоторых лиц из среды эмигрантов, как атамана Семенова, шло из особых ассигнований, которые должны были бы покрыться с лихвой в будущем.

В окружении атамана Семенова не придавалось особого значения тому, что ряд прояпонских организаций существовал только в воображении предприимчивых эмигрантских политиканов, искавших для себя командных высот. Расплодившиеся атаманы зарубежных станиц, начальники различных отделов и союзов, и просто не в меру честолюбивые и своенравные люди чуждались рядовой работы и поэтому делали все возможное, чтобы их голоса были слышны не только в безмятежном Какахаши, но и в соответствующих японских учреждениях.

В увлекательном процессе установления «нового порядка» сомнительные и явно мнимые величины из эмигрантского мира находили легко себе применение. Их невзыскательные в выборе патроны не требовали от них ничего другого, кроме шагания в ногу в общем марше событий.

В окружении атамана Семенова строились политические прогнозы в соответствии с линией «нового порядка». В докладных записках указывалось, что японское движение не должно ограничиваться занятием Маньчжурии, а должно распространиться на северные провинции Китая и Монголию, хотя ко времени подачи этих записок японское командование уже сидело прочно в Шанхайгуане и Жехе, и приближалось к Чахару. Стратеги атамановского приближения отводили операции, начавшейся в декабре 1935 года, только два месяца, хотя в действительности она не была завершена и до окончания Второй мировой войны. Японским завоеваниям в Китае отводилось значение прелюдии к разрешению российского вопроса, вначале на Дальнем Востоке, а затем на всем пространстве России. Разрешение это подсказывалось следующим образом: Япония должна или добиться мирным путем согласия советского правительства на снос дальневосточных укреплений, увод войск и создание «буферного государства» во главе с приемлемым для Японии лицом, или принудить советское правительство продать ей или Маньчжуго дальневосточные области на условиях, на каких некогда Аляска была продана Америке. В одной из докладных записок даже ука-

зывалось, что «переговоры в этом направлении уже ведутся одновременно в Москве и Токио». Переговоры велись, но они касались продажи КВжд Японии.

В других докладных записках проводилась мысль, что разрешение российского вопроса не остановит наступательного движения Японии в Северном Китае, «ибо основной задачей Японии являлось прежде всего образование Великой Тихоокеанской Империи, первым шагом для которого необходимо слияние Маньчжуго, Монголии и Северного Китая в одну державу под скипетром императора Пу-И».

Относительно положения в Среднем Китае указывалось, что Япония уже имеет военную базу в Шанхае, в районе Хонкью и морские силы на реке Вангпу против Шанхая, состоявшие из одного крейсера, нескольких канонерок и миноносцев. Японской дипломатии оставалось только добиться от гоминдановского правительства пересмотра его внешней политики и установления японского политического влияния в Нанкине, а экономического — в плодородной и промышленной долине реки Янгце. Авторы записок допускали возможность отказа со стороны нанкинского правительства пойти по намеченному Японией пути, что должно было играть в руку японской политике, так как можно было бы тогда активными выступлениями принудить Нанкин пойти на соглашение.

Подобное соглашение обусловливало пересмотр китайско-советских взаимоотношений. Возможность тайного соглашения Нанкина с Москвой серьезно беспокоила Токио и оно готово было пойти на многое, чтобы только не допустить или расторгнуть его. Далее указывалось на необходимость создания в Шанхае японской концессии. Правда, это совпадало со временем, когда иностранные державы известили Китай о готовности отказа от всех экстерриториальных прав и привилегий. Но в отношении Японии должно было бы быть исключение. Китай должен был бы согласиться без всякого промедления. При наличии такой готовности нанкинского правительства пойти на встречу Японии совершенно незачем было бы японскому правительству предпринимать решительные действия против Китая, тем более, что генералиссимус Чан Кай-Ши склонен был делать ставку не на Англию и Америку, а на Японию. Со своей стороны и японское правительство должно было бы убедить националистический Китай в преимущества установления незыблемого японо-китайского фрон-

та и полного сотрудничества во всех делах.

Стратеги атамановского окружения строили планы и в отношении Южного Китая. Они считали, что деятельность Англии в Нанкине была направлена против японских интересов в Китае, и указывали на необходимость противодействия со стороны японских военно-морских кругов в Южном Китае. Возможные безпорядки, вызванные ими среди населения провинции Фуцзян и районов Амоя и Сватао, дали бы повод Японии высадить там десант под предлогом защиты японских интересов. Для успешного развития японского движения на юг указывалось на необходимость захвата контроля Ханькоу-Кантонской жел. дороги и портов Южного Китая. Кроме того Япония должна была бы не только установить наблюдение за английской военной базой в Гонконге, но и в противовес ей создать свою базу в южной части Тихого океана.

Подобные политические выкладки и прогнозы направлялись в «штаб» атамана Семенова, нарушая идилию дачного местечка Какахаши. Атаман Семенов внимательно штудировал их, накладывая резолюции и думал о том, что жизнь его из теневой стороны выходит на простор, на широкую, новую деятельность, к строительству нового мира.

Совето-нацистский альянс

Пока в сентябре 1939 года в Москве умышленно затягивались переговоры Генерального Штаба Советского Союзе с Генеральными Штабами Англии и Франции по поводу мер обезвреживания растущей мощи Германии, Молотов и фон-Риббентроп тайно вырабатывали детали полюбовного соглашения между нацистской Германией и Советской Россией.

Договор Молотова-Риббентропа вывел Советский Союз на захват Восточной Польши, Эстонии, Литвы и Латвии. Но этого оказалось мало. Красная Армия вторглась в Финляндию. То, что в начале казалось небольшой операцией полукарательного характера, превратилось в настоящую войну и заставило Сталина с тревогой поглядывать на своего партнера, как бы тот по своему не воспользовался его неудачами. Когда же недовольный терпеливым высиживанием в тени Линии Мажино Гитлер бросил всю мощь вермахта на захват Франции, наступило его время опасаться своего коммунистического друга. Но судьба явно играла в руку Гитлера. Неожиданное крушение Франции летом 1940 года не только увеличило са-

моуверенность Гитлера, но и умножило опасения Сталина. Причины для этого были налицо: Гитлер уже не колебался, начинать ли войну с Советским Союзом или нет. Параллельно самоуверенности и опасениям росло недоверие друг к другу. В сентябре 1940 года Гитлер отказался от первоначального решения напасть на Англию, зная, как лихорадочно укреплялся Советский Союз, не столько для защиты от гитлеровских полчищ, сколько для того, чтобы представить реальную силу в торге при разделе Европы. Когда Гитлер пригласил Сталина примкнуть к оси Берлин—Рим—Токио, Сталин нисколько не удивился, но предложил еще крепче связать дружбу разделом покоренной или еще только ожидавшей своей участи Европы, и поставил свои условия: советское влияние в Финляндии, Румынии и Болгарии, принуждение Турции предоставить Советскому Союзу беспрепятственный выход в Средиземное море. Затем уже раздел поровну Европы.

Требования Сталина привели Гитлера в ярость: ему и только ему одному должно принадлежать влияние в балканских странах, как предварительный шаг к их захвату. Когда Гитлер узнал, что Сталин успел заключить с Белградом договор дружбы и взаимопомощи, он немедленно напал на Югославию.

В политическом окружении атамана Семенова рассматривали сталинско-гитлеровский альянс всерьез и принимали его на веру. Настолько была сильна их вера в непогрешимость Гитлера, что все, чтобы он ни делал, рассматривалось через призму национализма — чьего, совершенно не важно! — ради установления нового порядка в мире и искоренения коммунизма. Заблуждение доходило до абсурда. Совершенно всерьез обсуждались положения, что Сталин неспроста пошел на этот альянс, так как только таким образом он мог вывести Советский Союз на национальный путь и привести его к России. Воображение дальше не шло: к какой России, императорской или фашистской! Но никаких сомнений не было в том, что в этой России атаману Семенову и его окружению отводилась руководящая роль. Неспроста время от времени атаман Семенов ронял слова, что кто то с ним уже вел переговоры, и что эти «кто то» могли быть только из Советского Союза.[149])

---

[149]) «...я вот что хочу сказать, что сидеть так, как я сижу, я дольше не могу, когда идут события, которыми пользоваться надо, пока не поздно, говорю вам откровенно... я врожденный военный аантюрист и поэтому, если советское правительство предложит мне

Политическая ворожба семеновского окружения продолжалась. Как на одно из многих развитий советско-нацистского альянса указывалось, что он предоставит Гитлеру возможность использовать советскую военную мощь для борьбы против Англии. На этих предпосылках строились особенно глубокомысленные политические расчеты, которыми обязательно должен был воспользоваться атаман Семенов, не столько для того, чтобы укрепить себя в положении младшего партнера Японии, сколько для того, чтобы подсказать ей возможность умелого использования обстановки. Никто из авторов докладных записок не сомневался в том, что их стратегические и тактические упражнения читались сперва в разведывательных отделах Квантунгской Армии, в японских военных миссиях, а затем уже доходили до атамана Семенова.

На ряду с советско-нацистской дружбы много места отводилось в этих докладных записках сохранению англо-японской дружбе.

> ...ход мировых событий в связи с началом мировой войны ради сохранения интересов Англии на Дальнем Востоке должен поставить ее на путь соглашения с Японией. В свою очередь, Япония, договорившись с Англией, закрепит свое положение в Китае и сможет нанести удар по советскому Дальнему Востоку. Такая диверсия вынудит СССР перебросить значительные военные силы на Дальний Восток, что лишит таким образом Германию возможности использовать в полной мере Красную Армию на западе[150]).

Такое положение по мысли авторов записок давало возможность атаману Семенову возглавить антикоммунистическое движение на Дальнем Востоке путем создания плацдарма в Монголии и выступления белоповстанческих сил в Приморье. Число русских эмигрантов, проживающих в пределах Маньчжуго и в Китае, определялось в 150 тысяч человек, из которых в первую очередь предполагалось возможным сформировать казачий корпус в 25 тысяч человек. Атаман Семенов считал, что по его первому зову к нему примкнет, по крайней

что-нибудь почетное для меня, если другие не сумеют воспользоваться этим, то я приму их предложение. ..»
(Из воспоминаний И. П. Казнова о Семенове, Русский архив в Сан-Франциско, стр. 50).

[150]) Из «Семеновского материала», также находящегося в Русском Архиве в Сан Франциско.

мере, сто тысяч монголов. Кроме того еще упорно держался миф, что при первом звуке трубы под атаманский пернач встанут неисчислимые ряды казаков-добровольцев.

Что касается монголов, то еще можно было допустить, что призыв атамана Семенова, получившего от правителя Хухухты Ламы титул монгольского князя, мог бы найти отклик. Но с 1921 года Монголия была под зорким наблюдением советских властей, готовящих ее для будущей роли вассала Советского Союза.

Монголия всегда занимала большое место в планах атамана, как занимала место и в получаемых им докладных записках. В особом положении стояла у него Монголия и в тех сокровенных расчетах, благодаря которым он надеялся заручиться помощью Великобритании.

В одной из записок развивалась мысль, что среди населения Монголии и китайского Туркестана особенно сильно крепло движение за образование независимого монгольского государства. В ней упоминалось письменное завещание умершего в 1932 году Бай Ламы, призывавшее монголов идти за атаманом Семеновым для создания независимого монгольского государства. Монголы почитали Бай Ламу святым еще при его жизни и свято чтили его заветы. Пренебрежительное отношение к его личности вызывало у монголов возмущение и нередко приводило их к открытому восстанию. В 1935 году монголы воспротивились попытке японских агентов Квантунгского командования, в особенности, полковника Доихара, поднять общемонгольское движение, так как оно расходилось с завещанием Бай Ламы. На этом же основании монголы казнили полковника японской разведки Мацуй.

В Монголию тем не менее просачивалось японское влияние. Оно шло, главным образом, через Маньчжурию, при чем конечной целью движения была «независимость» Монголии, но независимость на японский лад. Между императором Пу-и и монгольскими князьями существовало устное соглашение, основанное еще на манифесте маньчжурского императора Кан-си в 1698 году о даровании монголам независимости. Между владетельными монгольскими князьями существовала взаимная договоренность о создании федеративного монгольского государства из северо-западной части Внутренней Монголии, где нет китайского населения, Внешней Монголии, Кобдского Округа, Улясутая и Синьцзина. Эта договоренность

была закреплена особым соглашением, подписанным 24 дек. 1923 года такими выдающимися монгольскими лидерами, как Де-Ван, Хан-Ван, Байрон-Ван, Харчин-Ван, Фу-Хай и другие. Это соглашение обусловливало выбор главы объединенной Монголии. Таким избранным мог быть любой из владетельных князей, или из тех независимых вождей, заслуги, а не происхождение которых давали им право на избрание.

Монгольское независимое государство должно было служить буфером между Маньчжуго и СССР. Ей отводили и другую необыкновенную роль — стать приемной матерью русской эмиграции на Дальнем Востоке, дав этим возможность последней сыграть руководящую роль в культурном и экономическом развитии страны. Судьба русской эмиграции ставилась в прямую зависимость от парадоксального вывода, что пакт Риббентропа-Молотова выводит Советский Союз не только на путь национализма, но и на разрыв с Коминтерном и отход от задач мировой революции и коммунизации всего мира. При наличии такого идеалистического оборота дела, российская эмиграция перестает быть врагом СССР и возбудителем антисоветских выступлений. Советская же Россия, развивалось дальше в докладной записке, «примиряется с положением в Монголии и этим заслуживает доверие русской эмиграции, что приводит к установлению взаимной дружбы».

В действительности же Советская Россия была далека от такого евангелического разрешения вопроса. Меньше чем через год после подписания монгольскими князьями особого соглашения, советские дальневосточные политики подбили молодых монголов на переворот и в декабре 1924 года, провозгласив Монгольскую Народную Республику, оказали ей сомнительную честь стать первым малым спутником в кремлевском созвездии. В 1945 году, пользуясь слабостью Китая, СССР заставил его отказаться от всех притязаний на Монголию.

Расчеты на нанкинское правительство

Японии удалось проникнуть вглубь Китая, но ни удержать его, ни выйти из него она уже не могла. Японское командование решило создать в Китае марионеточное правительство на подобие Маньчжуго, которое было бы ответственно за «новый порядок» в Китае. Возглавить прояпонское правительство был приглашен небезызвестный Ван Цзин-вей.

Поиски союзников на Дальнем Востоке были ограничены

условиями, в которых был заинтересован атаман Семенов: в предоставлении ему моральной и материальной помощи, оборудования, снаряжения, оружия. Были нужны средства и средства большие. Неменее важным условием являлось согласие японского военного командования, как и самого Токио. Идеальным положением была бы еще уверенность в том, что согласившись начать антикоммунистическое движение, Япония сделала бы это не ради собственных интересов, а ради русской эмиграции на Дальнем Востоке и всего Белого Дела.

Уверенности этой у атамана Семенова не было. За многие годы сотрудничества с японскими властями он не мог не знать, что они преследовали только свои цели, и были заинтересованы исключительно в расширении своих владений, а не в антикоминтерновском пакте, германо-итальянской оси и трафаретных лозунгах о «священной борьбе против коммунизма». Все это Японии было нужно только как побочные средства в создании Великого Ниппона и в построении над Азией Восьмиугольной Крыши, хотя и тогда можно было видеть, что это громоздкое сооружение строилось на песчаном фундаменте. Семенов вспоминал о многих выступлениях японского командования, когда он сам еще занимал высокое положение в Чите, обычно мешавших проведению всего, что не играло им целиком в руку. Он невольно сравнивал свое положение с положением неискушенного в политике молодого маньчжура Пу-и, которого политические махинаторы Японии посадили на декоративный трон Маньчжуго, и с положением испытанного в сложной политической игре Китая Ван Цзин-вея, которого Токио, в согласии с планами принца Коноэ, готовило на неменее декоративное место главы прояпонского Китая. Атаман Семенов знал, что и для него готовилась подобная роль, если политическая и военная обстановка сложилась бы так, что Япония вышла бы за Уссури и Амур для отторжения российских владений. Его неспроста окружали заботами, поселили в отличном доме, подаренном ему по распоряжению японских советников правителем Пу-И. Ему не мешали работать, поскольку эта работа способствовала интересам Японии. Выдавали даже некоторые средства. (Атаман Семенов жил в стесненных обстоятельствах и при каждом удобном случае перезакладывал свою вторую дачу, несмотря на то, что она уже была заложена в банке ЮМжд. У него были различные коммерческие дела, как операции с каменным углем, обычно за-

канчивавшиеся провалом. Для проведения их он должен был спрашивать разрешения японских властей, которые говорили ему: «зачем вам деньги? Вы получаете достаточно»). И все же ему не доверяли полностью. К нему, в качестве наблюдателя, был приставлен некто Нива, Павел Михайлович, по рождения уссурийский казак, женатый на японке и ставший японским подданным. Обо всем, что происходило у Семенова в доме и в его окружении, Нива докладывал в японскую военную миссию в Дайрене.

Атаман Семенов хорошо понимал специфическую обстановку Дальнего Востока, чтобы мечтать о свободе действия. Но он жил в один из увлекательнейших периодов, встречался с такими влиятельными людьми, как принц Коноэ, генерал Араки, полковник Доихара, Чан Кай-ши, Чжан Цзо-лин. Он был одним из действующих лиц на огромной арене, на которой строился мир, рассчитанный на величие и долговечность. Можно ли упрекнуть атамана Семенова в политической близорукости, если полмира обманывало себя в расчетах на вечные империи и тысячелетние райхи! Семенов был участником сложной драмы, охватившей сотни миллионов жизней, драмы, которая должна была привести к грандиозным изменениям не только географические карты, но и состав народов Азии.

Конец тридцатых годов, время подписания договора Риббентропа-Молотова, еще никак не определял надвигавшиеся события. Все казалось шло по плану. Говорили о войне, но как это бывает обычно, войны не ждали. Япония приближалась к апогею своего национального расцвета. У ней было все: могущественная армия, хорошо развитая военная промышленность, высокий дух, готовность народа жертвовать ради создания великого Ниппона. Китай казалось был обречен на неизменную неурядицу и смутные времена. Советский Союз выходил на путь агрессивного соперничества с гитлеровской Германией.

Тридцатые годы были годами непомерного роста национализма: из седого прошлого Муссолини восстанавливал великую Римскую Империю, Гитлер строил свой тысячелетний райх. Япония возводила над Азией Крышу о Восьми Углах. Сороковые годы стали годами испытаний. Затем фатальный для оси Берлин—Токио 1945 год, не только военное поражение и потеря искусственно созданных империй, но и полнейший крах Германии и Японии.

Сверкающее пламя

В 1939 году Ван Цзин-вей окончательно порвал с Чан Кай-ши и принял предложение Японии занять пост президента прояпонского нанкинского правительства. В своем приветствии по этому случаю атаман Семенов писал Ван Цзин-вею:

> В эти блистательные великие дни, когда в Восточной Азии в сердцах людей сверкающим пламенем начинает возгораться надежда на победу над коммунизмом и надежда на его полное истребление, я, атаман Семенов, считаю своим национальным долгом и величайшей радостью обратиться к Вашему высокопревосходительству с почтительнейшими словами поздравления от всех русских людей, живущих в странах Дальнего Востока, непрестанных борцов против Третьего Интернационала.

В тяжелые испытания вооруженной борьбы против коммунизма в России, писал он дальше, судьба наложила на его плечи священный долг завершить борьбу против Третьего Интернационала. Он указал на принятие законной власти от адмирала Колчака и, упомянув, что Ван Цзин-вей принял ее от Сун Ят-сена, провел историческую параллель, не без расчета получить признание со стороны последнего.

> Я, атаман Семенов, как большинство русского народа, живущего на Дальнем Востоке, был рожден на его территории, и нам больше чем кому бы то ни было понятны стремления лучших людей Востока в установлении Нового порядка в Азии... Я, атаман Семенов, и весь русский народ со мной оценивает, что Ваше ведение Китая — великое дело, и мы ожидаем, что Вы поведете нас, Ваше высокопревосходительство, к великой борьбе против Третьего Интернационала. Я и весь русский народ со мной будем призваны Вами, и мы знаем, что Вы не сомневаетесь в нашей энергии и способности, которые мы дадим приходу Священной войны. Известие, что Вы взяли бразды правления в Китае в свои руки в эти трагические дни истории, наполнило наши сердца радостью и надеждой, т. к. только Вы, национальный воин и вождь, понимаете все глубокие трудности процесса борьбы за национальное существование для нас, оставивших свою родину и получивших такое сердечное гостеприимство в великом Китае, и надеждой, потому что с Вашим именем я и все русские связывают представление, что Вы не остановитесь и приведете Ваши планы и цели к удачному завершению. Вот почему и ярок тот энтузиазм всех русских атикоммунистов по случаю известия, что Вы, Ваше высокопревосходительство, стали главой национального правительства Китая.

Если не приходиться сомневаться в искренности чувств атамана Семенова, то нельзя отказать ему и в простоте политического мышления. С другой же стороны атаман считал свой расчет верным: Япония восходила к зениту своей славы, Чан Кай-ши казалось был обречен на забвение, отсиживавшиеся в Яньяне китайские коммунисты еще не могли найти себя. Единственной реальной силой в Азии оставалась только Япония. Обращаясь к президенту Ван Цзин-вею, атаман Семенов прибавлял и свое имя к именам строителей «нового порядка» и новой империи. Простодушие атамана Семенова и его политическую неискушенность следует приписать его вере в то, что главной целью нового движения в Азии являлась борьба против Третьего Интернационала. Размышляя в тени садовой беседки о «новом порядке» и строившейся империи, атаман Семенов представлял их покоящимися на евангельских началах добра и справедливости, на утопических основах очищенного и обеленного рая, в котором, после изгнания из него коммунистов и деятелей Третьего Интернационала, наступит праведная жизнь.

Немудренно поэтому, что развивая свои мысли перед новым участником построения империи, атаман Семенов находил в своем пере красочные образы и невольно вдавался в поэтический пафос:

> Как в старые дни, когда еще не был изобретен компас, навигатор вел свой корабль по определенной звезде, хотя он и понимал, что никогда не достигнет ее, но все же он вел путь на нее, зная, что звезда обязательно приведет его корабль к тихой бухте. Так же и все русские в Китае смотрят и держат свой путь по Ван Цзин-вею; хотя наши дома истреблены коммунистами, и мы не будем в них жить, но следуя за Вами, мы, безусловно, прийдем к нашей родине России.

После соответствующей подготовки атаман Семенов перешел к изложению того, что являлось главной сутью его пространного обращения:

> К моему сожалению и всех моих сотрудников и подчиненных, самым слабым местом антикоммунистического фронта является подготовка или другими словами, слабая кооперация наций в этой борьбе, т. е. китайские бойцы идут по своему собственному пути, по своему пути идут японские, а русские антикоммунисты, не имеющие своей собственной территории, предоставлены сами себе, что ослабляет борьбу на 90 процентов.

Он указывал президенту на недостаточную информацию антикоммунистического характера на китайском языке, на тысячеверстную границу Китая и России, которую следовало бы использовать в подготовке китайского населения к борьбе против разрушительных идей коммунизма. Он указывал на необходимость создания при нанкинском правительстве особого японо-китайско-маньчжурско-русского антикоммунистического департамента, национального союза главных представителей наций, строящих «новый порядок» в Восточной Азии. Такой политический департамент, писал он, дал бы возможность, не теряя времени, заняться пропагандой и агитацией и достичь хороших результатов. Ссылаясь на слабую осведомленность, а то и полное отсутствие ее среди высших чинов китайского правительства относительно советской международной политики, Третьего Интернационала и исходящей от них опасности, атаман Семенов указывал на крайнюю необходимость введения дополнительных курсов в китайских военных школах по изучению Советского Союза, его военного и экономического положения и возможных участков войны. Семенов шел дальше советов и предлагал предоставить в распоряжение военного министра Нанкина своего офицера Генерального Штаба.

> ...полное знание врага и точное изучение его сил могло бы дать возможность возглавляемому Вашим высокопревосходительством правительству принять безошибочное решение. Присутствие же русских инструкторов в военных учреждениях будет способствовать дальнейшему развитию этого знания, т. к. они могут дать абсолютные точности во всех деталях военно-экономической разведки.

Атаман Семенов дальше указывал, что русские антикоммунисты в эмиграции непрестанно «культивируют дух жертвенности и готовности» и по первому зову станут в ряды бойцов с оружием в руках. За годы эмигрантской жизни и в борьбе за существование русские эмигранты изучили многие технические отрасли, что должно было бы помочь Китаю в его борьбе с коммунизмом. Уверенность атамана Семенова не оставляла его и дальше. Он писал:

> В случае решения национального правительства Китая в целях борьбы с Третьим Интернационалом призвать для этой священной войны русских антикоммунистов, я беру на себя смелость утверждать перед Вашим Высокопревосходительст-

вом, что русские на Дальнем Востоке не только могут выставить фактические войска, как полки, батареи, танковые дивизии, но и научно-военных экспертов высокого класса, химиков, электротехников, радиоспециалистов и т. д. Я считаю, что работа должна быть в трех направлениях:

1. Японско-китайско-маньчжурско-русский отдел политической пропаганды.
2. Курсы военно-экономической разведки при китайской военной академии.
3. Курсы военной администрации в китайско-русском департаменте.

Эта работа будет всеобъемлющей и необходимой для взаимной деятельности китайских вооруженных сил и русских антикоммунистов в общем фронте против Третьего Интернационала.

Неизвестно, каков был ответ Ван Цзин-вея на государственный проект атамана Семенова и был ли вообще какой либо ответ, кроме возможного утверждения японских властей, что красноречивое послание атамана передано по назначению. Так как вся корреспондеция атамана шла через японских властей, куда ее доставлял для просмотра Нива, то нет сомнения, что в составлении своего проекта, Семенов учитывал это обстоятельство. Он мог искренно верить, что «новый порядок» создавался исключительно ради искоренения зла, идущего от Третьего Интернационала. А если не верил целиком, то, закрывая глаза на его скрытый характер, по простоте душевной надеялся, что получив от этого порядка много, Япония не пожалеет уделить кое-что и для белой эмиграции.

В «государственном» проекте атамана Семенова не было ничего нового для японских властей. Через Бюро Эмигрантов они отлично знали о всех эмигрантских делах. Что же касается изучения военной, экономической и социальной жизни Советского Союза, то этим был занят большой отдел Квантунгской Армии.

Создание разведывательного русско-китайского отдела под руководством офицеров-эмигрантов не устраивало японские власти. Их не интересовала тесная связь даже тех ограниченных сил, которые были в распоряжении атамана Семенова, с силами марионеточного правительства Ван Цзин-вея. Строя новый порядок в Азии и проповедуя его добродетельно-идеалистический характер, главные строители его, Токио и руководители японской политики в Китае, не доверяли ни тому, ни другому.

В поисках новых друзей

Сталинско-гитлеровский альянс навел атамана Семенова на поиски новых партнеров войны против коммунизма. На фоне этого неожиданного альянса открылись возможности, которые нельзя было бы не использовать. Неизвестно, кто на самом деле явился автором переговоров, которые предпринял атаман Семенов в 1939-1940 г. г., сам ли он или политические руководители Японии. В начале переговоров был дан намек, что они исходят от лиц военной группировки, т. е. Квантунгской Армии, военной миссии в Дайрене, Военного Министерства и Главного Генерального Штаба в Токио. В лучшем случае, это могло быть полуправдой. Ведение этих переговоров, участие в них некоторых лиц, обстановка и характер невольно подсказывают, что они велись с ведома и разрешения японских властей, которые однако не придавали им никакого значения. Весьма вероятно, что, достигнув к тому времени наибольшего успеха в Китае и вытеснив оттуда английское влияние и авторитет, Япония хотела подчеркнуть свое снисхождение к Великобритании. Никакого вреда эти переговоры не могли принести Японии, а в случае их успешного завершения несомненно поднялся бы ее престиж среди народов Восточной Азии, если Великобритания на самом бы деле стала ее младшим партнером в деле установления «нового порядка».

Переговоры атаман Семенов вел с «секретным представителем британского правительства», как в атаманском кругу нравилось называть английского адвоката Джона Р. Джонса из шанхайской фирмы Эллисъ и Хайс. В этих переговорах Джонс выступал как близкий друг британского военного министра, который, как заверял он, был заинтересован в успехе переговоров.

На переговорах атаман Семенов выступал как русский национальный вождь, близко связанный с японскими военными кругами. В начале переговоров было сказано, что группа влиятельных офицеров Квантунгской Армии ищет возможности избежать войны с Великобританией и США, дабы путем сближения с этими сторонами, действовать против общего врага, СССР. Атаман Семенов не одобрял альянса Японии со сторонами оси — Германия и Италия, считая его роковой ошибкой, противоречившей интересам борьбы с коммунизмом. Наиболее выгодным он считал создание единого антисоветского фронта Японии, Англии и, возможно, Соединенных Штатов Америки.

Переговоры тянулись несколько месяцев в 1939-1940 годах. Атаман Семенов обычно приезжал в Шанхай в сопровождении неизменного Павла Нива, который оплачивал его расходы, следил за ним, но в переговорах не принимал никакого участия. В качестве переводчика присутствовал Ю. А. Черемшанский, связывающее звено между атаманом и Джонсом.

В переговорах обсуждались такие вопросы, как направленный против Великобритании договор дружбы Гитлера-Сталина; необходимость общего антикоммунистического фронта; отношения между Японией, Великобританией, Китаем.

Атаман Семенов доказывал, что ход развивавшихся международных событий в связи с началом новой мировой войны должен поставить Великобританию на путь соглашения с Японией. Только таким образом она может сохранить свои интересы на Дальнем Востоке. Договоренность этих двух стран дала бы возможность Японии закрепить свое положение в Китае и нанести удар по русскому Дальнему Востоку. Угроза со стороны Японии вынудила бы СССР удержать значительные силы на дальневосточной окраине, что — на чем особенно настаивал Семенов — лишило бы нацистско-советских стратегов возможности бросить Красную Армию на Великобританию. Семенов дал понять Джонсу, что нацистские круги предлагали ему принять участие в совместном походе на Индию через Памир и Афганистан. Такое же предложение, повторенное притом три раза, делали ему и некоторые советские круги, но как и в первом случае, он решительно отказывался от участия в подобной авантюре.

В докладной записке британскому агенту атаман Семенов особенно подробно останавливался на этой фразе. На Ближнем Востоке, писал он, Советский Союз граничит с Турцией и Ираном на протяжении 5.000 километров. Кроме того, Красный Флот должен нести охрану берегов Черного моря. За последние месяцы мировая печать все больше внимания уделяла гигантским приготовлениям на Ближнем Востоке, где в состав союзнической армии под командованием генерала Вейгана входили части австралийских, новозеландских, французских и сирийских войск. Кроме того Турция могла выставить не меньше 30 дивизий. Касаясь трудностей кампании по захвату бакинской нефти и операций на Северном Кавказе, Семенов считал, что Советский Союз был в состоянии выставить на этом участке до 600.000 человек, что потребовало бы со сто-

роны союзников противопоставить армию вдвое больше. В случае захвата немецкой армией Кавказа, на что у них были все возможности при наличии лучших путей сообщения, Семенов считал, что союзники должны были бы занять выжидательное положение на Ближнем Востоке и сосредоточить необходимые силы для защиты пути на Индию и Афганистан. Попутно с этим союзники должны были подбить население Средней Азии на восстание против советского правительства, а уже затем выйти на север, к Семиреченской области, в направлении Семипалатинска и Барнаула, на пересечение Великого Сибирского Пути.

Нет сомнения, что образ конницы, пробиравшейся из-за Каспия через пески на север, перекрещивая исторический путь Тамерлана, разжигал воображение атамана Семенова. Если в своем видении атаман Семенов не жил с десяток столетий назад, то он, во всяком случае, еще находился в девятнадцатом столетии!

Покончив с этим театром, не без расчета сыграть на слабых струнах Великобритании, Семенов еще раз подчеркнул заинтересованность наци-коммунистического альянса в историческом пути на Индию. Что же касается Дальнего Востока, то Семенов считал, что определенно выраженная антисоветская позиция и содружество Великобритании с Японией заставят СССР держать большую часть своих вооруженных сил вдоль советско-маньчжурской границы и в Приморье, которые в противном случае были бы использованы нацистским командованием на прорыв к Англии через Бельгию, Голландию, и Францию.

Семенов доказывал, что СССР уже ведет войну против английских интересов в Азии через свои дальневосточные ворота, и что пора их наглухо закрыть. В Азии, подчеркивал он, необходимо проведение твердой политики, выразителем которой до сих пор была Великобритания, и совершенно нельзя проявлять слабость и нерешительность. Он настаивал на необходимости войны против СССР на том основании, что советское правительство уже вело войну против западных стран. Объявление войны воодушевило бы русский народ на борьбу против советской власти, но для этого необходимо вначале заручиться согласием Японии на этот шаг, а уже затем пойти походом против коммунистического правительства СССР, как врага всего мира. Семенов предлагал закрыть блокадой

Петропавловск, Охотск, Аян, Владивосток и Советскую Гавань, через которые поступало сырье не только для СССР, но и для Германии. Но блокада тихоокеанских советских портов не была еще достаточной мерой и поэтому было необходимо втянуть СССР в войну, чтобы отвлечь его от Германии. Для этой цели Семенов предлагал ряд одновременных оперативных действии по линии Уласутай-Кобдо-Лагчоу-Хами-Урумчи, чтобы попасть в сердце Кузнецкого бассейна и в Новосибирск, в индустриальный центр Сибири. Эти совместные действия дали бы следующие результаты:

1. Закрыли бы советские порты на Тихоокеанском побережьи.
2. Прервали бы железнодорожное сообщение.
3. Парализовали бы деятельность Кузнецкого района.
4. Парализовали бы промышленные центры Сибири.
5. Закрепили бы большое количество советских вооруженных сил на Дальнем Востоке.

В заключение Семенов коснулся своей роли в этих операциях:

> При согласии Японии на предложенные операции на Дальнем Востоке я мог бы начать их сам немедленно со своими людьми, с казаками молодого поколения.
>
> У меня имеется аппарат для поднятия восстания внутри России при сознании, что в определенные моменты мне помогут прорваться японские войска и при условии соглашения между великими державами о снаряжении моих войск и снабжении их всем необходимым.
>
> В распоряжении антикоммунистического генералитета будут части монголов, о чем я достиг соглашения с монгольскими князьями в Монголии.
>
> Я могу предложить все планы, разработанные моим штабом, но настоящим письмом я хочу только привлечь внимание не только военной главной квартиры союзников, но и тех политических руководителей, которые могут оказать влияние на правительства, участием которых в этом деле я хотел бы заручиться.

В программе беседы были следующие пункты:

> 1. Указать, что атаман Семенов прибыл в Шанхай раньше, чем предполагал, т к. его друзья настаивали на необходимости начать эти переговоры как можно раньше. Семенов имел полномочия от Квантунгской армии на ведение этих переговоров с Джонсом. Об этих переговорах знало и Токио, включая штабы армии и флота. Местные же власти и правительство Ван Цзин-вея не были в курсе их.

2. Подчеркнуть, что атаману, как русскому национальному вождю, пути которого совпадают с путями Японии, удобнее вести переговоры с английским представителем по русскому вопросу, чем японским властям.

3. Если Великобритания желала бы нанести удар по СССР на Дальнем Востоке, то прежде всего она должна была бы способствовать прекращению борьбы в Китае, чтобы Япония могла бы использовать наибольшее количество сил против СССР.

4. Политика дружбы и сотрудничества Великобритании с Японией ради совместной борьбы против Коминтерна повела бы к разделу сфер влияния в Китае между Японией, Англией и США. Север остался бы в сфере влияния Японии, а юг в сфере англо-американского влияния. В таком случае Япония готова была бы вывести свои войска из Среднего и Южного Китая.

5. Великобритания должна была бы повлиять на маршала Чан Кай-ши и привести его к разрыву с коммунистами Китая и с СССР. Антикоммунистическая декларация Чан Кай-ши немедленно поставила бы его в разряд друзей Японии.

6. Создание единого антикоммунистического фронта на Дальнем Востоке должно быть тесно связано с организацией и поддержкой русского национального белого движения. Только при участии в этом движении белых армий под лозунгом освобождения России от коммунистического ига можно добиться успеха и широкой поддержки русского народа. В противном случае он будет смотреть на участников антикоммунистической борьбы, как на интервентов и агрессоров.

7. Указать, что у атамана Семенова имеются связи в Красной Армии и ячейки своих людей в Забайкалье и Приморье.

8. Обратить особое внимание на то, что участие Великобритании и финансирование ею антикоммунистического движения должны были сделать это движение независимым и придать ему международный характер.

Атаман Семенов перечислял наличие вооруженных сил, имевшихся в его распоряжении:

1. Монгольская бригада из трех полков, составленная из монголов, забайкальских казаков и бурят, под командованием ген.-лейт. Уржина.

2. Две бригады забайкальских казаков в Трехречьи.

3. Два военных училища, регулярное и казачье, в Харбине.

4. Полицейские пограничные отряды в Маньчжудиго до 2500 штыков.

5. Охранные отряды на концессиях и приисках.

6. Тяньцзинский русский волонтерский корпус и военные курсы.

7. Кадры пехотных и кавалерийских полков и артиллерийских батарей.

Результаты переговоров

Ответ Джонса на предложение атамана Семенова не носил определенного характера. Он заверял последнего, что военный министр Великобритании был заинтересован ходом переговоров и ставил в известность правительство относительно их успеха. Семенов понимал, что эти заверения мало что значили, кроме пожелания самого Джонса продолжать переговоры, хотя бы на том основании, что, не рассчитывая на успех, они все же не причиняли никому вреда.

В 1939 году, во время начала этих переговоров, трудно было предполагать, что через несколько месяцев разразиться вторая Великая Война, и втянутыми в нее окажится все страны, которыми в своих планах манипулировал атаман Семенов, но совершенно в иной группировке. Япония без всяких экивоков вышла на путь вытеснения из Азии иностранных держав, что прежде всего ударило по Великобритании с ее огромными капиталовложениями и жизненными интересами. Указание Семенова на готовность Японии поделить сферу влияний в Китае не могло быть принято Джонсом всерьез, так оно исходило от частного лица, всецело зависящего от японских властей. Ни для кого не оставалось секретом, что Япония завязла в Китае с 1937 года и не была в состоянии выпутаться своими силами без признания своего поражения, и что поэтому она старалась найти удобный выход, который сохранил бы ей в Азии «лицо». Вряд ли накануне вступления в войну в Европе Великобритания хотела бы навязать на себя дополнительные обязательства в Азии. С другой стороны Великобританию не могла не тревожить Япония, ее пламенная восприимчивость, с которой она следовала по пути Гитлера, сама выходившая на великодержавный путь создания великой ниппонской империи «высшей расы Ямата».

Если Джонс и английское правительство (если оно действительно участвовало в переговорах) могли согласиться с заверением атамана Семенова, что это была последняя попытка военных кругов влиятельной Квантунгской Армии избежать военного столкновения с Великобританией, то они должны были согласиться и с тем, что никакие силы уже не были в состоянии изменить или задержать динамический ход Японии, что в воронку его центростремительного движения были втянуты лица, давшие ему начало, как барон Танака, принц Коноэ, генералы Тоодзи, Араки, Доихара.

Ход переговоров шел на уровне, лишенном всякого веса и авторитета. Атаман Семенов нередко вспоминал, что первые деньги (300.000 рублей) на ведение антикоммунистической борьбы он получил от британского консула. Но положение в 1939 году значительно отличалось от положения в 1918 году.

Переговоры тем не менее велись. Кроме трех личных встреч Семенова с Джонсом последнему было представлено несколько докладных записок. В одной из них сообщалось следующее:

Япония решила поддержать Семенова, если Великобритания предпримет финансирование антикоммунистического движения из средств б. российского законного правительства адмирала Колчака, депонированных английским правительством. Как преемник адмирала Колчака, по указу последнего от 4 января 1920 года, атаман Семенов заявлял на них права. Финансирование Великобританией предполагалось провести следующим образом: вначале отпустить средства на формирование Дальневосточной Армии, созданной на добровольческих началах для антикоммунистической борьбы. После получения средств отряды атамана Семенова формируются на границах Монголии и Синкианга, уже захваченного советскими войсками. После восстановления своего положения, как главы российского правительства, и признания его Японией, начнутся переговоры о передаче ему денежных вкладов адмирала Колчака в банках Великобритании. Пока же в счет их британское правительство ассигнует пять миллионов долларов на немедленное формирование вооруженных отрядов. В штабе атамана Семенова будет находится глава особой британской политической и военной миссии. Армия атамана Семенова должна состоять из 100.000 солдат всех родов оружия, включая в состав ее русских эмигрантов, монголов и прочих добровольцев. Япония выдасть Великобритании гарантию в снабжении этой армии нужным оружием; дальнейший же вопрос о вооружении будет вырешен совместно с представителями Великобритании, Японии и атамана Семенова. После развития военных действий этими силами, правительство Маньчжудиго примет самое активное участие в борьбе с Красной Армией и, если это окажется нужным, то и с Германией. За помощь Великобритании ей будет предоставлена, в добавление к особым привилегиям в Южном Китае, сфера влияния в Монголии, Синкианге и Сибири, причем это влияние разделяет и правительство Маньчжудиго.

В последней записке, помеченной «совершенно секретно», 9-м пунктом было приписано, что «национально возрождающейся российской государственности важно иметь не абсолютный пресс со стороны Японии».

Переговоры атамана Семенова с адвокатом Джонсом не привели ни к каким положительным результатам. Три стороны их — атаман Семенов, японская военная миссия (в качестве немого партнера) и Джонс (неизвестно, уполномоченный на это или просто один из предприимчивых служащих британской разведки) не ждали от них положительных результатов, а рассматривали как одну из фаз сложной политической игры. Великобритания была сама накануне величайших событий. По договору о взаимной поддержке с Польшей она объявила войну Германии, вторгнувшейся в пределы своего восточного соседа. Выполнение международных обязательств ставило перед Великобританией вопрос о собственной судьбе. Опьяненная первыми успехами Германия еще колебалась, куда направить свою динамическую силу, на запад, в обход линии Мажино, через проторенный путь захвата Франции — Бельгию и Голландию, или на восток, на осуществление своего заветного стремления «марша на Восток». Вмешательство в дела Дальнего Востока и, особенно, в сомнительное по характеру предприятие атамана Семенова, не сулило ничего положительного, прежде всего уже потому, что Япония следовала Германии в прямолинейном проведении ультра-националистической политики и установлении расового превосходства.

Закулисное участие японских властей в этих переговорах мотивировалось кроме чисто разведывательных соображений, желанием найти разрешение почти безвыходному положению в Китае. Это разрешение сводилось к принуждению Чан Кай-ши признать за Японией руководящую роль в Азии и стать младшим партнером в создании «нового порядка». Японские власти не оставляли наивной надежды, что британское правительство окажет свое влияние на Чан Кай-ши.

Но в японском мышлении не укладывалось, что результатом политики Японии в Китае было не разъединение и разделение его на различные сферы влияния, не подчинение его установленному в Токио порядку, а сознательное объединение вокруг Чан Кай-ши. Вопреки своим задачам и целям, Япония явилась цементом, прочно связавшим различные элементы Китая, включая самостоятельных военных губернаторов, в

одно целое. Единственно, кто оставался в стороне от процесса национального слияния и спайки, были отсиживающиеся в Яньяне китайские коммунисты.

Эта сторона переговоров, не очень ясно очерченная, но достаточно очевидная, бесспорно была самой интересной для Джонса, и, как он заверял атамана Семенова, для его личного друга британского военного министра, так как она выражала слабость позиции Японии в Китае.

Начавшаяся японская экспансия в южные моря означала победу военно-морской партии над армейской. Квантунгской Армии была отведена не руководящая, а меньшая роль защитницы новоприобретенных северных и северо-западных владений Японии. Экспансия же Японии на юг развивалась под знаменем освобождения народов Азии от англо-саксонской гегемонии и белого империализма европейских и американских стран и предохранения их от коммунистического империализма. Японские научные институты занимались изучением рессурсов стран Азии, при чем главным интересом были каучук, олово и свинец, железо и нефть — стратегические материалы, необходимые для войны. Блокада японским флотом Южного Китая причиняла огромный ущерб английской торговле, сведя на нет коммерческое значение Гонгконга. С захватом острова Хайнан, японское влияние проникло в Индокитай и дальше на юг, в направлении Малай, к богатым колониальным владениям Британии.

Захватнические действия Японии никак не увязывались с предложением о полюбовном разделе зон влияний в Китае на северную — японскую и южную — английскую, о котором упоминал Джонсу атаман Семенов.

Наибольшую шаткость в этих переговорах чувствовал атаман Семенов. Самый факт, что его всюду сопровождал Нива, не оставлял никаких сомнений в том, что Семенов был лишен какой бы то ни было самостоятельности. Сотрудничая с Японией, атаман Семенов, вопреки рассудку, хотел верить в то, что Япония выходит на широкую арену политической жизни как защитница мира от воинствующего коммунизма. Он хотел верить в то, что японские официальные заявления, включая доктрину принца Коноэ, имеют только один смысл. Он хотел верить в то, что японские власти еще считались с ним и признавали его главой белой эмиграции, способным начать антикоммунистическое движение.

Призраки и действительность

Как иллюзорны ни были переговоры с полуофициальным представителем английского правительства, все же они невольно всколыхнули атамана Семенова и воодушевили новыми надеждами. Они придали его подневольному положению оттенок самостоятельности и значительности, что для него, привыкшего играть видную роль, само по себе являлось большой ценностью. Значит английское правительство еще признавало за ним влияние и авторитет, если вело с ним шанхайские переговоры и выслушивало его заверения о имевшихся в его распоряжении эмигрантских легионах и готовности бросить конницу на тамерлановский поход через пески Азии. Ему самому совсем не казалось несовместимым, что обсуждая мировые вопросы и способы их разрешения, он в своих замыслах и видениях не шел дальше Монголии и Забайкалья.

В одну из своих откровенных минут, блуждая между призрачностью и реальностью, он говорил:

> ...пока что мне не удается добиться от японцев, чтобы они поддержали меня, но все равно я им нужен. Ведь в случае войны с советчиками я могу создать целый корпус из русачей и рвануть через Монголию к Чите, к Байкалу. Корпус создать будет легко, кадры для него найдутся полностью, да и необходимое число людей для передовых отрядов... А там, шагнув через границу, мой корпус будет расти как снежный ком, накатывая на себя все большее число людей.
>
> Если японцы отнесутся с недоверием к моему плану? Ну и пусть! Вы думаете, я для других не нужен? Предложу организацию отрядов англичанам где-нибудь в интересном для них районе, они ведь любители таскать из огня каштаны чужими руками... Моему предложению они будут рады.[151])

В действительности же его положение было более чем двусмысленным. С одной стороны некоторые эмигрантские круги еще продолжали признавать его главой дальневосточной эмиграции и вождем Белого Движения; японские военные власти, все еще обольщенные надеждами на отторжение российских дальневосточных владений, продолжали держать его при себе. С другой стороны — приставленный к нему в качестве опекуна и соглядатая полуграмотный уссурийский казак Нива; бесцеремонное чтение его писем и бумаг младшими

---

[151]) Из записок И. П. Казнова о личной встрече с атаманом Семеновым. Русский Архив, Сан Франциско.

офицерами дайренской военной миссии; покровительственное, подчас даже пренебрежительное отношение к нему старших японских офицеров.

Об этом двойственном положении рассказывает некто Жуков, служивший в японской жандармерии в Дайрене:

> ... Атаман любит, чтобы около него крутились люди с деловыми намерениями, это поднимает его марку в глазах японцев, ему то в его целях это интересно, но едва ли интересно для тех, кто зря тратит и время и деньги, надеясь, что атаман сделает что либо для них. Вы знаете, атаман фигура большая только в нашем эмигрантском воображении, мы его делаем большим, а у японцев он такой, как и все остальные... Раз прихожу в жандармское отделение и к моему удивлению вижу, в коридоре маячит атаман. Я к нему: «что вы здесь ждете, Григорий Михайлович, не проходите к начальству?» «Вызвали, говорит, доложили и вот уже с полчаса жду». Ни начальство, ни один из жандармов к такому почтенному лицу никакого внимания: вызвали и жди, обычная манера жандармов выдерживать в коридоре. Мне стыдно стало перед ним, говорю: «проходите в нашу канцелярию и садитесь пока за мой стол». Подаю ему стул, а жандармы на меня зверем смотрят, что, мол, не может подождать в коридоре. А они ведь его хорошо знают. Вот вам и атаман и его значение в глазах японцев! И хоть бы был вызван по чему-нибудь серьезному, а то начальство его потом около полудня позвало, промариновав в ожидании часа два, а через пять минут он вышел из кабинета. Козыряет он своей большой связью с миссией, но и там он персона маленькая... У меня был случай убедиться, в миссии есть объяпончившийся казачек Нива-сан, так тот имеет влияние и значение в миссии куда больше атамана.
>
> ... Японцам невыгодно давать атаману окрепнуть в материальном отношении, они предпочитают держать его на полуголодном существовании около себя, они его, конечно, подкармливают, но без их ведома он сделать ничего не может, даже выехать и то нужно специальное разрешение, да и едет он под присмотром жандарма или кого-нибудь из миссии. Вы обратили внимание, что и в Какахаши он живет под надзором. Против его дачи поселен японец специально для наблюдения за его домом... Атаман серьезного значения у японцев не имеет...[152])

Приближение конца

В условиях тяжелого цензурного пресса, установленного японским правительством в своих владениях, мало кто знал, что Тихоокеанская война быстро приближалась к концу. Га-

---

[152]) Там же.

зетные новости освещали события и ход войны в пристрастном и искаженном виде. Росли слухи о потерях японскими войсками отдаленных позиций, захваченных ими в первые победоносные дни войны. Несмотря на цензурное удушье, в газетах стали вновь появляться имена, окруженные в начале войны ореолом славы, — острова Бугеньвиль, Джильберт, Квадалканал, Гуам, но теперь о них упоминалось как о местах, где велись упорные бои, во время которых «тонули вражеские броненосцы, сгорали в воздухе эскадрильи истребителей и бомбовозов, уничтожались на земле целые дивизии», т. е. обычный материал лишенного воображения Отдела Информации страны, когда она теряет фортуну войны.

Время шло против Японии. Ставка на владычество Восточной Азии была потеряна. «Новый порядок» доживал свои последние дни. Рушилась Крыша о Восьми Углах. Последние годы Тихоокеанской войны явились трагически-тяжелым испытанием для народа Японии, как и народов, порабощенных ею. Эти годы сказались тяжело и на русской дальневосточной эмиграции. Японскому военному командованию было не до атамана Семенова. Да и он сам чувствовал, что приближалось что-то непоправимое. Положение его значительно ухудшилось; смерть жены (четвертой или пятой по счету) придавила его окончательно. Вокруг него — это был 1944 год — уже затягивалась петля, которая через два года должна была затянуться окончательно на Лубянке.

> ...Атаману последнее время не везет. От него уже около года отвернулись японцы, перестали верить ему, а тут он еще совсем недавно подорвал к себе доверие беседой на вокзале с советским консулом Петровым, который подошел к нему выразить соболезнование по случаю смерти его жены... Это был пробный шар со стороны Петрова, а потом стало заметно, что около атамана стали появляться люди, замешанные в работе с советскими... Одним словом, карьера Семенова при японцах закончилась.[153])

Четверть века атаман Семенов был попутчиком Японии в надежде, что даже при наличии маловыгодных комбинаций можно будет выполнить свой долг, чему всегда был верен этот простой казачий офицер, командир сотни, выдвинутый судьбой на пост одного из вождей Белого Движения и глав российской эмиграции.

---

[153]) Там же.

VII

ШАНХАЙ

Мизерабли и парии

В начале двадцатых годов на улицах баснословно богатого Шанхая появились непрошенные гости, одетые в случайно собранные костюмы и трепанное военное обмундирование, остатки Белой Армии, политические беженцы из Приморья и других российских дальневосточных окраин.

Появление этих мизераблей потрясло некоторые слои иностранного населения Шанхая, привыкших к жизни в роскоши и неге, сознанию своей избранности и расового превосходства.

Шанхай — Жемчужина Востока, Париж Азии, Голконда Китая, Город Желтого Дьявола — обладал всеми особенностями, присущими английскому представлению об идеальном колониальном городе. В нем царствовала кастовая система и правил принцип «разделяй и властвуй». Он состоял из просторной и благоустроенной территории Международного сеттльмента и Французской концессии, и тесного, скученного до предела китайского города. Вдоль улиц иностранной части Шанхая, утопавших в зелени высоких деревьев, простирались тщательно подстриженные газоны, цветники, сады. За ними поднимались полудворцы и виллы шанхайской знати. На улицах Международного сеттльмента рослые индусы полисмены в синих мундирах с британскими коронами, в красных чалмах, с заплетенными бородами руководили движением и следили за порядком. Полицейскую службу на улицах Французского города несли анамиты из Индокитая.

Иностранное население Шанхая начала двадцатых годов не превышало 15.000—20.000. Самой большой и влиятельной была английская колония, затем шли французы, американцы, немцы, итальянцы, скандинавцы. Замкнутой и тесно сплочен-

ной колонией жили японцы в районе Хонкью. В кастовой изоляции находилась большая колония «полукровных», «хавкастов», называвших себя португальцами, лиц португальско-китайского происхождения. В зависимости от преобладания той или иной крови они в свою очередь подразделялись на ряд каст.

Трехмиллионный китайский город, Великий Шанхай, как его назвали китайские власти, делился не столько на касты и классы по признаку рождения, сколько на классы власть имущих и бесправных, на богачей и бедняков, на компрадоров и кули.

На самой низшей ступени сложной кастовой системы Шанхая оказались русские эмигранты. Это были настоящие парии, к которым нельзя было прикасаться, но присутствие которых нельзя было проглядеть.

Источники обогащения первых иностранных поселенцев в Шанхае и других портовых городах Китая, установленные еще в расцвет английского колониального владычества XVIII и XIX столетий, не отличались особой чистотой. Так называемая «опиумная война» в Китае принесла баснословное обогащение многим предприимчивым и неразборчивым в средствах наживы иностранным дельцам. Как правило, договоры, соглашения, пакты, заключенные колониальными державами с Китаем, носили односторонний характер и преследовали цели обогащения иностранцев за счет китайского народа.

Английские власти в Международном сеттльменте искусственно создавали расслоение масс для успешного контроля разнородных национальных элементов. Так, например, полиция сеттльмента состояла из китайцев, индусов и англичан. Позже в нее были включены русские эмигранты. Полисмены-китайцы были вооружены самым старым оружием; полисмены-индусы лучше оплачивались и были вооружены более современным оружием. На недосягаемой высоте для китайских и индусских полисменов стояли английские полисмены. В трамваях сеттльмента кондукторами и вагоновожатыми служили китайцы, а инспекторами билетеров были корейцы. Взаимная вражда не допускала никаких сговоров и комбинаций. Так было во всех других частных и муниципальных предприятиях.

Самым надменным и высокомерным населением иностран-

ного Шанхая было английское, составленное за редким исключением из разночинцев и авантюристов. Большинство английской знати Шанхая у себя на родине в социальном положении не поднялось бы выше мелкого торгаша на Истсайде в Лондоне. В колонии же эти разночинцы обрели то, что не могли найти у себя на родине; здесь они стали белой костью, людьми голубой крови, чопорной, надменной колониальной аристократией. В привольных условиях колониального быта и особенностей английского владычества они создали для себя исключительные права и положения, способствовавшие их быстрому обогащению.

Другие иностранные колонии не отставали от англичан. Мелкие французские комми-вояжеры, грошевые продавцы вразнос резиновых изделий, с трудом добывавшие на своей родине скудное пропитание, становились в колонии богатыми рантье, членами фешенебельных клубов, владельцами роскошных резиденций и вилл на Французской концессии.

С первых дней пребывания русских эмигрантов в Шанхае против них в среде английских нуворишей поднялась яростная кампания. Русских эмигрантов обвиняли во всевозможных преступлениях, их называли не иначе, как выходцами из трущоб, ворами и разбойниками. Травля повелась всеми способами; английская печать Шанхая настраивала против пришельцев общественное мнение, закрывая им доступ к работам и службам. Под влиянием этой враждебной кампании от новых пришельцев отвернулись и те русские, которые прибыли раньше и уже успели обосноваться настолько прочно, что пытались выдавать себя за иностранцев.

Русской эмиграции в Шанхае предстояло сделать многое. Прежде всего было настойчиво необходимо передвинуться с положения париев в класс полноправных граждан Шанхая и преодолеть враждебное чувство шанхайской знати.

Вначале, правда, никто об этом не думал. Не было ни работ, ни денег, ни языка. Мизерабли проводили утра на сквере Бридж Гарден, где сушили вымытые в фонтане рубашки и водой утоляли голод. В полдень они шли через весь город, чтобы попасть в очередь перед котлом общественной кухни шанхайской благотворительной организации. Они возвращались к скамьям сквера, терпеливо ожидали вечера и наступления прохлады. Ночью они растекались по городу, кто в поисках

ночлега, кто поглазеть на фантастическую жизнь ночного Шанхая.

Несмотря на неблагоприятную, враждебную обстановку, новые пришельцы упорно принялись за устройство своей жизни. С каждым пароходом из Северного Китая, Кореи и Японии в Шанхай прибывали новые волны русских эмигрантов. Целые районы Шанхая, сначала на Вэйсайде, затем во французском городе оказались густо заселенными русскими. Появились десятки, а затем и сотни различных предприятий, пансионы, домашние столовые, мастерские. Русская речь стала принимать права гражданства.

Феерическая ночная жизнь Шанхая привлекала к себе многих, но пока еще не в качестве патронов, гуляк и кутил. В противовес харбинскому институту «интеллигентных кельнерш», в Шанхае, где царствовал английский язык, появился институт русских танцовщиц, сперва бессловесных и поэтому более загадочных, но вскоре заговоривших на бойком жаргоне кабаре и забегаловок в «Траншеях Шанхая» вблизи Норд Сечуан Род и дансхолов в конце Бабблинг-Вэлл Род и на теневых улицах Французского города.

Наростание трудностей

К прибытию в Шанхай первых волн эмигрантов в 1919-1920 г.г. российское генеральное консульство состояло из консула В. Ф. Гроссе, вице-косула К. Э. Мецлера, консульского судьи Н. А. Иванова и двух чиновников.

В сентябре 1920 г. китайское правительство объявило об отказе признания российской дипломатической миссии и к концу года все русские дипломатические учреждения в Китае перестали существовать.

К этому времени состав русской колонии Шанхая уже исчислялся в десять тысяч человек. После длительных переговоров консульского корпуса с китайскими властями было достигнуто соглашение, по которому все функции российского консульства, за исключением судебных, были переданы в ведение Бюро по Русским Делам. Бюро продолжало оставаться в помещении консульства в том же составе, но комиссаром по русским делам был назначен китайский чиновник Министерства Иностранных Дел, а В. Ф. Гроссе стал его заместителем.

Быстрое увеличение русской колонии тревожило власти Международного сеттльмента и Французской концессии, ста-

вя перед ним ряд сложных проблем, разрешить которые они пытались запрещением въезда новых русских беженцев. Бюро по Русским Делам настойчиво боролось с этой мерой и в конце концов добилось свободного, беспрепятственного въезда русских эмигрантов.

Когда в Шанхай прибыли Омский и Хабаровский кадетские корпуса, в составе нескольких сот воспитанников и штата преподавателей, власти не разрешили им высадиться на берег. Бюро по Русским Делам нашло поддержку во французском генеральном консуле Вильдене, благодаря заступничеству которого корпуса были высажены на берег.

Гораздо сложнее оказалось дело с высадкой воинских частей группы генерала Д. А. Лебедева, прибывших на пароходе Эльдорадо, и группы генерала Ф. Л. Глебова на пароходах Защитник, Монгугай и Охотск. Китайские власти категорически воспротивились высадке остатков русских воинских частей. В исключительно тяжелом положении оказалась группа генерала Глебова. В течение многих месяцев несколько сот человек жили в трюмах почти в полной темноте, в ужасных антисанитарных условиях.

Вопрос о положении группы генерала Глебова продолжал оставаться неразрешенным долгое время вследствие враждебного отношения к ней со стороны местных китайских властей. Тяжелые испытания глебовцев наконец обратили на себя внимание иностранной колонии Шанхая и только тогда, под давлением общественного мнения удалось добиться от китайских властей разрешения съехать им на берег.

Постепенно русские эмигранты стали привыкать к новым условиям. Открылся прием русских на службу в обслуживающих предприятиях Шанхая, в полиции Международного сеттльмента и Французской концессии. Открылась возможность получить работу в частных компаниях. Русские эмигранты взялись за изучение английского и французского языков.

Существовавшее много лет в сравнительной бездеятельности Русское Благотворительное Общество под давлением нужд широко развило свою деятельность. Было открыто несколько дешевых, а в некоторых случаях и бесплатных общежитий. Иностранные колонии Шанхая, не участвовавшие в враждебной кампании против русских эмигрантов, отозвались щедро на призыв Общества помочь им на первых порах их новой жизни.

Наиболее популярным занятием в первые годы была торговля вразнос. Предприимчивые эмигранты, освоившись достаточно с китайским языком, набирали в кредит различный товар, взваливали тюки с материей, бельем, костюмами на плечи и отправлялись вглубь Китая, где успешно сбывали его. Но и в этом деле оказались трудности и опасности. Китайские власти задерживали русских продавцов, требовали взятки, арестовывали их на том основании, что у них не было каких то документов, даже обвиняли их в шпионаже. Комитету Прав, одной из первых эмигрантских организаций, нередко приходилось выручать их и доказывать китайским властям всю нелепость подобных обвинений. Нередки были случаи нападения на них китайских разбойников. В одной из глухих провинций Китая бандой китайских солдат была убита группа русских торгашей в десять человек.

В середине двадцатых годов вокруг Шанхая разыгрались политические события, остро отразившиеся на жизни русской колонии, только что начавшей подводить под себя более или менее прочную почву. Массовая забастовка, промышленный кризис повлекли за собой безработицу. Многие эмигранты, потеряв работы, отчаивались найти средства к существованию. Начались переговоры через Комитет Прав с представителями Лиги Наций о массовом переселении русской дальневосточной эмиграции в страны Южной Америки. Русскую колонию тревожили слухи о том, что советское правительство не переставало рассматривать русских эмигрантов как своих подданных и в связи с этим собиралось требовать от китайских властей высылки их в пределы Советского Союза.

Тем не менее свыше семи тысячам русских эмигрантов удалось получить работу во время массовой забастовки. Работа была временная, но слух о непочатом крае возможностей молниеносно облетел всю эмигрантскую массу Китая, и в короткое время население русского Шанхая увеличилось почти втрое.

Но надежд эти слухи не оправдали. Летом 1925 года свыше 4,000 русских эмигрантов еще продолжали быть безработными и жили в страшной нужде. С помощью некоторых иностранных учреждений Комитет Прав открыл еще несколько питательных пунктов и ночлежных домов. Другие организации также развили благотворительную деятельность.

Пользуясь тяжелым положением русской колонии некоторые дельцы, включая советских агентов, открыли вербовку добровольцев среди бывших военных для службы в рядах армий китайских военных губернаторов, предлагая им выгодную службу, высокую оплату и давая другие заманчивые обещания. Комитет Прав предостерегал русскую колонию не идти на посулы вербовщиков наемных войск и даже выпустил соответствующее заявление:

> В настоящее время в Шанхае различного рода агенты производят вербовку русских эмигрантов в китайскую армию, и некоторые, особенно нуждающиеся русские люди, под влиянием безвыходного положения, соглашаются вступить в ряды китайских армий, обольщенные несбыточными надеждами и ложными посулами, на которые так щедры эти агенты.
>
> Комитет неоднократно и категорически высказывался против какого либо участия русских в Гражданской войне в Китае, считая совершенно справедливым, что такое участие, являясь нарушением начал доброго гостеприимства, ничего, кроме явного вреда интересам русских вообще и интересам русских эмигрантов в особенности принести не может.

Общественные и политические организации Шанхая

Одними из первых организаций Шанхая были объединения военнослужащих Белой Армии. Самой первой из них был Союз Военнослужащих, основанный в 1920 году, который явился основоположником эмигрантских воинских организаций на Дальнем Востоке. Союз объединял бывших военнослужащих, оказывал помощь неимущим и был фактически первым представителем эмигрантской колонии Шанхая. Союз основал первое в Шанхае общежитие для бездомных и неимущих и был одной из эмигрантских организаций, возбудивших ходатайство перед китайским правительством о создании Бюро по Русским Делам вместо закрытого российского консульства.

В том же году был основан Союз Служащих в Российской Армии и Флоте, параллельная Союзу Военнослужащих организация. Оставаясь организацией аполитичной, Союз был закрыт для лиц, сочувствовавших коммунизму; как и первый Союз Военнослужащих, эта организация оказывала широкую помощь нуждающимся бывшим военнослужащим. За первые годы существования Союз создал большое общежитие, дешевую, а для нуждающихся и бесплатную столовую, оказывал

бесплатную медицинскую помощь и погребение умерших, давал безвозвратные пособия и беспроцентные временные ссуды.

Союз Русских Военных Инвалидов в Шанхае был создан в 1926 г., как один из отделов Центрального Союза Русских Военных Инвалидов, находившегося в Париже. В Союз Инвалидов принимались лица, потерявшие от 40% и выше трудоспособность. На попечении Союза в среднем находилось около ста инвалидов, 30 женщин, потерявших трудоспособность, и свыше 40 детей-калек.

Русское Военно-научное Общество в Китае, основанное в 1924 г., преследовало цели научного исследования и изучения в области военных наук. Оно объединяло небольшую группу офицеров Генерального Штаба, военных профессоров и ученых. Общество имело свой собственный журнал «Армия и Флот», в котором сотрудничали крупные военные ученые, находившиеся в эмигрантском рассеянии.

Основанный в 1925 году Казачий Союз Шанхая объединил казаков Амурской, Уссурийской, Забайкальской, Иркутской, Сибирской, Семиреченской, Уральской, Донской, Кубанской и Енисейской станиц числом свыше 700 человек. Во время беспорядков в Шанхае в 1927 году Казачий Союз вошел в состав Дальневосточной Казачьей группы и влился в русский отряд при Волонтерском Корпусе Международного сеттльмента.

Из общественных организаций одной из первых была Русская Национальная Община, являвшаяся шанхайским отделом Дальневосточного Объединения Русской Эмиграции, во главе которой находился генерал Д. Л. Хорват.

Из организаций общественно-благотворительного характера самой старой было Русское Благотворительное Общество, основанное еще в 1910 году, когда русское население Шанхая составляло не больше нескольких десятков человек. Настоящая деятельность Общества началась с прибытием в Шанхай первых волн политических беженцев. В среднем Общество ежегодно выдавало свыше 5,000 бесплатных обедов и предоставляло свыше 3,000 бесплатных мест в своих общежитиях. Кроме этой широкой благотворительной работы Общество содержало за свой счет десятки детей в русских учебных заведениях Шанхая.

Общество Медицинской Помощи, основанное в 1928 году, было организацией взаимопомощи. Входившие в него члены вно-

сили ежемесячно минимальную плату на покрытие госпитальных, операционных и других расходов. В течение первого года Общество насчитывало в своем составе свыше 1,200 взрослых и 600 детей. При Обществе были свои врачи, оказывавшие бесплатную медицинскую помощь, и несколько коек при госпиталях, которые оно оплачивало из своих средств.

Лига Борьбы с Туберкулезом собирала средства путем устройства весной Белого Цветка, который в среднем давал ежегодно свыше 5,000 долларов. На эти средства Лига содержала убежище для больных туберкулезом и оказывала денежную помощь выздоравливающим.

В 1929 году была организована другая благотворительная организация — Центральный Благотворительный Комитет, при котором находились Дом Милосердия и Приют Св. Тихона Задонского. Комитет ведал сбором и распространением средств для оказания помощи больным и нуждающимся и расходовал ежегодно свыше 5,000 долларов. Комитет содержал несколько бесплатных общежитий и столовых.

Общество Помощи Неимущим Учащимся, созданное в 1926 году, способствовало уплате за правоучение неимущих учеников и устройству горячих завтраков в школах.

В 1932 году было открыто Убежище для женщин, в котором помещалось свыше 30 престарелых и молодых женщин, неспособных к труду. В Детском Приюте им. Св. Тихона Задонского, основанном в 1934 году, содержалось свыше ста сирот.

Одной из влиятельных организаций Шанхая было Русское Православное Братство, основанное в 1923 году небольшой группой лиц во главе с доктором Д. И. Казаковым. В первые годы своего существования Братство вело работу по духовному объединению русских эмигрантов. Оно посылало лекторов и докладчиков по русским общежитиям, устраивало культурно-просветительные вечера. Под давлением нужды Братство развило свою деятельность в направлении широкой благотворительности, достигнув в ней чрезвычайно высоких результатов. Его годовой бюджет составлял около 100,000 долларов. В ведении Братства находились: Русский Госпиталь, Коммерческое Училище, Убежище для Престарелых, общество Помощь. Оно добилось широкой помощи от иностранных учреждений, как Ротари Клуб, Шанхайский Скаковой Клуб, Международный Комитет, и других общественных и частных учреждений Шанхая.

Из профессиональных организаций существовали: Русское Юридическое Общество, созданное в 1929 году для объединения русских юристов и совместного обслуживания правовых нужд русских эмигрантов. Русское Техническое Общество, созданное в 1930 году, объединяло инженеров, архитекторов, электро-механиков, механиков и остальных лиц технических профессий. Лига Русских Женщин, основанная в 1930 году, вела широкую общественно-культурную и благотворительную деятельность среди русских женщин Шанхая. Она открыла бюро труда и курсы иностранных языков, шитья, рукоделия и т. п. Через год после своего основания Лига открыла две детских площадки на Сеттльменте и Французской концессии, а на следующий год открыла Начальную Школу и Детский Сад. В сентябре 1933 года Начальная Школа была преобразована в Женскую Гимназию.

Общество Русских Коммерсантов и Промышленников, основанное в 1932 году, объединяло несколько сот русских дельцов и предпринимателей. В самом начале его основания была заложена мысль развиться в русскую Торговую Палату, что и было достигнуто через несколько лет.

Содружество Художников, Литераторов, Артистов и Музыкантов, созданное в 1932 году, устраивало еженедельные встречи, «среды», на которых выступали поэты, писатели, музыканты, певцы и певицы. Оно также устраивало ежегодные балы, выборы «мисс и мистера Х. Л. А. М. а», литературные конкурсы, бенефисы и т. д. На вечерах Содружества выступали известные русские артисты, включая Шаляпина, Вертинского и других.

Кроме Содружества существовали литературные кружки «Понедельник» и «Шатер».

Русский Спортивный Кружок «Витязь», основанный в 1933 году, объединял молодые спортивные силы русского Шанхая. Кроме «Витязя» существовали Гимнастическое Общество «Русский Сокол» и Русский Теннисный Клуб.

Из политических организаций существовали следующие:

«Крестьянская Россия», основанная в 1929 году, представляла организацию социал-революционеров и входила в состав главного отдела в Праге. У ней была своя газета «Голос», позже превращенный в еженедельник под тем же названием.

Дальневосточный Отдел Всенародной Партии Националистов, открытый в Шанхае в 1929 году, являлся политическо-

религиозной организацией, «положившей в основу нового освободительного движения священно-религиозное начало и наименовавшее его: извне России — священным Крестовым Походом, а внутри России — священным Освободительным Движением».

Это была своеобразная организация, сочетавшая формы чистейшего идеализма с насильственно-принудительными формами материализма, справленные немалой дозой наивности.

> Организаторы и руководители Российской Всенародной Партии Националистов расчитывали на возможность религиозного воодушевления внутри страны, если начнется Крестовый Поход извне. К сожалению, после ознакомления на местах, они скоро должны были разочароваться в своих надеждах на возможность религиозного воодушевления и объединения, а отсюда и выполнения «Священного Освободительного Движения».
>
> Убедившись, что Божественно-Одухотворенная Идея объединить и сплотить людей на борьбу с советской властью на духовно-моральных принципах, имеющих в основе своей исключительно религиозное воодушевление, в действительной жизни не осуществима, у руководителей нового освободительного движения зародилась тогда «идея Национализма в чистом виде».

В программе партии находились такие параграфы, как изъятие из русского языка таких слов, как социализм и социалист, недопущение выхода ни одной народности из состава России, устранение классов и партий от участия в политической жизни России. («Вся политическая жизнь Национальной России будет выявляться через социально профессиональные союзы»), и т. д.

Шанхайскй Отдел Союза Мушкетеров, основанный в 1930 году по примеру Харбинского Союза, являлся полувоенной организацией молодых людей. В Шанхае состав его был около 150 человек.

В Шанхае также существовал отдел европейского органа Младороссов, политическая платформа которого проповедывала восстановление в России монархии и сохранения системы коммунистических советов.

В Шанхае существовало несколько разрозненных фашистских кружков. Прибытие в 1934 году А. Вонсяцкого, главы небольшой фашистской группы в Соединенных Штатах, вызвало в них большое оживление не столько на политической, сколько на материальной почве. Интерес их не шел дальше

попытки получить от Вонсяцкого средства. (В эмигрантских фашистских кругах Вонсяцкий славился не столько как вождь фашистской организации, сколько как муж американской миллионерши).

Японские власти, как это было вначале в Харбине, оказывали фашистским группам поддержку в надежде использовать их в своих целях.

В фашистских группах правил дух нетерпимости, антисемитизма и враждебности по отношению к аполитичной массе эмигрантов. Выступления эмигрантских фашистских деятелей на собраниях и в печати обычно носили погромно-демагогический характер и были не менее вредны для русской колонии, чем деятельность демагогов и провокаторов из советского стана.

Стремление к централизации

Характерной чертой русских общественных, военных, политических и корпоративных организаций во всем эмигрантском рассеянии является их параллелизм. Если основывается общество ветеранов, то тотчас же основывается и общество инвалидов, хотя эти организации, служащие одним и тем же интересам, принесли бы больше пользы, если бы слились вместе в самом начале своего возникновения.

В этом отношении русский Шанхай с его многочисленными общественными, военными и политическими организациями не составлял исключения. Наоборот, он еще больше подчеркнул эту особенность русской эмиграции, причиной которой были не столько индивидуализм русского эмигранта, сколько честолюбие эмигрантских вождей, их непреодолимое желание играть роль, не сходить с командных должностей.

Дробление общественных сил эмиграции давно подсказало необходимость создания одной правовой, авторитетной организации, которая представляла бы русскую колонию и защищала ее интересы.

Весной 1924 года китайское правительство признало Советский Союз. Бюро по Русским Делам было закрыто, а здание российского консульства передано советским консульским представителям.

По инициативе доктора Д. И. Казакова, председателя Русского Православного Братства, состоялось совещание русских эмигрантских организаций в Шанхае по вопросу о правовом положении эмигрантов. Избранная комиссия под председа-

тельством В. Ф. Гроссе выработала временное положение о Комитете Защиты Прав и Интересов русских эмигрантов в Шанхае. Председателем Комитета был избран В. Ф. Гроссе, а вице-председателем Н. А. Иванов. Новая эмигрантская организация стала называться Белым Консульством.

Комитет Защиты Прав был организован не на основе выборов, а по принципу личного подбора его состава. На первых порах своей деятельности Комитету пришлось потратить много времени и труда по делу генерала Н. С. Анисимова, который с группой лиц в 450 человек вышел из подчинения генералу Ф. Л. Глебову, захватил один из кораблей, Монгугай, и ушел во Владивосток. Это был первый случай массового возвращения эмигрантов в Советский Союз, оставшийся незамеченным за пределами Шанхая.

С момента возникновения Комитета Защиты Прав у него возникли недоразумения с некоторыми эмигрантскими группами и их деятелями. В этих недоразумениях прежде всего сказалось столкновение гражданской и военной власти, т. е. В. Ф. Гроссе, бывшего российского генерального консула, и Ф. Л. Глебова, главы большой военной группы, прибывшей из Приморья. Эти разногласия усугубились еще и тем, что в стенах российского консульства до передачи его советским властям функционировал комитет по репатриации русских.

В 1925 году Комитет Защиты Прав был реорганизован и в его состав вошли председатели всех русских общественных организаций. Он стал объединенным органом русских эмигрантских организаций и полномочным представителем русской колонии Шанхая, признанным властями Великого Шанхая, Сеттльмента и Французской концессии.

Углублявшиеся разногласия вылились наконец в полный разрыв в 1926 году, когда на заседании Русского Благотворительного Общества под председательством К. Э. Мецлера было выражено недоверие большинству правления Комитета. В ответ на это В. Ф. Гроссе вышел из Комитета Защиты Прав и организовал Русский Эмигрантский Комитет и благотворительное общество под названием «Помощь». В Шанхае таким образом образовалось сразу две правовых организации, претендовавших на представительство колонии, и две благотворительных организации. Председателем Комитета Защиты Прав был избран Н. А. Иванов, а В. Ф. Гроссе возглавил Русский Эмигрантский Комитет.

В 1929 году Комитет Защиты Прав был вновь реорганизован, пополнен новыми людьми и придан существовавшей Русской Национальной Общине, во главе которой стоял «старшина Общины», капитан 1-го ранга Н. Ю. Фомин. В октябре 1931 года В. Ф. Гроссе умер и председательство Русского Эмигрантского Комитета перешло к К. Э. Мецлеру.

Много попыток было сделано положить конец раздвоению представительства русской колонии. Многие ставили в вину В. Ф. Гроссе то, что он продолжал считать себя генеральным российским консулом, хотя консульства уже не было. Другие обвиняли генерала Глебова в создании искусственных разногласий. Деление русской колонии и существование двух соперничавших в главенстве организаций продолжали привлекать внимание эмигрантской массы, желавшей создать один авторитетный орган представительства для всего русского Шанхая.

В 1932 году состоялось многолюдное собрание представителей почти всех общественных организаций, на котором было решено создать Совет Объединенных Русских Организаций. В Шанхае таким образом продолжали существовать одновременно два представительных органа русской эмиграции. В состав правления СОРО вошли представители 36 организаций, среди которых были такие, как Общевоинский Союз, Русское Медицинское Общество, Объединение осетин Шанхая, пять казачьих станиц, Русская Секция еврейской религиозной общины, Союз Служащих в Кабаре, Попечительство престарелых стариков и старух, Союз Пароходной анти-пиратской охраны и т. п. После первых выборов быстро последовали перевыборы, на которых председателем СОРО был избран генерал Глебов, вице-председателем С. Н. Шендриков, казначеем С. С. Бергман и секретарем доктор К. В. Хохлачкин.

Русский Эмигрантский Комитет продолжал существовать попрежнему. В его состав с начала возникновения вошли Православное Братство, Общество «Помощь», Русское Просветительное Общество, Студенческий Союз, Касса Взаимопомощи Урало-Сибирского Общества. После смерти В. Ф. Гроссе в него вошли представители правившего епископа, Мусульманской духовной Общины, Союза Моряков Торгового Флота, группы генерала Н. П. Сахарова.

Обе организации являлись равноправными представителями русской колонии, обе были признаны китайскими и ино-

странными властями. У каждой было влияние. Обе выполняли консульские функции, выбирали через китайские учреждения, как Бюро Общественной Безопасности и полицию, паспорта для русских эмигрантов. За первый год своего существования СОРО выправил около 2,000 паспортов для эмигрантов, входящих в состав его организаций. Он также добился от Бюро Общественной Безопасности отмены штрафа в размере 100,000 долларов, наложенного им на эмигрантов за просроченные паспорта.

Начало политической розни

Создание Совета Общественных Русских Организаций также не разрешило проблемы объединения русской колонии Шанхая. По прежнему существовал Русский Эмигрантский Комитет, по прежнему углублялась рознь между военной и гражданской властью. т. е. между генералом Глебовым и К. Э. Мецлером, преемником В. Ф. Гроссе. К личной розни прибавился и политический элемент. Начались громкие обвинения друг друга в причастности к существовавшим тогда в Китае фракциями. Приверженцы Глебова обвиняли Мецлера и его группу в прояпонском уклоне, а те обвиняли Глебова и его группу в выслуживании перед гоминдановской властью.

Ф. Л. Глебов, (имя Фаддей он сменил на Федор, считая его плебейским) генерал семеновского производства, начал Первую Великую войну в чине вахмистра. За боевые отличия был награжден всеми Георгиевскими медалями и крестами. Глебов был одной из ярких дальневосточных фигур, о котором говорилось много хорошего и много плохого. Его враги. а таковых у него было немало в неспокойной жизни русского Шанхая, обвиняли его во многом. Верные семеновцы не могли ему простить перехода на сторону правительства братьев Меркуловых, когда он заменял атамана Семенова на посту командующего остатками семеновских войск в Гродеково. Участники похода белоповстанческих войск из Владивостока в Корею обвиняли Глебова в создании в беженских лагерях атмосферы концлагерей. По его приказу во Владивосток высылались лица, которых он подозревал в приверженности к большевизму. Люди его отряда, прибывшие в Шанхай, ставили ему в вину полное безразличие к условиям, в которых они находились в трюмах кораблей, страдая от желудочных заболеваний, куриной слепоты, недостатка питания и медицинской помощи,

в то время как он, их начальник, прокучивал деньги в Шанхае. О Глебове говорили, что он однажды заплатил танцовщице в дансхолле 500 долларов за порванное платье.

Глебова обвиняли в самовольном и безконтрольном распоряжении деньгами, полученными им от продажи кораблей, на которых его отряд прибыл в Шанхай. В 1925 году по распоряжению атамана Семенова была назначена комиссия по расследованию деятельности Глебова. Комиссия собрала «обширный материал, но обстановка не дала возможности завершить дело до конца».

Прояпонские элементы русской эмиграции ставили Глебову в вину, что во время японо-китайского конфликта он способствовал набору русских специалистов, артиллеристов, пулеметчиков и т. д., для гоминдановских войск.

Русские церковники обвиняли Глебова в том, что он, будучи «ктитором Свято-Николаевской церкви повлиял на переход ее из одной юрисдикции в другую и окончательно настоял на выходе ее из епархии епископа Симона».

Люди, стоявшие близко к российским консульским кругам, обвиняли Глебова в недопустимом отношении и грубой травли последнего российского генерального консула в Китае В. Ф. Гроссе.

Генерал Глебов не остался в долгу перед своими многочисленными обвинителями. В 1936 г. он представил обстоятельный рапорт Главному Центру Гоминдана в Нанкине, но мишенью для своих обвинений избрал только К. Э. Мецлера и его группу.[154])

> Совет Общественных Русских Организаций с первых же дней своего существования предприняли шаги к тому, чтобы зарегистрироваться у китайских властей на основании существующих законов Китайской Республики. Когда СОРО зарегистрировался у китайских властей, Эмигрантский Комитет и его официоз газета «Слово» выступили с резким порицанием его за то, что он «унижает русских, как европейцев перед китайцами».
>
> В данный момент в поведении Эмигрантского Комитета можно проследить два положения. Для русских эмигрантов он остается как бы прежним консульством Императорской России и попрежнему в разговорах с эмигрантами проводит мысль пренебрежения к китайцам, их законам и распоряжениям и т. п. В то же время он сейчас стремится зареги-

---

[154]) Из архива Ю. А. Черемшанского.

стрироваться в правящей партии Гоминдан, чтобы обслуживать и представлят русскую колонию.

Дабы было ясно, кто это такие и в чем их цели, мы должны дать вкратце характеристику и освещение отдельных персонажей и их организаций.

1) Эмигрантский Комитет: Мецлер, Казаков, Зайцев, Дронников, Сапожников.

2) Газета «Слово» оффициоз Эмигрантского Комитета: Алтадуков. Зайцев, Сапожников.

3) Национальный Комитет: Фомин, Казаков, Рачков, Цепкин, Ларин.

4) Дальневосточный Отдел Братства Русской Правды: Ларин, Бурлин.

5) Прояпонская группа: Акинтиевский, Клерже, Емельянов, Росси, Уссаковский.

К. Мецлер — человек не русский ни по происхождению, ни по вероисповеданию. Отличительные черты: наглость, хлестаковщина, беспринципность. Будучи чиновником б. консульства Императорской России, он решил, что наследственно и бессменно возглавляет и представляет русскую колонию г. Шанхая.

За время возглавления им Эмигрантского Комитета, Мецлер ни разу не опубликовал обращение к русским эмигрантам с призывом их выполнить те или иные обязательства по отношению к китайским властям и закону. Он также не проявил никаких шагов, которые были бы на пользу Китая. Наоборот, при возникновении в Шанхае идеи о создании «автономного города Шанхая», он был одним из видных членов этой организации. Между тем, воплощение этой идеи в жизнь непременно влекло бы к отчуждению и захвату китайской территории.

В 1932 г., при конфликте Японии с Китаем, в Шанхае через Эмигрантский Комитет тайно набирались русские рабочие для японских войск для перевозки военных грузов и устройства военного аэродрома.

Глебов также обвинил П. М. Зайцева, члена РЭК и редактора газеты Слово, в связи с шанхайским японским консульством, а Сапожникова, карикатуриста одной из английских газет Шанхая, в стремлении выставить в оскорбительном виде членов СОРО, «как лакействующих перед китайцами, или собаками, работающими на китайцев».

Касаясь «прояпонской группы», Глебов признается, что «трудно решить, кто возглавляет ее: ни то Клерже, ни то Акинтиевский, ни то Головачев. Акинтиевский и Головачев прибыли в Шанхай около полгода тому назад из Харбина под видом высланных оттуда, но это лишь декорация».

Акинтиевский более скрытная фигура. По приезде в Шанхай вошел в связь с Мрачковским и сейчас работает с ним как бы для китайцев, но я думаю, что его задача другая, которую он проводит тайно. Вся эта компания очень дружна с Мецлером. Необходимо обратить внимание на то, что большой друг Мецлера и Мрачковского — Росси, служащий во французской полиции, в настоящее время проводит свой отпуск в Дайрене, где находится в связи с Семеновым.

Об Емельянове Глебов пишет, как о французском подданном, служащем французской полиции, офицере атамана Семенова и личном друге генерала Власьевского, главного представителя атамана на всю Маньчжурию.

Вся эта смесь людей дружно и настойчиво прет в сторону Японии. За последнее время они поставили себе задачу и цель закрыть СОРО, как мешающую японцам проводить свою работу среди русской эмиграции.

Коль скоро будет закрыто СОРО, то русская эмиграция в Шанхае явится для атамана Семенова и японцев незасеянным полем, и что они пожелают проводить, то и будет, так как мешать им будет некому. Поэтому для Семенова и японцев СОРО является как бы бельмом на глазу.

Я должен сказать, что та политика, которая проводится японцами за последние четыре-пять лет в отношении русских, является политикой все удушающей и уничтожающей, и на мой взгляд этому должен противиться всякий русский.

Итак из этой короткой записки ясно можно видеть, что указанная группа лиц работает далеко не для китайцев, а только на Семенова и японцев. Одни из них связаны с японцами непосредственно, другие с атаманом Семеновым, как например, Емельянов, Росси и Уссаковский. В то же время они являются большими друзьями Мецлера, который является своим человеком в японском консульстве в Шанхае и большим другом видных консульских чиновников Такахаши и Терасаки. Мрачковский и его помощник Виллер — друзья Мецлера и работают для него.

Сейчас эта компания во главе с Мецлером и при поддержке Мрачковского занялась целью уничтожить СОРО, которое им мешает захватить русских эмигрантов Шанхая и тайно подчинить Семенову. Это они думают сделать через Эмигрантский Комитет, который стремится зарегистрироваться у японцев, а работа его будет такая же, как Бюро в Харбине, Мукдене, Дайрене и тайно в Тяньцзине.

Они хорошо понимают, что Шанхай центр русской эмиграции, где проживает от 22 до 25 тысяч русских, имеет большое значение в русской общественной и политической жизни. Они знают, что если не захватить под свое управление эмигрантов Шанхая, то это будет всегда являться для них препятствием в их прояпонской работе. Вот почему они обрушились на СОРО и стремятся его уничтожить. Они хоро-

шо знают, что СОРО с атаманом Семеновым никогда не пойдет, не пойдет и с японцами, а потому оно для них вредно. Поэтому им и надо вместо СОРО сделать Эмигрантский Комитет во главе с Мецлером и тогда все будет так, как это надо Семенову и японцам...

Глава Эмигрантского Комитета не остался в долгу. Два месяца после подачи первого глебовского доклада, К. Э. Мецлер писал генералу Бурлину:[155])

...Хочу еще доверительно поделиться с Вами по поводу гнусного доноса Глебова в Главный Штаб Гоминдана в Нанкине... на следующих лиц: Мецлера, Казакова, Зайцева, Цепкина, Ларина, Бурлина, Акинтиевского, Клерже, Емельянова, Росси и Уссаковского.

Имеется этот донос у меня на русском языке, а также фотография китайского текста с подлинной подписью Глебова. Донос базируется на нашей якобы прояпонской деятельности. О Вас между прочим пишется следующее:

«Генерал Бурлин, который работает и служит в Нанкине, является тайным главою Братства Русской Правды на Востоке, а Ларин его казначеем. Эта организация Братства, центр которой находится в Париже. Они были исключены за свою прояпонскую работу тут на Востоке».

По имеющимся сведениям на днях он написал еще один донос, но текста его я еще не имею .Думаю, что мне удастся его получить. Известно ли Вам что либо по этому делу и если да, то думаете ли Вы что-либо предпринять или уже предприняли какие либо шаги. Некоторые лица настаивают на принятие необходимых шагов, но я пока выжидаю.

Трудно сказать, положил ли генерал Глебов начало широкой практике доносов, крепко привившейся в жизни русского Шанхая, но нельзя не отметить, что в своем пространном докладе гоминдановским властям он писал об атамане Семенове, у которого сделал карьеру от младшего офицера до генерал-лейтенанта, и об офицерах, с которыми служил, как генералы Акинтиевский и Клерже. Интересно также отметить, что служба К. Э. Мецлера в одной из больших страховых компаний Шанхая и возглавление Русского Эмигрантского Комитета не явились препятствием к сомнительной практике получения перлюстрированных писем из политического отдела Шанхайской муниципальной полиции.

«Необходимые шаги», о которых он писал Бурлину, К. Э. Мецлер предпринял почти три года спустя, когда гоминдановское правительство, вытесненное из Нанкина, перебралось

---

155) Из того же источника.

в далекий Чунцин, а в Шанхае прочно установилась японская власть. На имя генерального консула в Шанхае он подал не менее пространный доклад:

Ф. Глебов прибыл в Шанхай из Владивостока 14 сентября 1923 года на пароходе Охотск. По прибытию в Шанхай он продал Охотск и другой русский пароход китайской фирме и использовал полученные деньги на свои собственные нужды.

В 1933 г. был организован Совет Общественных Русских Организаций (СОРО). Это была китайская организация, зарегистрированная в гоминдановской партии 10 янв. 1933 г. и поэтому законно признанной. Первым председателем был хорошо известный последователь Гоминдана А. Котенев, а вторым председателем стал Ф. Глебов. Эта организация пыталась закрыть Российский Эмигрантский Комитет, который продолжал работу Российского Императорского консульства после 1924 года.

Г-н Ф. Глебов писал несколько рапортов в шанхайский отдел Гоминдана, обвиняя Русский Эмигрантский Комитет и меня лично в прояпонских симпатиях. В своем рапорте местному отделу Гоминдана 29 мая 1936 года он сообщил следующее:

Г-н К. Мецлер всегда был против гоминдановского правительства и всегда критиковал распоряжения и дела правительства.

Два ближайших друга г-на Мецлера г-н Зайцев и г-н Сапожников. Г-н Зайцев редактор «Слово» и секретный агент Такахаши, главы Бюро Печати японского местного консульства. Во время китайско-японского конфликта в Чапей в 1932 г. г-н Мецлер по заданию главной квартиры японской армии мобилизовал русских беженцев для доставки японского вооружения и рытия окопов и для всякой другой помощи японским войскам. Г-н Мецлер совершенно на стороне японцев и должен рассматриваться как враг Китая.

В своем втором рапорте в июле 1936 г. в главное управление Гоминдана в Нанкине г-н Ф. Глебов повторил эти обвинения и добавил, что г-н Мецлер был членом Комитета, который был намерен организовать свободный Шанхай и таким образом передать шанхайскую территорию под японский контроль.

До эвакуации китайских войск Шанхая, г-н Глебов был платным секретным агентом гоминдановской партии в Шанхае.

В июле 1937 г. г-н Глебов получил в Учетном Банке заем в 7 тысяч долларов для организации особого налогового бюро при гоминдановском правительстве для сбора налога среди русских. Полученные им деньги не были выплачены банку. Судебное производство против г-на Глебова началось в феврале 1938 г., но дело было прекращено судом на том основа-

нии, что г-н Глебов выступал от имени Гоминдана, и все судьи были под властью чунцингского правительства.

Не так давно у меня было дело против г-на Глебова, когда я обратился в суд второго района для взыскания с г-на Глебова уплаты за фрахт парохода Розали Моллер, на котором русские эмигранты были перевезены из Тянтьзина в Шанхай в сентябре 1937 г. От этой операции осталось 6 тысяч шан. долларов, которые должны были быть переданы русской благотворительности, но г-н Глебов присвоил эти деньги себе. Во время слушания адвокат г-на Глебова заметил на суде, что дело должно быть решено в пользу г-на Глебова, как лойяльного сторонника чунцингского правительства, а г-н Мецлер близкий друг японских властей и врагов Китая.[156])

Политическая жизнь русского Шанхая развивалась в обстановке динамического насыщения. В ней происходили взрывы, разлады, расколы, заканчивавшиеся принципиальными выходами из существующих организаций, созданием новых организаций, взаимными обличениями и обвинениями в прогоминдановских, прояпонских, а позже в просоветских симпатиях.

Политические раздоры и страсти не всегда ограничивались рамками только эмигрантской среды. Зачастую случаи очередного взрыва сопровождались многочисленными рапортами, извещениями, донесениями и просто доносами, адресованными в различные китайские и японские учреждения, находившиеся в данное время у власти.

Так, например, в начале 1934 года группа лиц, «основателей и членов учредителей Совета Общественных Русских Организаций» при своем выходе из него заявила, что «они не участвовали в январских выборах и поэтому не имеют ничего общего с деятельностью этой организации». Официальное заявление об этом событии было подано мэру Великого Шанхая, комиссару Бюро Общественной Охраны, комиссару отдела Гоминдана, и десятку других лиц.

Некоторые круги русского Шанхая муссировали слухи о том, что СОРО пользовался поддержкой советской разведки, которая делала все в целях разложения русской колонии. СОРО ставилось в вину, что его бывший председатель, генерал М. А. Афанасьев, способствовал выдаче эмигрантских паспортов лицам просоветских симпатий. Некоторые из эмигрантов

[156]) Из того же источника.

шли еще дальше и открыто заявляли, что Афанасьев был связан с советской разведкой.

В подобных обвинениях — обоснованных и необоснованных — недостатка не было среди некоторых возбужденно-настроенных слоев русской колонии Шанхая, особенно в годы, предшествовавшие трагической развязке, причем нередки были случаи, когда вчерашние непримиримые обличители и выискиватели измены сегодня сами переходили на советскую сторону.

Предвыборные кампании носили подчас исключительно яростный характер. Газетные статьи, публичные выступления, памфлеты, летучки были полны всевозможных инсинуаций, обличения, клеветы, пасквиля. Возникали анонимные организации, или организации с громкими названиями, вроде «Союза Борьбы Против Пропаганды». О характере подобных организаций и их активности можно судить по приведенной ниже листовки:

> Честные русские, попавшие по заблуждению в СОРО, начинают сознавать свои ошибки. Убедившись, что СОРО финансируется советскими деньгами, они стали порывать с этим учреждением.
>
> Различные темные силы радуются, уверенные в том, что действие честных русских людей создает разлад в эмиграции. Определенная группа предприимчивых людей при поддержке советских агентов старается спасти СОРО от полного распада, т. к. существование СОРО им необходимо для разложения эмиграции... Посмотрим, кто во главе СОРО:
>
> Ф. Л. Глебов. Главой организации должно быть лицо с абсолютно чистыми руками. Являетесь ли Вы таким? Где деньги, добытые трудом солдат и казаков в Корее? Где деньги, вырученные Вами от продажи оружия и пароходов в Шанхае? Если Вы говорите, что эти средства израсходованы на общественные нужды, то из каких источников вы приобрели себе «бординг-хауз», автомобиль, скаковых лошадей? На какие средства Вы живете последних 15 лет, если Вы нигде не служите? Почему хорошо всем известный сексот М. И. Афанасьев до сих пор живет в вашем доме после того, как он был исключен из Общевоинского Союза за работу в пользу советских агентов, выдавая им эмигрантские паспорта, и за растрату средств, собранных для беженцев из Советского Союза.
>
> С. Н. Шендриков. Где деньги, украденные вами у семиреченских казаков?

Д-р. Хохлачкин. Как можете вы, старый социалист-революционер с руками, окровавленными от ежедневных абортов, заботиться об общественных делах?

Н. Д. Меркулов. Вы погубили Приморскую Область в России. Вы также погубили Шантунгскую провинцию.

С. С. Бергман. Вы — агент ГПУ и ваш сын был депортирован из Циндао по распоряжению китайских властей как коммунист. Каким образом вы связаны с эмиграцией?

Русские люди! Близится двенадцатый час. Разве вы не чувствуете влияния провокационной деятельности известных секретных советских агентов, пытающихся подорвать ваши силы? Вы должны помнить, что даже такой безвредный хвастун как Глебов может стать опасным, если им умно руководит ловкий и беспринципный сексот, генерал Афанасьев, который действует исключительно по приказу местного ГПУ.[157])

Кампания вражды исходила из определенных кругов, связанных с шанхайскими фашистами и прояпонскими элементами. Эти группы ставили в вину СОРО и его главе, Глебову, что эта организация «была создана при поддержке Гоминдана и финансировалась еврейскими дельцами с целью захвата власти над русской колонией и устранения недостаточно удобного и послушного Русского Эмигрантского Комитета».[158])

У этих кругов были свои счеты с генералом Глебовым, в которых существенную роль играли прояпонские симпатии одних и прогоминдановские симпатии последнего. С одной стороны эти круги поддерживали главу Эмигрантского Комитета К. Э. Мецлера, но поддерживали исключительно в силу взаимной вражды между ним и Глебовым. Когда последний сменил свои вехи и с потерей гоминдановского влияния в Шанхае перешел в японский лагерь, сменили свои чувства и недавно еще враждебные ему группы. Теперь свою кампанию вражды они направили исключительно против К. Э. Мецлера.

---

157) Из того же источника.

158) Нация, орган Российского Национального Фронта, 24.11.1940.

Расцвет русского Шанхая

Если в области общественно-политических организаций и происходили шероховатости и недоразумения, могущие привести к выводу, что не все обстояло благополучно с русским Шанхаем, то самое поверхностное ознакомление с действительностью выявляло замечательную жизнеспособность русских эмигрантов, их своеобразную сплоченность, взаимную поддержку, трудоспособность, упорство в достижении лучших условий материальной и культурной жизни.

Политическо-общественная рознь, как правило, была делом незначительных по количеству, беспокойных, крайне настроенных групп, и некоторых не в меру честолюбивых и властолюбивых эмигрантских вождей. Одни из них были прямыми виновниками и зачинщиками этих раздоров; другие были втянуты в них против своего желания.

Вдали от этих раздоров пребывала главная масса русской эмиграции, тридцать с лишним тысяч населения русского Шанхая, по разнообразию своего состава не отличавшаяся от населения дореволюционного скромного губернского города, и представлявшая все его слои, классы, сословия, профессии, степени культурного уровня.

Несмотря на эту тождественность, русский Шанхай отличался от своего прототипа разительной диспропорцией в некоторых слоях своего населения. Так, например, было в артистическом, медицинском и торговом мире. Ни один русский город, с населением даже и в два раза больше населения русского Шанхая, не насчитывал в своем составе свыше ста докторов медицины, зубных врачей и других медицинских работников. Еще большую диспропорцию можно было проследить в артистическом и торговом мире русского Шанхая. Это положение можно объяснить тем, что русские врачи, артисты, предприниматели обслуживали не только русское население, но и весь четырехмиллионный город.

Школы

К началу тридцатых годов русских детей школьного возраста в Шанхае насчитывалось около 2,000. Первая школа, Русское Реальное Училище, рассчитанная на 150 учеников, была открыта в 1921 году. Затем в ближайшие годы были открыты: Комерческое Училище, Св. Андреевская Церковно-приходская школа и Женская Гимназия при Лиге Русских Женщин,

Русское Морское Училище и первый в Шанхае русский университет — Высшие Коммерческо-Юридические Курсы.

Эти школы были основаны русскими общественными организациями и содержались почти целиком на средства самой русской колонии. Но этих школ хватало только на половину русских детей. Навстречу школьным нуждам русской колонии пошли власти Международного сеттльмента и Французской концессии. На территории последней весной 1931 года была открыта Школа Реми исключительно для русских детей. Преподавание шло на русском и французском языках. Больше половины преподавателей были русские педагоги. В том же году на Французской концессии для русских студентов был открыт Высший Технический Центр.

В трех школах на Французской концессии, в Муниципальном Колледже, Школе Реми и в Высшем Техническом Центре, из 750 учащихся было 550 русских, из которых половина были стипендиантами. Кроме этих больших школ на Французской концессии русские дети учились в ряде католических, частных французских и немецких школах. Во всех этих школах преподавались русский язык, Закон Божий, русская история.

На Международном сеттльменте из 350 школьников Ханбури «Паблик Скул» половина было русских детей. В середине тридцатых годов в шанхайском университете Аврора проходили высшие курсы около 50 русских студентов.

В Шанхае существовал ряд вечерних школ, основаных русскими общественными организациями, газетами, частными лицами, на которых давались всевозможные курсы от шитья и машинописи, до бухгалтерии и скульптуры.

Медицинский мир

С первыми волнами русских эмигрантов в Шанхай попали военные врачи, служившие в белоповстанческих армиях. Затем с волнами других политических эмигрантов стали прибывать врачи, практиковавшие во многих городах России, включая Петроград и Москву. Основаное в 1922 году, Общество Врачей провело добровольную проверку документов своих членов, удостоверяющих их право на звание врача и медицинскую практику. В короткое время русские врачи завоевали себе репутацию добросовестных, наделенных высокой профессиональной этикой, первоклассных врачей. В их среде были мировые светила, известные хирурги, чуткие диагносты, вра-

чи-бессеребряники. Некоторые из русских врачей зарабатывали сотни тысяч долларов в год. Но наряду с ними были и врачи, которые не только не брали платы с неимущих, но еще сами оплачивали в аптеках выписанные ими лекарства.

Небольшая группа русских врачей в Шанхае во главе с доктором Д. И. Казаковым основала госпиталь при Русском Православном Братстве. Сперва он существовал как амбулатория, при которой врачи оказывали бесплатную медицинскую помощь нуждающимся. Затем русским врачам удалось заручиться денежной помощью муниципальных советов Французской концессии и Международного сеттльмента. В госпиталь стали поступать пожертвования от частных лиц и организаций. Английская пароходная компания Баттерфляй и Свайр в знак признательности русской колонии за ее помощь во время шанхайской забастовки пожертвовала на ее нужды 5,000 долларов. Большая часть этих средств пошла на расширение Русского Госпиталя. За несколько лет число коек с десяти было доведено до ста. Были открыты отделение для душевнобольных, женское, туберкулезное отделение. Заведующим Русским Госпиталем почти все время был один из его основателей — доктор Д. И. Казаков. Госпиталь обслуживался штатом врачей в десять человек, а весь госпитальный персонал был свыше 75 человек. Сверх этого, многие врачи добровольно оказывали бесплатную помощь больным в Русском Госпитале.

Печать

С первых лет появления в Шанхае русских эмигрантов появились и русские газеты. Одной из первых была газета «Шанхайское Эхо», умеренная общественная газета, субсидированная перекочевавшим в Шанхай Союзом Сибирских Маслодельных Артелей. В одной из английских газет одновременно появился отдел, набранный по-русски, обслуживавший русских читателей. К концу двадцатых годов в Шанхае развилась мощная эмигрантская пресса, представленная десятком газет и журналов самого разнообразного характера и направления. Самыми большими газетами были «Шанхайская Заря» и «Слово», обе имевшие и свои издательства. Газета «Новости Дня» обслуживала неприхотливого читателя и представляла тип известной в России газеты «Копейка». Из журналов были литературного направления: «Парус», «Феникс», «Прожектор», посвященных военным знаниям, «Армия и Флот», «Поход».

медицине — «Врачебный Вестник». В 1937 году из Парижа в Шанхай перекочевал на семнадцатом году своего существования толстый журнал «Современные Записки», переименованный в «Русские Записки», но сохранивший редакционную коллегию, дух, формат и участие самых лучших литературных и публицистических сил Зарубежья.

Артистический мир

В течение короткого времени артистические силы русского Шанхая захватили в свои руки весь четырех-миллионный город. В Шанхае оказались крупные мировые силы в лице концертных и оперных дирижеров А. Ю. Слуцкого, Великанова, В. Бакалейникова; профессоров Петроградской Консерватории Б. С. Захарова, С. С. Аксакова; оперных певцов П. Ф. Селиванова, М. Г. Крылова, В. И. Ельцевой; пианистов Маклецова, З. А. Прибытковой и других.

Русские музыкальные студии, насчитывавшиеся в десятках, пользовались огромным успехом среди иностранных колоний Шанхая и китайской интелигенции. Открывшаяся в Шанхае Китайская Национальная Консерватория пригласила в состав профессоров русских преподавателей во главе с профессором Захаровым. Программа русских консеваторий была принята первой китайской консерваторией, ставшей с момента своего образования музыкальным центром для всего Китая. За несколько лет русские профессора Шанхайской Консерватории выпустили десятки выдающихся пианистов, скрипачей, певцов из среды молодого Китая.

Организованное группой артистов Русское Музыкально-Просветительное Общество провело ряд блестящих музыкальных вечеров и оперных постановок. Ставились «Русалка», «Евгений Онегин», «Фауст», «Искатели Жемчуга», «Борис Годунов». Музыкальная группа профессора Захарова устраивала камерные вечера, проходившие с неизменным успехом.

Большой Терский Хор, организованный и управляемый П. Н. Машиным, давал концерты в Шанхае и совершал турнэ по всему Китаю, Русские церковные хора устраивали концерты духовной и светской музыки, пользовавшиеся огромным успехом у всей иностранной колонии Шанхая. На концертах, посвященных памяти композиторов совместно с шанхайским муниципальным симфоническим оркестром неизменно выступал соединенный русский хор с русскими солистами.

Русские импрессарио регулярно ставили театральные постановки, оперы, оперетты, балетные и музыкальные выступления. Русские управляющие ведали театрами, были во главе музыкальных и артистических отделов радиостанций.

Муниципальный симфонический оркестр больше чем на половину состоял из русских музыкантов. Французский муниципальный духовой оркестр состоял целиком из русских эмигрантов. Симфонический оркестр при французском обществе «Альянс Франсез» состоял почти целиком из русских эмигрантов. Во всех первоклассных шанхайских отелях играли русские струнные ансамбли и джазовые оркестры.

Русский музыкальный и артистический мир давал тон не только четырех-миллионному Шанхаю, но и всему Китаю. Эра серьезного ознакомления с западным искусством и изучения музыки в Китае началась с прибытием туда русского артистического мира.

Торговый мир

Начав торговлю с лотков и вразнос, предприимчивые эмигрантские дельцы в течение первых десяти лет создали в Шанхае свыше тысячи различных коммерческих, деловых, технических предприятий.

Вначале скромные русские дельцы основались в районе первого русского поселения — Хонкью, Бродвэй, Сивард. Затем началось массовое переселение во Французский город, на его главную улицу Авеню Жоффр, которая вначале мало чем отличалась от главной улицы небольшого русского провинциального города.

С появление русских предпринимателей на Авеню Жоффр начал меняться характер ее. Сперва появились скромные магазины, парикмахерские, вывески портных и шляпниц. Затем с улучшением дел и повышением благосостояния русской колонии эмигрантские предприятия постепенно развились в крупные дела. Вместо китайских мазанок и небольших домов стали появляться новые высокие здания с просторными магазинами в первых этажах и конторами и жилыми помещениями на верхних. Вечерами Авеню Жоффр засияла и засверкала морем феерических огней. Нигде за границей, ни в одном иностранном городе не глядели гордо на толпы прохожих сотни и сотни электрических и неоновых вывесок с русскими именами и названиями, как на Авеню Жоффр.

В середине тридцатых годов — время расцвета русской колонии Шанхая — эмигранты-предприниматели достигли больших успехов: все магазины и салоны дамских нарядов были исключительно русские; ювелирные магазины, за исключением двух, принадлежали русским; все лучшие фотографические студии, большинство парикмахерских, салонов красоты, кондитерских, аптек были в руках русских. 95 процентов всей торговли на Авеню Жоффр и на других улицах Французского города принадлежало русским эмигрантам.

Кроме торговых предприятий, магазинов, салонов, русские предприниматели создали в Шанхае и его окрестностях сотни заводов, фабрик, мастерских, гаражей и т. д. В одном Шанхае было свыше десяти водочно-ликерных заводов. Из других заводов были: лесопильные, фанерные, гвоздильные; фабрики колбасных, кондитерских, конфетных изделий, красок, парфюмерии, косметики, обуви, медицинских бинтов, кожаных изделий. Весь иностранный Шанхай обслуживался русскими мастерскими по ремонту автомобилей, вулканизации, электротехнике, малярным, плотничным, декоративным работам.

В порту Шанхая и других портах Среднего и Южного Китая работали артели русских водолазов. Летчики-эмигранты на службе больших иностранных газет и телеграфных агентств производили воздушные снимки. Лучшие в Шанхае рестораны и кафе были русские. Молоко и молочные продукты в шанхайские магазины поступали с русских молочных ферм. Хирургическо-инструментальная мастерская Николаева была единственной во всем Шанхае и обслуживала все иностранные и китайские госпиталя. Лаборатория фармацевтических препаратов доктора М. А. Иоффе была самой большой в Китае.

В успехе русского предпринимателя заграницей сказался отчасти его консерватизм: если у себя на родине он делал надгробные памятники и металлические венки, то попав на чужбину, он, при первой же возможности, принимался за прежнее занятие. Так было и в Шанхае. Поэтому большинство эмигрантских предприятий стояло на крепком фундаменте опыта и знания. К успеху эмигрантских предприятий, привившихся на девственной почве Китая, следует отнести русскую порядочность и добросовестность, умение внушить к себе доверие, умение обслужить. Неменьшим фактором было и самое настойчивое стремление выбиться наверх, перейти с шаткого эмигрантского положения в класс равноправного гражданина.

Русские служащие в иностранных предприятиях

Во всех торговых предприятиях Шанхая, в банках, в технических конторах, общественных и административных учреждениях служили русские эмигранты. Многие из них занимали ответственные посты, особенно в административных органах Международного сеттльмента и Французской концессии, где они заведывали отделами, конторами, парками, вели самостоятельные работы, служили инспекторами и т. д. Русские архитекторы, инженеры, техники проектировали новейшие здания Шанхая и строили их. Русские моряки военного и торгового флота плавали на иностранных кораблях в качестве капитанов, помощников, механиков, радистов.

Десятки русских эмигрантов служили в Китайской Таможне в качестве инспекторов, оценщиков. Русские эмигранты занимали посты помощника главного комиссара Таможни, помощника начальника шанхайского порта, помощников командиров таможенных крейсеров. Около сорока эмигрантов служили главными надзирателями и смотрителями маяков по всему побережью Китая.

На муниципальной службе Международного сеттльмента и Французского города служило несколько сот русских эмигрантов. В Шанхайской Муниципальной Полиции на должностях инспекторов, сержантов, констэблей, агентов, переводчиков, конторщиков служило около 70 русских. В резерве ШМП находилось около 50 добровольцев-эмигрантов. На должностях от полисменов до инспекторов Французской Муниципальной Полиции служило около 40 эмигрантов. Почти весь состав Французской Конной Полиции состоял из русских эмигрантов.

Много русских эмигрантов служило в Шанхайской Автобусной Компании на должностях шоферов и инспекторов и в Шанхайской Телефонной Компании на должностях заведующих отделами, инспекторов, инженеров, техников.

Русский полк

Русский Полк Шанхайского Волонтерского Корпуса был сформирован в январе 1927 года во время гоминдановского похода на север, когда в Шанхае ожидалось повторение беспорядков, имевших место в Нанкине. Шанхайские власти обратились к генералу Глебову и предложили ему сформировать русский отряд. Еще не так давно до этого эти власти смотрели сквозь пальцы на поднятую некоторыми шовинистическими

кругами из шанхайской колониальной знати кампанию вражды против остатков русских белоповстанческих отрядов. Теперь они обратились к ним за помощью, и те, кто еще недавно называли огульно русских эмигрантов преступниками и выходцами из российских трущоб, начинали чувствовать себя в безопасности.

Генерал Глебов откликнулся с готовностью на предложение шанхайских властей и в два дня сформировал Отдельный Русский Отряд, составленный из двух рот и пулеметной команды, общей численностью в 300 человек. Во главе отряда встал генерал Глебов, но вышел из него, как только политическое положение в Шанхае стабилизировалось. Командиром отряда был назначен его заместитель, полковник Г. Г. Тиме.

После того, как прошло тревожное время, Шанхайский Муниципальный Совет предложил чинам Русского Отряда создать из него регулярную часть, входившую в состав Шанхайского Волонтерского Корпуса. После перехода Русского Отряда на регулярную службу для него были выработаны особые условия, все чины переведены на жалование, и в некоторой степени приравнены к положению муниципальных служащих.

Параллельно с Отдельным Отрядом существовала добровольческая русская рота созданная на тех же началах, как и другие единицы ШВК.

В 1931 году, во время новых беспорядков, связанных с японо-китайским конфликтом, Русский Отряд нес ответственную службу по охране границ международного города.

Через год после этих событий Русский Отряд и добровольческая рота были реорганизованы в Русский Полк Шанхайского Волонтерского Корпуса, составленный из четырех рот и пулеметной команды.

На всех парадах Шанхайского Волонтерского Корпуса и различных состязаний, Русский Полк неизменно получал самые высокое одобрение как со стороны начальствующих лиц, шанхайских муниципальных властей, так и широкой публики.

Русский Волонтерский Отряд на Французской концессии

Во время тревожных событий 1931 года, когда японские военные власти в целях отвлечь иностранное внимание от захвата Маньчжурии произвели диверсионную операцию в окрестностях Шанхая, муниципальные власти Французской концессии обратились с призывом к русским резидентам встать

в ряды волонтеров для охраны порядка. Формирование Русского Волонтерского Отряда на Французской концессии и возглавление его было поручено генералу Глебову. Сформированный в кратчайший срок, отряд нес сторожевую службу на границах Французской концессии. Позже он был реорганизован в Особый Вспомогательный Отряд при полиции Французской концессии, и командование его, после выхода из него генерала Глебова, было поручено генералу Л. М. Адамовичу. Вначале отряд состоял из двух рот по 125 человек в каждой, но по окончании кризиса, был сведен до одной роты, а чины его переведены из положения добровольцев в служащих при Французском муниципалитете.

Телохранители и охранники

В Шанхае, где часто происходили террористические убийства и похищения богатых людей, появился новый род занятия, привлекший к себе несколько сот русских эмигрантов. Многие китайские миллионеры нанимали к себе на службу эмигрантов в качестве телохранителей, давали им хорошие условия службы и высокую оплату. Среди китайских богатых людей существовала уверенность, что под охраной русских телохранителей их жизнь не подвергалась такому риску, как при охране китайскими телохранителями, нередко вступавшими в денежные соглашения с бандитами или террористами. Несмотря на то, что редки были случаи нападения на богатых китайцев, охраняемых эмигрантами-телохранителями, все же несколько русских стали жертвами китайских террористов.

Сотни других эмигрантов служили в качестве сторожей банков, складов, магазинов, пароходов. Эмигранты в блиндированных автомобилях перевозили из банков в банки и другие учреждения золото, серебро и другие ценности. Сотни русских эмигрантов служили на пассажирских пароходах в качестве анти-пиратской охраны. Эти иностранные пароходы часто подвергались нападению китайских пиратов, и не раз русской страже приходилось вести с ними бои.[159])

---

[159]) Глава «Расцвет русского Шанхая» составлен по Альбому Шанхай, под редакцией Г. И. Жиганова, издательство «Слово», Шанхай 1937.

Особенности Шанхая

У русского Шанхая была своя доля приключений, преступлений, шпионажа и других авантюр, которыми была так богата жизнь этого международного авантюристического города.

Весной 1930 года атаман Семенов послал в Шанхай трех своих офицеров в поисках некого Франка Кёнига в связи с убийством царской семьи в Екатеринбурге. Предупрежденный заранее Кёниг исчез из Шанхая.

Опрос лиц, знавших Кёнига, вскрыл его биографию. Доктор Франк Кёниг родился в Моравии, по професии химик, был захвачен в плен во время Первой Мировой войны и находился в лагере военнопленных в Сибири. Одно время он служил в Красной Армии, в химическом отряде. В середине двадцатых годов он оказался в Харбине, вернулся в Советский Союз и снова попал в Китай. В Пекине он предложил свои услуги китайским властям в качестве эксперта по взрывчатым веществам. После несчастного случая в лаборатории, изувечившего взрывом его лицо, он перешел к менее опасному занятию — производству морфия, героина и других наркотических средств. Среди его новых друзей оказались лица, давно подозреваемые в продаже наркотиков.

Семеновские офицеры опросили некоего Николая Кизина, служившего шофером у Кёнига, и показали ему групповую фотографию екатеринбургских коммунистов во главе с Яковом Свердловым, председателем ЦИК Областного комитета. В одном из них Кизин опознал Франка Кёнига.

Имя Кёнига было связано с убийством царской семьи. Незадолго до него он был вызван в Екатеринбург, где ему было поручено забальзамировать голову убитого Государя для отправки ее в Москву.

Через шесть лет после того, как он покинул Шанхай, Кёниг рискнул вернуться в Китай. Было выяснено, что за это время он успел отсидеть несколько лет в венской тюрьме за мошеннические операции. Он обосновался в Тяньцзине, где, по слухам, некоторое время был связан с Т. Гутманом, К. Ворониным, Степановым и Смоляром, участниками многих громких дел. Его сразу заподозрили в сотрудничестве с советскими властями. Вскоре после этого он исчез. Весьма возможно, что те, кто искали его шесть лет тому назад, наконец нашли его.

Сотрудники Зорге

В 1930 г. из Москвы в Шанхай под именем Джонсона прибыл Рихард Зорге. В Шанхае уже существовало кольцо международных коммунистических шпионов, где он и встретился с американской журналисткой Агнес Смедли, с владетельницей книжного магазина немецкой еврейкой Иреной Видемайер, с японцами Кито Гиничи, Озаки Хозуми и другими.

В Шанхай Джонсон-Зорге прибыл по поручению генерала Берзина, главы Четвертого Управления Красной Армии объединить и возглавить сеть советских шпионов. Вскоре Зорге повстречался с другими участниками этой сети, среди которого оказалась Анна Валлениус, эстонка по рождению, вдова белого эмигранта, и эмигрант Константин Мишин, владелец автомобильного гаража и починочной мастерской на Рут Дюмер.

Центром советского шпионажа в Шанхае был Секретариат Профсоюза «Пан Пасифик», скрытый отдел Коминтерна. Но для Зорге Четвертое Управление создало особый аппарат — Секретный Отдел Дальневосточной Группы, подчиненный непосредственно ЦК КПСС.

Профсоюз «Пан Пасифик», основанный в 1927 г., возглавлялся известными американскими коммунистами, как Эрл Браудер, Герхарт Айслер, Юджин Дэннис, он же Пол Уолш, но средства на его содержание и шпионскую деятельность, в размере, превышавшем полмиллиона долларов в год, поступали из ДАЛЬКРАЙБЮРО в Хабаровске.

В Шанхае также существовало два других шпионских гнезда. Одно из них был особый отдел Коминтерна, задачей которого было свержение националистического правительства Китая. Во главе его стоял известный Пол Рюег, он же Хилэйр Нуленс-Вандеркрююзен, и десяток других вымышленных имен. Вторым гнездом была секретная группа советских офицеров под началом генерала «Тео» (он же Фрёлих). Группа Тео была тесно связана с харбинским филиалом Четвертого Управления, во главе которого находился немец Гломберг-Отт. В Харбине также существовала активная советская шпионская группа, во главе которой стоял американец «Джим», и в которой сотрудничал вице-консул генерального американского консульства Лилиестром.[160])

---

[160]) Ralph de Toledano, Spies, Dupes and Diplomats, Little, Brown & Co., Boston, p. 45.

В группе Рихарда Зорге находился Макс Клаузен, бывший радист германской службы связи в Первой Мировой войне. В Шанхай он прибыл за год до Зорге, и сразу же связался с Константином Мишиным, в мастерской которого он сконструировал мощную портативную радиостанцию. Позже клаузеновские радио трансмиттеры передавали регулярно зашифрованные сведения от Зорге на станцию Висбаден, условное название мощной радиостанции в окрестностях Хабаровска.

Осенью 1929 г. Клаузен побывал в Харбине, где в Отеле Модерн повстречался с харбинскими членами советской шпионской сети. Вернувшись в Шанхай, он перебрался из квартиры Мишина в пансион, повстречался с вдовой Анной Валлениус, на которой и женился. Когда Зорге появился в Шанхае, Клаузен стал главой радиосвязи, а его жена курьером по доставке микрофильм из Токио в Гонконг.

Вначале сеть советского шпионажа работала исключительно по делам, связанным с ростом гоминдановского влияния в Китае. Позже, с выходом Японии на материк, она получила новое направление.

> Непосредственным результатом маньчжурского инцидента должно быть столкновение лицом к лицу Советского Союза и Японии на огромном пограничном пространстве, до этого не представлявшем интереса с точки зрения национальной обороны... Одно время было совершенно невозможно выяснить, куда бросится Япония — на север, на завоевание Сибири, или на юг, для обладания всем Китаем... Я должен был раскрыть секретные японские планы...[161])

Рихард Зорге писал эти строки в камере смертников Сугамской тюрьмы в Токио, куда он попал после того, как успешно раскрыл эти планы. Он писал их за год до разгрома Японии и за несколько недель до своей казни.

Судьба Константина Мишина неизвестна. В русском Шанхае, полном всевозможных обвинений друг друга в прояпонских, просоветских симпатиях — обвинений зачастую совершенно необоснованных — совершенно незаметно шла работа Мишина, одного из участников шпионского кольца Рихарда Зорге.

---

[161]) Там же, стр. 54.

Дело Морисона

Весной 1933 года Шанхайская Муниципальная Полиция получила заявление об исчезновении В. А. Морисона от его жены и от главного управляющего Центросоюза М. Н. Маркова. В заявлении последнего было также сказано о пропаже 25,000 американских долларов из химического отдела Центросоюза, которым управлял Морисон.

Через месяц Морисон явился в шанхайскую полицию и заявил, что все это время он был в Ханькоу, где перешел на положение невозвращенца и взял эмигрантский паспорт.

Расследование выяснило, что Морисон давно подготовлял разрыв с советской властью. Морисон, он же Кургаш, он же Шермак, был членом коммунистической партии, участвовал в Гражданской войне, одно время служил в Чека. Расхождение с коммунизмом у Морисона началось после прибытия в Китай. Об этом стало известно советским властям и они решили отправить его обратно в Советский Союз.

В. М. Кедроливанский, бывший детектив Шанхайской Муниципальной Полиции, совместно с А. А. Ногайцевым, издателем журнала Аргус, в интервью с женой Морисона, достал сенсационные данные о секретной деятельности Центросоюза. После опубликования их в эмигрантской печати Морисону ничего не оставалось больше, как полностью разоблачить деятельность Центросоюза и свою роль в нем.

Морисон признался в том, что он был членом «боевой тройки», на задание которой было устройство террористических актов, подрывной деятельности и политических убийств. Одним из таких актов было устройство покушения на жизнь Ван Цзинь-вея, тяжелое ранение которого привело несколькими годами позже к смерти. Морисон сообщил, что на службе советских властей в качестве секретных сотрудников было несколько эмигрантов, фамилии которых он отказался назвать.

Переход Морисона на положение невозвращенца и его разоблачение секретной деятельности Центросоюза приняли сенсационный характер. В результате публичной огласки его руководители были спешно отозваны в Советский Союз, а сама организация полностью перестроена.

Как обычно бывает в случаях разоблачения советских подрывных организаций, советская печать громко заговорила о провокации «белогвардейцев» и особенно выделила Кедроливанского. Газета «Правда» разразилась яростной передовицей о

«провокационных попытках сорвать нормальные торговые операции Центросоюза» и «рутинных методах фальсификации». Бывший член тройки Морисон стал вдруг «махровым белогвардейцем». Кедроливанский был выставлен в качестве «антисоветского провокатора, не раз отличавшегося в антисоветских выступлениях».

Имя Кедроливанского стало известно еще в связи с делом З. Доссера и доктора Е. Фортунатова, еще за несколько лет до дела Морисона. Доссер, советский гражданин, был арестован по подозрению в шпионаже и подрывной деятельности. При обыске его помещения, Кедроливанский, тогда служащий Шанхайской Муниципальной Полиции, нашел свидетельство Коминтерна, уполномачивавшее Доссера производить забастовки и устраивать волнения среди рабочих Шанхая. Некоторое время после ареста Доссера, Фортунатов предложил Кедроливанскому 10,000 долларов за то, что он на суде покажет, что коминтерновский документ был сфабрикован шанхайской полицией и по ее приказу подсунут в бумаги Доссера. Кроме денег Кедроливанскому были предложены билет до Пекина и сопроводительное письмо послу Карахану, который должен был способствовать отправке его в Советский Союз.

О предложении Фортунатова Кедроливанский доложил своему начальству. Затем была устроена встреча Кедроливанского с Фортунатовым. Во время передачи денег Кедроливанскому Фортунатов был арестован шанхайской полицией.[162])

---

[162]) В. М. Кедроливанский был одним из самых способных русских детективов при Шанхайской Муниципальной Полиции. Он ушел оттуда после нескольких лет службы и открыл свою собственную контору. Одно время жил в Тяньцзине, где был тесно связан с генералом Клерже и Слуцким. После ареста их японскими властями, Кедроливанский неожиданно покинул Тяньцзин и снова поселился в Шанхае. Одно время он был связан с шанхайским японским генеральным консульством и одновременно с американским консульством, в первом — по политическим делам, во втором — по розыску дельцов по распространению наркотиков, среди которых были американские граждане. После убийства Клерже и Слуцкого Кедроливанский внезапно оставил Шанхай и выехал в Манилу, сказав, что едет в Дайрен. В Маниле Кедроливанский был взят в плен вместе с американским отрядом из гарнизона в Коррегидоре, участвовал в «Батанском марше», во время которого многие погибли от болезней, истощения и бесчинств японских войск. После окончания войны Кедроливанский вернулся в Шанхай, где при загадочных обстоятельствах покончил с собой.

Дело Грутлея

В некоторых эмигрантских кругах подвизался некто Грутлей, он же Генрих Роланд Кервейн, Лансинг, капитан Роланд и просто Фриц Роланд, немецкий гражданин, выдававший себя попеременно то за швейцарца, то за натурализированного американца.

Грутлей довольно близко стоял к эмигрантским фашистским кругам и эмигрантам-сотрудникам японской и германской разведывательных служб. Одним из его знакомых был некто Хованс, также, как и Грутлей, человек с десятком вымышленных имен. Обширные знакомые у Грутлея были и среди женщин, работавших в кабаре и ночных кабаках Шанхая, среди которых были русские и немки-еврейки, беженки из Германии. У него также было много знакомых среди японских служащих военной миссии и других японских военно-морских и политических учреждений, и немцев из нацистских организаций Шанхая и отдела Гестапо. У Грутлея водились большие деньги в американских долларах, которые он предпочитал держать не в банке, а среди своих знакомых. Грутлея подозревали в распространении наркотиков через его приятельниц женщин из кабаре.

Грутлей хорошо говорил по-русски, жил в России. По его словам он служил в Москве инструктором по ночным полетам. В Шанхае он поддерживал близкие сношения с В. В Сергеевым, представителем агентства ТАСС, что давало основание подозревать его в работе одновременно для немецкой, советской и японской разведывательных служб. Грутлей был чрезвычайно груб с женщинами, издевался над ними, эксплуатировал их, не платя им, и устраивал им скандалы.

Грутлей был убит при загадочных обстоятельствах в пустынном месте Французского города, неподалеку от того места, где год с лишним тому назад было совершено покушение на жизнь русского эмигранта Мамонтова-Рябченко. Накануне смерти Грутлея его видели попеременно то в компании немца, который называл себя Вебером, но имя которого было Вернер, и женщины, которая выдавала себя за немку, но которая на самом деле была русской.

Незадолго до своей смерти Грутлей рассказывал своим русским друзьям, что за ним охотились китайские террористы, и что один из них стрелял в него, но ему удалось отбиться от них.

Кожевников-Хованский-Хованс-Пик, Клюге-Петров [163])

Одной из наиболее ярких авантюристических фигур Шанхая был человек с десятком вымышленных имен. Сын астраханского купца, Евгений Михайлович Кожевников участвовал добровольцем в Первой Мировой войне, был взят в плен. Вернувшись в Россию в 1918 году он поступил в Красную Армию, примкнул к коммунистической партии и был назначен в школу ГПУ в Москве для прохождения офицерского курса. Одновременно он поступил учеником в одну из московских театральных школ и принял имя Хованского.

После окончания школы ГПУ, Кожевников был послан сперва в Туркестан, затем на Украину вблизи польско-румынской границы. Одно время был прикомандирован к особой советской миссии в Турции и Афганистане. В 1925-1926 годах Кожевников-Хованский состоял сотрудником ГПУ при советской политическо-военной миссии Бородина и Галлена-Блюхера в Китае.

Еще будучи на службе советской миссии, Кожевников установил связь с французской разведкой. Он выкрал у Бородина его дневник и некоторые секретные бумаги и продал их французскому консулу. Переход на двойную работу Кожевников объяснил тем, что его семья пострадала от большевиков, отец был арестован и сидел в тюрьме, а брат был расстрелян.

Двойная игра Кожевникова вскрылась. В советской миссии было решено немедленно ликвидировать его. Его сотрудник завлек Кожевникова в один из иностранных домов, секретно занимаемых советской миссией. Там они были встречены двумя вооруженными китайцами. Чувствуя, что он попал в западню, Кожевников бросился бежать в сад, но был ранен китайским мечем в голову. В саду ему удалось добраться до каменной стены и перелезть через нее на улицу. На его крики о помощи отозвались проезжавшие мимо иностранцы, которые отвезли его в госпиталь.

Это произошло в Ханькоу. Перебравшись в Шанхай, он поместил в английской газете «Норд Чайна Дэйли Ньюс» серию статей, разоблачающих подрывную деятельность коминтерновских сотрудников и советников Красной Армии в Китае. Статьи он подписал именем Евгения Пик. Одновременно с опубликованием его статей полиция Шанхая получила пространное

---

[163]) Из архива Ю. А. Черемшанского.

письмо, подписанное буквами Н. Н., в котором сообщались имена 62 коминтерновских агентов, прибывших в Шанхай. Полиция установила, что оно было написано Кожевниковым.

Его статьи и письмо в полицию создали ему репутацию человека, хорошо осведомленного в советских интригах в Китае и установили его положение как информатора. Теперь услугами Кожевникова-Хованса кроме французских пользовались и английские власти. Попутно Кожевников-Хованский создал себе репутацию незаурядного актера и режиссера. Его фигура с головой, прикрытой татарской тюбитейкой, чтобы скрыть шрам, и лицо с лисьим выражением в глазах, стали хорошо знакомы русским театралам.

Деятельность Кожевникова-Хованского-Хованса-Пика-Н. Н. не ограничилась появлением в кабинетах разведывательных учреждений и на театральных подмостках.

Впервые Кожевников оказался замешанным в мошенничестве в 1928 г. Совместно с некими Морисом Левитским и Городиным Кожевников-Хованс нашел богатого китайца, который собирался открыть игорный притон. Кожевников выдал себя за начальника уголовного отдела Шанхайской Муниципальной Полиции, а Левитского — за служащего американского генерального консульства. Кожевников получил от китайского предпринимателя задаток в 15.000 долларов, из которых выделил своим сообщникам по небольшой сумме, сказав им, что получил гораздо меньше, чем ожидал, и уехал в Мукден. Через год он вернулся в Шанхай, был арестован и присужден к нескольким месяцам тюремного заключения.

Выйдя из тюрьмы, Кожевников восстановил связь с иностранными разведками и связался с Министерством Иностранных Дел Китая в качестве агента разведки и вербовщика русских эмигрантов на службу для китайской армии. С тем же Левитским он провел еще одну аферу. Он выдал себя и Левитского за офицеров немецкой армии, назвав себя капитаном К. Клюге, а второго майором Левиц, и повел переговоры о приобретении контрабандного оружия для китайского националистического правительства на сумму около двух миллионов долларов. В аферу было втянуто несколько других лиц. Одним из них оказался английский делец Р. К. Рафаель, другим — богатый китайский коммерсант, который должен был финансировать сделку и у которого Кожевников-Хованс-Пик-Клюге выманил 70.000 американских доларов.

Афера Кожевникова вскрылась и он был вновь арестован. На суде Кожевников отрицал свою вину, сваливая все на Рафаеля, как на человека, давно подозреваемого в контрабандной продаже оружия китайским коммунистам. Кожевников и его сообщники были присуждены к тюремному заключению.

Следующим громким делом Кожевникова было вымогательство и шантаж. Он связался с неким Адольфом Бомонтом, выдававшим себя за бельгийца румынского происхождения, настоящее имя которого было Израелевич. Дело касалось Кенеди, американки, содержательницы публичного дома, и ее девицы Ани Залевской. Последняя вчинила первой иск на 18.000 долларов, которые она по получению должна была поделить с Бомонтом. На каком то основании Кожевников потребовал часть этих, еще не полученных, денег с Залевской и Бомонта. На отказ Бомонта Кожевников ответил тем, что собрал против него порочащий материал и передал прокурору американского консульского суда, но тот отказался принять его на том основании, что Бомонт не американский гражданин.

По слухам в руки Кожевникова попал материал, порочивший члена американского консульского суда как гомосексуалиста. Шантаж Кожевникова привел последнего к самоубийству. Теперь для Кожевникова открылась новая область шантажа и он открыто заговорил, что готовит к печати книгу, разоблачающую частную жизнь многих видных шанхайских жителей, включая членов Шанхайского Муниципального Совета и других административных учреждений.

Затем в просоветской газете Новости Дня Кожевников под видом скрытого советского агента поместил статью, в которой описывает смерть немецкого полковника, военного советника при генералиссимусе Чан Кай-ши. По данным Кожевникова английская разведка предложила немецкому полковнику работать для нее, но тот отказался. За отказ английская разведка якобы приложила к лицу полковника полотенце, насыщенное микробами оспы. Немецкий полковник был отослан в изоляционный госпиталь в Шанхае, где и умер. Так это было на самом деле или нет — неизвестно, но один немецкий офицер, советник националистической армии Китая, действительно умер в изоляционном госпитале от оспы.

Осенью 1937 года генеральное консульство США в Шанхае запросило Шанхайскую Муниципальную Полицию относительно некоего Хайланда Лайона, подозреваемого в шпионаже в

пользу Японии. Расследование полиции показало, что Лайон часто встречался с некоторыми японцами в гостинице Метрополь, причем при этих встречах нередко присутствовал и Кожевников. Было также установлено, что к своей цепи разведывательных служб Хованс прибавил и японскую разведку.

Полиция также установила, что Кожевников поддерживал связь с другими подозрительными личностями. Одним из них был некто Н. Кейс, американец, б. служащий военного флота США, которого подозревали в торговле наркотиками. Другим был некто В. Найдис, он же Максим Ривош, Абрамов, советский гражданин, бывший под следствием по делу о побеге из тюрьмы в Ханькоу некоего Иосифа Вальдена.

Затем Кожевников стал объектом полицейского расследования совершенно по другому делу. В его квартиру была брошена бомба, причем это было сделано так, чтобы она ни в коем случае не разорвалась. При допросе Кожевников дал полиции ряд имен, среди которых было имя одного из русских, служащих в Шанхайском Добровольном Корпусе. Следствие не дало никаких результатов, кроме подозрения, что Кожевников ради саморекламы инсценировал покушение на самого себя.

За два года до начала Тихоокеанской войны Кожевников-Хованс поступил на службу в качестве секретаря и информатора к Н. Н. Типольту, б. русскому эмигранту, ставшему румынским подданным, сотруднику японского Военно-Морского Бюро в Шанхае. В течение нескольких месяцев Кожевников ухитрился добиться для себя положения равного Типольту, а затем подготовил на него донос, уличая его в двойной игре и других подозрительных делах. Типольт был арестован и провел некоторое время в приобревшей темную славу тюрьме при Бридж Хауз, в котором находился штаб японской жандармерии. Кожевников-Хованс, как говорили о нем, отплатил Типольту за то, что последний не помог ему, когда он был арестован по делу об убийстве С. И. Мамонтова-Рябченко.

До связи с японской разведкой, Кожевников успел сойтись с шанхайским отделом Гестапо. Теперь число его служб для иностранных разведок достигло шести. Шефом Кожевникова, глава Гестапо, был эксперт по взрывчатым веществам. Кожевников позже рассказывал, что по инструкции своего шефа он помещал адские машины на союзные коммерческие пароходы. Связь Кожевникова с Гестапо была обнаружена во время суда над ним по делу Мамонтова-Рябченко.

Убийство Мамонтова-Рябченко

Летом 1941 года появилась брошюра на русском языке, озаглавленая «Кто Евгений Хованс?» В брошюре разоблачался Хованс как бывший чекист и советский агент-провокатор.

Через два месяца после выхода в свет этой брошюры С. И. Мамонтов-Рябченко, владелец фирмы Чайна Трэйдинг Компани, был тяжело ранен неизвестными людьми вблизи своего дома на Французской концессии. Раненый был доставлен в госпиталь, где на следующий день умер. Перед смертью Мамонтов-Рябченко назвал Кожевникова-Хованса, как организатора нападения на него за то, что он, Мамонтов, оказался автором обличительной брошюры.

Кожевников был арестован. Следствие показало, что нападение на Мамонтова-Рябченко было совершено наемным китайским убийцей, нанятым для этого дела Кожевниковым-Хovансом через некоего Цанг Син-у, переводчика при разведывательном отделе нанкинского марионеточного правительства. На допросе Цанг показал, что Кожевников поручил ему организовать убийство Мамонтова, обещав ему 2.000 долларов.

На суде Кожевников настаивал на своей невиновности и отрицал, что когда либо знал наемного убийцу, но признался, что хорошо знал Цанг Син-у. Кожевников настаивал, что обвинение против него было сфабриковано полицией Французской концессии и что только один человек может раскрыть все дело. На предложение судьи указать этого человека, Кожевников назвал Мельца, служащего немецкого консульства и Гестапо.

На основании других показаний и признания Цанга, Кожевников был признан виновным в убийстве Мамонтова-Рябченко и присужден к 15 годам тюремного заключения.

Кожевникову не пришлось быть долго в заключении. Как только началась Тихоокеанская война, его освободили японские власти и снова взяли к себе на службу. Он переехал в фешенебельный Катэй Отель, где жил вместе с японскими офицерами, у него опять появились деньги.

Тем временем наемный убийца Мамонтова-Рябченко умер в тюрьме. Воспользовавшись своими связями с японскими властями, Кожевников апеллировал решение первого суда. На этот раз Цанг Син-у неожиданно заговорил о том, что его прежние показания против Кожевникова были им даны по требованию полиции Французской концессии. Японские власти заставили отменить приговор первого суда.

Кожевников на службе у японских властей.

Кожевников-Хованс сохранил свою связь с японским Военно-Морским Бюро в Шанхае до окончания Тихоокеанской Войны. Он именовал себя «советником», на самом же деле был агентом-информатором японской разведки по работе среди иностранного населения Шанхая. В начале войны Хованс приготовил для японского морского штаба списки иностранцев, которых он считал враждебным для Японии элементом или связанными с иностранными разведывательными органами и поэтому опасными и подлежащими заключению в особый лагерь. Хованс часто принимал участие в аресте иностранцев.

В Морском Бюро Кожевников-Хованс служил под начальством капитана Оттани. Там же служил Фуку Такаси, известный в русских кругах как Александр Павлович Фукуара. Другим сотрудником Хованса был Ямагучи Сигео он же Мори, одно время служивший при особом отделе военной миссии, ведавшим делами российским эмигрантов. Кожевников был также в близких отношениях с майором Кание, главой русского отдела при японской военной миссии, и К. Куроки (он же Тосио Курохаси), капитаном жандармской службы, советником по русским делам при миссии и редактором японской газеты на русском языке Дальневосточное Время.

Среди сотрудников и информаторов Кожевникова находились люди различных национальностей. Его ближайшим сотрудником был известный по вымогательству П. Ложников. В. Дроздов, журналист, связанный с английской разведкой, информировал его по английским делам; Зевич-Зельманович, сотрудник Дроздова, доставал ему различный разведывательный материал; Морис Пост-Постышев, он же Пост-Постников, сотрудник английских и американских газет, брал для него из фотографических отделов этих газет фотографии иностранцев для передачи японским властям; А. Юрьев, служащий французского Муниципального Совета, посвящал его во все дела, связанные с Советом; Г. Брудер, швейцарский гражданин, информировал его о жизни других иностранцев, включая швейцарцев; Морис Гершкович, британский гражданин, снабжал его сведениями об английской колонии.

Из других иностранных информаторов Кожевникова-Хованса были итальянский адвокат Пиетро Терни, связанный с итальянской фашистской организацией в Шанхае, и португалец Карнейро, служащий советского пароходного агентства.

В апреле 1944 года японские власти отправили Кожевникова-Хованса в Манилу на Филиппинские острова. Кожевникова сопровождали Терни, Гершкович, Ложников, некто Ганс Архейм и два русских радио-техника. Незадолго до этого американские войска высадились на Филиппинах? Посылая туда Кожевникова и его сотрудников, японские власти преследовали несколько целей. Особым заданием Кожевникова были поиски В. М. Кедроливанского-Кей, бывшего служащего сыскного отделения Шанхайской Муниципальной Полиции, ставшего затем агентом американского разведывательного органа, за которым охотилась японская разведка.

По приезде в Манилу, Кожевников-Хованс и его сотрудники осмотрели лагеря американских военнопленных в поисках нужных для японской разведки лиц. По рассказу самого Кожевникова он встретил там Кедроливанского, но умышленно не узнал его.

Кроме этого официального задания и учета иностранцев в Маниле, Хованс вместе с Ложниковым занялся вымогательством, жертвой которого стал некто Залевский, поляк, владелец лесного склада в Маниле. Хованс и Ложников показали ему фотографию, на которой он был снят с одним американцем, и заверил его в том, что этот американец был видным агентом американской разведки. Напуганный Залевский заплатил им 75 тысяч пезо.

Хован в Японии

Перед окончанием войны Кожевников оставил Шанхай и выехал на пароходе в Японию. В море пароход налетел на мину и взорвался. Кожевников со сломанной ногой был подобран и доставлен в Японию. Там под именем К. Клюге как немецкий гражданин он попал в госпиталь в Киото, где пролежал несколько месяцев. С прибытием оккупационных войск в Японию он был арестован и препровожден в тюрьму для преступников войны в Сугамо в Токио, затем доставлен в Шанхай, в тюрьму на Ворл Род. После нескольких месяцев пребывания там, он был освобожден американскими властями не нашедшими в его делах ничего, что могло вредить интересам США.

Во время следствия над ним, были захвачены все доклады, которые он составлял для японских властей. Они оказались большей частью вымышленного, фантастического характера, почти не имевшими никакого практического значения.

М. Н. Третьяков

Японские власти не отличались особой разборчивостью в выборе помощников для работы среди русской эмиграции на Дальнем Востоке. Низкий уровень своих сотрудников они объясняли тем, что лучшая часть русской эмиграции отказывалась сотрудничать с ними. В этом была большая доля правды. Сотрудничество с японскими властями означало прежде всего сотрудничество с японской жандармерией, участие в шпиономании и сыске и работу в качестве доносчика. Японские власти сами не стремились привлекать к сотрудничеству лучшую часть эмигрантской массы, отдавая себе отчет в том, что подобное сотрудничество было бы обусловлено требованием законности, порядка и уважения прав и достоинства человека. В начале установления своего владычества в Маньчжурии японские власти еще пытались выдвинуть на руководящие посты российской эмиграции приемлемых для нее людей. Выбор таких руководителей не шел дальше ограниченного круга генералов на основе старшинства, но все же это был выбор людей вполне приемлемых для эмиграции. Так было в Маньчжурии, в первые годы существования Бюро Эмигрантов.

Калибр эмигрантских руководителей в Северном Китае, поставленных японскими властями во главе Антикоммунистического Комитета, был уже значительно ниже. В Шанхае, в расцвет установления «нового порядка», японские власти стали еще менее разборчивы, как в выборе своих ставленников, так и в выборе средств смещения неприемлемых для них эмигрантских руководителей.

Митрофан Никитич Третьяков, казак Забайкальского войска, в 1918 г. примкнул к атаману Семенову. В это время в Забайкалье стали зарождаться красные партизанские отряды. На ст. Даурия появился революционный штаб во главе с комисаром Лазо. О своем участии в антикоммунистическом движении и о своей роли в нем Третьяков подробно изложил значительно позже.[164])

Жизнеописание Третьякова свидетельствует о том, что его антикоммунистическая деятельность быстро приняла характер карательных расправ. Трудно допустить, что в то время

---

[164]) Из жизни М. Н. Третьякова. Путь-дороженька забайкальского казака по Восточной Азии. Шанхай, 1940.

Третьяков был в состоянии разбираться вообще в чем либо, не говоря о политическом положении. В этих вопросах он не разбирался и значительно позже, когда полностью, с головой, забрался в дебри эмигрантской политики. Расправы в Забайкалье происходили над инакомыслящими, над теми, кого Третьяков считал большевиками или симпатизирующими им, и просто над теми, кто почему то не приходились ему по душе. По жизнеописанию Третьякова можно судить, что «путь-дороженька забайкальского казака» была густо усеяна трупами виновных и невиновных людей.

Описывая этот кусок своей жизни и называя себя подхорунжим, Третьяков рассказывает о том, что он командовал белым партизанским отрядом. В то время ему было около 30 лет. По какому то физическому недостатку он не нес военной службы и не участвовал в Первой Мировой войне.

Отступая с отрядом атамана Семенова, Третьяков попал с семьей в Приморье, а затем в Маньчжурию. Очевидцы рассказывают, что в Мукдене его мать нищенствовала, а сыновья занимались попрошайничеством. Сам же он промышлял по конной части и занимался лечением лошадей. О себе он рассказывает в третьем лице:

> Дело это было для Третьякова родным с детства; сам вырос он у отца, сам в молодости любил и занимался конным делом, а потому сразу же при своем опыте и знаниях поставил на ноги несколько хороших, но больных лошадей в Мукдене, и слава о нем, как ветеринаре, пошла гулять между китайцами... Как-то раз совершенно неожиданно для него к нему прибежали взволнованные конюхи одного сановного китайца... Оказывается заболела любимая серая кобыла этого молодого сановника. Третьяков был позван, как европейский эксперт, посмотреть больную лошадь. Он сразу увидел знакомую для него картину типичнго опоя и через несколько дней выправил лошадь, чем несказанно обрадовал важного и влиятельного китайца.

Незадолго до начала советско-китайского конфликта Третьяков сопровождал служащего японской военной миссии Хирота («Якова Николаевича») в поездке в Трехречье для учета казаков для отряда атамана Семенова, который замышляло создать японское военное командование. Во время самого конфликта Третьяков предлагал китайским властям организовать партизанский отряд из казаков, но предложение его не было принято. В 1931 году Третьяков перебрался в Шанхай,

где связался с полковником Насимура при японском генеральном консульстве. Здесь ему суждено было стать «европейским экспертом» не по лечению лошадей, а по сложным эмигрантским делам. Вначале он жил на Французской концессии, пробавляясь случайным заработком. Его нетерпимость в отношении других и ставка на японских властей создали вокруг него враждебный круг. Он не раз «страдал за свои политические убеждения», выходя побитым после столкновений с другими эмигрантами, которые, в его представлении, являлись «советскими агентами». Затем из Французской концессии он перебрался на другую сторону Сучоуского канала, в район, в котором находились японские учреждения. Здесь он связался с Насимура настолько крепко, что стал жить на его счет.

Летом 1937 года, с началом открытия военных действий против националистического Китая, японские вооруженные отряды показались в окрестностях Шанхая и Вузунга, где находилась китайская крепостная зона. В короткое время японские войска оккупировали Вэйсайд (часть Хонкью), с прилегавшими к нему районами по Сучоускому каналу. Китайское население этой территории бежало в панике на Международный сеттльмент и Французскую концессию, бросив свои дома и имущество.

С того времени начался новый период в жизни Третьякова. Он настолько вошел в доверие японских властей, что ему было поручено набрать для японской консульской полиции русских шоферов, «смелых и надежных на случай всевозможных выступлений». Третьяков стал своим человеком у начальника японской полиции Мацусито и выполнял для него различные поручения, связанные с русской колонией. В своей квартире Третьяков вывесил японские флаги, а на стене поместил портреты японских вождей, включая японского императора. В короткое время Третьяков стал хозяином положения в русской колонии Вэйсайда. Позже, с развитием японской оккупации Китая и укреплением японской власти, Третьяков стал грозой одинаково для русских эмигрантов и иностранцев, в особенности беженцев евреев, живших «за чертой оседлости».

Своеобразность отношения Третьякова с японскими властями создала целые легенды. Рассказывают, что он являлся в японские учреждения с иконой в руках, заставляя японцев становиться на колени и прикладываться к ней. Раз к нему явился японский офицер и заговорил с ним тоном начальника.

Третьяков вспылил и чуть ли не бросился на него с японской саблей. Третьяков пожаловался японским властям на этого офицера и тот принужден был принести ему извинение. Эти случаи создали популярность Третьякову среди забитого русского населения Вэйсайда. Они начали смотреть на него, как на всесильного человека и стали обращаться к нему с просьбами, на исполнение которых он никогда не скупился в обещаниях. К этому времени Третьяков облачился в подобие военной формы, а на фуражку защитного цвета нацепил офицерскую кокарду. На груди у него появилось два георгиевских креста, неизвестно где заслуженные. Теперь о себе он говорил, как об эсауле Третьякове. В его окружении оказались такие лица, как В. В. Казаков, служащий при Информационном Бюро японского консульства, заподозренный позже в работе в пользу СССР, Кожевников-Хованс, и другие.

С началом Тихоокеанской войны положение иностранцев, включая и большинство русских эмигрантов, стало чрезвычайно тяжелым. Японские власти закрыли английские, американские и французские учреждения, что лишило заработка многих эмигрантов, конфисковали иностранные продовольственные склады, магазины. В короткое время население Шанхая осталось без предметов и товаров первой необходимости. С наступление холодов Шанхай остался без топлива.

Третьяков воспользовался тяжелым положением эмигрантов и выступил в роли спасителя. Он заявил об открытии бесплатной столовой на Вэйсайде и созвал эмигрантское собрание, на котором, от имени японских властей, обещал всевозможную помощь русской эмиграции и устройство их на работу. Бесплатная столовая была организована, но значительная доля расходов на ее содержание пала на долю русской эмиграции. Третьяков самочинно установил поборы и обложение среди эмиграции, при чем сам назначал ожидаемый размер «жертвования». Начинал он с обычной фразы: «Неужели вы откажете эсаулу Третьякову?», а заканчивал ссылкой на японских властей: «Японцы желают знать, кто жертвует и кто не жертвует из русских на благотворительную столовую. Поэтому я представляю японским властям и для их просмотра и контроля списки лиц, кто жертвует, а кто отказывается».

Третьяков зажил так, как никогда до этого еще не жил. Но этого оказалось мало. Он хотел развернуться на широком политическом поприще. Об этом он рассказывает так:

Третьяков и раньше и во время своего шестимесячного пребывания у Насимура много думал и обсуждал о том, как неправильно и нестройно организована русская колония в Шанхае. Насимура-сан вместе с ним решил, что хорошо бы попробовать сделать объединение русских эмигрантов вокруг одной большой идеи: борьбы против 3-го интернационала. И вот, когда на Вэйсайде собралось достаточное количество русских эмигрантов, в доме Митрофана Никитыча было организовано собрание русских людей для сформирования антикоммунистического комитета.

Это собрание, состоявшееся 2 июня 1939 года, и положило основание существующему в настоящее время в Шанхае Антикоммунистическому Объединению. На первом этом организационном собрании Митрофан Никитыч был избран председателем Антикоммунистического Объединения.[165])

Политическая деятельность вскружила голову Третьякова. Он совершенно свободно начинал говорить от лица всего русского Шанхая и считал себя связывающим звеном между ним и японскими властями. Его тон стал еще более заносчивым и бесцеремонным. За вымогательство он был арестован на территории Международного сеттльмента и приговорен к тюремному заключению, но через месяц под давление японских властей, был освобожден. О своих треволнениях и «жертвенности служения» он рассказывает так:

...И задумался забайкальский казак над всем, что случилось с ним, задумался над своей, такой необычной судьбой и порешил до гробовой доски помогать японцам в их борьбе против 3-го Интернационала. Решил это Третьяков за себя, решил и за своих четырех сыновей. Призвал их, отслужил благодарственный Господу Богу молебен с провозглашением многолетия лицам высшего японского командования и всем японским воинам. И взял Третьяков клятву, клятву нерушимую со всех своих сыновей в том, что они будут твердо и неукоснительно бороться против 3-го Интернационала и всеми силами в этом деле помогать всем людям Великой Японской Империи.

С обострением политической жизни русской колонии Шанхая и усилением давления со стороны японских властей уточнилась и роль Третьякова, как политического деятеля. К этому времени он близко сошелся с «русским отделом» при японской газете «Дальневосточное Время», и его японскими и эмигрантскими руководителями по самому бесцеремонному вмешательству в жизнь тридцати с лишним тысячной русской колонии.

---

[165]) Там же, стр. 85-90.

Царство террора

Создание Японией марионеточного китайского правительства во главе с президентом Ван Цзин-веем еще больше ожесточило вражду между различными политическими фракциями Китая и углубило пропасть между ним и Страной Восходящего Солнца. По необъяснимым причинам первое место в участившихся случаях политических убийств и террористических актов занял Шанхай. Нигде не воцарился так властно закон политических убийств, как в этом городе торгашей, мисионеров и кабаретных женщин.

Политические убийства совершались различными китайскими террористическими группами одинаково гоминдановской и нанкинской (прояпонской) ориентации. К этим группам следует прибавить институт наемных политических убийц без любой политической окраски, среди которых были китайцы и корейцы. В некоторых случаях руководителями наемных убийц были русские эмигранты. Террористические группы носили устрашающие названия: «Отряд Истребителей изменников родины», «Корпус охраны родины», «Отряд китайской молодежи железа и крови», и т. п.

В феврале 1939 г. террористы Отряда Истребителей на службе чуньцинского правительства убили в Шанхае двух видных чиновников из правительства Ван Цзин-вея. К их одежде были пришпилены надписи: «как изменники, вы обречены на смерть». Два десятка других ответственных служащих нанкинского правительства получили извещение из штаба Отряда, что их имена помещены на лист намеченных жертв.

В тот же день девять иностранных корреспондентов получили угрожающие письма от террористической организации Ван Цзин-вея. Через неделю в Шанхае гоминдановские террористы убили китайского судью и одного из ответственных служащих полиции за прояпонские симпатии. Через четыре дня в своем доме вблизи Международного сеттльмена был убит министр Иностранных Дел нанкинского правительства Чен лю. Во время обеда в его дом вошли восемь гоминдановских террористов. Вызвав министра, они убили его и ранили несколько гостей. Другие террористы этой же группы, стоявшие на страже, напали на проезжавший вблизи такси, в котором находилось несколько японцев. На другой день вблизи Международного сеттльмента был убит террористами маркиз Ли, внук знаменитого Ли Хун-чана.

Гоминдановские террористы казнили несколько китайцев, мужчин и женщин, работавших для японских властей, и выставили их головы на шестах в Хонкью, в центре расположения японской колонии.

В начале марта того же года в спальню нанкинского сановника в его доме вблизи Французской концессии вломились террористы, но встретив сопротивление, бежали, оставив записку: «став изменником, вы заслужили смерть».

За короткое время существования правительства Ван Цзинвея свыше 250 ответственных нанкинских чиновников пали жертвами террористов из гоминдановского стана.

В июле того же года гангстеры и террористы нанкинского правительства напали на группу китайских, американских и английских корреспондентов в Кровавом Переулке, вблизи фешенебельной Авеню Эдуарда VII. Переулок принял зловещее название после нескольких террористических актов, совершенных враждовавшими политическими фракциями Китая.

В августе власти Международного сеттльмента заявили, что накануне второй годовщины начала враждебных действий между Китаем и Японией они приняли все меры к предотвращению новых террористических актов. Улицы Шанхая патрулировались усиленными отрядами полиции и танками Волонтерского Корпуса, на углах улиц были воздвигнуты баррикады и поставлены пулеметные гнезда. В городе было введено осадное положение, после девяти часов вечера было запрещено появляться на улице.

Суровые меры не помешали террористам через несколько дней после введения осадного положения убить датчанина, служащего Телеграфной Кампании за то, что он якобы сорвал флаг нанкинского правительства.

В октябре того же года террористы Корпуса Защиты Родины, организации нанкинского правительства, совершили вооруженное нападение на шанхайскую полицию, убили несколько человек и взяли в плен несколько других. Группа гоминдановских террористов произвела покушение на жизнь одного из служащих нанкинского правительства во время его свадьбы. Нападение было совершено в сердце Международного сеттльмента. Было убито шесть человек и ранено девять.

В начале января 1940 года было совершено покушение на жизнь генерального секретаря Шанхайского Муниципального Совета, Годфрея Филлиса. Трое напавших на него терро-

ристов были позже схвачены полицией Международного сеттльмента и переданы японским властям. Последние освободили террористов, якобы за неимением улик.

Американский радио-комментатор С. Д. Алькотт чуть не пал жертвой террористов. Его радиовыступления подвергались резкой критике со стороны прояпонских кругов, включая и некоторые русские эмигрантские круги, тесно связанные с японскими властями. Одним из лиц, требовавших прекращения радиопередач, которые якобы вредили интересам марионеточного правительства Нанкина, был русский эмигрант, служащий японской военной миссии.

Террористические группы гоминдановского правительства упорно охотились за мэром Великого Шанхая, Фу Сиао-еном. К нему было трудно доступиться, так как его охраняли неменее тщательно, чем главу нанкинского правительства Ван Цзин-вея. По приказу гоминдановской секретной службы убийство мэра Фу совершил один из его верных слуг, прослуживший у него 12 лет.

В связи с участившимися политическими убийствами консульский корпус Шанхая совместно с властями Международного сеттльмента и Французского города объявил о созвании особого совещания. Японские власти по неизвестным — или хорошо известным — причинам дважды настаивали на том, чтобы это совещание было отложено.

Осенью того же года произошло несколько террористических актов, жертвами которых, кроме мэра Великого Шанхая, оказались зять императора Маньчжурии Пу И, несколько видных китайских политических деятелей и коммерсантов, и несколько иностранцев, среди которых находились двое русских.

Одновременно с убийством богатого китайского коммерсанта, члена Муниципального Совета Французской концессии, было совершено покушение на жизнь заместителя директора французской полиции Бланшета.

Капитан П. М. Янковский, эмигрант, принявший французское подданство, начальник Отдела Французской полиции по японским делам, был убит китайским террористом. За четыре дня до убийства Янковского жертвой террористов пал К. Э. Мецлер, председатель Русского Эмигрантского Общества. Убийство Мецлера явилось по счету четвертым политическим убийством видных деятелей Шанхая в течение двух недель.

Уловление эмигрантских масс

Японские власти в Китае проявляли неослабеваемый интерес к дальневосточной российской эмиграции. Трудно определить причины этой настойчивой заинтересованности в эмигрантской массе, занятой не столько политикой, сколько вопросами быта и укреплением корней в благоприятной почве Китая.

С начала выхода Японии в Маньчжурию и по день ее капитуляции российская эмиграция не переставала представлять особое значение в сокровенных планах японских военных и гражданских кругов. Но несмотря на этот повышенный интерес и упорные усилия четырнадцати лет, японским властям не удалось добиться каких либо положительных результатов. Российская дальневосточная эмиграция выделила самое незначительное число людей, добровольно сотрудничавших с японскими властями. Часть их для вида возглавляла контрольные эмигрантские организации, созданные японскими властями; другая часть приспособилась к различным разведывательным, полицейским и жандармским учреждениям. Из всей массы эмиграции, исчисляемой в 125,000—150,000, число эмигрантов, добровольно связавшихся с японскими властями, вряд ли превышало несколько сот человек. Охранные и военные отряды из эмигрантов, созданные в Маньчжурии и Северном Китае, не превышали двух тысяч человек. «Многотысячные боевые отряды» существовали только на страницах докладных записок, порожденные неукротимым воображением некоторых эмигрантских деятелей. Не служение японским властям, не интерес к «новому порядку», а крайняя нужда загоняла эмигрантов в эти охранно-полицейские отряды.

Упорное сопротивление эмигрантских масс и слабые результаты завоевания их не охлаждали рвения японских властей. За годы своего владычества в Китае они создали громоздкие кадры особых работников, сотни и сотни экспертов, советников, наставников, окончивших разведывательную школу Накано и ее русский отдел, и насадили их в военные миссии, жандармские управления, консульства исключительно для работы среди эмиграции. Практика первых лет выработала шаблон: регистрация эмигрантов, введение системы паспортов и приписки к районным полицейским участкам; направление деятельности эмиграции по одному руслу, ограничение их само-

стоятельности и подчинение одной воле. Все это обычно проходило под лозунгом сплочения и объединения русской эмиграции для борьбы против коммунизма.

Этот форсированный процесс в Маньчжурии закончился в середине тридцатых годов; в Северном Китае — к началу сороковых. В стороне еще оставалась тридцатипятитысячная «девственная» масса русской эмиграции в Шанхае.

На нее и была направлена деятельность японских учреждений весной и летом 1940 года.

Опекуны

В июне того года японская газета на русском языке «Дальневосточное Время» объявила о создании Общества Русских Эмигрантов, которое должно было взять на себя функции существовавшего Русского Эмигрантского Комитета. Решение японских властей встревожило эмигрантскую массу. В эмигрантской прессе в ответ на заявление «Дальневосточного Времени» появился ряд статей.

> Внимательные к нашим делам, хотя и понимающие их по своему, власти всех находящихся под японским контролем областей Китая, без всякой просьбы с нашей стороны, назначают нам особых опекунов, выделяя тем самым нас из общей массы подведомственного им населения. Так заведено в Харбине, Тяньцзине, Циндао. Так заводится и в Шанхае.
> Опекуны назначаются из нашей среды и хотя числятся на японской службе, но никакой формы не носят и официально именуются «русскими общественными деятелями», так что если нам угодно защитить свое национальное самолюбие от щелчков представителей других колоний, то сделать это легко, только притвориться, что мы ничего не знаем о негласной службе наших возглавителей.[166])

Узнав о создании новой эмигрантской организации — без ведома и участия самой эмиграции — глава РЭК К. Э. Мецлер предпринял шаги к ограждению прав уже существующей организации и прав русских эмигрантов, состоявших в ней. Он созвал общее собрание в Астор Хауз, на котором призвал эмигрантскую массу воздержаться от авантюрных шагов и остаться в стороне от политических движений и событий, связанных с японо-китайским конфликтом. Затем он навестил японское генеральное консульство и мэра Великого Шанхая Фу Сиаоена. В консульстве ему заявили, что они ничего не знают о но-

---

[166]) Фашист, Дела шанхайские, Д. Б. Ланин, июнь 1940, Шанхай.

вой эмигрантской организации — обычный прием японских властей, когда у них имеется многое, что сказать. Мэр Фу заверил его, что постольку, поскольку РЭК успешно заботится о нуждах русской колонии Шанхая, он и впредь будет вести свою работу.

Вопреки заверениям мэра, японские власти продолжали развивать свои планы по созданию подвластной им организации, выдвинув в ее руководители генералов В. В. Косьмина и И. Е. Цюманенко.

Гастролеры

За несколько месяцев до этого в Шанхай прибыла группа эмигрантских деятелей прояпонского толка, которым была придана кличка «гастролеров». С ними прибыл из Северного Китая капитан жандармерии Куроки, он же Курохаси Тосио, переводчик при японской армии и один из советников по эмигрантским делам.

Одним из главных гастролеров был генерал В. В. Косьмин, офицер Генерального Штаба, хорошо известный дальневосточной эмиграции еще со времени Белого Движения по своеобразному выяснению политических убеждений. Он делил захваченных в плен красноармейцев и партизан на две группы: у кого были нательные кресты и у кого их не было. Первых он великодушно отпускал или включал в свои части, вторых расстреливал на месте. В Харбине Косьмин был участником одного дикого дела: был убит каппелевский офицер Огнев по подозрению в связи с советскими властями, и его отрезанная голова была брошена во двор харбинского советского консульства. Незадолго до прибытия в Шанхай Косьмин потерял службу при охранном отряде на линии Пекин—Тяньцзин.

Из других гастролеров были: Б. Ф. И-ко, также служивший в охранном отряде с Косьминым и вынужденный покинуть его после разоблачения деятельности Л. Гутмана; П. А. Савинцев, ставший позже редактором «Дальневосточного Времени», а затем начальником культурно-просветительной (прояпонского толка) деятельности в рамках всей эмигрантской колонии Шанхая; журналисты Галкин, Вольф, он же Штраус, и др.

Еще до прибытия в Шанхай Куроки был хорошо осведомлен о всех делах русского Шанхая. Служившая в канцелярии РЭК машинистка Голубкова регулярно осведомляла Куроки обо всем, что происходило в колонии и в Комитете.

Группа гастролеров капитана Куроки осела при газете «Дальневосточное Время», которая с прибытием ее была переведена с еженедельного на ежедневное издание. На некоторое время помещение газеты стало штабом Куроки и его эмигрантских сотрудников. Находившееся на Вэйсайде, по «ту сторону Сучоуского канала» от главной части Международного сеттльмента и Французского города, это место на эмигрантском жаргоне стало называться «Заканалье».

Вслед за группой Куроки из Мукдена в Шанхай прибыли полковник Корнилов, глава мукденского бюро п/д Российских Эмигрантов, и его японский советник Миаказава. Их прибытие, не связанное с заданием Куроки, имело целью создать в Шанхае организацию типа Бюро Эмигрантов.

Миаказава, офицер японской жандармерии при Квантунгской Армии, был в то же время владельцем Университетской аптеки в Мукдене. Он был женат на русской, в совершенстве владел русским разговорным и письменным языком и в русском обществе неизменно представлялся как Николай Николаевич.

Третьей стороной, заинтересованной в реорганизации русского Шанхая и включении его в узкие рамки «нового порядка», было японское генеральное консульство, в лице особого советника по русским делам К. Мацуда. Русским помощником его одно время был П. И. Зайцев, редактор газеты «Слово». Потом его заменил В. И. К.*)

Разногласия властей

Как отнеслась русская колония к этому самоуправству и непрошенному внедрению в ее жизнь? С приходом в Шанхай японских властей она потеряла влияние на выбор своих вождей и представителей и «ей было лишь предоставлено право надеяться, что эта перемена что то улучшит в ее бесправном положении». Встреча К. Мецлера с мэром Фу и заверение последнего о неприкосновенности существовавшего Комитета вызвали в эмигрантов различные чувства. Обычно в районах

---

*) По просьбе В. И. К., предоставившего в распоряжение автора дополнительные данные о трагических шанхайских событиях, его имя скрыто под инициалами. Так же было сделано и в отношении одного журналиста, также игравшего большую роль в этих событиях, находящегося в данное время в Советском Союзе. Его имя скрыто под инициалами Б. Ф. И.

японского влияния не происходило никаких разногласий во мнениях между властью местной и властью оккупантов.

> ...кажется несколько странным, как странны и действия Эмигрантского Комитета, поднимающего в одной инстанции вопрос, который как будто уже разрешен окончательно в другой.
>
> Огорчены же мы тем, что искреннее желание японских властей убрать из жизни русской колонии некоторые причины лишних разногласий не встретило поддержки китайских властей, как бы стремящихся во что бы то ни стало сохранить теперешний режим колонии, несмотря на те нарекания, которые он вызывает.
>
> Нужно ли это! Если заботы о нас, выражающиеся в желании обязательно создать специальную опеку над нами, вызваны тем, что мы, как дети Великой России, являемся действительно богатыми наследниками, то не лучше ли тем, кто желает вмешиваться в наши дела, зря с нами не ссориться. Мы отлично знаем, что любая власть, в сфере действий которой мы находимся, по любому поводу может свернуть нас в бараний рог, но что толку в этом?[167])

В связи с волнением в русской колонии Шанхая представитель японского консульства в официальном заявлении отказался признать существование каких либо разногласий между японскими и китайскими властями по вопросу о русских эмигрантах и их представительстве. Заявление это было выдержано в обычной японской манере затемнять смысл:

> Вопрос касается прежде всего самих белых русских и решения всех проблем должна добиться сама русская колония. Японские власти оказывают всевозможную поддержку и помощь, где это требуется. Существуют некоторые вопросы, которые еще надо разрешить и пока еще не известно, когда решение их будет достигнуто.[168])

Что это за некоторые вопросы и кто их разрешит, представитель японского консульства не пояснил. Они были достаточно очевидны, чтобы распространяться о них дальше. Заявление газеты «Дальневосточное Время» дало на них ясный ответ. Не оставалось никаких сомнений, что японские власти решили действовать форсированным образом, и что новая эмигрантская организация примет наследственные черты Бюро п/д Российских Эмигрантов и тяньцзинского Антикоммунистического Комитета.

---

[167]) Дела Шанхайские.
[168]) Shanghai Time, June 22, 1940.

Ранние шаги

В нападках на К. Мецлера со стороны некоторых эмигрантских деятелей — в нападках зачастую совершенно необоснованных и незаслуженных — ничего для него не было новым. Он не только легко переносил такие нападки, как со стороны «военной власти» генерала Глебова, но и удачно отпарировал их.

Когда китайские власти в 1936 году выдали советскому консульству восемь русских граждан, бежавших с принудительных работ в Приморье на выкраденном ими катере, центральной мишенью оказался К. Мецлер, хотя Эмигрантский Комитет усиленно хлопотал о предоставлении этим беглецам права политического убежища. «Мецлер сыграл роль Иуды», заговорили в некоторых кругах русского Шанхая. «Он не спас, а предал на казнь несчастных людей! Разве может Мецлер после этой подлости быть главой русской колонии! Его надо немедленно убрать с этого поста».

За время своего существования Русский Эмигрантский Комитет прошел через ряд реорганизаций, оставаясь по прежнему антикоммунистическим по духу, в стороне от крайне настроенных политических эмигрантских групп, не ориентируясь ни на гоминдановское правительство, ни на японские власти в Китае.

Нейтральная позиция Комитета приписывалась целиком влиянию К. Мецлера и вызывала самые яростные нападения на него со стороны так называемых «национально-мыслящих» прояпонских и пронемецких кругов русского Шанхая.

Но все эти нападки на К. Мецлера не носили того зловещего характера, который был придан соединенным усилиям гастролеров Куроки, мукденских партнеров Корнилова и Миаказава и опекунов из японского консульства убрать его с поста председателя Русского Эмигрантского Комитета, даже если бы для этого понадобилось убить его.

Так это и вышло на самом деле.

За три-четыре месяца до убийства К. Э. Мецлера Миаказава провел ряд интервью с представителями русской колонии Шанхая. Его обычно сопровождал или полковник Корнилов, или русский служащий японского консульства Р. И. К. Визиты Миаказава были связаны с положением в русской колонии и изучением некоторых лиц, игравших в ней роль. Из

таковых его интересовали: К. Э. Мецлер, Н. А. Иванов, Ф. Л. Глебов, Г. К. Бологов, Н. К. Сережников, Е. Кожевников-Хованс, В. В. Казаков, Н. И. Лебедев и другие.

Миаказава рассказывал, что он разъезжает по городам Китая по поручению штаба Квантунгской армии в целях «чистки русских колоний от нежелательных и вредных элементов, одинаково опасных для Японии и русской эмиграции». Относительно К. Мецлера Миаказава заявил следующее:

> У меня имеется против него много информаций от разных лиц и от руководителей эмигрантских общественных и политических организаций, указывающих на то, что Мецлер не соответствует своему назначению, что он масон и покровительствует евреям и красным элементам, не заботится об эмигрантской колонии, симпатизирует чунцинскому правительству и поддерживает связь с ним... На основании этих данных необходимо убрать Мецлера с поста председателя Эмигрантского Комитета. Вопрос о нем уже решен. Мецлер — вредная и опасная личность.[169])

То же самое заговорили и в окружении Куроки: «Мецлера уберут. Кандидатами на его пост будут В. В. Косьмин, Н. А. Иванов, Ф. Л. Глебов, Н. К. Сережников, Г. К. Бологов». В «национально-мыслящих» кругах Шанхая отозвались эхом: «Мецлера надо убрать. Он крещенный еврей, сын часовых дел мастера из Латвии, жидо-масон. Он помогал жидам за счет эмигрантской колонии. Его пребывание на посту председателя РЭК позор для русской колонии... Его надо убрать».[170])

В Дальневосточном Времени появился ряд статей, обрисовывавших деятельность РЭК за все годы его существования, в которых К. Э. Мецлер был выставлен в чрезвычайно пристрастном освещении. Параллельно с этими статьями из сочувствующих вэйсайдовской группе кругов появились погромные листовки, в которых запестрели слова «жид», «масон», «жидо-масон». Статьи в газете Дальневосточное Время приписывались перу Н. А. Иванова, бывшему сослуживцу К. Э. Мецлера. Участие Н. А. Иванова в общей кампании против Мецлера может остаться под сомнением, несмотря на данные русского сотрудника японского консульства.

> Свидания Иванова с Мацуда были при мне. Иванов принес Мацуда свои первые рукописи о К. Э. Мецлере, напечатанные на пишущей машинке. Мацуда прочитал их внима-

---

[169]) Из записок Н. Ф. Богунского.
[170]) Там же.

тельно, распросил Иванова о причинах его недовольства Мецлером. Иванов ответил, что немецкое засилие — Гроссе, Мецлер, снобизм последнего, пренебрежительное отношение к русским. Мацуда выслушал и сказал: «отправьте их в газету Куроки, там их напечатают охотно». Так Иванов и сделал.[171])

К. Мецлер обратил внимание японского консула, с которым был в дружеских отношениях еще по своей консульской службе, на недопустимость таких нападков со стороны японской газеты, но тот, как обычно, ответил незнанием.

За неделю до убийства К. Э. Мецлера Митрофан Третьяков выпустил набранную типографией Дальневосточного Времени листовку под заглавием «Прошлое и будущее русской эмиграции».

Мне несколько раз приходилось высказывать свою мысль о духовно-болезненном состоянии большей части нашей русской эмиграции.

Этот вопрос является вопросом большой важности и напрашивается сам по себе уже потому, что эмиграция не только не проявляет симптома к ее выздоровлению, но продолжает исповедывать больные политические доктрины социализма, демократизма и либерализма, по причине которых совершилось крушение Российского государства и тяжкие страдания русского народа.

Я прекрасно понимаю, что бесполезно поднимать этот больной вопрос при настоящем положении вещей. По тем или иным причинам русская эмиграция находится под влиянием вождей разной окраски и масти. При внимательном наблюдении это влияние чувствуется в разномыслии, доходящем до враждебности...

Такие действия вожаков, независимо от того, совершаются ли они по эгоистическим или предательским побуждениям, являются весьма вредными и идут только на пользу темным силам.

Я не подымал бы этого вопроса, но меня побуждает к этому вредная работа вожаков, которые своей провокационной деятельностью не только мешают мне в русской национальной работе, но и заведомо ложно освещают эмиграции мою политическую работу.

Для восстановления истины я попытаюсь настоящим вывести русскую эмиграцию из заблуждения, навеянного ей вожаками и осветить истинное положение дела.

Меня обвиняют в том, что я якобы веду работу на пользу Японии и помогаю ей в осуществлении ее плана оккупирования русских восточных областей до Байкала и других подобных абсурдных актах...

---

[171]) По сообщению В. И. К.

Да, я вместе с японцами веду работу по борьбе с величайшим злом коммунизма. Борясь с коммунизмом, я тем самым борюсь с врагами моей родины...

Я иду и пойду с теми, кто борется с коммунизмом и кто никогда не пойдет на примирение с мировым злом.

Некоторые вожаки эмиграции не только не допускают борьбы, но и противодействуют ей.

Другие же агитируют против моей работы и проявляют симпатии к тем державам, которые своими действиями не раз проявляли враждебность к нашей Родине.

Должен быть положен конец лжи и провокации. Пора русской эмиграции проснуться от долголетней спячки и сбросить с себя инертность.

Откройте глаза и вы увидите, что наш путь только с японским народом.

Только Великая Японская Империя может дать Новый Порядок в Азии и сохранить национальный дух русской эмиграции здесь на Востоке.

В заботу Великой Японской Империи входит не только устройство азиатских народов, но и русских эмигрантов, которые наравне со всеми получат все гражданские права.[172])

Пока ходила по рукам третьяковская листовка о «вредной деятельности вождей русской эмиграции в Шанхае», некоторые круги из прояпонского лагеря распространили среди своих приверженцев анкету, в которой предлагалось выяснить роль Мецлера как общественного деятеля и его полезность, «принимая во внимание его происхождение и принадлежность к масонам».

За несколько дней до его убийства Мецлера заставили пройти через унизительное «покаяние». На собрании в Астор Хауз, в присутствии японских властей и их эмигрантских сотрудников К. Э. Мецлер должен был заявить, что он «состоял в масонской ложе».

Накануне самого убийства к дому его на Французской концессии подъехал автомобиль, в котором «помимо двух китайцев и двух представителей другой азиатской расы был один европеец».[173]) Они внимательно, словно изучая, осмотрели подъезд дома, выход из него, стоявший рядом автомобиль Мецлера.

Утром 2-го августа 1940 г. К. Э. Мецлер сел в свой автомобиль, чтобы отправиться на работу. Он просматривал утреннюю газету, когда к его автомобилю подбежал китаец с ре-

---

[172]) Русский архив в Сан Франциско.
[173]) Новости Дня, 3 августа 1940.

вольвером в руках. Открыв дверь, он выстрелил три раза в сидевшего в углу Мецлера, спешно захлопнул дверь, затем выстрелил четвертый раз в его грудь через автомобильное окно. Террорист бросился бежать на противоположную сторону улицы, где его ожидал автомобиль, вскочил в него и скрылся в уличном движении. Тяжело раненый Мецлер был доставлен в госпиталь, где, не приходя в сознание, умер.

Реакция общественности

Через несколько часов после убийства Мецлера газета Дальневосточное Время выпустила экстренный выпуск, в котором настолько подробно коснулась всего предшествовавшего и совершившегося, что не оставила никакого сомнения в том, что материал был приготовлен и набран пока Мецлер еще был жив.

> ... Убийство г. Мецлера вызвало в Шанхае много толков и породило много слухов. Главный интерес сосредотачивается на вопросе о том, кто мог быть таким непримиримым врагом покойного, чтобы решиться на такое преступление.
>
> В виду того, что г. Мецлер занимал видное положение среди иностранных колоний и их административных органов, мотив к убийству его является полной загадкой для многих.
>
> Однако, даже в свете самой скудной информации, собранной до сих пор властями, заинтересованными в разрешении этого дела, становится очевидным, что в данном случае мы имеем перед собой дело агентов Коминтерна, постоянной целью которых является разложение всеми способами русской эмиграции.
>
> Вероятно многим известен тот факт, что недавние сложные интриги вокруг Русского Эмигрантского Комитета были искусно созданы «неизвестными» подпольными кругами...
>
> Нет сомнений, что сегодняшнее убийство представляет дальнейшее развитие тех же политических интриг, корень которых заложен в стремлении агентов Коминтерна создать раздор в среде русских эмигрантов в Шанхае... Ближайшее будущее несомненно прольет свет на этот акт провокации агентов Коминтерна и ожидается, что тогда настоящие мотивы этого террористического акта станут ясны всем.[174])

Шанхайская пресса была потрясена убийством К. Э. Мецлера.

> При всем желании мы не можем усмотреть никакого смысла в этом безумном террористическом акте. За Мецлером не стояло никакой партии, он не цеплялся за свое место, он

---

[174]) Дальневосточное Время, 2 августа 1940.

шел на сговор и охотно обсуждал за последние месяцы с представителями общественности и властей, какие могут быть внесены коррективы или проведены реформы в вопросах об устроении судеб русской колонии Шанхая.

Рано или поздно всплывут причины и обстоятельства вчерашнего преступления, но и все факты и подробности не могут изменить общего убеждения, что этот террористический акт был в полном смысле слова бессмысленным и что К. Э. Мецлер пал на своем посту по защите прав и интересов русской колонии, каковые права и интересы он долгие годы с большим достоинством, честностью и редким терпением защищал.[175])

...Занимая в русской колонии видный пост председателя Эмигрантского Комитета преемственно от российского императорского консульства, лично Мецлер не являлся такой яркой политической фигурой, на которую мог бы обрушиться террор той политической силы, которая являлась его единственным врагом и является врагом человечества...

Но террористический акт является фактом провокационного характера, имеющего целью направить вражду русской эмиграции по другому адресу.

Другого объяснения происшедшему гнусному акту мы не видим, т. к. никому другому убийство К. Э. Мецлера, этого безобидного и очень скромного человека было абсолютно не нужно...

Но предоставим дело полицейским органам, которые, несомненно, приложат все усилия к тому, чтобы раскрыть подоплеку этого гнуснейшего из преступлений и открыть подлинных преступников.[176])

Влиятельная английская газета в колонке «Новости позади новостей» нарочито-подчеркнуто процитировала выдержку из Дальневосточного Времени, снабдив ее заголовком: «Заявление нового русского центра „по ту сторону Сучоуского Канала"»:

Мы не видим никакого смысла в этом безумном акте терроризма. Мецлер не возглавлял никакой партии; он не держался за свое положение любой ценой и с готовностью обсуждал с представителями колонии и властями проведение предполагаемых реформ для русской колонии.

Дальше газета заявляет, что К. Мецлер «конечно бы оставил свой пост, если бы эта отставка была проведена с необходимым приличием и достоинством»[177])

---

[175]) Шанхайская Заря, передовая, 3 августа.

[176]) Слово, передовая, 3 августа.

[177]) China Press, August 4.

Карл Мецлер был хорошим человеком. Рискованная вещь быть таким сегодня в Шанхае. Те, кто легко меняют свои знамена, защищены от опасности. Те же, кто стоят на принципах, в которые они верят, падают под ударом быстро растущих и принимающих тревожные размеры темных сил. Мецлер убит и хотя обстоятельства его убийства еще не раскрыты, у общественного мнения нет сомнения в том, что он погиб из-за преданности своему народу.[178])

Террор в руской колонии, вспыхнувший три года тому назад, когда была брошена граната в витрину Новостей Дня, к счастью был скоро подавлен усилиями полиции Французской концессии и Международного сеттльмента.

Поэтому вчерашнее убийство известного русского резидента К. Э. Мецлера произвело впечатление разорвавшейся бомбы в русской колонии. Люди самых разнообразных политических оттенков категорически осуждают это бесцельное убийство. «Новости дня» присоединяют к ним свой голос, считая это убийство трусливым, подлым и бессмысленным поступком.[179])

...Тревога и скорбь, охватившие русскую колонию после убийства К. Мецлера, оказались особенно чувствительными, т. к. за несколько дней до преступления она была успокоена заверением мэра Фу Сиао-ена и руководящих японских властей, что они отказались от планов насадить новый эмигрантский режим.[180])

Всеобщее и единодушное осуждение убийства К. Мецлера и выражение надежды, что это преступление будет раскрыто и виновники наказаны явились в особых условиях Шанхая проявлением большой доли гражданского мужества. Японские власти были вынуждены устроить особую пресс-конференцию, но процесс умывания рук оказался неуклюжим.

К голосам справедливого негодования прибавился и лицемерный голос Дальневосточного Времени, старательно пытавшегося приписать содеянное его окружением преступление коминтерновским проискам.

Террористический акт, произошедший вчера утром, взволновал всю русскую колонию Шанхая. Каждый эмигрант, вне зависимости от своих убеждений и личного отношения к покойному К. Э. Мецлеру не может не разделить чувства возмущения по поводу этого бессмысленного преступления.

Мы не намерены делать догадки относительно результатов официального расследования, которое ведут соответст-

---

[178]) Shanghai Evening Post & Mercury, August 3.
[179]) Новости Дня, 3 августа.
[180]) China Press, August 8.

вующие власти, но мы считаем необходимым указать на таинственные обстоятельства этого дела.

Слухи, распространяемые некоторыми скрытыми лицами, не замедлили связать вчерашний террористический акт с недоразумениями и трениями в русской колонии в связи с предполагаемой реорганизацией ее представительного органа...[181])

Дальше Дальневосточное Время коснулось того, что вопрос реорганизации и связанные с нею трения были полностью освещены в печати, в результате чего произошло основательное изменение в планах и достигнуто дружественное и окончательное соглашение всех заинтересованных о том, кто должен возглавлять русскую колонию.

По этому поводу К. Э. Мецлер предложил опубликовать в ближайшее время заявление о своем желании уйти с поста председателя Русского Эмигрантского Комитета. Он также хотел обратиться с призывом к русской колонии оказать всевозможную поддержку реорганизованному комитету и работать совместно на общее благо русской эмигрантской колонии.[182])

Заявление Дальневосточного Времени не соответствует действительности. К. Мецлер не собирался уходить с поста, только потому, что на него оказывали давление «опекуны и гастролеры» из «Заканалья», как не собирался он призывать кого-либо к поддержке контрольного эмигрантского органа, который японские власти скромно называли «реорганизованным комитетом». В интервью с Миаказава Мецлер не раз подчеркивал, что для русской колонии Шанхая организация типа Бюро п/д Российских Эмигрантов или Антикоммунистического Комитета совершенно неприемлема, и что эмиграция в Шанхае должна оставаться аполитичной и не вмешиваться в рознь между Японией и Китаем.[183])

В попытке самообеления группа Куроки пошла на явное извращение фактов:

Некоторые темные и преступные элементы, тесно связанные с шанхайскими агентами Коминтерна, были встревожены достигнутым соглашением (?). Выполняя инструкции по взрыву объединения русских эмигрантов, эти криминальные элементы вдохновили и организацию убийства К. Э. Мецлера, видного представителя русской колонии. Пули, убившие

---

[181]) Дальневосточное Время, 3 августа.
[182]) Там же.
[183]) По сообщению В. И. К.

его, были направлены на всю русскую колонию. Организаторы преступления отлично понимали, что это злое дело создаст смятение в рядах русских эмигрантов, разлад и взаимное недоверие и по всем вероятиям сорвет или замедлит дело объединения эмигрантов.

Для вящей убедительности Дальневосточное Время заговорило о похищениях генералов Кутепова и Миллера, об убийстве Горгуловым президента Франции, чтобы доказать, что «после смещения центра русской эмиграции из Парижа в Шанхай агенты Коминтерна перенесли туда свою деятельность».

Забыв о недавней погромной кампании против председателя РЭК, Дальневосточное Время в конце своей передовой впало в патетически-повышенный тон надгробной эвлогии:

К. Э. Мецлер пал на посту представителя русской эмигрантской колонии. Мы отдаем почести памяти этого русского патриота и прекрасного человека и твердо надеемся, что злостные враги русского народа, вырвавшие г. Мецлера из наших рядов, не смогут смутить нашего духа и воспользоваться этим преступлением для срыва объединения и национальной деятельности русских эмигрантов в Шанхае.

Неожиданное теплое внимание со стороны группы Куроки к К. Э. Мецлеру на второй день после его убийства объясняется не столько желанием обелить себя в глазах общественного мнения Шанхая и русской колонии, сколько необходимостью оправдаться перед японскими гражданскими властями. Между группой Куроки и японским генеральным консульством не все было гладко, несмотря на то, что первый действовал с благословения японских военных властей и жандармерии. Встревоженное убийством К. Мецлера японское консульство лучше чем военные круги представляло себе все последствия этого дела. Поэтому Дальневосточное Время в течение ближайшего времени только и было занято неуклюжими попытками свалить ответственность за преступление на другие плечи.

Убийство г. Мецлера, представителя русской колонии, не связанного ни с какими политическими группами, особенно того характера, который явился причиной многих террористических актов за последние годы, является ничем не оправданным преступлением.

Подозрения, высказанные вчера, что Мецлер пал жертвой агентов Коминтерна, имеют несомненно серьезные основания.

Работа, направленная в сторону объединения русской эмигрантской колонии Шанхая, проводилась успешно в течение нескольких последних месяцев и создавала положительные факторы на фронте борьбы против позиции Коминтерна заграницей, которые и были **учтены настоящим** образом нашими врагами.

Вчерашнее убийство была попытка расстроить неблагожелательную для Коминтерна деятельность, и трудно сказать, прекратят ли свою работу подлые убийцы после своего первого акта провокации.

Последняя фраза передовой Дальневосточного Времени явилась не столько риторическим приемом, сколько скрытым напоминанием тому, кто возглавит русскую эмиграцию и при этом не окажется послушным японским властям человеком.

Японские власти не могли отделаться только одними статьями Дальневосточного Времени. Общественное мнение Шанхая не переставало громко говорить о последнем террористическом акте и причинах, вызвавших его. На другой же день после убийства К. Мецлера японское генеральное консульство устроило прессконференцию. На ней Кен Цуруми, представитель консульства, заявил:

Известие о безвременной кончине К. Э. Мецлера поразило нас и вызвало глубокое сожаление. Мы искренно опечалены этой вестью и выражаем свои живейшие симпатии овдовевшей г-же Мецлер...

...Мы сохраним самую теплую память о г. Мецлере, который неоднократно оказывал ценные услуги японским властям, включая и японское консульство.

На вопрос одного из иностранных журналистов, какого рода услуги оказывал К. Мецлер японским властям, ответил не Цуруми, а его переводчик, который сказал, что он ошибся. «Я хотел сказать — услуги, оказанные К. Мецлером местному обществу».

Далее К. Цуруми заявил, что одна из английских газет высказала предположение, что за этим убийством кроется японская рука.

Я не могу допустить этой мысли. Это совершенно невозможно. К. Мецлер всегда пользовался уважением со стороны японских властей и никто из японцев не питал к нему злых чувств... Не выдерживает критики и другое предположение газеты, что между РЭК и только что основанным Эмигрантским Обществом существовало какое то недоверие и недоброжелательство.

Касаясь раскола в среде эмигрантов, Цуруми заявил:

> Такие слухи, действительно, существуют, но они ни на чем не основаны. Поскольку я знаю, К. Мецлер, занимавший пост председателя РЭК, в то же время занимал и пост председателя РЭО, созданного недавно для совершенно других целей. Эмигрантский Комитет не имел достаточно широкого радиуса действия и поэтому считалось желательным создание такой организации, которая обслуживала бы русскую колонию более широко, заботясь в частности и об ее благосостоянии.
>
> ...Это и было одной из причин, почему новое Эмигрантское Общество было организовано не только с согласия, но даже и по инициативе г. Мецлера, который принимал в этой организации самое живое участие.[184])

Заявления официальных лиц на пресс-конференции нередко страдают преднамеренными неточностями, искажениями, чтобы не сказать ложью. В этом отношении выступление К. Цуруми не только не составило исключения, но еще больше узаконило практику. Японским властям, включая консульство и так называемый русский отдел при редакции газеты Дальневосточное Время, нужно было доказать — и поверить в это самим — что Мецлер не являлся помехой в их стремлении установить прояпонский режим в Шанхае.

На запрос одного из иностранных журналистов, что по имеющимся данным Мецлер обращался к японским властям с протестом по поводу резких статей, направленных против него и помещенных в Дальневосточном Времени, Цуруми ответил, что «ему известно, что одна из местных газет поместила статьи об истории РЭК, но он ничего не знает о клеветнических выпадах против г. Мецлера».

На вопрос другого корреспондента относительно функций старой и новой организации, Цуруми ответил, что «насколько ему известно, пока еще выдача паспортов находится в ведении РЭК, но было решено, что впредь они будут выдаваться новым обществом».

Кем было решено, К. Цуруми не пояснил, да это и не нуждалось в уточнении. По этому поводу одна из английских газет дала некоторые пояснения:

> Местные эмигрантские круги встревожены сообщением представителя японского консульства К. Цуруми, данным им на пресс-конференции, «что во всех делах, связанных с

---

[184]) Новости Дня и другие газеты Шанхая, авг. 3 и 4.

выдачей паспортов, виз и прочих документов русским эмигрантам надлежит обращаться в новое Общество Русских Эмигрантов». Этими словами Цуруми ясно дал понять, что после смерти К. Мецлера японские круги намереваются признавать только созданное ими самими Эмигрантское Общество.[185])

Последствия убийства

Пока шла закулисная игра японских и прояпонских эмигрантских деятелей «по ту сторону Сучоуского канала», детективы полиции Международного сеттльмента повели энергичное расследование. Была полностью восстановлена картина нападения на Мецлера, опрошены соседи, расследованы весьма скудные следы. В английской печати появилось наводящее на размышление сообщение, что «в интересах расследования убийства Мецлера, сведения о ходе и развитии его не будут предаваться гласности». Тут же было добавлено, что «полиция не оставит камня на камне, чтобы раскрыть преступление, и что в ближайшее время будут опубликованы интересные данные. В руках полиции имеются ценные показания свидетелей, иностранцев и китайцев. Внезапные аресты ожидаются в самом недалеком будущем».[186])

Но первые аресты были произведены чинами японской жандармерии. Это были аресты предохранительного характера. Полиция Международного сеттльмента узнала номер автомобиля, в котором скрылся убийца. Но прежде чем она могла что либо сделать, японская полиция арестовала двух корейцев, владельцев гаража, откуда был взят на прокат автомобиль для убийства Мецлера. На запрос полиции сеттльмента она отказалась дать ей имена арестованных, название и адрес гаража.

В то же время вечерняя английская газета сообщила об аресте «генерала К., лидера антикоммунистической группы Харбина, в связи с убийством председателя РЭК. Генерал К. был задержан утром, а на следующий день арестован китаец. Они находятся под арестом и допрашиваются полицией Международного сеттльмента».

«Генерал К.» оказался В. И. К.; служащий японского консульства, помощник Мацуда.

---

[185]) Shanghai Time, August 8.
[186]) Там же, 5 августа.

Как только распространилась весть о задержании В. И. К., японское консульство немедленно оказало давление на полицию Международного сеттльмента. К. был освобожден, а английская вечерняя газета поместила в следующем выпуске опровержение, что «по наведенным редакцией справкам, генерал К. находится на свободе».

В английской прессе появилась многозначительная заметка:

> Руки полиции связаны политическими соображениями, продиктованными ей властями, которым она служит, и хотя она отлично знает, что уничтожение некоторых рассадников внезапной смерти в Шанхае принесет сразу значительное понижение смертности, но сделать она ничего не может.[187])

К этому времени иностранные газеты причинили достаточно раздражения «русскому отделу» Куроки. Ответная статья Дальневосточного Времени, озаглавленная «Провокация вокруг трагического преступления продолжается», была полна чувства оскорбленной невинности:

> Мы весьма тронуты проявлением внимания, как и к нашему изданию, так и ко всей русской колонии в целом, но должны искренне признать, что упомянутым английским газетам нет особой необходимости заниматься нашими, русскими(?) делами.

Еще большее раздражение Дальневосточного Времени вызвали Новости Дня, газета просоветского направления, полагавшаяся на защиту советских властей в случае возможного конфликта с японскими властями.

В ряде статей газета Новости Дня проследила ход расследования, привела ценные показания свидетелей и вывела близкое к правде заключение относительно причин и участников убийства К. Мецлера.

Дальневосточное Время взялось сразу за два трудных задания: отвести вину от «русского отдела по ту сторону Сучоуского канала» и перенести ее в другой лагерь. Следует отметить, что упоминая о К. Мецлере, Дальневосточное Время еще щедрее стало рассыпать такие выражения, как «подлое, низкое, гнусное убийство, честный, благородный, патриот», и т. д.

> Если в день подлого убийства К. Э Мецлера ... настоящие мотивы этого террористического акта могли еще вызывать

---

[187]) China Press, August 8.

сомнение, то вчерашний выпуск советской газеты Новости Дня рассеял все сомнения.

Пользуясь дешевыми и нечестными трюками, извращениями фактов и намеками, Новости Дня черным по белому самым красноречивым образом подтвердила, что убийство К. Мецлера — дело их новых хозяев, агентов Коминтерна, так успешно подвизавшихся в Шанхае.

В первую очередь это становится очевидным по той неуклюжей попытке сфабриковать версию, продиктованную их красными хозяевами, что убийство могло быть организовано «где то по ту сторону канала и что сведения об этом получены из достоверных источников».

Мы, как и большинство русских резидентов Шанхая, отлично знаем эти «достоверные источники», хотя мы и не можем пользоваться ими так свободно... Эти преступные «источники» организовали и совершили убийство К. Э. Мецлера, а теперь продолжают свою подлую провокационную деятельность... Убийство было задумано с целью внесения раздора в эмигранскую колонию, а теперь эти агенты Коминтерна надеются отыграться с прибылью, используя послушных наемных писак из Новостей Дня.

Особенно задета была редакция Дальневосточного Времени упоминанием о том, что «в автомобиле находилось два китайца, два представителя другой азиатской расы и один европеец».

Плохая служба, оказанная упоминанием о «двух представителях азиатской расы» в этом эпизоде становится очевидной сразу, т. к. каждый, знакомый даже поверхностно с методами работы агентов Коминтерна, знает что в их распоряжении имеются большие кадры агентов, представляющих все известные азиатские расы.

Таким образом, даже предполагая, что данный эпизод на самом деле имел место, он никоим образом не изменяет главного положения этого дела — организацию убийства агентами Коминтерна...

...мы предупреждаем эту газету и ее настоящих и фиктивных владельцев, что Дальневосточное Время не оставит без внимания самую мельчайшую деталь их «работы» в проведении и развитии терроризма и будет бороться против него со всей энергией и всевозможными средствами, имеющимися в ее распоряжении.

Последующие события

На второй день после убийства К. Э. Мецлера епископ Иоанн «в согласии с древним русским обычаем, по которому глава церкви берет на себя полноту власти в случае смерти главы правительства» стал временно во главе русской колонии

Шанхая. В тот же день мэр Великого Шанхая Фу принял секретаря РЭК М. Г. Яковкина и поручил ему управление делами Комитета.

За несколько дней до убийства Мецлера Дальневосточное Время объявило, что новое эмигрантское общество откроется 7 августа, и что его канцелярия будет находиться в том же помещении, где находится редакция газеты, «вэйсайдский русский отдел» и кабинет Куроки. Каким то образом были спутаны даты: то ли открытие нового Комитета было намечено слишком поздно, то ли убийство Мецлера произошло слишком рано. Во всяком случае, как только был убит Мецлер, Куроки задним числом открыл Русское Эмигрантское Общество, во главе которого он собирался поставить генерала Косьмина. Но назначению Косьмина воспротивились такие лица, как японский генеральный консул и его советник по русским делам Мацуда: слишком уж ясно определялась грубая, топорная игра «вэйсайдских опекунов». Весь Шанхай говорил о прямом и непосредственном участии Куроки и Косьмина в убийстве Мецлера, помня, что еще задолго до этого росли упорные слухи, что Мецлер будет заменен Косьминым.

Поэтому во главе организации на Вэйсайде был поставлен полковник Н. К. Сережников.

Возглавление — даже временное — епископом Иоанном русского Шанхая, спутало все карты в руках окружения Куроки. То, что можно было сделать с Мецлером или иным русским общественным деятелем, нельзя было сделать с епископом, пользовавшимся при том большим почетом и уважением всего Шанхая.

На третий день после убийства К. Мецлера в Гражданском Центре Великого Шанхая состоялось совещание по вопросу о возглавлении русской колонии, на которое были приглашены епископ Иоанн, Н. А. Иванов, Н. Сережников (не знавший, возглавлял ли он еще вэйсайдское общество или уже был снят с этого поста). В качестве непременного члена присутствовал К. Куроки.

После того, как японское консульство отвергло кандидатуру Косьмина, Куроки выдвинул престарелого генерала Цюманенко на пост главы РЭК, но в виду резкой реакции со стороны эмигрантов, снял и эту кандидатуру. Присутствие Куроки на совещании в Гражданском Центре полностью определило его роль как вершителя судеб русской колонии Шанхая.

На совещании было решено, что РЭК возглавит Н. А. Иванов, как единственный находящийся в Шанхае чиновник б. российского генерального консульства и сотрудник покойных В. Ф. Гроссе и К. Э. Мецлера.

В выборе Н. А. Иванова самую большую роль сыграло японское консульство, особенно его советник по русским делам Мацуда. Еще до назначения Иванова на пост председателя РЭК Мацуда имел с ним встречу, во время которой сказал ему, что если он откажется, то на это место будет поставлен Косьмин. Иванов согласился, и Мацуда поехал с ним вместе к мэру представить его как нового главу русской колонии Шанхая.

Таким образом Куроки ничего не оставалось больше, как согласиться, вопреки своему желанию, признать Иванова главой РЭК. «Русский отдел» на Вэйсайде принял весть о назначении Иванова так же, как принял ее Куроки. На другой день одно лицо из этого отдела позвонило по телефону Иванову и заявило, что если он не надумал еще отказаться от назначения на пост главы русского Шанхая, то пусть сделает это поскорее, «чтобы не разделить участи К. Мецлера».[188])

Террор продолжается

Пока русская колония остро переживала убийство К. Э. Мецлера и, не принимая личного участия, с тревогой смотрела на переустройство представительского органа, ей еще раз пришлось быть потрясенной новым террористическим актом. Утром 6 августа неизвестным китайским террористом был убит помощник инспектора Французской полиции П. М. Янковский. Он был один дома, когда кто-то позвонил у двери. Яновский собирался ехать на службу. Он открыл дверь и китаец с маузером в руках выстрелил в него в упор. Не приходя в сознание, по пути в госпиталь Янковский умер.

Смерть Янковского была третьей по счету насильственной смертью среди русской колонии в течение одной недели. Первым погиб служащий Французской полиции Емельян Иванов. Он вошел для обыска в дом, в котором была заложена бомба. Вторым погиб К. Э. Мецлер.

Убийство П. М. Янковского не носило такого политического характера, как убийство главы РЭК. Оно было совершено од-

---

[188]) Шанхайская Заря, авг. 7.

ной из гоминдановских террористических групп с возможным участием некоторых преступных элементов, имевших отношение к распространению наркотиков.

На особом совещании консульский корпус обсуждал меры пресечения террористических актов и политических убийств, но фактически, кроме принятия резолюции, осуждающей терроризм «кем бы он ни был совершен», сделать ничего не мог. Руки властей Международного сеттльмента и Французского города и их полиции были связаны. Японские власти были полными хозяевами в Шанхае. За два месяца до этого в Дан-керке произошла эвакуация английских войск, а через две недели после этого пал Париж и маршал Петэн запросил о перемирии. В день заседания консульского корпуса в Шанхае, нацистский воздушный флот произвел первый массовый налет на Лондон и другие английские города. Япония была накануне подписания договора о взаимной помощи с Германией и Италией. Что мог поделать консульский корпус с террором в Шанхае на фоне того террора и той агрессии, которые разыгрывались в Европе и которые годом позже должны были разыграться в Азии!? В этом отношении совершенно недвусмысленным оказалось заявление японского генерального консула, в котором он подчеркнул «реальность» положения иностранного Шанхая.

Дальнейшие манипуляции опекунов

Когда японские власти решили поставить Н. А. Иванова во главе русского Шанхая, они пришли к концу сложной закулисной игры. Предложение было сделано ряду эмигрантских деятелей, но отказ последовал в каждом случае. Одни из них просто отказались вступить в какие либо переговоры с ними; другие представили список требований и наметили линию, за которую японские власти не должны были идти. Кандидаты «русского отдела» Куроки, как Косьмин и Цюманенко, были забракованы по различным соображениям. Выбор сузился до Н. А. Иванова. Никаких трудностей здесь не последовало.

Вопрос о возглавлении русской колонии был таким образом решен, но «русский отдел» не переставал чувствовать себя обойденным.

> ...Прежде всего нельзя не подчеркнуть, что позиция тех кругов, которые пытаются связать смерть К. Э. Мецлера с теми или иными разногласиями в русской эмигрантской ко-

лонии, может рассматриваться в качестве определенного намерения скомпрометировать русскую колонию Шанхая и посеять недоверие к ней со стороны китайских властей, китайского населения и многочисленных иностранных резидентов нашего большого города. Поэтому подобная позиция не может не заслуживать самого сурового осуждения с точки зрения всех тех, кому дороги интересы русской эмигрантской колонии в целом.

Что касается дальнейшей судьбы русского эмигрантского представительства, то этот вопрос уже согласован с представителями местных высших китайских властей в лице мэра Фу Сиао-ена, о чем в ближайшие дни последует соответствующий официальный приказ. Эта сторона дела относится к вопросу о легализации назначения нового временного председателя РЭК (т. е. епископа Иоанна, прим. ред.).

По поводу же отношения широких кругов шанхайской эмиграции к назначению Н. А. Иванова на этот пост, то вероятно кандидатура его будет встречена с полным удовлетворением.[189])

Нет сомнения в том, что Н. А. Иванов встретил с полным удовлетворением свое назначение на пост главы русской эмиграции Шанхая, закрывая глаза на многие теневые стороны этого дела, как, например, свое раннее участие в анти-мецлеровской кампании, закулисную игру «опекунов и гастролеров», и т. д.

Мацуда навестил его, поздравил с назначением и не удержался, чтобы не сделать ему дружеского предупреждения не связываться близко с Куроки и его окружением в Вэйсайде. На это предупреждение Иванов ответил по своему: он передал о нем Куроки при первом же удобном случае, в результате чего Мацуда был снят с поста и переведен на меньшее место на север Маньчжурии в Сахалян.[190])

Получив назначение, Иванов заявил, что «пока я буду председателем, никаких перемен не произойдет в отношении русской колонии». Он опроверг слухи, что РЭК перейдет по «ту сторону Сучоуского канала» и успокоил русское население Шанхая, что они не окажутся в том же положении, в каком оказались русские колонии Харбина, Пекина и Тяньцзина. Свое назначение он считал временным, «пока не уляжется буря, вызванная трагическим убийством К. Мецлера», и пока эмигрантские организации не изберут постоянного главу рус-

[189]) Дальневосточное Время, август 9.

[190]) По сообщению В. И. К.

ского Шанхая. «Меня спрашивают, почему выбор китайских властей пал на меня? Это был естественный шаг. После смерти В. Ф. Гроссе и К. Э. Мецлера я единственный оставшийся представитель российского императорского консульства».

Иванов коснулся толков в русской колонии о том, что епископ Иоанн не знал, «почему он был приглашен в Гражданский Центр и что он был против самовольного способа назначения Иванова без совещания с представителями русской колонии». «Епископ Иоанн знал, почему он был приглашен и был рад поехать со мной. О моих переговорах с китайскими властями он был полностью осведомлен через переводчика».[101])

Епископ Иоанн на самом деле не знал, почему назначению главы русской колонии Шанхая должно было предшествовать посещение Куроки, а самое назначение надо было получить из рук начальника китайской полиции Великого Шанхая. Он догадывался, что во время визита мэра Фу и начальника полиции разговор шел о нем, но не имея своего переводчика, он не знал о его полном содержании.

Посещение Куроки Иванов объяснил по своему: «никакого политического значения не было в посещении японских властей перед визитом Гражданского Центра. Г. Куроки последовал с нами туда, так как я не знал пути». Относительно отстранения епископа Иоанна, Иванов сказал, что «власти нашли неуместным для него возглавлять русскую колонию и вести административные дела». Свое назначение начальником китайской полиции Иванов обошел молчанием. Но этот факт произвел на русскую колонию тягостное впечатление и она на время забыла о главной роли Куроки во всем этом деле.

«Реформы» новой администрации

При своем назначении на пост главы русской колонии Шанхая Н. А. Иванов заявил:

> Никаких перемен в русской колонии не будет. То, что я являюсь председателем — гарантия тому. Русские эмигранты не будут платить больших взносов или участвовать на парадах и политических митингах. Слухи о том, что паспорта не будут выдаваться тем, кто не вступил в Антикоммунистический Комитет, ложны.[102])

---

[101]) China Press, August 7.
[102]) Там же, 11 августа.

Намечая дальше план своей деятельности, Иванов говорил, что когда он давал согласие на возглавление колонии, он мыслил о самом живейшем контакте с русской эмигрантской общественностью, «без поддержки которой он не мог бы работать».

В действительности же оказалось совершенно не так. Куроки временно закрыл свой отдел на Вэйсайде и перевел своих помощников, полковника Сережникова и адвоката Безденежных в РЭК, назначив их на пост начальников Регистрационного и Информационного Отделов. На Вэйсайде остался пока только Осведомительный Отдел, во главе которого он поставил Ямагучи Сигео (он же Мори), а его помощником — К. Союшкина, заведывавшего типографией Дальневосточного Времени. Куроки редко бывал в помещении Русского Эмигрантского Комитета на Мульмейн Род, но распоряжался всем через Сережникова и Безденежных.

«Реформы» начались в самое ближайшее время. При РЭК был создан Учебно-воспитательный Отдел, во главе которого был поставлен П. А. Савинцев, до этого редактировавший Дальневосточное Время. По особым соображениям Куроки оставил этот отдел также на Вэйсайде.

Учебно-воспитательный Отдел наметил широкий план деятельности. Прежде всего он подобрал к рукам существовавшие организации молодежи и подчинил их своему строгому контролю. Для молодежи были введены обязательные курсы японского и китайского языков «по программе Бюро п-д Российских Эмигрантов», и военная подготовка. Для развлечения молодежи было намечено устройство по праздникам танцевальных вечеров, «выведя из употребления танцы африканского происхождения и заменив их прелестью мазурки и других старых танцев». [193])

Переступая грань намеченных «широких реформ», Учебно-воспитательный Отдел перевел преподавание в школах с нового на старое правописание. Одновременно с этим русская колония Шанхая была переведена с нового календаря на старый. (Для удобства переписки с иностранцами все же допускалось пользование обоими календарями).

«Опекуны-реформаторы» нашли поддержку в архиепископе Викторе, который прибыл из Пекина с особой целью «бла-

[193]) Дальневосточное Время, 19 сентября 1940.

гословить новую администрацию РЭК и его японских руководителей на полезный и душеспасительный путь новых реформ». В редакции Дальневосточного Времени, во время визита вместе с Н. А. Ивановым, архиеписком Виктор «с большой теплотой отозвался о русских эмигрантах, стоявших во главе северо-китайского Антикоммунистического Комитета».

«Реформы» коснулись не только области воспитания и леточисления. Несмотря на заверения Иванова, что русская колония Шанхая не будет облагаться никакими принудительными поборами, через два месяца после его назначения был введен обязательный подоходный налог в размере нескольких процентов заработка.

«Опекуны» русской колонии не остановились даже перед экспроприацией частно-общественного имущества: они потребовали передачи Русского Госпиталя, созданного трудами отдельных лиц, как Д. И. Казакова и других врачей. Забирая в свои руки хорошо оборудованный госпиталь без всякой уплаты за него, РЭК великодушно согласился принять на себя его долги, что составляло незначительную сумму по сравнению с его стоимостью. Правление госпиталя попыталось отстоять его, но в условиях тоталитарного японского режима мало что можно было сделать, кроме попытки придать формальный характер экспроприационному акту: «не возражая против передачи, мы должны знать правомочных представителей, т. е. лиц или организацию, и условия и порядок передачи».

Захват русского госпиталя произвел тяжелое впечатление на русскую колонию. «РЭК собирается ввести улучшение в работу госпиталя. Это означает его намерение подобрать к себе все другие русские дела и предприятия. Эмигранты недовольны, что РЭК вводит контроль над всеми русскими учреждениями».[194])

К началу 1941 года полностью определился характер тоталитарного режима. Не только русская колония, но и весь иностранный Шанхай оказались в руках японских военных властей. Действия и решения этих властей отличались произвольностью, самоуправством, подозрительностью и мелочностью. Заявление 6,000 евреев, зарегистрированных в Русском Эмигрантском Комитете, о желании создать свой Еврейский Эмигрантский Комитет насторожило японские власти: почему они

---

[194]) Ченг Юин Пао (Китайско-Американские Новости), 4 янв. 1941.

хотят уходить, когда им должно быть хорошо в РЭК? Им было отказано. Простое назначение начальника подотдела бойскаутов-разведчиков требовало особого утверждения японских властей.

В феврале 1941 года газета Куроки в статье, озаглавленной «Вопрос, разрешенный самой жизнью», оповестила, что «в жизни русской колонии произошло событие несомненно очень большого значения: в этот день Дальневосточное Время стало органом русской эмигрантской колонии Шанхая». Рассматривая русские газеты и деля их произвольно на про- и анти-советские, Дальневосточное Время старалось убедить, что

> ...хотя они по своему и отражают частично эмигрантские и националистические настроения... все же ни одна из них не может считаться органом, представляющим все интересы русской эмигрантской колонии в целом.
>
> Было бы непростительным трюизмом доказывать, какое огромное значение может иметь надлежаще поставленный печатный орган в деле укрепления внутри-эмигрантских связей... Все, что нами говорилось о лице, задачах и идеологических принципах РЭК, можно полностью приложить и к нашей газете, становящейся с сегодняшнего дня рупором объединения русской эмиграции... Нашей задачей является служение русским национально-эмигрантским интересам в Шанхае во всем многообразии их сложности.

Став «национальным рупором», газета Дальневосточное Время окончательно перестала считаться с русской колонией. Она требовала изменений в составе эмигрантских организаций или полной ликвидации их. Одной из таких организаций, старавшихся сохранить свою независимость от посягательств шанхайских опекунов, был Национальный Комитет.

> ...процесс расформирования Национального Комитета не продвинулся вперед... НК отбросил в сторону формулировку характера своей работы в РЭК и... члены НК по прежнему стоят в резкой оппозиции к тем членам правления РЭК, которые открыто выявляют свои симпатии к державам Оси, а здесь, в Восточной Азии, полностью ориентируются на Японию...
>
> Здесь часто бросаются упреки лицам и организациям, мешающим якобы объединению русской эмигрантской колонии. Но никто не обратил внимания на то, что существование Национального Комитета, упорно подчеркивающего свою самостоятельность, этому объединению особенно мешает.[195])

---

[195]) Дальневосточное Время, «Затянувшееся расформирование», 14 апреля 1941.

Символическая встреча

В январе 1941 года в официальной резиденции в Гражданском Центре в Киангване мэр Великого Шанхая Чен Кун, принимая Н. А. Иванова и ради проформы утверждая его в должности главы русской колонии, передал ему «приветствие и благодарность от имени президента нанкинского правительства Ван Цзин-вея, а также от себя лично, за работу по объединению русской эмиграции».

Встреча Чена и Иванова носила символический характер. Оба были марионеточными фигурами, поставленными на свои посты по расчетам японских властей. Их предшественники, мэр Фу и прежний председатель РЭК К. Э. Мецлер, за несколько месяцев до этого пали жертвами политических убийц. Такая же участь готовилась и для Чена и Иванова, для первого в более отдаленное время, для второго через несколько месяцев после их встречи.

Н. А. Иванов быстро вошел в роль главы русского Шанхая. Он любил говорить о своем назначении как о преемственной форме власти, а о себе как о последнем законном представителе российского генерального консульства. Получив вначале поддержку от Мацуда и японского консульства, Иванов затем скоро оставил их, чтобы сблизиться временно с Куроки. Он свободно распоряжался средствами РЭК, завел себе автомобиль, из за которого много было разговоров (по одним толкам Союз русских сторожей и телохранителей подарили его ему, по другим — только некоторые отдельные лица из Союза, желавшие отметить его общественную деятельность). Иванов включил в бюджет РЭК денежную помощь Дальневосточному Времени, чтобы Куроки мог показать своему начальству, что русская колония поддерживает японские начинания.

Н. А. Иванов довольно близко сошелся с Кожевниковым-Ховансом, служащим японского Военно-морского Отдела. «Что ваш Мацуда», говорил Иванов, «что он значит теперь, когда Хованс обладает большей силой и влиянием! Он водил меня по таким местам, какие вам и не снились!»[196])

Через Хованса Иванов установил знакомства с японским морским командованием и начальником японского жандармского управления. Теперь, как это было раньше с Мацуда, он

---

[196]) По сообщению В. И. К.

стал обходить Куроки. Все это не могло остаться незамеченным, и в отношениях Куроки и Иванова стали появляться глубокие трещины. Время от времени Иванова вызывали по телефону и неизвестные голоса советовали ему оставить пост председателя РЭК. Один из этих голосов был женский, который приписывали Н. Гор-вой, бывшей в близких отношениях с генералом Косьминым.[197])

По проторенному пути

В мае 1941 года было отпраздновано тридцатилетие службы И. А. Иванова, которую он начал помощником российского консульского судьи в Харбине. В речах упоминались достижения РЭК под его главенством в деле объединения колонии, что

> «шестая держава, наша национальная пресса, забыв личные распри и раздоры, дружно сомкнула ряды вокруг маститого юбиляра, превратив знаменательную дату жизненного пути Н. А. Иванова и его служение русскому национальному делу в праздник общеэмигрантского объединения. Жестоко были посрамлены доносчики, клеветники, провокаторы и инсинуаторы, авторы безответственных слухов и сплетен».[198])

За две недели до этого, как и перед убийством К. Э. Мецлера, Дальневосточное Время (переименованное в Русское Время) начало серию статей Савинцева, озаглавленных «Проблемы Русского Эмигрантского Комитета», в которых подвергло резкой критике его деятельность и его главу: за время руководства Ивановым Комитет «не освоил еще 50 процентов» русской колонии для подоходного обложения и не зарегистрировал многих эмигрантов, живущих с 20-х годов без всяких паспортов и документов. В статьях требовалась реорганизация не только Финансово-экономического Отдела, ответственного за сбор «добровольного самообложения», но и всей структуры РЭК, т. к. при существующем положении

> у Комитета нет власти заставить давать. А нет власти потому, что РЭК бессилен стать властью. А бессилен потому, что в правлении Комитета отсутствует деловой практический подход к делу. И отсутствует он потому, что правление состоит из взаимно отталкивающихся друг от друга элементов, где одна часть не доверяет другой, одна враждебна дру-

---

[197]) По сообщению В. И. К. слова Л. Н. Г-вой о Косьмине: «давно давно порвала все с этим страшным и ужасным человеком».

[198]) Русский Авангард, статья К. А. Стеклова, 1 июня 1941.

гой и связаны между собой эти части механически, силой обстоятельств... Существует, например, представитель Общества Сторожей и Телохранителей, а Общество не объединило и половины членов указанных корпораций. Не объединяет всех казаков и Казачий Союз. В этих двух организациях есть большая доля людей, состоящих в разряде «диких», не освоенных Русским Эмигрантским Комитетом.

В вину РЭК ставилось, что не все торгово-промышленные предприятия вошли в эмигрантскую торговую палату, что ряд организаций, как корпорации сторожей, телохранителей, антипиратской охраны, конторских служащих, медицинских и театральных работников не провели регистрацию и не подчинили свою деятельность контролю соответствующих отделов РЭК.

Но кто дает программу начальникам отделов? Кто уполномачивает этих начальников на те или иные мероприятия? Это дело тех людей, которые заинтересованы в том, чтобы поднять авторитет и работоспособность РЭК. А нам кажется, что в теперешнем составе РЭК едва ли есть люди, которых бы вполне удовлетворяло существующее положение эмигрантских дел в Шанхае.

В ответ на критику «национального рупора и официоза русской колонии» один из своих людей написал письмо в редакцию (вполне возможно допустить, что по заданию самой редакции), в котором рекомендовал реорганизовать правление РЭК не на основе выборности, а по назначению властями, а все постановления реорганизованного Комитета обязать «подлежащими исполнению, равносильно распоряжению надлежащих властей». При этом рекомендовалось создать правление из девяти назначенных свыше человек: председателя, начальников отделов культурно-просветительного, финансово-экономического, благотворительного, медицинского, юридического, регистрационного, военного и секретаря. «Все эти лица должны быть правоверными эмигрантами с кристально-чистыми политическими убеждениями, православного вероисповедания и работоспособными».

Тревожный год

Лето 1941 года внесло в русскую дальневосточную эмиграцию еще большую тревогу. В апреле того года Япония, следуя по ранним стопам нацистской Германии, заключила с Советским Союзом договор о нейтралитете и взаимном ненападении. В

среде дальневосточной эмиграции невольно возникли сомнения в искренности японских властей: почему они, настаивая на необходимости войны против коммунизма и называя эту войну священной, в то же время заключили дружественный союз с советским правительством? После этого можно ожидать любого вероломства, вплоть до насильственной высылки русских эмигрантов в Советский Союз, если Японии будет выгодно пойти на подобное требование советского правительства! Заверения японских властей, что договор о нейтралитете — одно, а война против коммунизма — другое, подсказывали, что ни то, ни другое положение нельзя было принимать всерьез.

Вторым испытанием оказалось июльское нападение Германии на Советский Союз, двадцать два месяца спустя после заключения сталинско-гитлеровского договора о дружбе и торжественного обещания не нападать друг на друга.

В толще русской эмиграции возникли новые сомнения. Шла ли Германия воевать против коммунизма или это был исторический поход на восток в целях завоевания геополитического сердца — обширных российских пространств и превращения их в нацистскую колонию? История показала, что советская власть, в лице ее верховного партийного руководства была не врагом нацистской Германии, а ее верным соучастником и соумышленником в походе тоталитарного строя против демократии. История далее показала и доказала, что в альянсе с гитлеровской Германией советские правители совершили тягчайшее преступление в отношении своего народа, не вняв своевременно предостережениям Англии и Соединенных Штатов о готовившемся нападении на Советский Союз. Этим они обрекли вооруженные силы Советского Союза на катастрофический разгром в течение первых же дней войны и обнажили страну до Москвы, Волги и Кавказа. Отказ советских правителей подписаться под женевским соглашением о милосердном отношении к военнопленным обрек миллионы советских офицеров и солдат, захваченных в плен в первые дни войны, на положение бесправных рабов, полуголодное существование и тяжелый труд на немецкой военной промышленности.

Вероломное нападение гитлеровской Германии и суровые испытания, выпавшие на долю советского народа, вызвали различную реакцию в среде российской эмиграции. В ней были скорбь и страдание, ликование и злорадство. На пятый день

войны в Шанхае появилось обращение «эмигрантских организаций» к русским людям:

> Настоящую германо-советскую войну мы рассматриваем как путь к освобождению нашей Родины от ига коммунистов. Мы твердо верим, что эта война развяжет активные национальные силы российского народа и приведет к созданию национального правительства и к возрождению Великой России.

Подписанное рядом организаций, начиная с Союза Инвалидов и кончая Обществом Педагогов, это обращение — в его чистом виде — показало, насколько глубока и слепа была вера эмигрантов в то, что всеми действиями стран Оси руководит их забота о российском народе.

Но дело не ограничивалось только святой верой и наивностью. Крайне настроенные эмигрантские группы из так называемых «национально-мыслящих», т. е. стоявших близко к японским и нацистским кругам, повели яростную кампанию против тех эмигрантов, которые одинаково не верили ни коммунистическим вождям, ни пресловутым «борцам против коммунизма» из фашистско-нацистско-японского лагеря. Эти группы объединились вокруг газеты Русское Время, фашистских организаций и новосозданного Идеологического Центра, организации про-нацистского толка, тесно связанной с нацистскими учреждениями в Шанхае.

Была ли возможна реакция со стороны более уравновешенной части русской эмиграции на выпады этих групп? Даже в условиях тоталитарного режима, в толще русской эмиграции поднимались отдельные независимые голоса.

> Инакомыслящие русские белые эмигранты, которые не верят обещаниям нынешнего врага России, фюрера Германии, Адольфа Гитлера, являются, по их мнению... «сволочью, ублюдками, иудушками, хамелеонами, проститутками пера» и пр. Других эпитетов, которыми «русские патриоты» из газеты Русское Время дарили инакомыслящих, я перечислять не буду... Неужели они думают таким способом направить инакомыслящих на путь истины?
>
> Все взволновались, все кричат и зовут каждый в свою сторону... Сыплятся декларации, призывы, приказы и, наконец, угрозы силой заставить не мыслить иначе.
>
> Большинство русских, переживающих в настоящий момент за свою родину, все это делает тихо и никакого шума не слышно снаружи их дома. Но небольшая кучка людей нашлась и таких, которые вышли на улицы международного

города и на посрамление русского имени устроила «большой гевалт».

Одни кричат: «да здравствует Великий Князь Владимир», другие — «Сталин», и, наконец, нашлись такие, для которых не стало больше русских полководцев, они кричат, «хейл Гитлер», махая грозно кулаками.

Производящие же впечатление тихопомешанных не кричат, они тихо молятся Богу, чтобы Господь послал России второй похабный мир. Есть несчастные, которые из-за пропаганды, заливающей со всех сторон Шанхай, совсем потеряли свой разум и не знают за кого молиться, они мечутся на молебне в русском соборе и просят помочь им в беде. И рядом стоящий, просящий у Бога похабного для России мира, идет им на помощь: «молитесь, чтобы Гитлер победил русских, если он победит, Россия будет великой и неделимой.[199])

Такие настроения были присущи не только дальневосточной эмиграции, но здесь, как и в среде русской эмиграции в Германии и в оккупированной немцами Франции, они были особенно обострены в силу существовавших условий. «Национальный эмигрантский рупор» поставил всем вопрос ребром: «с кем вы, с Россией или с Коминтерном?»

На этот вопрос ответила одна эмигрантская газета: «относительно антикоммунистической борьбы мы считаем нужным заявить, что мы ее мыслим только в единении с национальными силами самого русского народа и отнюдь не иначе».[200])

Тревожные настроения русской колонии Шанхая не обманули ее: в сентябре 1941 года было объявлено о поголовной регистрации. Подобные регистрации в Тяньцзине и Циндао закончились введением обязательного курса военной подготовки. Одновременно «официальный орган» продолжал обрушиваться на русскую колонию, на правление РЭК и его руководство, на «диких» и других непокорных, избегавших опеки и контроля японских властей. Имени Н. А. Иванова Русское Время не упоминало в своих провокационных статьях, но становилось очевидным, что опекуны русского Шанхая были более чем недовольны его деятельностью и что-то готовили против него.

---

[199]) В. Жиганов, В защиту Родины, Летопись и призыв к спокойствию, брошюра, август 1941, Шанхай.

[200]) Слово, 16 сентября 1941, Шанхай.

Поиски новых козлов отпущения

В сентябрьском обращении Русского Эмигрантского Комитета было заявлено, что «в виду переживаемых ныне политических событий местные власти признали необходимым произвести возможно точный учет наличия российских эмигрантов».

Начало регистрации было назначено на 15 сентября, конец ее на 15 ноября. «Лица не выполнившие настоящего распоряжения... не будут приниматься на учет Комитетом и лишаются прав на получение содействий» и т. п.

Первый день регистрации совпал с новым политическим убийством, жертвой которого пал председатель РЭК Н. А. Иванов.

После полудня Н. А. Иванов прибыл на своем автомобиле к зданию, где помещался Русский Эмигрантский Комитет. Автомобилем правил его сын, позади сидели он и его жена. Выйдя из автомобиля, Иванов задержался на минуту, разговаривая со своей женой. В это время к нему подошли два китайца. Прогремело два выстрела. Раненый в спину Иванов упал на тротуар. Один из террористов еще раз выстрелил в упор в раненого, а другой прострелил шину автомобиля. На звук револьверных выстрелов из помещения РЭК выбежали служащие и лица, явившиеся на регистрацию, и бросились в погоню за убийцами, но те скрылись в пассаже, выходившем на Авеню Фош во Французском городе.

Раненого Н. А. Иванова доставили в госпиталь, где он, не приходя в сознание, умер на операционном столе.

Незадолго до этого Н. А. Иванову звонили по телефону неизвестные лица, предостерегая его о готовившейся ему участи. Он сообщил об этом полиции и к его квартире поставили охрану из русского и китайского полисменов. Из предосторожности Иванов стал выезжать на своем автомобиле в сопровождении К. Стеклова, одно время служившего телохранителем, и взрослого сына.

Убийство Н. А. Иванова на глазах многих эмигрантов, прибывших в Комитет на регистрацию, произвело удручающее впечатление. Невольно была проведена параллель между убийством Мецлера и Иванова, вспомнились недовольство японских властей по поводу отсутствия или недостаточной готовности работать на них, враждебная кампания и травля

в «официозе русской колонии», тождественный метод ликвидации. Единственным различием было то, что в первом случае японские власти искали виновников в коминтерновских кругах, а во втором — в гоминдановских.

> Силы разложения, безнаказанно проводящие свою сатанинскую работу в Шанхае, в силу специфического положения этого города, с особенным и неослабеваемым вниманием следят и за жизнью русской эмигрантской колонии. Участь Н. А. Иванова была предрешена, потому что все его действия за период руководства РЭК были непрерывной борьбой с денационализацией и разложением, борьбой с чуждыми и враждебными интересам эмиграции иностранными влияниями, потому что, реально заботясь и защищая национальные, правовые и культурные интересы российской эмиграции и встречая поддержку и покровительство властей страны, нас приютившей, Н. А. Иванов был искренним другом национального Китая.
>
> Силы, противодействующие всему этому, вынесли ему смертный приговор, который и был приведен в исполнение наемными чунцинскими агентами в роковой вчерашний день. Выстрелы по Н. А. Иванову рассчитаны как раз на дезорганизацию, на растерянность ответственных эмигрантских кругов, выстрелы, наконец, были направлены и в ту национальную власть, которая покровительствует РЭК, под защитой которой он находится.[201])

Как не похож этот панегирик на то, что еще так недавно писало Русское Время о неуспешной работе РЭК и его руководства, обвиняя косвенно Н. А. Иванова в отсутствии интереса и преданности властям! Как фальшивы слова о его «непрерывной борьбе с денационализацией и разложением» после открытых обвинений в том, что он не мог «объединить русскую колонию и что поэтому нужно искать другого на его место».

Убийство Н. А. Иванова прошло менее замечено. В эмигрантской и иностранной прессе меньше писали о «бессмысленности, дикости, низком, неоправданном ничем убийстве», как это было тринадцать месяцев назад при убийстве К. Э. Меццлера.

Равнодушием нельзя этого объяснить. Если популярность Н. А. Иванова в русской колонии Шанхая и не была велика, все же она была заметна. В нем признавали человека, лишенного политических расчетов той категории людей, из которой

---

[201]) Русское Время, 16 сентября.

японские власти выбирали себе сотрудников, вне зависимости, были ли они типа офицера Генерального Штаба генерала Косьмина, или типа полуграмотного забайкальского казака М. Третьякова. Заняв по назначению — не без собственного честолюбивого желания — пост главы РЭК в период наиболее напористого проникновения японских властей во все фазы эмигрантской жизни, Н. А. Иванов сознавал трудность своего положения. Между льстивыми официальными речами и резкими, подчас погромными статьями в «официозе» русской колонии пролегала та чреватая тяжкими последствиями дорога, по которой должен был идти невольный ставленник японских властей.

Окружение Куроки противилось назначению Н. А. Иванова. Его терпели постольку, поскольку он выражал готовность служить интересам русской общественности так, как хотели понимать это служение Куроки и его эмигрантские сотрудники. Но Иванов не стал беспрекословным исполнителем заданий и предписаний Куроки, поэтому его перестали терпеть и уготовили ему участь Мецлера.

Вполне возможно, что, принимая назначение, Иванов не представлял себе всей сложности служения японским властям, когда они занимают доминирующее положение. С другой стороны, Иванов мог считать, что, связавшись с другими представителями японских властей, как начальником Военно-морского Отдела и главой японской жандармерии, он обезвреживал Куроки и этим избавлял русскую колонию Шанхая от судьбы, выпавшей на долю русских колоний Маньчжурии и Северного Китая.

Возможно также, что подобные соображения совсем не тревожили Иванова. Некоторые видели в нем человека неуравновешенного, тщеславного, любившего играть видную роль, жить в почете, располагать общественными средствами, рассчитывавшего больше на свои связи с влиятельными людьми, чем на себя и свои способности.

Был ли Куроки черным ангелом русской колонии Шанхая? Нет никаких сомнений, что он вершил судьбой тридцати с лишним тысячного ее населения, создавал одни эмигрантские организации, закрывал другие, назначал одних, смещал других эмигрантских общественных деятелей и т. п. Несомненно и то, что если в Шанхае не было бы Куроки, а в Тяньцзине —

Таки, на их местах стояли бы другие офицеры японской жандармерии и выполняли бы их работу с неменьшим усердием.

Но простое выполнение обязанностей с различной долей усердия — одно, а творческое проявление своих сил и способности — другое. Простым исполнителем заданий своего начальства Куроки не был. В начале деятельности в эмигрантской среде у него оказались соперники, желавшие не менее его вести руководящую роль в жизни русского Шанхая. Из Дайрена прибыл полковник Миаказава с заданием Квантунгской армии создать в Шанхае организацию типа Бюро п/д российских эмигрантов. Миаказава прочил себя на пост главного попечителя и опекуна русского Шанхая, положение неизмеримо большее по сравнению с тем, что было у него в Дайрене. Особый консул по эмигрантским делам при японском генеральном консульстве Мацуда считал эмигрантскую среду своей личной сферой деятельности и ревниво оберегал ее от вмешательства. Но случилось так, что Миаказава принужден был вернуться в Дайрен ни с чем, а Мацуда был смещен с поста и послан в захолустье в Маньчжурию.

Честолюбивый, способный, строго замкнутый в себе, подчеркнуто вежливый, Куроки внешне выгодно выделялся из среды молодых японских офицеров жандармского типа. Его начальником был майор Кание, предпочитавший держаться в тени и поэтому предоставлявший Куроки широкое поле деятельности. Куроки значительно расширил рамки установленных трафаретов в отношении к дальневосточной эмиграции, которые обычно включали регистрацию, введение паспортов, обязательных курсов японского языка, военной подготовки и приведение эмигрантов к одному знаменателю. Он ввел некоторые новшества по внедрению в эмигрантскую толщу основ «нового порядка». Ни в одном городе Китая еще не прибегали к политическим убийствам, как к средству удаления нежелательных общественных деятелей русской эмиграции. В Шанхае, правда, это было легко сделать в силу того, что политические убийства и террористические акты стали в нем повседневными явлениями. Приписать ли это новшество целиком Куроки или разделить сомнительную честь его введения между другими в его окружении? Кто был организатором, вдохновителем убийств К. Э. Мецлера и Н. А. Иванова? Предшествовавшие шаги, тождественность приемов преступлений безошибочно подсказывают, что организатором их была группа Ку-

роки. На похоронах К. Э. Мецлера венок от Куроки был одним из самых больших и заметных. На похоронах Иванова венка уже не понадобилось. После убийства Мецлера в русской колонии открыто называли имена организаторов и вдохновителей преступления. Шанхайская пресса — одинаково эмигрантская и иностранная — не называя имен, достаточно ясно указывала на Вэйсайд, как на центр террористической деятельности. Полиция Международного сеттльмента еще могла вести расследование преступления, хотя и тогда уже японские власти делали все возможное, чтобы помешать ходу следствия. Убийство же Н. А. Иванова было совершено в период тоталитарного японского режима, когда общественное мнение принуждено было замолкнуть, пресса оказалась в тисках цензуры, полиция была бессильна раскрывать преступления, совершенные при участии и с благословения властей. Только после окончания войны, вдова Н. А. Иванова, выступая свидетельницей на суде одного из эмигрантов по делу о коллоборации с японскими властями, назвала убийцами своего мужа Куроки и Косьмина. Еще через несколько лет в Токио один из ближайших сотрудников Куроки, Мори, делясь своими воспоминаниями о шанхайских событиях того времени, рассказал, что следующей жертвой политических убийц должен был быть генерал Косьмин.[202]) Остается непонятным, почему Косьмину готовилась участь Мецлера и Иванова. Он был правой рукой Куроки, одним из вдохновителей и организаторов убийств двух глав РЭКа. Не потому ли, что, несмотря на все протаскивания Куроки, ему все же не удалось попасть на пост главы русского Шанхая, или потому, что будучи своим человеком в «русском отделе» Куроки, он знал обо всем, что там делалось? Или просто потому ,что его пригодность пришла к концу.

Если убийство Мецлера своей неожиданностью ошеломило даже японские круги, в особенности японское генеральное консульство, то убийство Иванова не произвело на них особенного впечатления. Не появилось ни спешных пресс-конференций, ни неуклюжих объяснений, не оказалось личных столкновений относительно выбора очередного главы русской колонии. Дело не в том, что политические убийства могли стать привычным делом, а в том, что Японии было не до участи какого-

---

[202]) В разговоре с Ю. А. Черемшанским и автором летом 1955 г.

то эмигрантского общественного деятеля. Япония готовилась к большим событиям, и замена премьера Фумимаро Конойя генералом Хидеки Тоодзи означала, что появление их не за горами. Менее чем через два месяца после назначения Тоодзи на пост премьера, Япония, напав на Жемчужную Гавань на Гаваях, начала Тихоокеанскую войну.

Приписывать Куроки введение старой орфографии и возвращение к юлианскому календарю не приходится, для этого в эмигрантских недрах нашлись собственные ретрограды. Вряд ли Куроки задумывался и над заменой «африканских танцев прелестью мазурки», для этого тоже нашлись доморощенные пуритане. Роль Куроки сводилась к наивной и в то же время зловещей идее объединения российской эмиграции, что означало превращение ее в глухонемую массу, безропотно подчиненную «новому порядку». Для проведения в жизнь этой навязчивой японской идеи Куроки и подбирал себе соответствующие кадры из эмигрантской среды, но дальше Косьминыхъ, Савинцевых и подобных им не мог найти ничего лучше, как не могли в Тяньцзине подобрать лучше Пастухиных, Гутманов и Караевых.

Проводя Косьмина на пост председателя РЭК, Куроки должен был иметь к нему какое-то доверие и уверенность в его преданности. Вполне возможно, что в деле убийства Мецлера и Иванова Косьмин явился вдохновителем, подавшим идею, как легко, пользуясь славой Шанхая, как ареной чуть ли не ежедневных террористических актов, освободиться от нежелательных антияпонских общественных эмигрантских деятелей. Вполне возможно, что к делу убийства Мецлера и Иванова был привлечен небезызвестный в Шанхае Кожевников-Хованс, успевший совершенно самостоятельно между этими преступлениями организовать и провести убийство Мамонтова Рябченко. Люди, близко знавшие Хованса, рассказывали, что у него в квартире были частые совещания накануне убийств Мецлера и Иванова.

Если Куроки и был черным ангелом русского Шанхая, то надо признать, что он выполнял планы японского командования в отношении дальневосточной эмиграции. Можно еще поставить под вопрос степень его творческого начала в этом выполнении, но совершенно определенно заявить, что во всех его делах в русском Шанхае принимали участие не только советом, но и делом эмигрантские «гастролеры».

Дальнейшие манипуляции

Во время кампании против Н. А. Иванова на Вэйсайде на всякий случай был восстановлен отдел РЭК во главе с Н. К. Сережниковым. Это было понято в колонии, как подготовка к изменениям в составе РЭК. Так и вышло в действительности. После убийства Иванова Сережников был переведен в РЭК на Мульмейн род и назначен на пост временно исполняющего должность председателя.

Это было время наиболее сильного давления на русскую колонию. Тихоокеанская война была в самом разгаре, и хотя первый год ее принес Японии небывалые в ее истории успехи, напряжение сил уже остро чувствовалось в стране. Начав эту войну из честолюбивых расчетов на быстрое овладение всей восточной и юго-восточной Азии, Япония поставила на карту все, чтобы выиграть ее прежде, чем иссякнут силы и ресурсы страны. В планах японских военно-политических деятелей дальневосточная эмиграция являлась не каким-то посторонним телом, пребывавшим в планетарном пространстве, а частью целого. В соответствии с этим она должна была нести все тяжести и испытания войны наравне с японским народом. Еще со времени захвата Маньчжурии у японских властей по отношению к российской эмиграции появилось своеобразное чувство собственности.

Новое правление РЭК во главе с Сережниковым оказалось более подходящим для японских опекунов и более способным в деле внедрения «нового порядка» в толщу эмигрантской массы. Но результат этого рвения оказался совершенно неожиданным. Это внедрение не только еще больше углубило психологический раскол в эмиграции между ее про- и анти-тоталитарными фракциями, но и толкнуло некоторую часть ее искать покровительства и защиты в советском консульстве. Это было время, когда иностранная колония Шанхая полностью познакомилась с тупой, жестокой силой японской оккупации, когда в стяжавшей дурную славу тюрьме при жандармском управлении в Бридж Хауз истязали и пытали заключенных иностранцев. В соответствии с общей политикой оккупационных властей действовало и новое правление РЭК, применяя принуждения и угрозы, отказываясь выдавать паспорта тем, кого оно считало недостаточно преданными «новому порядку». По примеру Бюро п/д Российских Эмигрантов и Антикоммунистического Комитета РЭК пытался организовать парады «во славу

японского оружия» и проводить денежные поборы на военные цели, но ответом было увеличение очереди у дверей советского консульства.

Японские власти встревожились и поняли, что их ставленники принуждают эмигрантов — против желания и воли — выбирать советские паспорта. Они решили, что лучше убрать Сережникова, а на его место посадить другого, впервые придав этому назначению видимость выборов.

В среде крайне правых и прояпонски настроенных элементов, верных сторонников «нового порядка», назначенные выборы были приняты за чистую монету, хотя даже и тогда было ясно, что они будут разыграны по заранее разработанному плану.

В феврале 1943 года было созвано особое избирательное заседание РЭК, составленное из подобранных членов Комитета и особо приглашенных лиц. Среди последних выделялась группа из членов Русского Общественного Собрания во главе с А. Г. Чибуновским, и группа, состоявшая из членов бывшего СОРО, во главе которого одно время был генерал Глебов.

Присутствие этих групп подсказывало, что в «русском отделе» Куроки избрание Глебова уже было предрешено. На избирательное заседание РЭК не были приглашены представители таких прояпонских и пронацистских организаций, как Русский Фашистский Союз и Идеологический Центр: опекуны русской колонии не хотели оппозиции, чтобы не испортить эффекта единодушных выборов.

Против генерала Глебова были многие. Одни помнили его еще недавние гоминдановские симпатии и отказывались совместить их с готовностью служить японским интересам. Другие считали, что группа Чибуновского поддерживала Глебова из-за меркантильных соображений и тем только вредит не одному ему, но и всей шанхайской колонии.[203]) Третьи считали,

---

[203]) А. Г. Чибуновский, один из создателей Торговой Палаты и Русского Общества Взаимного Кредита, близко сошелся с майором Кание, главой Русского Отдела японской военной миссии и Куроки. При их содействии он изменил устав Общества Взаимного Кредита, переименовал его в Русский Банк и путем различных манипуляций оставил за собой контроль. Чибуновский щедро угощал Кание в Русском Клубе, председателем которого он состоял, за счет Русского Банка и по слухам выплачивал ему ежемесячно некоторую сумму за оказанную помощь. Поддержка генерала Глебова дала многое Чибуновскому. Его банк обогащал себя займами

группу Чибуновского и СОРО просоветскими и поэтому боялись их влияния на Глебова.

Некоторые организации, как Фашистский Союз, обойденные приглашением, объясняли задним числом, что не принимали участия в выборах на том основании, что согласно их понятию о «новом порядке» на выборах главы РЭК должны принимать участие организации, известные своей активной национальной работой и безоговорочной поддержкой этого «порядка». На выборах Глебова, указывали они, эти условия не были соблюдены. Чистота риз в приверженности к «новому порядку» не спасла РФС от удара по нему, когда японские власти запретили издание партийного органа «Наш Путь» и закрыли Союз.

Кандидатуру Глебова на псевдо-выборах выставил Сережников, поддержали ее Савинцев, глава Культурно-просветительного Отдела РЭК, и Чибуновский. Никакой оппозиции не оказалось: на всякий случай об этом было предупреждение русской колонии от Кание и Куроки через полицейского инспектора Шанхайской муниципальной полиции Ямагата.

Русский Шанхай отнесся пассивно к инсценировке выборов и перевыборов Глебова на следующий год. В городе наступило критическое положение, не было ни продуктов, ни угля. Из иностранных фирм, дававших работы эмигрантам, оставались только немецкие, да и те чувствовали кризис войны.

В этих тяжелых условиях ожидали окончания войны, связывая с ним переход к лучшим временам. Знали, что это окончание мало хорошего предвещало Японии. Но никто тогда еще не мог осознать размеров грандиозных потрясений в Азии и новых испытаний для российской дальневосточной эмиграции.

под высокие проценты и различными манипуляциями на черной бирже под прикрытием его японских покровителей. После окончания войны Чибуновский перешел в советский лагерь, вступив в Ассоциацию Советских Граждан и Общество Советских Инженеров и Техников. В 1948 году Чибуновский был избран председателем Ассоциации Советских Граждан в Шанхае, а затем репатрировался в Советский Союз.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Пройдет положенный срок, необходимый для создания исторической перспективы, и история многомиллионной российской эмиграции привлечет к себе пристальное внимание исследователей в России. Появятся увесистые томы, в беспристрастном освещении будут изучены причины и следствия этой самой большой и значительной эмиграции за все время существования мира. Но повествование о ней не будет повествованием о некогда появившихся и бесследно исчезнувших цивилизациях. О российской эмиграции будут говорить как о живом и все еще живущем организме, влившем здоровую творческую жизнь в жизнь народов тех стран, которые стали ее второй матерью.

Современники, наделенные обычной пристрастностью в оценке событий, в которых они принимали участие, и те, кто отравлен ядом политической нетерпимости — одинаково крайне-левых и крайне-правых источников — отнесутся с возможным предубеждением и неодобрением к попытке клинического изучения одной из российских эмигрантских групп, как это сделал Балакшин в книге «Финал в Китае».

Но возможно и то, что когда время сотрет жесткие шероховатости наших лет, «Финал в Китае» будет принят в ином свете и с иным интересом, как одна из первых стадий беспристрастного изучения наиболее трагической группы российской эмиграции.

Того же автора:

ПОВЕСТЬ О САН ФРАНЦИСКО
ВЕСНА НАД ФИЛМОРОМ
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕРВОЙ ЛЮБВИ
ПЛАНИРОВЩИКИ

«Планировщики» — сатира на зарубежный быт... Балакшин показал редкую жизненность своих героев, не в попытке «равняться по Гоголю», а скорее в доказательство, насколько вечна правда гения, глубоко чтимая им... Нельзя не залюбоваться речевой точностью всех его героев и чистотой рисунка портретов, живостью подмеченных подробностей...

Александра Мазурова, Русская Жизнь, Сан Франциско, 1956

Новый четвертый том носит несколько странное и мало привлекательное заглавие: Планировщики. Я понял, что на этот раз предо мною целостная общественно-психологическая сатира на русскую эмиграцию, сатира блистательная и остроумная, но односторонняя и жестокая. В своих рассказах, мне ранее знакомых, П. П. Балакшин не давал такой воли коварному «божку смеха». Создание обличительной карикатуры его не увлекало. Улыбка мефистофельская не была характерной для его выразительного лица.

Должен однако покаяться, что наперекор всем этим благоразумным и благочестивым соображениям, я сам с возрастающим умственным аппетитом прочел, поистине не отрываясь, Планировщиков... Разнообразие и жизненность комических фигур, очень обдуманно выведенных им на сцену, изумительны. Диалог везде увлекательный.

Проф. В. Сперанский, Русская Мысль, Париж, 1955

...Балакшин не скрывает, что именно гоголевские Мертвые Души, точнее сказать, правнуки их — герои его романа... Трудно оспаривать право автора на такое изображение или укорять его в несправедливости, так схожи его герои с действительностью.

Н. Армазов, Грани, Франкфурт, 1956

...Место действия... скорее всего похоже на довоенную Чехословакию. Нужно отдать должное таланту и техническому умению П. Балакшина, писателя опытного, автора трех томов рассказов и множества статей, — все выведенные им в Планировщиках герои, начиная с председателя Общества Зарубежья генерала Пушкарева, очерчены очень живо...

Ю. Терапиано, Новое Русское Слово, Нью Иорк, 1956

...Планировщики написаны очень талантливо и доставили мне большое удовольствие. Особенно Вам, по моему, удались люди: многие из них вышли чрезвычайно живыми и их речевые особенности прекрасны.

О замысле книги, конечно, можно судить по разному. Вы довели до крайности гоголевские условность и «неправдоподобие». Но замысел и план книги, как и отношение к людям, совершенно свободны, тут и спор был бы весьма затруднителен.

Иэ письма М. Алданова, Ницца, 1955

В ПРОДАЖЕ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО СИРИУС

Сан Франциско — Париж — Нью Иорк

Склад издательства: Georg Butow, Muenchen 5, Kohlstrasse 3 b, Germany